

Дневник
Е. А. Перетца
государственного
секретаря
(1880—1883)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. А. Перетц

Дневник (1880–1883)

| Издательский дом ДЕЛО |
Москва | 2018

УДК 82-94
ББК 63.3(2)51
П27

Перетц, Е. А.

П27 Дневник (1880–1883) / сост. и науч. ред. А. А. Белых. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-7749-1207-0

Дневник Е. А. Перетца относится к годам, когда он, будучи государственным секретарем, стоял ближе всего к правительственным верхам и был не только близким свидетелем, но и участником борьбы различных тенденций и группировок верховной власти. Поэтому его дневник за 1880–1883 годы — важнейший источник для изучения истории этих лет — исхода царствования Александра II и перехода власти к Александру III.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-7749-1207-0

- © В. А. Мау, вступительная статья, 2018
- © А. А. Белых, составление, вступительная статья, 2018
- © ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018

Оглавление

А. А. Белых, В. А. Мау. Что произошло
в России 8 марта 1881 года · 7
Егор Абрамович Перетц (1833–1899) · 10; Поворот
8 марта и его последствия · 24; О дневнике и его
издании · 45

ДНЕВНИК (1880–1883)
(часть материалов публикуется впервые)

1880 год · 57
1881 год · 124
1882 год · 279
1883 год · 346

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Е. Пресняков. Предисловие к изданию
1927 года · 351
Всепоподаннейшая записка статс-секретаря
П. А. Валуева · 363
Объяснительная записка П. А. Валуева к проекту
нового учреждения Государственного совета · 373
Письмо Е. А. Перетца о высочайшем выходе
(публикуется впервые) · 376
Письмо Е. А. Перетца о присяге Александру III
(публикуется впервые) · 377
Всепоподаннейший доклад М. Т. Лорис-Меликова
6 марта 1881 года · 380
Выдержки из дневника Д. А. Милютина · 387
1881 год · 387

Выдержки из дневника П. А. Валуева · 419

1877 год · 419; 1880 год · 420; 1881 год · 426

Граф М. Т. Лорис-Меликов (по воспоминаниям
А. Ф. Кони) · 442

Справочный материал · 474

Государственный совет · 474; Комитет министров · 476;

Совет министров · 477

Комментарии · 479

Список литературы · 488

Именной указатель · 491

Что произошло в России 8 марта 1881 года

И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей.

Геродот. История

В истории каждой страны есть события, которые надолго определяют ее развитие. С. Цвейг удачно, хотя и несколько пафосно, назвал их «звездными часами человечества». Обычно такие события — военные победы и поражения, революции, великие научные открытия, достижения деятелей культуры — остаются в народной памяти и известны каждому. Но бывает и по-другому. Одно из важнейших событий в истории России — состоявшееся 8 марта 1881 г. заседание Совета министров под председательством царя Александра III, на котором фактически была отвергнута идея народного представительства в России, во многом задало развитие страны. Однако об этом известно только узкому кругу специалистов. Наиболее подробное и исторически достоверное описание этого события дал в издаваемом нами дневнике Е. А. Перетц, государственный секретарь и непосредственный участник как самого заседания, так и всех предшествующих и последовавших за ним событий.

Сама идея создания выборного органа, который мог бы играть в России законодательную роль, не была новой. Ее выдвигал еще в 1809 г. М. М. Сперанский, предлагавший создать четырехступенчатую систему — волостные, окружные, губернские думы и государственную думу*. Воплотить эту идею в жизнь

* *Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов // *М. М. Сперанский. О коренных законах государства.* М.: Эксмо, 2015. С. 218–221.

не удалось, а самого Сперанского ждала опала и ссылка. Вполне естественно, что мысли о выборных законодательных органах вновь возникли в ходе реформ Александра II. Отмена крепостного права, создание земства, судебная реформа — за всем этим вполне логично могло последовать и возникновение представительного органа. Подробнее об истории вопроса будет рассказано ниже, а сейчас отметим, что в начале 1881 г. уже был готов достаточно разработанный проект министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, который впоследствии не вполне точно получил название «конституция». Согласно этой «конституции», при Государственном совете создавалась новая структура — Комиссия, состоявшая из выбранных губерниями и столицами представителей и обладавшая некоторыми законодательными функциями.

Утром 1 марта 1881 г. Александр II утвердил текст правительственного сообщения о созыве Комиссии и распорядился провести окончательное обсуждение проекта Лорис-Меликова в Совете министров 4 марта. После этого Александр II собрался поехать в Манеж* и принять участие в разводе караулов. По воспоминаниям княгини Юрьевской, к тому времени законной жены императора, Лорис-Меликов накануне просил царя оставаться в Зимнем дворце и несколько дней не выезжать**. Хотя 27 февраля был арестован народоволец Андрей Желябов, организатор очередного покушения на Александра II, опасность, по мнению министра, сохранялась. Царь, однако, не внял этой просьбе и поехал в Манеж. При выезде его сопровождала обычная небольшая охрана.

Обычно из Манежа царь возвращался по стандартному маршруту — по Малой Садовой улице на

* Сейчас это здание называется Михайловским манежем (не путать с выставочным залом «Манеж», который находится на Исаакиевской площади).

** *Laferte V. Alexandre II: détails inédits sur sa vie intime et sa mort.* Paris: [Bâle; Genève; Lyon, H. Georg], 1882. P. 23. Эта книга, фактически мемуары княгини Юрьевской, доступна на сайте РГБ: <http://search.rsl.ru/ru/record/01004445042>.

Невский проспект, затем на Дворцовую площадь. В тот день остававшаяся на свободе любовница Желябова Софья Перовская расставила четырех террористов, вооруженных бомбами, которые накануне изготовил Николай Кибальчич, на углу Малой Садовой и Невского проспекта. Однако царь изменил привычный маршрут и из Манежа ненадолго заехал в Михайловский дворец*. Оттуда в Зимний дворец было удобно проехать по Инженерной улице, а затем по набережной Екатерининского канала**. Не очень понятно, как Перовская смогла быстро узнать об этом и изменить прежний план, но она оперативно переместила своих людей на набережную канала (расстояние по короткой дороге составляет 1 км 200 м)***.

Когда царь выехал на набережную канала, первый террорист, Николай Рысаков, бросил бомбу, но царь не пострадал. Вместо того чтобы быстро уехать

* Сейчас в этом здании располагается Русский музей.

** В настоящее время — канал Грибоедова.

*** Историки пишут о феноменальном присутствии духа у Перовской, следуя воспоминаниям В. Фигнер: «Перовская выказала полное самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно, будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который она даст» (Фигнер В. Н. Софья Перовская (1854–1881) // Былое. 1918. № 4–5. С. 8). Но существует и конспирологическая версия, согласно которой Перовскую «втемную» использовали участники заговора против Александра II, недовольные его либеральной политикой. В принципе существовала группа народолюбцев, следивших за перемещением царя, но точность и скорость действий Перовской наводит на мысль, что у нее мог быть информатор, действовавший по указаниям заговорщиков. Еще одна неясность — в доме № 8 по Малой Садовой двое революционеров снимали сырную лавку, в которой хранился динамит (сейчас на этом месте — на углу с Невским проспектом — находится знаменитый Елисеевский магазин). В лавке незадолго до 1 марта жандармы проводили обыск, но, как ни странно, ничего не нашли. Впрочем, в России головотяпство и заговор всегда было достаточно сложно различить. Вспомним также знаменитую фразу П. А. Милюкова, произнесенную в Государственной думе 1 ноября 1916 г.: «Что это, глупость или измена?».

во дворец, он подошел к Рысакову и сказал охране: «Слава Богу, я жив». Рысаков дерзко ответил: «Еще слава ли Богу!» В это время второй террорист, Игнатий Гриневицкий, подошел к царю и бросил вторую бомбу, под ноги себе и царю. Александра II, смертельно раненого, увезли в Зимний дворец, где он в тот же день скончался.

В России началась новая эпоха, хотя, возможно, в те дни об этом никто не догадывался. Позднее, уже в XX веке, А. Блок в поэме «Возмездие» назвал 1 марта последним днем века:

...Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта.
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта*.

Переход к этой новой эпохе лучше всего запечатлел Егор Абрамович Перетц, дневник которого у вас в руках. Но прежде чем анализировать произошедшие события и давать оценку самому дневнику, надо рассказать о его авторе.

Егор Абрамович Перетц (1833–1899)

Начнем с краткой истории семьи. Отец, Абрам Израилевич Перетц (18 (29) мая 1771 г. — 28 июня (10 июля) 1833 г.), был известным общественным деятелем, откупщиком, подрядчиком и поставщиком армии и флота. Абрам Перетц, сын раввина из города Любартов (Люблинское воеводство, Польша), в 16 лет женился на Саре, дочери Йошуа Цейтлина (1742–1821), специалиста по Талмуду, крупного купца и управляющего светлейшего князя Г.А. Потёмкина*.

* По воле Потёмкина Цейтлин получил титул надворного

В 1890 г. у Абрама и Сары родился сын Гирш (Григорий).

Безусловно, дружба с Цейтлиным помогла Перетцу войти в придворные круги и стать крупным предпринимателем. В 1799 г. совместно с херсонским купцом Николаем Штиглицем* он заключил контракт с правительством на откуп крымской соли, в связи с чем в Петербурге появилась поговорка «Где соль, там и Перетц». 4 марта 1801 г. Павел I пожаловал ему звание коммерции советника. Дом, в котором Перетц жил с 1802 по 1816 г., находился на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы — это одно из самых престижных мест в Петербурге. Перетц был дружен с фаворитом Павла I графом И. П. Кутайсовым.

Будущий министр финансов Е. Ф. Канкрин в начале своей карьеры работал у Перетца бухгалтером, а затем секретарем**. Видный реформатор М. М. Сперанский некоторое время жил в доме Перетца. Известный администратор и литератор К. А. Скальковский писал: «Перетц был приятелем Сперанского, в обширных финансовых знаниях Перетца Сперанский почерпал практические сведения, которыми не обладал»***. В литературе встречаются и более высокие, хотя и не бесспорные, оценки степени влияния Перетца на Сперанского. Так, утверждается, что финансовая реформа 1810–1812 гг. во многом была обяза-

советника и имение Устье в Могилевской губернии с 910 душами крепостных.

* Николай Штиглиц — брат Людвиг Штиглица, известного придворного банкира, барона, мецената.

** Канкрин Е. Ф. // Википедия. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Канкрин,_Егор_Францевич. См. также: *Перетц В. Н., Перетц Л. Н.* Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биографический очерк. Документы. Л.: АН СССР, 1926. С. 10. «Бывают странные сближенья», — сказал поэт. В настоящее время готовится к изданию сборник работ Канкрин — в новой серии «Министры финансов России».

*** *Скальковский К. А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. С. 427. Об этом также подробнее см.: *Берлин П.* Банкир Перетц // Новый восход. 1913. № 1. Стлб. 45–48.

на своим успехом «наставлениям банкира Перетца» и что он разработал основной ее план*.

Во время Отечественной войны 1812 г. Перетц вложил все свое состояние в организацию продовольственного снабжения русской армии; однако казна задерживала платежи, и в 1816 г. он вынужден был объявить себя банкротом. Снова процитируем Скальковского: «Имущество еврея Перетца было продано за 1½ милл., и он разорен, хотя имел претензий против казны, еще не рассмотренных, более чем на 4 милл., между тем Перетцу в 1812 и 1813 гг. наша армия обязана главным образом своим продовольствием»**. Заметим, что хорошо знакомый Перетцу Канкрин в 1811 г. был помощником генерал-провиантмейстера, в 1812 г. стал генерал-интендантом 1-й армии, а в 1813 г. был назначен генерал-интендантом действующей русской армии. Несомненно, это дополнительно способствовало активному участию Перетца в поставках продовольствия.

К сожалению, Абрам Перетц оказался не первым и не последним предпринимателем, который понадеялся на честность и обязательность государственных структур в коммерческих делах — и жестоко ошибся. Возможно, частично 42-летнего Перетца утешила новая любовь*** — в 1813 г. он принимает лютеранство**** и вскоре вступает во второй брак — с 23-летней немкой Каролиной де Сомбр (11.02.1790–9.10.1853)*****.

* Краткая еврейская энциклопедия: в 11 т. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин; Еврейский университет в Иерусалиме, 1992. Кол. 395–396.

** Скальковский К. А. Указ. соч. С. 426–427.

*** К этому времени его первая жена Сара умерла.

**** См.: Бердников Л. Острый Перетц // Лехаим. 2008. № 4. См.: <http://www.lechaim.ru/ARCHIV/192/BERDNIKOV.htm>. По законам Российской империи иудей не мог вступить в законный брак с христианкой.

***** Перетц Абрам // Еврейская энциклопедия. Т. 12. Репринтное воспроизведение издания Общества для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз—Ефрон. М.: ТЕРРА—TERRA, 1991. С. 394. Странно, что в этой статье Е. А. Перетц

Интересно, что Й.Цейтлин не рвал связи с бывшим зятем даже после его крещения и второй женитьбы. Он не только упомянул Абрама в завещании, но и признал за ним право приобретения своего имения Устье. Именно в этом имении получил воспитание первый сын Абрама Григорий. В начале 1820-х гг. финансовое положение Перетца несколько исправилось благодаря наследству умершего в 1821 г. Цейтлина, и он возобновил коммерческую деятельность*.

Безусловно, тяжелым ударом для семьи стали печальные события в жизни сына Григория. В 1820 г. он был принят в тайную организацию, примыкавшую к Союзу благоденствия. По его предложению паролем организации стало слово «херут» («свобода» на иврите). Несмотря на то что в 1822 г. Григорий отошел от общества, после подавления восстания декабристов он был осужден на пожизненную ссылку и лишь в конце 1840-х гг. получил разрешение поселиться в Одессе**.

Егор Абрамович Перетц родился 25 января 1833 г. Его отец умер всего через несколько месяцев после рождения сына. Либеральные традиции семьи и судьба старшего брата, несомненно, повлияли на мировоззрение будущего государственного деятеля. Он получил хорошее домашнее образование, а затем учился в петербургской гимназии, что позволило ему успешно поступить на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, который он окончил в 1854 г. После университета Перетц начал успешную карьеру государственного чиновника — последовательность его должностей может служить иллюстрацией к Табели о рангах***.

назван внуком А. И. Перетца. Эта ошибка перекочевала в статью об Абраме Перетце в русскоязычной Википедии.

* Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3 т. Т. II. Девятнадцатый век. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 148.

** Подробнее см.: *Перетц В. Н., Перетц Л. Н.* Указ. соч.

*** О карьере и деятельности Е. А. Перетца подробнее см.: *Шиллов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи.

- 20.01.1855 — причислен ко II отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, сверх штата с чином коллежского секретаря (10-й чин).
- 29.02.1856 — назначен младшим чиновником отделения.
- 26.08.1856 — титулярный советник (9-й чин).
- 17.05.1858 — коллежский асессор (8-й чин).
- 17.05.1861 — надворный советник (7-й чин).
- 27.12.1862 — коллежский советник (6-й чин).
- 19.04.1864 — статский советник (5-й чин).
- 17.04.1867 — действительный статский советник (4-й чин).
- 01.01.1871 — тайный советник (3-й чин).
- 01.01.1872 — статс-секретарь Его Императорского Величества.
- 07.07.1878 — назначен государственным секретарем*.
- 01.01.1883 — действительный тайный советник (2-й чин), в тот же день уволен с должности государственного секретаря и назначен членом Государственного совета по департаменту законов. В этой должности находился до самой смерти в 1899 г.

За этими сухими данными о датах назначений и новых должностях стоит активная деятельность Перетца. Начав с должности младшего чиновника, он успешно продвигался по служебной линии, ему довелось управлять корреспонденцией 2-го отделения, быть делопроизводителем Комитета для рассмотрения проекта нового «Воинского устава о наказани-

Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002. С. 562–564.

* Чтобы читателю были понятнее некоторые обстоятельства деятельности Перетца и соответствующие страницы его дневника, в Приложении приведен справочный материал о ряде государственных структур Российской империи, в частности о Государственном совете. См. с. 473 настоящего издания.

ях», членом Комитета для надзора за типографией отделения. В 1862 г. Перетц был назначен членом учрежденной при Государственном совете Комиссии для составления судебных уставов, занимавшейся подготовкой судебной реформы. В июне — августе 1862 г. Перетц в служебной командировке изучал зарубежный опыт функционирования судебной системы*. Работа Перетца по подготовке судебной реформы была отмечена в 1864 г. орденом Святого Владимира III степени.

В 1865 г. Перетц становится старшим чиновником Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Он работал в техническом комитете департамента неокладных сборов Министерства финансов, в Особой комиссии А. А. Непокойчицкого по разработке «Воинского устава о наказаниях», в Комитете для рассмотрения проекта «Военно-судебного устава» во главе с великим князем Константином Николаевичем, в Комиссии для рассмотрения предложений о преобразовании тюремной части, в Комиссии Д. М. Сольского для рассмотрения проектов новых положений и штатов учреждений Кавказского наместничества, в Комиссии А. Б. Лобанова-Ростовского для разработки и составления проекта закона о некоторых гражданских правах раскольников и др. За замечания к проекту «Военно-судебного устава» Перетц удостоился в 1867 г. особого благоволения Александра II.

1 января 1869 г. Перетц был переведен на службу в Государственную канцелярию на должность исполняющего обязанности статс-секретаря департамента законов. Он отличился в Комиссии С. Н. Урусова для рассмотрения проектов положений о городском общественном управлении и хозяйстве, заслужив еще одну высочайшую благодарность. 1 января 1871 г. Перетц был утвержден статс-секретарем департамента законов Государственного совета и произведен в тай-

* В какую страну Перетц был командирован, установить не удалось.

ные советники. Через год, 1 января 1872 г., он стал статс-секретарем Его Императорского Величества. В том же году он был назначен членом Комиссии А. Е. Тимашева о применении нового «Городского положения» к городам западных губерний. С 1873 г. Перетц управлял делами Особого присутствия по воинской повинности.

Эффективная работа Перетца в различных государственных структурах была оценена должным образом. Определением Правительствующего Сената от 24 января 1873 г. было утверждено постановление С.-Петербургского дворянского депутатского собрания от 21 декабря 1872 г. о внесении в третью часть дворянской родословной книги тайного советника Егора Абрамовича Перетца, с женой его Софьей Александровной*, сыном Александром-Георгием и дочерью Марией, по личным его заслугам. За работу по рассмотрению законов о всеобщей воинской повинности Перетц был награжден в 1874 г. орденом Святой Анны I степени.

Впоследствии Перетц был членом Комиссии по введению ипотечной системы при Министерстве юстиции и Особого совещания во главе с Ф. П. Литке по вопросу обеспечения семейств убитых, раненых и без вести пропавших воинских чинов. Он оставил о себе впечатление самого деятельного сотрудника тогдашнего государственного секретаря Д. М. Сольского, которого три с половиной месяца замещал в 1875 г. во время отпуска. Когда 7 июля 1878 г. Сольский был назначен государственным контролером, обязанности государственного секретаря были возложены на Е. А. Перетца. Это была одна из наиболее важных должностей в административном аппарате империи. Напомним, что при создании Государственного совета в 1810 г.**

* Перетц был женат на своей племяннице, Софье Александровне Гревениц — дочери сестры.

** Предшественником Государственного совета был Непременный совет, созданный в 1801 г., в связи с чем заседание Государственного совета, посвященное его 100-летней годовщине,

первым государственным секретарем был М. М. Сперанский.

Параллельно с продвижением по карьерной лестнице улучшалось и материальное положение Перетца. В 1865 г. он получал 2900 руб. в год, в 1867 г. ему было назначено дополнительное жалованье 800 руб. в год, а также квартирные деньги — 1000 руб. в год. После назначения государственным секретарем, 22 июля 1878 г. его содержание было определено в размере 12 тыс. руб. в год, с сохранением дополнительного оклада в 800 руб.

Помимо постоянных работ по организации делопроизводства Государственного совета, за которое отвечала Государственная канцелярия, в том числе обеспечения работы образованной незадолго до того Комиссии о преобразовании тюремной части и появившейся в октябре Комиссии о введении мировых судебных установлений в прибалтийских губерниях, Перетц стал председателем Комиссии для предварительного соображения по проекту положения об офицерах и чиновниках военного и военно-морского запаса.

Наиболее важной для Перетца была задача упорядочения работы Государственного совета. Он старался добиться того, чтобы все вопросы, имеющие законодательный характер, проходили обсуждение в Совете. Конечно, формальным и реальным законодателем был только сам император. Министры в принципе могли напрямую обращаться к государю, и его резолюция на их докладах становилась законом. Однако Перетц успешно боролся с такой практикой. «Будучи точным исполнителем высочайших предубаждений, Е. А. Перетц всегда стоял на страже интересов Государственного совета и иногда по собственному почину принимал на себя охрану традиций этого высокого учреждения, рискуя даже своим

состоялось в 1901 г. Именно это заседание изображено на известной картине И. Репина.

вмешательством навлечь на себя неудовольствие государя»*. Приведем характерный пример.

В апреле 1880 г. Александр II по ходатайству министра императорского двора графа А. В. Адлерберга изъявил свое согласие на назначение бывшего директора Императорских театров барона К. К. Кистера членом Государственного совета. Узнав об этом, Е. А. Перетц немедленно послал великому князю Константину Николаевичу докладную записку, которую имеет смысл привести полностью:

«Получив от вашего императорского высочества сообщенное графом Адлербергом Высочайшее повеление о назначении барона Кистера членом Государственного совета, с оставлением его управляющим контролем и кассой Министерства Императорского двора, я немедленно распорядился заготовлением исполнительных бумаг, которые будут представлены вашему высочеству завтра утром.

Между тем считаю долгом совести почтительнейше обратить внимание Ваше на то, что назначение барона Кистера членом Совета, с оставлением в нынешней административной его должности, прямо подчиненной министру, будет в истории Государственного совета первым примером совмещения обязанностей по месту зависимому с званием члена высшего в империи учреждения, которое, по мысли Августейшего его основателя, должно было состоять исключительно из людей вполне самостоятельных. До сих пор этот принцип охранялся строго: лица, занимавшие второстепенные административные должности, с назначением их в члены Государственного совета всегда увольнялись от прежних должностей. Отступление от сего коренного начала, которого неуклонно держались три монарха, могло бы послужить опасным прецедентом. В военном ведомстве главными управлениями заведывают лица, в высшей степени почтенные и заслуженные, причем некото-

* Государственная канцелярия 1810–1910 / составлено в Государственной канцелярии. СПб., 1910. С. 310.

рые из них даже андреевские кавалеры (граф Гейден и Баранцев), и несмотря на то, они по принципу не были членами Государственного совета. Если же будет допущено отступление для барона Кистера, то не будет уже основания к неназначению их в Совет; затем, — как всегда и везде, — одно изъятие повлечет за собою другое, и, таким образом, мало-помалу, достоинство Государственного совета, пользовавшегося доселе столь высоким значением, много пострадало бы, и Совет обратился бы в учреждение, вовсе не соответствующее ни преданиям его, ни важности тех дел, обсуждение которых на него возложено законом.

Простите, ваше императорское высочество, эти откровенные объяснения, быть может, даже неуместные. Но я считал бы, со своей стороны, упущением по должности, если бы не доложил Вам о сомнениях, представляющихся мне по столь важному для будущности Совета вопросу (18 апреля 1880 г.)»*.

При всей формальной почтительности записки Перетца в ней чувствуется четкая логика и жесткая позиция. Неудивительно, что председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич сразу переслал эту записку императору с таким комментарием: «Вчера вечером я получил от графа А. В. Адлерберга отношение о назначении барона Кистера членом Государственного совета, с оставлением его в теперешних его должностях. Я тотчас послал это отношение в Государственную канцелярию, для изготовления исполнительных бумаг. Сегодня утром получил от государственного секретаря прилагаемую докладную записку. Соображения, в ней заключающиеся, нахожу столь важными, что считаю своим долгом тебе эту записку представить на прочтение, прибавив к этому, что, со своей стороны, вполне разделяю их (19 апреля)». Записка была возвращена великому князю Константину Ни-

* Там же. С. 310–312.

колаевичу с пометою Александра II: «Замечание это справедливо, и потому Я отменяю его назначение, а даю ему звание статс-секретаря»*.

Этот случай не был единичным — в публикуемом дневнике приведен разговор с Лорис-Меликовым на аналогичную тему**. Перетц придавал большое значение деятельности Государственного совета и, по отзывам современников, поддерживал делопроизводство на высоком уровне. Благодаря этому он пользовался уважением и доверием как императора Александра II, так и председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича.

Как известно, даже квалифицированное и творческое исполнение своих обязанностей вовсе не гарантирует расположения руководства. После вступления на престол императора Александра III сначала был уволен с должности председателя Государственного совета великий князь Константин Николаевич (1 июля 1881 г.), а через некоторое время, 1 января 1883 г., настала очередь Перетца. Об этих событиях мы подробнее расскажем в следующем разделе нашей статьи.

Хотя Перетц фактически был уволен государем, внешне все приличия были полностью соблюдены. Его назначили членом Государственного совета с сохранением звания статс-секретаря императора. Новый государственный секретарь А. А. Половцов согласовал с министром финансов Н. Х. Бунге сохранение ранее получаемого Перетцем оклада в сумме 12800 руб. в год (естественно, это было не личной инициативой Половцова, но распространенной практикой при отставке высших должностных лиц и назначении их в Государственный совет). Перетцу также выделялись средства на аренду жилья. Еще в 1873 г. была согласована выплата на аренду в размере 2000 руб. в год на 12 лет, с 1 апреля 1885 г. — 3000 руб. в год на 4 года, затем 13 марта 1889 г.,

* Государственная канцелярия 1810–1910. С. 312.

** См. с. 113 настоящего издания.

15 марта 1893 г. и 24 марта 1897 г. аренда регулярно продлевалась на четыре года*.

Несмотря на то что формально Перетц сохранил высокое положение, у современного исследователя возникает отчетливое ощущение не просто отставки, а некоторой опалы. Это заметно даже по материалам энциклопедических изданий. То, что Перетц не попал в Еврейскую энциклопедию, вполне понятно — его мать была немка, сам он по вероисповеданию — лютеранин. Но то, что о нем нет отдельной статьи в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, — по меньшей мере странно. Более того, в достаточно официальном «Альманахе современных русских государственных деятелей», изданном в 1897 г., статья о Перетце есть, однако в ней даже не упоминается, что он был государственным секретарем**. Между тем это была самая высокая должность в его карьере.

О годах жизни Перетца после его ухода с поста государственного секретаря известно не очень много. Мы знаем, впрочем, что в 1882 г. он купил за 35 620 руб. мызу Приютино с 331 десятиной земли (около 361 гектара). В прошлом это была усадьба А. Н. Оленина, президента Академии художеств и первого директора Публичной библиотеки***. На 1889 г. в имении числилось 15 лошадей, 46 коров и три быка. Хозяйство, за 1320 рублей в год, вел управляющий с двумя помощниками. Двухэтажная дача из семи комнат и кухни сдавалась в аренду за 200 рублей в год. Перетц использовал Приютино как летнюю дачу для себя и семьи и никаких изменений в имении не вводил. В 1897 г. он продал мызу М. Краузе, но уже за 55 000 руб. По-видимому, в целом в эти годы Перетц был финансово не-

* См. *Шолов Д. Н.* Указ. соч. С. 564.

** Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С. 62–63.

*** При Оленине площадь усадьбы была вдвое больше. В усадьбе бывали А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский, А. Мицкевич, И. А. Крылов. В Приютине Н. И. Гнедич работал над переводом «Илиады». Сейчас в усадьбе располагается небольшой музей.

плохо обеспечен, кроме того, 14 мая 1896 г. его содержание было увеличено до 16 000 руб. в год.

Известно также, что на склоне лет он занимался благотворительностью. По инициативе Перетца и его супруги было учреждено Попечительское общество о доме трудолюбия для детей-подростков [в Галерной гавани]. Устав общества был утвержден 20 сентября 1897 г., оно находилось в ведении Попечительства о трудовой помощи*. Перетц был также председателем совета Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых.

Но главным полем деятельности для Перетца все же оставалась государственная служба. В Государственном совете он был назначен в департамент законов и на протяжении последующих 16 лет являлся одним из самых активных его членов. В 1885–1886 гг. он был председателем Комиссии для окончательной разработки положения об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных краях империи. В 1889 г. участвовал в рассмотрении дела об ответственности бывшего министра путей сообщения К. Н. Посьета и барона К. Г. Шернвалья за крушение императорского поезда в Борках.

С 1895 г. до конца жизни Перетц возглавлял Комиссию для пересмотра Устава о службе гражданской и других, относящихся до сей службы постановлений**. В то время консерваторы пытались восстановить монополию дворянства на государственные должности, мотивируя это тем, что представители других слоев населения политически неблагонадежны. Вопрос рассматривался достаточно долго, и, хотя в Комиссию входили и консервативно настроенные члены, ее

* Попечительное общество о доме трудолюбия для детей-подростков // Энциклопедия благотворительности. Санкт-Петербург. См.: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2830272796>.

** Дискуссии о правах доступа к государственной службе и о деятельности Комиссии Перетца достаточно подробно рассмотрены в: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1973. С. 360–377.

вердикт был достаточно либеральным — предлагалось «ограничиться одним общим для всех образовательным цензом»*. Иными словами, чтобы занять государственную должность, по мнению Комиссии, достаточно было быть образованным человеком. В итоговом представлении Комиссии в Государственный совет говорилось: «Нельзя с точки зрения понятий отвлеченных и отчасти предвзятых делить подданных государства на более и менее достойных службы государю и отечеству. Устанавливаемые с такой целью перегородки и рамки оказываются всегда искусственными и не соответствующими действительным потребностям жизни, а потому вредными»**. Несомненно, председатель Комиссии Перетц сыграл значительную роль в том, что она заняла именно такую позицию.

Е. А. Перетц скончался 19 февраля 1899 г. Похоронен он был на Волковском лютеранском кладбище в Петербурге, там же, где покоился его отец и другие члены семьи. Вспоминая о своем преемнике по случаю его кончины, Д. М. Сольский*** на заседании Соединенных департаментов Государственного совета сказал, что «одаренный светлым умом и блестящими природными дарованиями, статс-секретарь Перетц являл собою пример государственного деятеля, беззаветно преданного долгу и чести. Стойкий в своих убеждениях, он смело их высказывал, искусно защищал и, при богатом запасе знаний и деловом опыте, существенно содействовал усовершенствованию нашего законодательства при знаменательных преобразованиях в государственном и общественном строе России. В памятную эпоху разработки судебной реформы ему было поручено начертание Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Устав этот остается памятником его талантливому перу и верно-

* Там же. С. 371.

** Там же. С. 370.

*** Сольский Д. М. (1833–1910) был предшественником Перетца на посту секретаря Государственного совета (с 1867 по 1878 г., а впоследствии был председателем Государственного совета (август 1905 — май 1906).

го понимания законодательной задачи». Николай II на мемории Государственного совета собственноручно написал: «Всецело присоединяюсь ко всему высказанному о заслугах безвременно скончавшегося статс-секретаря Перетца»*.

Современный историк дает Перетцу еще более восторженную оценку: «Он был одним из разработчиков судебной реформы, военной реформы, реформы городского управления. В немалой степени благодаря ему в России до 1918 г. действовали великолепные, гласные, независимые суды. В немалой степени благодаря ему (и Милютину) русская армия выиграла Балканскую войну 1877–1878 гг. В немалой степени благодаря ему население городов России получило возможность избирать городскую администрацию»**.

Несмотря на все свои заслуги, Перетц вошел в историю прежде всего как автор дневника, в котором наиболее полно отразилась ситуация в высших слоях российской бюрократии в тот период, когда он был государственным секретарем. Вернемся к событиям марта 1881 г. и их предыстории.

Поворот 8 марта и его последствия

К концу 1870-х гг. в стране сложилась непростая социально-экономическая ситуация. Ранее, параллельно с великими политическими и административными реформами Александра II, попытались провести в жизнь и экономические реформы — прежде всего бюджетно-финансовую, денежную и налоговую. В 1862 г. было принято решение о ежегодной публикации государственного бюджета — Росписи государственных доходов и расходов. Важным шагом стало

* Михайловский М. Г. Государственные секретари. Государственный совет Российской империи. Е. А. Перетц // Вестник Совета Федерации. 2008. № 2. С. 38.

** Елисеев Н. Л. Будущее прошлого // Пригород. 2016. № 12. См.: http://www.vprigorode.ru/magazine/12_2016/budushchye_proshlogo.

введение государственного контроля, который получил право внезапных ревизий кассовых и фактических расходов бюджетных средств, а также эффективности этих расходов. Ведомства потеряли право на собственные источники доходов и на испрашивание непосредственно у императора (минуя Министерство финансов) сметы на дополнительные («чрезвычайные») расходы.

В дальнейшем были сделаны шаги по оздоровлению бюджетной политики в направлении сокращения бюджетного дефицита и его эмиссионного покрытия. Среди прочего были приняты меры, чтобы обеспечить единство кассы, упорядочить доходную базу бюджета с помощью налоговой реформы. Предполагалось создание крупного разменного металлического фонда и введение свободного размена бумажных денег на металлические (золото и серебро). В налоговой области предполагалось перейти от словесных податей к всесловной системе подоходного налога.

Но как раз денежно-финансовые реформы были наименее успешными из всех преобразований царствования Александра II. Сложное внутри- и внешнеполитическое положение не позволило последовательно осуществить политику финансового и денежного оздоровления. Деньги были нужны то на обеспечение политической лояльности высших классов, то на умиротворение недовольства крестьян, то на подавление восстания в Польше, то на военные действия на Балканах. В общем, не удалось ни накопить необходимые для устойчивости денежной системы металлические резервы, ни сбалансировать бюджет.

К концу правления Александра II противоречие между политическими и экономическими реформами становилось все более заметным. Политические реформы без экономического оздоровления, без значимого экономического роста, обеспечивающего общий подъем благосостояния, оказывались не-

устойчивыми, подверженными колебаниям внутри-политической конъюнктуры.

Но необходимость политических реформ ощущалась практически сразу после отмены крепостного права. Еще в 1863 г. П. А. Валуев, в то время министр внутренних дел, подготовил записку Александру II, в которой предлагал привлечь выборных лиц в состав Государственного совета*. Валуев также разработал «Проект нового учреждения Государственного совета» — обширный документ, в соответствии с которым действующий порядок был бы изменен**. При совете учреждался бы Съезд государственных гласных, в который входили бы представители земства и сословий из всех частей империи, кроме Финляндии и Польши, в количестве от одного до трех человек от губернии. От столиц и крупных городов были бы отдельные выборные. В общем собрании Государственного совета должны были присутствовать и участвовать в обсуждении и голосовании 16 представителей Съезда гласных, избираемых заново по каждому делу. При этом, разумеется, Валуев вовсе не посягал на прерогативы самодержавия. Сам Государственный совет оставался бы по-прежнему лишь законосовещательным органом, участие выборных строго регламентировалось и не могло бы существенно повлиять на деятельность совета.

Валуев подал свою записку Александру II 13 апреля 1863 г. и предложил опубликовать ее положения уже 17 апреля. Но 14 апреля записка была возвращена Валуеву с резолюцией государя: «Предположения эти так важны и требуют столь зрелого обсуждения, что я сомневаюсь, чтобы мы успели прийти к какому-либо заключению в одно совещание. Я, однако, вас соберу завтра в 11 часов. Всем прочим дам знать

* *Германьский К. Л.* «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Кн. 9. Ноябрь. С. 225–233. См. с. 363–372 настоящего издания.

** Там же. С. 235–269.

от себя»*. Совещание, представлявшее по существу заседание Совета министров, действительно состоялось 15 апреля. Большинство участников выступило против предложения Валуева**. Поэтому «государь ввиду большинства решил, что теперь ничего не следует делать»***. Аналогичная судьба была и у проекта изменения Государственного совета — в конце 1863 г. Александр II возвратил проект его автору****. Понятно, что при всех последующих обсуждениях тех или иных проектов создания выборного представительства позиция Валуева во многом определялась его негативным опытом и тем, что все последующие предложения были по сути менее либеральными.

Новую попытку создать в России выборное представительство предпринял великий князь Константин Николаевич. С описания этого эпизода начинается публикуемый дневник Перетца. «В 1867 году, т.е. почти тринадцать лет тому назад, я представил государю записку, составленную мною вчерне в Орианде и потом разработанную по моим указаниям С. Н. Урусовым, тогдашним государственным секретарем. Записка эта имела целью привлечение, в скромном виде, сил общественных к делу государственного управления»*****. Сама записка Константина Николаевича и тот ее переделанный вариант, который подготовил по его просьбе Перетц в 1880 г., публикуются в настоящем издании. Очевидно, что в ней не содержалось попыток внести существен-

* См.: *Берманьский К. Л.* Указ. соч. С. 233.

** К. Л. Берманьский, опубликовавший документы Валуева, ошибочно утверждает, что совещание одобрило записку (Там же).

*** *Валуев П. А.* Дневник: 1877–1884 / ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского, П. Е. Щеголева. Пг.: Былое, 1919. С. 219.

**** *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М.: МГУ, 1964. С. 127.

***** См. с. 57 настоящего издания. Современные историки датируют подачу записки Константина Николаевича 1866-м, а не 1867 г. О записке князя, датированной 1866 г., пишет в своем дневнике Валуев. Подвела ли память великого князя или это ошибка историков, нам неясно.

ные изменения в действующий порядок. Но записке не был дан ход: очевидно, что в то время Александр II не был готов даже к таким изменениям.

Однако в конце 1870-х гг. в связи с экономическими и политическими затруднениями в правящих кругах возникают настроения в пользу перемен. Валуев 14 декабря 1879 г. записывает в своем дневнике: «В прошлый понедельник, 10-го, при моем докладе представился удобный случай высказать государю все, что по поводу нынешнего положения дел желалось высказать. Все было высказано с жаром и резко. Доказательством служит разрешение вновь представить мою записку 13 апреля 1863 г. о преобразовании Государственного совета. Увидим, что будет далее». Затем следует продолжение: «Цесаревич присутствовал и слушал молча. Его впечатлений я не вычитал на его лице»*. Это молчание наследника, будущего императора Александра III, многое объясняет в последующих событиях.

Записки Валуева и великого князя Константина Николаевича обсуждались на четырех совещаниях — 21, 23, 25 и 29 января 1880 г. То, как это происходило, достаточно подробно описано Перетцем в его дневнике. На первый взгляд, странной выглядит позиция Валуева, который в ходе обсуждения и свой проект отозвал, и высказался против проекта Константина Николаевича. Зайончковский считал, что причиной было не столько желание угодить цесаревичу, который был явно против предлагаемых изменений, сколько неприязнь к великому князю**. По нашему мнению, была еще и другая, более веская причина — Валуев понимал, что его собственные, более либеральные предложения не проходят, и не хотел, чтобы кому-то другому принадлежала честь осуществления проекта народного представительства, пусть и в крайне ограниченном варианте. В итоге оба проекта были отвергнуты как несвоевременные. Александр II записал в своей па-

* Валуев П. А. Указ. соч. С. 40.

** Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 145.

мятной книжке: «Совещ[ание] с Костей и друг[ими], реш[или] ничего не дел[ать]»*. Наследник в своем дневнике написал об этом более подробно: «Оба проекта были отвергнуты по многим причинам. ...а главная причина, что эта мера никого не удовлетворила, еще больше запутала бы наши внутренние дела, и все-таки в некотором роде была бы одним из первых шагов к конституции»**.

Казалось, идея представительства похоронена надолго. Но вмешались политические события. В Зимнем дворце 5 марта 1880 г. прогремел взрыв — народоволец С. Халтурин подготовил покушение на Александра II. Это было уже шестое покушение на императора — и вновь неудача. 12 марта создана Верховная распорядительная комиссия для борьбы с революционным движением. Руководителем этой комиссии был назначен М. Т. Лорис-Меликов, который 6 августа стал министром внутренних дел. Он осознавал, что нельзя покончить с революционным движением только репрессивными мерами и что правительству необходима поддержка общества. Именно Лорис-Меликов подготовил такие предложения по реформированию законодательных органов, которые были ближе всего к осуществлению.

Наиболее полно документы, относящиеся к так называемой конституции Лорис-Меликова, были опубликованы Н. В. Голицыным в журнале «Былое» в 1918 г.***, а в наше время Б. С. Итенберг и В. А. Твар-

* Цит. по: Там же. С. 146.

** Цит. по: Там же. С. 144.

*** *Голицын Н. В.* Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы к ее истории // *Былое*. 1918. № 4–5. С. 125–153. Ценная вступительная статья Голицына опубликована там же (С. 125–153). Об этом историке нужно сказать несколько слов. Князь Николай Владимирович Голицын (1874–1942) окончил историко-филологический факультет Московского университета, автор ряда исторических работ. В 1897 г. поступил на службу в Московский Главный архив Министерства иностранных дел, в 1903 г. был причислен к архивам министерства в Петербурге. С мая 1906 г. поступил на службу в Канцелярию Государственной думы. Статский советник (1913). 18 ян-

довская издали подробное исследование всей жизни и деятельности Лорис-Меликова. Отметим, что в этой книге также опубликован обширный свод документов*.

Практически в первую годовщину обсуждения записок Валуева и Константина Николаевича, 28 января 1881 г., Лорис-Меликов представил Александру II всеподданнейший доклад**. Главным в докладе было предложение создать комиссии, состоящие из выборных от губерний. Комиссии имели бы законосовещательное значение и готовили бы вопросы для рассмотрения в Государственном совете. Нам нет необходимости подробно рассматривать проект — в более четком и сжатом варианте предложения Лорис-Меликова отражены в его докладе от 6 марта, опубликованном в этой книге***. Отметим лишь, что по своей сути проект был еще менее либерален, чем записки Валуева и Константина Николаевича.

Лорис-Меликов достаточно грамотно построил свою аргументацию. Предлагаемые им комиссии он уподобил тем комиссиям, которые действовали в период подготовки отмены крепостного права — он не без оснований полагал, что проект станет более приемлемым для Александра II, если будет выглядеть

варя 1916 г. назначен директором Государственного и Петроградского Главного архивов Министерства иностранных дел. После Октябрьской революции был одним из организаторов бойкота чиновниками советской власти; неоднократно арестовывался. В 1923–1926 гг. отбывал трехлетний срок заключения в Бутырской тюрьме. Затем до конца жизни служил переводчиком в советских учреждениях в Москве.

* *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М.: Центрполиграф, 2004. См.: http://militera.lib.ru/bio/itenberg_tvardovskaya/index.html.

** Хранится в: ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 196. Л. 2–20. Многократно переиздавался, одна из последних публикаций — в: *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Указ. соч. Документ № 65. С. 542–548. Рукописный вариант доклада также доступен онлайн: <http://rusarchives.ru/projects/statehood/06-91-konstituciya-loris-melikov.shtml>.

*** См. с. 380–386 настоящего издания.

как завершение великих реформ царя-освободителя. Лорис-Меликов также подчеркивал, что цель представительных органов — успокоить настроения населения и что «призвание общества к участию в разработке необходимых в настоящее время мероприятий есть именно то средство, какое и полезно, и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой»*. Историки отмечают, что Лорис-Меликов постепенно готовил государя к мыслям о своем проекте, заручившись поддержкой морганатической жены Александра II, княгини Юрьевской (об этом пишет и Перетц). Последнее, впрочем, в конечном итоге сыграло против него, поскольку не могло не злить наследника, будущего императора Александра III.

Проект Лорис-Меликова обсуждался 5 февраля 1881 г. в присутствии наследника престола, великого князя Константина Николаевича и ряда министров. Его предложения были в целом одобрены, детали проекта подлежали рассмотрению Особого совещания. Заседания Особого совещания проходили 9 и 14 февраля в Аничковом дворце под председательством наследника. В целом совещание одобрило проект**. 17 февраля журнал Особого совещания был утвержден Александром II с резолюцией «Исполнить».

Первого марта государь утвердил текст сообщения о созыве Комиссий, передал текст председателю Комитета министров Валуеву и просил созвать для его окончательного обсуждения Совет министров 4 марта. Гибель императора изменила все, но в тот момент не все это осознали.

Действия Лорис-Меликова после 1 марта получили различные оценки историков. С одной стороны, считается, что он поторопился с обсуждением своего проекта, что надо было дожидаться похорон Александра II, с другой — что нельзя было ждать, поскольку влияние Победоносцева, воспитателя наследника,

* Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Указ. соч. С. 544.

** Там же. С. 181–182.

со временем только усиливалось. По нашему мнению, у него не было особой свободы в выборе тактики — уже имелось старое решение Александра II назначить обсуждение на 4 марта, новый царь только установил новую дату — 8 марта. Утверждается также, что «к решающему заседанию Михаил Тариелович плохо подготовился»*. И это мнение спорно — в чем, собственно, могла бы заключаться его подготовка?

Лорис-Меликов сделал все, что мог — подготовил новый вариант всеподданнейшего доклада, который при этом можно было опубликовать в качестве правительственного сообщения, и 6 марта представил его государю. Этот доклад мы публикуем в нашем издании. Текст написан с очень точно выверенной целью — сделать так, чтобы Александр III не мог пойти на попятный. В документе прямо сказано, что предполагаемые меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором. На докладе Александр III начертал резолюцию — «Проект составлен очень хорошо». Безусловно, это была сознательная хитрость с его стороны — он просто хотел успокоить министра. По-видимому, об этом докладе Перетцу не было известно, во всяком случае, в своем дневнике он об этом ничего не пишет. Конечно, у него в записи от 6 марта сказано: «...записку Лориса о призыве в редакционную комиссию депутатов от земства и городов и журнал к ней особого совещания нынешний государь сообщил на предварительное рассмотрение Победоносцева»**. Но упоминание о журнале ясно показывает, что речь шла именно о докладе от 28 января, который ранее обсуждался в Особом совещании.

Новый монарх находился в гораздо более тесном контакте с Победоносцевым, который был его учителем права еще в 1866 г. и остался наставником и советчиком и по окончании курса лекций. Победоносцев в своих многочисленных письмах настаивал,

* Итенберг Б. С., Твардовская В. А. Указ. соч. С. 190.

** См. с. 142 настоящего издания.

чтобы Александр III проявил волю и правил твердой рукой. В этот же день, 6 марта, когда Лорис-Меликов передал царю свой доклад, тот получил от Победоносцева письмо, в котором прямо сформулировано пожелание отправить министра в отставку: «Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. <...> Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к гибели»*. Победоносцев даже пытается сыграть на национальных чувствах царя и утверждает, что Лорис-Меликов — «не патриот русский», очевидно, намекая на то, что тот был армянином. Если непредвзято посмотреть на это письмо, то Победоносцев фактически командует императором, предлагая кандидатуры министров и настаивая на том, что «Ваше правительство надо чистить сверху донизу»**. Царя, тем не менее, такая забота устраивала; в частности, по рекомендации Победоносцева он пригласил графа Строганова, яркого консерватора, на заседание Совета министров, созданного для обсуждения проекта Лорис-Меликова.

Само заседание прекрасно отражено в дневнике Перетца, обладавшего очевидным литературным талантом — не каждый журналист смог бы дать такое яркое и, очевидно, точное описание происходившей дискуссии. Хотя текст сам по себе достаточно красноречив, некоторые комментарии все же необходимы.

Прежде всего выглядит ошибкой то, что в своем выступлении Лорис-Меликов прочел доклад от 28 января и говорил «об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени». Неудивительно, что государь прервал его словами: «Кажется, мы заблуждались»***. Более резкую оценку дал в своем дневнике Валуев: «...первые страницы самовосхваления... звучали убийственно в нашем между-

* Письма Победоносцева к Александру III / с предисл. М. Н. Покровского; Централхив. Т. 1–2. М.: Новая Москва, 1925–1926. Т. 1. С. 316.

** Там же. С. 317.

*** См. с. 145 настоящего издания.

панихидном заседании»*. Кажалось бы, надо было читать доклад от 6 марта. Однако Перетц пишет, что, «обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о [его] предположениях»**. В дневнике Милютинa сказано несколько иначе: «Государь объявил нам о предмете совещания и приказал графу Лорис-Меликову прочесть журнал бывшей секретной комиссии»***. Во всяком случае ясно, что Лорис-Меликов должен быть прочесть известный многим присутствующим документ, ранее обсуждавшийся в особом совещании. Собственно, только это министр и сделал — похоже, у него не было выбора. С другой стороны, по-видимому, он все же мог пропустить часть текста, в которой говорилось об успехах его политики.

Отметим выступление Валуева — он активно поддерживал Лорис-Меликова. Если считать, что год назад он не стал защищать предложения великого князя Константина Николаевича из-за личной неприязни, то его позиция была бы непонятна. Ведь к Лорис-Меликову он относился гораздо хуже, чем к великому князю. Думается, Валуев понял, что настал решительный момент, и если сейчас не поддержать Лорис-Меликова, то идею выборности придется оставить всерьез и надолго. Валуев, и это делает ему честь, смог отбросить личные пристрастия и, отлично зная настоящее отношение государя к идее выборности, все же высказался в пользу проекта.

Интересным и важным было выступление министра финансов А.А.Абазы. Проект Лорис-Меликова он рассматривал не как ограничение самодержавия, а как способ его укрепления. По его мнению, необходимо «совещание с представителями общества», поскольку «трон не может опираться исключительно на миллион штыков и армию чиновников»****.

* См. с. 431 настоящего издания.

** См. с. 145 настоящего издания.

*** См. с. 192 настоящего издания.

**** См. с. 153 настоящего издания.

Необходимо отметить еще один момент — некоторые участники заседания сравнивали предлагаемые Лорис-Меликовым комиссии с французскими Генеральными штатами. Внешне это выглядит простой исторической аналогией, но участники совещания понимали, насколько зловещим было такое сравнение. Все они знали историю Французской революции. Генеральные штаты были созданы 5 мая 1789 г. всего лишь для разрешения финансового кризиса, возникшего в пору царствования Людовика XVI. Но уже на следующий день в составе собравшихся начались разногласия. Представители третьего сословия с 11 мая собирались отдельно от первых двух сословий, а 17 июня объявили себя Национальным собранием. После попыток Людовика XVI и первого сословия (духовенства) не позволить новому собранию устраивать заседания, 20 июня слушания пришлось перенести в королевский зал для игры в мяч. В нем депутаты принесли знаменитую клятву, пообещав не прекращать работать, пока Франция не получит конституцию.

Понятно, что само слово «конституция» было неприемлемо не только для императора, но и для всех участников совещания, включая самого Лорис-Меликова. По-видимому, знание событий периода Французской революции стало дополнительным фактором неприязненного отношения к адвокатам — многие лидеры революции, включая самого Робеспьера, были адвокатами.

Но при оценке заседания Совета министров 8 марта встает важный вопрос — в какой степени само обсуждение действительно повлияло на принятие решения новым государем? То, что мы знаем о его взглядах до вступления на трон, наводит на мысль, что у Александра III с самого начала была особая задача — не принимать проект Лорис-Меликова, но при этом соблюсти внешне приличные формы дискуссии и «отыграть назад», отозвав одобрение проекта, недавно сделанное им самим при Александре II. И Александр III эту задачу успешно решил —

с помощью Победоносцева и Строганова, создавших видимость дискуссии. После совещания 8 марта император написал на первой странице доклада Лорис-Меликова от 28 января: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным меньшинством. А.»* Именно эта замечательная формулировка — проект отвергнут не большинством, а незначительным меньшинством, вызывает в памяти слова Геродота, вынесенные нами в эпиграф: «...на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей».

Странно, что даже не все участники этого расширенного заседания Совета министров поняли, что произошло. Сам Перетц, как это видно из его дневника, был настроен достаточно позитивно, полагая, что никакое значимое нововведение не одобряется сразу. Великий князь Константин Николаевич в своем дневнике в записи от 8 марта кратко описал ход обсуждения. Чувствуется его неудовлетворенность итогом, но при этом у него еще нет ощущения катастрофы. В записи от 9 марта рассказывается о встрече с министром финансов Абазой: «...общий разговор про теперешнее положение, про вчерашнее заседание, про положение Лориса и мое, и что мне делать и как поступать. Положение не легкое, но во всяком случае ничего не сделаю до окончания похорон и торопиться не буду, а буду выжидать»**.

Александр III тоже не торопился, и в течение марта-апреля могло создаться впечатление, что он колеблется. Высочайший манифест от 29 апреля 1881 г., подготовленный Победоносцевым, имел название: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величе-

* Цит. по: *Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Указ. соч. С. 542.

** К истории Лорис-Меликовской конституции. Из дневника великого князя Константина Николаевича // Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 151–152.

ству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России». Ключевой в манифесте была следующая фраза: «Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления, в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее посползновений»*. Позиция нового императора полностью разъяснилась. Начался период новой политики**.

В связи с этим подготовленным втайне манифестом вынуждены были подать в отставку либеральные министры — Лорис-Меликов и Абаза. Они сделали это в тот же день — 29 апреля. Император, разумеется, принял отставку, но был явно задет. Получив прошения об отставке, он написал Лорис-Меликову: «...последнее время мы разошлись совершенно с Вами во взглядах, и, конечно, это долго продолжаться не могло. Меня одно очень удивляет и поразило, что Ваше прошение совпало с днем объявления моего манифеста России, и это обстоятельство наводит меня на весьма грустные и странные мысли!?»***. Милютин, как человек военный, не мог сразу покинуть свой пост, это произошло позже — 28 июня. Александр III также достаточно быстро снял с поста председателя Государственного совета великого князя Константина Николаевича — это произошло 13 июля 1881 г. На следующий день на эту должность

* См., напр.: https://ru.wikisource.org/wiki/Высочайший_манифест_от_29.04.1881.

** Вспомним снова поэму Блока:

«В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла».

*** Переписка Александра III с гр. Лорис-Меликовым (1880–1881 гг.) // Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 128.

был назначен его брат — великий князь Михаил Николаевич.

Перетц, что называется, задержался. В чем причина того, что он оставался на посту государственного секретаря до конца 1882 г.? Думается, ответ прост — он был чрезвычайно эффективным секретарем и полностью устраивал нового председателя Государственного совета, великого князя Михаила Николаевич, которому, кроме всего прочего, нужно было немало времени, чтобы освоиться в этой должности. Наверняка положительную роль сыграло и то, что Перетц ввел новую процедуру подачи документов царю. Он стал готовить для него краткие сопроводительные записки (мемории), которые позволяли Александру III не читать полных текстов документов Государственного совета, поступавших к нему на утверждение. Хотя мемории были весьма качественными и император был доволен, это не могло продолжаться слишком долго.

Причины отставки Перетца четко описаны А. А. Половцовым в первой записи его дневника — от 1 января 1883 г. Он пишет, что накануне великий князь Михаил Николаевич призвал его к себе и сообщил о желании государя, чтобы Половцов занял место государственного секретаря. При этом было сказано следующее: «Государственный совет был учрежден для того, чтобы установить известный контроль над действиями министров. Министры всячески стараются обойти Государственный совет, но надо отдать справедливость Перетцу в том, что он высоко держал знамя Государственного совета, и я, разумеется, всеми силами ему помогал. <...> Несмотря на то что по делам государь принимал мнения Перетца, я замечал в нем все большее и большее недоверие к государственному секретарю и, признавая, что это имеет вредное влияние на дела, решился сказать ему, что если он не доверяет Перетцу, то должен избрать лицо, которому бы доверял. Впрочем, недоверие к Перетцу не есть выражение личного его расположения, а тут есть нераспо-

ложение к брату Константину, разжигаемое Толстым и Победоносцевым»*.

Очевидно, что великий князь несколько смягчил формулировку об отношении государя к Перетцу. Дело, конечно, было не только и не столько в предыдущем председателе Государственного совета, Константине Николаевиче. Сам Александр III это ясно показал в разговоре с Половцовым, сказав: «Я сидел в Государственном совете, будучи великим князем, и уже тогда меня коробило от направления, которое получали дела благодаря стараниям Государственной канцелярии. Я не имел доверия к Перетцу и поэтому сменил его; я надеюсь, что Вы дадите делу другое направление и перемените состав Государственной канцелярии»**.

Отставка Перетца состоялась 1 января 1883 г., при этом, как мы писали выше, внешне все было обставлено очень прилично и финансово он совсем не пострадал. Разумеется, это не обрадовало его врага — Победоносцева, о чем также пишет Половцов: «Заезжаю еще к Победоносцеву, который по нездоровью сидит дома. <...> Всем крайне недоволен. Как можно назначать Перетца в члены Законодательного департамента, это человек, у которого нет двух твердых мыслей, а лишь желание подделываться под господствующую ноту, от кого бы она ни исходила. <...> Моим назначением доволен»***. И сам Половцов в своем дневнике не раз пишет о Перетце в таком же ключе. Конечно, такое отношение — следствие политических разногласий. Если бы у Перетца не было своих «твердых мыслей», он, возможно, дольше продержался бы на своей должности.

Итак, гибель 1 марта 1881 г. Александра II привела к смене политического курса. Этот поворот состоялся достаточно быстро — все было решено уже 8 марта.

* Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 21.

** Там же. С. 26.

*** Там же. С. 21.

Все эти события четко зафиксированы в дневнике Перетца. Но каковы были последствия этого поворота?

На смену либеральным политическим реформам пришли контрреформы. Однако политические изменения касались больше формы правления, а не существа политической системы*. Но еще более важно то, что на смену экономической неопределенности пришел экономический рост. Последние два десятилетия XIX века знаменуют собой переход от доминирования в экономической идеологии либеральных идей к этатизму (дирижизму) с его верой в почти неограниченные возможности государства по регулированию экономического развития. Это не была специфически российская проблема — такой переход совершили тогда практически все ведущие страны мира. Одновременно проявилась и специфика России, в которой экономический этатизм практически всегда отождествляется с философией антизападничества.

Действительно, политическая философия правления Александра III была по сути своей *антизападной и антилиберальной*. Власть не отрицала важности определенных политических преобразований, усиления внимания к голосу народа. Однако возможные новые институты виделись как полная противоположность западной представительной демократии, к которой фактически вел курс Александр II, а формы

* «Реформы Александра II решительно поставили Россию на обычный европейский путь культурного развития, превращения в буржуазное правовое государство. Царствование Александра III в самом существенном не свело, да и не могло свести, страны с этого пути. Но, продолжая строить железные дороги, развивать промышленность, перестраивать натуральное народное хозяйство на меновое, правящие слои этого царствования все свои интеллектуальные силы отдали на создание фикции, будто на самом деле Россия продолжает оставаться старинной национальной монархией чуть ли не допетровского времени. Уже буржуазное по существу государство хотело казаться славянофильским по форме» (*Изгоев А. С. П. А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности // А. С. Изгоев. Рожденное в революционной смуте. М.: Дело, 2017. С. 189–190*).

народного участия смутно прорисовывались в виде каких-то соборных учреждений. На этой основе шел поиск «русской самобытной конституции, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдолибералов и нигилистов»*. Так, преемник Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел граф Н. П. Игнатьев** выступил с идеей Земского собора (около 1200 человек), который должен был состояться в Москве одновременно с коронацией Александра III. И сам царь, и Победоносцев не без оснований увидели в этом проекте реинкарнацию предложений Лорис-Меликова. Как пишет в своих воспоминаниях К. Головин, «проект вызвал у государя юмористический вопрос: „Ну, а что мы предложим этим господам, когда они соберутся?“»***. За этой шуткой скрывалась четкая политическая позиция — царь не считал полезным народное представительство в какой бы то ни было форме, поэтому ему не о чем было с этими представителями разговаривать. Вскоре эти идеи проследовали в небытие****. Да и сам Игнатьев был быстро отправлен в отставку.

Каковы были последствия произошедшего поворота в политике? Правительство фактически отказалось от политических реформ — позднее они были буквально вырваны у него либеральной буржуазией и бюрократией в условиях революционного взрыва 1905 г. Отказ от политических реформ был тем более возможен, что экономическое развитие России полу-

* Цит. по: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 459–460.

** Отметим, что он был назначен Александром III на эту должность по рекомендации Победоносцева, который писал: «Из всех имен смею назвать вам разве гр. Николая Павл[овича] Игнатьева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу». См.: *Письма К. П. Победоносцева к Александру III.* Т. 1. С. 316–317.

*** *Головин К.* Мои воспоминания. Т. 2 (1881–1894 гг.). СПб.: Типо-литография т-ва «Свет», 1910. С. 55.

**** Идеолог нового режима М. Н. Катков категорически отрицал необходимость какой бы то ни было конституции, даже «специфически российской» (*Катков М. Н.* Наша конституция // *Московские ведомости.* 1882. 11 мая).

чило заметное ускорение в последние два десятилетия XIX века. Свою роль сыграл комплекс факторов, сформировавших оригинальную модель роста.

Во-первых, политические реформы Александра II способствовали формированию слоя экономически активного населения, способного накапливать деньги и инвестировать. Какой бы половинчатой ни была крестьянская реформа, она обеспечила заметное расширение как круга предпринимателей, так и численности наемных работников. А это был главный фактор для начала широкомасштабной индустриализации.

Во-вторых, правовые реформы (прежде всего судебная) сыграли роль, в чем-то схожую с установлениями английской «славной революции» (введения *Habeas Corpus Act*), подкрепив гарантии прав собственности возможностью защиты своих прав в состязательном судебном процессе. Эти базовые права значат для экономического роста гораздо больше, чем политические права (избирать и быть избранным), поскольку именно они обеспечивают защиту жизни и частной собственности*.

В-третьих, изменилась экономическая политика государства, которое перешло к прямым и активным мерам регулирования хозяйственной жизни в направлении ускоренной индустриализации. Это выразилось во введении покровительственного таможенного тарифа, в выкупе железных дорог в казну и переходе к их строительству за счет средств государственного бюджета, в существенном усилении контроля за деятельностью бирж и частными предприятиями, в использовании государственных монополий.

* О важности «базовых прав» (на неприкосновенность жизни и собственности) подробнее см.: Импортированные институты в странах с переходной экономикой. М.: ИЭПП, 2003. С. 85–86. Вспомним высказывание Стендаля о французах: «Люди, которые жили бы спокойно и являли бы покорность под властью алжирского дея, приходят в исступление при первом слове, содержащем хотя бы косвенную угрозу их собственности» (Стендаль. Жизнь Наполеона // Собр. соч.: в 15 т. М.: Правда, 1959. Т. II. С. 172).

Потребности индустриализации уже в 1880-е гг. являлись доминантой при формировании концепции экономической политики. А ситуация была весьма противоречивой. Индустриализация, причем осуществляемая достаточно быстро, давала России шанс быть равноправным членом в группе великих держав. Этот путь был важен и для стабилизации внутреннего положения империи, для повышения благосостояния населения, для укрепления политического режима. Но при осуществлении курса на индустриализацию надо было преодолеть немало серьезных препятствий, чреватых социальными потрясениями.

Главными проблемами индустриализации России были относительная слабость частного предпринимательства, отсутствие значительных ресурсов капитала, а также действенной системы его аккумуляции и межотраслевого перелива (через банки и фондовые биржи). Нужда же в капиталах была огромная: рост национальной экономики требовал безотлагательно развертывания железнодорожного строительства и связанных с ним отраслей тяжелой промышленности. Последнее как раз и предопределяло исключительную роль государства в решении задач индустриализации.

Ключевой функцией, которую должно было взять на себя государство, являлось формирование капитала, необходимого для модернизации, в том числе и частных фирм. Страна с исключительно низким по европейским масштабам уровнем среднедушевого ВВП не могла не сталкиваться с тремя проблемами в этой сфере. Во-первых, с физической нехваткой средств, остающихся на накопление, — в связи с низким жизненным уровнем основной массы населения. Во-вторых, с отсутствием надежных институтов перераспределения капитала в приоритетные отрасли промышленности. В-третьих, с отсутствием необходимых макроэкономических условий для обеспечения притока иностранного капитала. Государство взяло на себя ответственность по преодолению этих трех ограничителей на пути экономического роста.

Таким образом, ключевыми элементами политики ускоренной модернизации последних двух десятилетий XIX века были активное *государственное вмешательство* в экономическую жизнь страны и последовательное *оздоровление макроэкономической ситуации*. Это были два фундаментальных условия, вокруг которых формировалась экономическая политика правительств Александра III и в значительной мере — Николая II.

Но если экономическая политика правительства объективно содействовала прогрессу, то политическая реакция лишь скрывала накапливающиеся проблемы. Знаменитая фраза философа К. Леонтьева «Надо *подморозить* хоть немного Россию, чтоб она не „гнила“» вполне отвечала взглядам руководящей элиты. Такая позиция оправдывалась пониманием специфики России. Приведем еще одну знаменитую фразу, сказанную Победоносцевым Д. С. Мережковскому: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Россия — ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек». На это Мережковский вполне резонно «возразил ему тогда, что не они ли сами устраивают эту ледяную пустыню из России»*. Отказ от реформаторских попыток лишь отсрочил разрешение главных политических проблем страны. Но, как известно, когда котел закипает, то не давать выхода пару означает взрыв. То, что проблемы остались, понимали многие мыслящие люди того времени — приведем оценку происходившего, которую дала Вера Фигнер в своих показаниях после ареста в 1883 г.:

«Что же касается того, что 1 марта не привело к практическим результатам в смысле экономического и политического переустройства России, то это вполне справедливо. Но, не будучи в состоянии совершить это переустройство силами революционными, партия никогда не рассматривала верховную власть... силою, способной искренне взять на себя

* *Гиппиус* З. Дмитрий Мережковский // З. Гиппиус. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 230–231.

почин в этом деле; правда, она ждала уступок, послаблений, прекращения реакции, доли свободы, которая сделала бы существование сносным, мирную деятельность возможной; в этом она ошиблась, что весьма печально и худо, но худо не для одной революционной партии, а для народа и для общества, для имущественных классов и для бюрократии, для всего государства и для главы его; худо потому, что влечет в будущем новые катастрофы, новые политические и социальные смуты. Едва ли в настоящее время в России найдется много людей, которые верили бы в мирное преуспевание своего отчества и спокойное житие своего монарха, а если нет этой веры, нет уверенности, то будущее сумрачно и тревожно. Не буду касаться его — в свое время оно скажет свое слово!»*. Заметим, что текст Фигнер, содержащий это пророчество, был издан в самое подходящее время — в октябре 1917 г. Будущее, о котором она писала, действительно сказало свое слово. Правда, оно оказалось совсем непохожим на то, о чем мечтали народовольцы, и Фигнер сама могла в этом убедиться**.

О дневнике и его издании

Как мы уже говорили, дневник Перетца прежде всего ценен точным описанием ключевого события — заседания Совета министров 8 марта 1881 г. Но если бы это был единственный достойный внимания фрагмент, достаточным стало бы издание соответствующих отрывков дневника. На самом деле дневник дает достаточно полную картину жизни бюрократической элиты России на рубеже 1870–1880-х гг.***

* Из автобиографии Веры Фигнер // Былое. 1917. Октябрь. С. 78–79.

** Вера Фигнер умерла в 1942 г., не дожив несколько дней до своего 90-летия.

*** Перефразируя спорное, в общем-то, высказывание Ленина

Конечно, эту элиту нельзя рисовать одними темными красками, как это было принято у некоторых советских историков. Лучшие ее представители имели вполне прогрессивные воззрения, интересные и сегодня. Например, министр финансов Абазы по ряду вопросов высказывался достаточно четко. По его мнению, здоровая финансовая политика невозможна, «если не будут приняты самые решительные меры к сокращению государственных расходов. Прежде и важнее всего сокращение расходов по военному ведомству». В то же время, как он полагал, «не нужно жалеть денег» на «училища и школы, на устройство судебной части и путей сообщения», поскольку эти издержки «ведут к подъему народного благосостояния»*. Другим представителем прогрессивной части элиты был ставший после Абазы министром финансов Н. Х. Бунге. Когда генерал Скобелев заявил, что «капиталов нам не нужно и нечего церемониться с капиталистами», Бунге, выступая в Комитете министров, сказал, что «министр финансов так рассуждать не может» и что от финансов зависит «благосостояние страны и ее величие»**. Однако в целом элита состояла совсем не из таких людей.

Перетц не скрывает своего отношения ни к составу высших государственных органов, ни к деятельности отдельных лиц. Конечно, он не использует таких резких эпитетов, как Валуев в своем дневнике, но при всей сдержанности Перетц достаточно красноречив. На предложение великого князя Константина Николаевича сделать заседания Государственного совета публичными, государственный секретарь четко возразил: «Совет так беден силами, что открытие для публики дверей его совершенно уронит это высшее у нас учреждение в мнении общества»***. Он отмечает, что чи-

о том, что Л. Толстой был «зеркалом русской революции», можно сказать, что Перетц — зеркало высшей бюрократии.

* См. с. 123 настоящего издания.

** См. с. 305 настоящего издания.

*** См. с. 124 настоящего издания.

новники исполняют свои обязанности достаточно формально, даже при перенесении тела Александра II из дворца в крепость они шли не как следовало, попарно, а кучками, и даже курили, а некоторые несли подушки с орденами под мышкой. На дежурство у гроба многие просто не являлись, особенно в ночные часы*.

Назначения на должности порой делались исходя из чисто личных соображений. Когда Абаза стал министром финансов, освободилось ранее занимаемое им место председателя департамента экономии Государственного совета. Перетц пишет, что самым подходящим кандидатом был бы Д. М. Сольский, занимавший в то время пост государственного контролера. Более того, «назначению его сочувствуют и Абаза, и Лорис-Меликов»**. Отметим, что слова «сочувствует», «сочувственно отнесся» используются Перетцем достаточно часто и, по-видимому, не только характеризуют его литературный стиль, но показывают, как в то время согласовывались кадровые и иные вопросы. В ситуации с назначением возникло важное препятствие — как государственный контролер он имел «независимо от прекрасного содержания» еще и «отличное помещение — истинный барский дом со всеми удобствами». При переходе на новую должность дом, конечно, пришлось бы оставить. Выход из этого затруднения Перетц видел в совмещении должностей контролера и председателя департамента. Но Сольский счел это «неудобным» и отказался***. Это слово — «неудобно» — еще один пример бюрократического языка того времени, оно встречается и в мемуарах Витте.

В дневнике достаточно ярко показаны и прямые злоупотребления — чего стоит описание ревизии III отделения, проведенной И. И. Шамшиным по поручению Лорис-Меликова после создания Верховной распорядительной комиссии. Выяснилось, что

* См. с. 142, 169 настоящего издания.

** См. с. 109 настоящего издания.

*** Там же.

дела велись совершенно неудовлетворительно, дело-производство было поставлено плохо, документы терялись, часто арестовывались в большом количестве невинные люди. Было пересмотрено 1500 дел. Зато средства, выделенные на основную деятельность, использовались совершенно бесконтрольно, и, очевидно, большая их часть просто присваивалась. Так, для борьбы с революционной пропагандой было выделено дополнительно 300 тыс. руб. в год. Более половины этой суммы откладывалось для составления особого капитала III отделения. Остальное делилось на две части — одна шла на выдачу наград и пособий чиновникам, другая — агентам, наблюдавшим преимущественно за высокопоставленными лицами*. При такой организации дел настоящие революционеры часто оставались неизвестны власти, а в ссылку отправляли почти без разбора всех подозрительных. Напомним, что все это было записано Перетцем всего за полгода до убийства Александра II.

Слежкой за высокопоставленными лицами занималось не только III отделение, постоянно докладывавшее о них государю. Министр почт и телеграфов использовал возможности перлюстрации писем для очернения тех или иных лиц, манипулируя выдержками из их писем и тоже сообщая об этом императору**. При этом в дневнике Перетца нет явных упоминаний о наказаниях за такие злоупотребления.

Зато к предпринимателям относились гораздо строже, чем к высшим чиновникам. Возможность и целесообразность административного нажима на них не вызывали сомнений. Когда в Петербурге поднялась цена на хлеб, возникло подозрение, что это отчасти вызвано сговором крупных торговцев. Лорис-Меликов пригласил их к себе и просил снизить цены. Те ссылались на ряд вроде бы объективных обстоятельств и при этом заявили, что «цена на хлеб и муку не определяется законом и что поэтому нельзя

* См. с. 97–100 настоящего издания.

** См. с. 95–96 настоящего издания.

их принуждать к понижению цен». Тогда Лорис-Меликов напомнил им, что он не только министр внутренних дел, но и шеф жандармов, и что «высокие цены на хлеб... могут вызвать народные волнения, которые он обязан предупреждать». Поэтому, если «они не спустят цен в течение 24 часов, то будут высланы их столицы административным порядком»*. На следующий день цены были снижены.

Подводя итог, можно сделать очевидный вывод: дневник Перетца — весьма ценный исторический документ. Более того, он написан хорошим литературным языком, его легко читать. По-видимому, в этом отразился и общий культурный уровень лучших представителей административной элиты того времени — дневники Валуева, Милютина, Половцова тоже прекрасно написаны и тоже читаются как качественная литература. Поэтому неудивительно, что дневник Перетца привлек внимание исследователей.

Впервые дневник Е. А. Перетца был издан в 1927 г. под названием «Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1883)»**. Текст был подготовлен к печати видным археографом А. А. Сергеевым, предисловие к книге написал крупный русский историк А. Е. Пресняков. Сразу отметим, что само издание было выполнено на высоком научном уровне, предисловие Преснякова практически не содержало идеологических штампов, комментарии Сергеева были высокопрофессиональными и достаточно точными.

Эти историки, Пресняков и Сергеев, заслуживают того, чтобы в нашей статье дать хотя бы краткую информацию об их деятельности.

Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) — российский историк. Окончил гимназию в Тифлисе (1889), затем — историко-филологический факуль-

* См. с. 108 настоящего издания.

** Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1883) / предисл. А. Е. Преснякова; подг. А. А. Сергеева. М.; Л.: Госиздат, 1927.

тет Санкт-Петербургского университета. Ученик С. Ф. Платонова, был оставлен при кафедре русской истории университета для подготовки к профессорскому званию. Получил степень магистра русской истории (1909), защитив диссертацию по теме «Княжое право в Древней Руси»; затем — доктора русской истории (1918) с темой диссертации «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий»). С 1907 г. — приват-доцент, с 1918 г. — профессор на той же кафедре русской истории. Член-корреспондент РАН (1920). Был одним из организаторов (в 1921 г.) и директором (с 1922 г.) Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете (институт фактически существовал до 1925 г.). Был заместителем председателя Петроградского отделения Главархива (1918–1923), профессором и деканом археографического факультета Петроградского археологического института (с 1919), председателем историко-археологического отделения факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета (с 1925). Затем был директором Ленинградского отделения Института истории РАНИОН (1927–1928)*.

Александр Александрович Сергеев (1886–1935) — российский историк, археограф**. В 1917 г. — магистрант историко-филологического факультета Московского университета, с октября 1914 г. являлся

* Подробнее см.: *Каганович Б. С.* А. Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм // *Cahiers du Monde russe*. 2001. No. 42/1. P. 31–48; *Брачев В. С.* А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб.: Астерион, 2011. См. также: Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

** Подробнее см.: *Шаров А. А.* Из истории отечественной археографии XX века. А. А. Сергеев и А. А. Шилов: новые материалы к научным биографиям ученых // *Родная история*. См.: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/arxeografiya/iz-istorii-otechestvennoie-arxeografii-xx-veka.-a.-a.-sergeev-i-a.-a.-shilov-novie-materiali-k-nauchnim-biografiyam-uchenix.html>.

внештатным сотрудником отдела описания документов XVII века Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Во время Гражданской войны вел политпросветработу в Красной армии, в сентябре 1920 г. откомандирован на службу в Архив Октябрьской революции (научный сотрудник редакционно-издательского отдела, старший архивист). В 1922 г. по рекомендации Д. Б. Рязанова был зачислен в штат сотрудников научно-теоретического отдела Центрархива на должность ученого секретаря. Ответственный секретарь журналов «Архивное дело» (с 1925 г.) и «Красный архив» (с 1927 г.). Преподаватель историко-этнологического факультета 1-го МГУ, с 1931 г. — профессор Историко-архивного института.

Публикация 1927 г. была сделана Сергеевым по рукописи дневника Перетца, хранящейся в архиве, который в то время назывался Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ныне — Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, фонд 1463, опись 1, дело 118). Дневник содержал записи за период с 28 сентября 1880 г. по 26 января 1883 г. Первоначально мы предполагали сделать простое переиздание этой книги с минимальными дополнениями и исправлениями. Однако при подготовке вступительной статьи, которая отразила бы новое восприятие этого выдающегося исторического документа, мы обратили внимание на следующее место в книге П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов»: «Как сообщает государственный секретарь Е. А. Перетц в неопубликованной части своего дневника...»*. В ссылке на эту цитату было указано: «ЦГАОР, фонд Александра III, дело 134, л. 1». Поскольку фонды ЦГАОР в наше время хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), стало ясно, что искать надо именно там. Действительно, в ГАРФе был обнаружен машинописный текст из 60 листов, содержа-

* Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 137.

щий записи Перетца за период с 13 января по 8 марта 1881 г. Некоторые записи после 28 сентября 1880 г. дублируют записи дневника, вошедшие в издание 1927 г. Этот текст включен в настоящее издание. Отметим, что публикуемое нами дополнение позволяет лучше понять и ранее изданный текст. Например, в записи от 10 октября 1880 г. говорится: «Сольский возвратил мне мою записку о совещательном собрании и очень одобрил ее». Ни Пресняков, ни Сергеев не стали комментировать это непонятное место. Между тем, когда читателю доступен более полный текст дневника, очевидно, что речь идет о записке великого князя Константина Николаевича, доработанной Перетцем*.

Любопытно, что найденная в фонде Александра III рукопись озаглавлена так: «Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящихся к 1880–1881 годам». Между тем и по содержанию, и по стилю текст ничем не отличается от ранее опубликованного дневника. Очевидно, что это — часть дневника, а не воспоминания. В то же время текст содержит значительный пропуск — подробные записи есть за январь, а затем идет запись от 28 сентября. Содержание записей сфокусировано на одной важной теме — проблеме народного представительства. Безусловно, она важна, но логично предположить, что существовал (а может быть, существует и сейчас) более полный текст дневника, из которого и были сделаны извлечения по определенной теме. По-видимому, и публикуемый нами текст все же не является полным текстом дневника Перетца.

Дополнение дневника Перетца ранее неопубликованными записями фактически привело к тому, что появилась новая книга. В связи с этим возникла идея показать читателю более полную картину событий 1881 г., не ограничиваясь только текстом государственного секретаря.

* См. с. 77–94 настоящего издания.

Такой подход определил структуру издаваемой книги. Предисловие Преснякова, само по себе являющееся ценным историческим документом, теперь помещено в Приложениях к основному тексту. Также в Приложениях впервые публикуются два документа, призванные дать примеры деятельности Перетца как государственного секретаря. Это письмо членам Государственного совета о необходимости присутствовать при высочайшем выходе государя и записка с описанием заседания Государственного совета 2 марта 1881 г., на котором была принесена присяга новому императору. Этот документ, содержащий речь Александра III, обращенную к членам Государственного совета, обладает и самостоятельной исторической ценностью.

Основными документами, в которых обосновывалась необходимость создания в России выборного представительства, являются записка П. А. Валуева 1863 г., записка великого князя Константина Николаевича и доклады М. Т. Лорис-Меликова*. Записка великого князя приведена в тексте публикуемого дневника Перетца. Записка Валуева публикуется нами также в виде приложения. К ней приводится также текст сопроводительной записки Валуева, в которой объяснено, какие изменения он предлагал внести в положение о Государственном совете. Нами печатается также всеподданнейший доклад Лорис-Меликова от 6 марта 1881 г. — он менее известен, чем доклад от 28 января 1881 г., кроме того, впервые публикуется сопроводительная записка Лорис-Меликова к докладу от 6 марта, в которой он кратко описывает судьбу своего проекта.

Мы стремились не только опубликовать исторические документы, но и показать происходящие события глазами их участников — в Приложениях также даны выдержки из дневников П. А. Валуева и Д. А. Милютина. К этим материалам примыкают воспоминания А. Ф. Кони о графе М. Т. Лорис-Меликове. Разумеется, мы приводим лишь отрывки из этих текстов, относя-

* См.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 126–146, 283–291.

щиеся прежде всего к событиям, описанным в дневнике Перетца*.

Для лучшего понимания читателем описываемых Перетцем событий в Приложениях мы приводим также краткий справочный материал о высших органах власти — Государственном совете, Кабинете министров и Совете министров.

Несколько слов о самом издании. Текст публикуется в соответствии с современными правилами русской орфографии и пунктуации с сохранением ряда особенностей авторского написания и стиля. Комментарии редактора в конце издания, относящиеся к тексту дневника за период с 28 сентября 1880 г. (что соответствует публикации 1927 г.), принадлежат в основном А. А. Сергееву, все остальные — А. А. Белых. То же самое относится и к переводам иностранных текстов в сносках. Именной указатель составлен А. А. Сергеевым, дополнения и уточнения сделаны А. А. Белых. Отметим, что в дневнике Перетца иногда встречаются две записи за один день — это соответствует его рукописи.

В заключение отметим, что дневник Перетца просто-напросто интересно читать. Вся обстановка в высших слоях бюрократии того времени становится понятной и весьма поучительной. Мы уверены, что эта книга будет полезна не только профессиональным историкам, политологам и экономистам, но и всем, кому интересна российская история и ее ключевые события.

А. А. Белых, В. А. Мау

* В качестве исключения приведена более ранняя запись из дневника Валуева, ясно показывающая его антивоенные настроения и раскрывающая попытку убедить Александра II не начинать войну с Турцией: «Мог ли государь решиться из-за подданных султана объявить войну и решиться принести в жертву, быть может, 50 тысяч человек из своей армии?» (см. с. 420 настоящего издания).

Дневник (1880–1883)

1880 год

*13 января**

СЕГОДНЯ, во время доклада моего великому князю¹, его высочеству доложили, что к великой княгине приехал государь и желает видеть его высочество.

Великий князь извинился передо мной, встал и поспешно вышел. Приблизительно через четверть часа его высочество возвратился с сияющим лицом и спросил меня, догадываюсь ли я, почему он доволен и весел? Я отвечал, что, по всей вероятности, государь общил его высочеству что-либо отрадное.

«Вы отгадали. Действительно, государь сообщил мне кое-что, очень и очень приятное. В 1867 году, т. е. почти тринадцать лет тому назад, я представил государю записку, составленную мною вчерне в Орианде² и потом разработанную по моим указаниям С. Н. Урусовым, тогдашним государственным секретарем. Записка эта имела целью привлечение, в скромном виде, сил общественных к делу государственного управления. Государь прочел записку, но никогда не говорил со мной о ней, из чего я заключил, что мысли мои не одобряются. Раз только было об ней косвенно упомянуто. В 1867 году в одном заседании Совета министров, имевшем предметом далеко не либеральные суждения о каком-то важном вопросе, возбужденном Шуваловым (в то время гонителем всякой свободной

* Арабскими цифрами отмечены примечания редактора, помещенные в конце издания. Звездочками отмечены примечания автора, приведенные внизу страницы, а также принадлежащие редактору переводы иностранных слов.

мысли), государь сказал: «В городе говорят, будто бы брат мой Константин Николаевич составил с Урусовым проект конституции. Это неправда!»

Более о записке моей не было и помину... до сего часа. Государь сообщил мне теперь, что желал бы к предстоящему дню 25-летия его царствования оказать России знак доверия, сделав новый и притом важный шаг довершению предпринятых преобразований. Он желал бы дать обществу большее, чем ныне, участие в обсуждении важнейших дел. По этому предмету существуют два предположения: одно — мое, другое — Валуева, несколько более либеральное. Его Величество желает, чтобы оба эти проекта были обсуждены, первоначально в общих чертах, Особым совещанием, под моим председательством, из цесаревича, Валуева, Урусова, шефа жандармов (Дрентельна) и министра внутренних дел (Макова). Вы понимаете теперь, почему я рад. Быть может, прекратится время реакции и наступит заря возрождения».

Я тоже чрезвычайно обрадовался и спросил: можно ли мне прочесть записку великого князя? Он отвечал, что не сохранил черновой, а подлинная у государя, который обещал прислать ее сегодня же. По получении записки великий князь обещал сообщить ее мне.

14 января

В Совете великий князь сказал мне, что пришлет записку, возвращенную государем, что с нее нужно снять копию, поручив это надежному человеку, и затем возвратить ему оригинал вместе с копией, не списывая других. К этому великий князь прибавил: «Само собою разумеется, что для вас это не секрет. Перечитывайте записку сколько угодно и даже сделайте из нее выписки, или прикажите просто снять с нее вторую копию, но только собственно для себя. Я прошу вас обдумать хорошенько мои предположения и затем откровенно сказать мне ваше мнение.

Хотя государь о вас и не упоминал, но я намерен привлечь вас к этому делу, переговорив с цесаревичем и другими членами совещания. Записку и копию с нее я намерен сообщить поочередно, для прочтения, цесаревичу, Валуеву, Урусову, Дрентельну и Макову, а сверх того Сольскому, мнением которого, как вы знаете, я очень дорожу».

Перед отъездом из Совета великий князь сказал мне, что члены совещания не встречают препятствия к тому, чтобы я участвовал в заседании, которое предположено на будущей неделе; нынешняя же будет посвящена изучению обеих записок (Валуев должен был тоже сообщить свою, для прочтения, членам Совещания). Я поблагодарил великого князя и сказал, что, не будучи назначен государем, я, конечно, буду держать себя в Совещании очень скромно, ограничиваясь ролью докладчика. Вместе с тем я предложил пересмотреть реестры дел общего собрания Государственного совета за последние 10 лет собственно для того, чтобы иметь для суждений какую-либо твердую почву о делах, по которым полезно было бы выслушать представителей общества. Мысль эта великому князю очень понравилась.

Вечером он прислал мне свою записку.

15 января

Вот записка великого князя:

«После происшествий, бывших в нынешнем году в Рязанском и С.-Петербургском дворянских собраниях, государь император, входя в затруднительное положение дворянства, изволил сам обратить внимание на вопрос о том: что можно для него сделать?

Это указание привело меня к следующим мыслям:

В основе соображений по этому важному предмету необходимо положить некоторые существенные начала, которые должны служить, так сказать, афоризмами при дальнейшем развитии самых соображений.

1. Для России, в настоящее время и еще надолго, конституционное правление было бы гибелью, пото-

му что оно немедленно обратилось бы в олигархию или в анархию. Мы должны всеми силами поддерживать самодержавие.

2. Существующие сословные привилегии не должны быть нарушаемы или отнимаемы; такие меры произвели бы раздражение; но, в видах уничтожения исключительности этих привилегий, — можно на деле их сглаживать чрез распространение их на другие условия.

3. При допущении известной степени либеральности в *формах*, составляющих наружную сторону какого-либо мероприятия, — не предстоит опасности, коль скоро *сущность* сохранена и удержана в надлежащей неприкосновенности.

4. Развитие зародышей, хранящихся в отечественном законодательстве, должно быть предпочтительно заимствованию иностранного.

Перехожу от этих общих начал к мыслям моим о положении дворянства.

Оно вообще недовольно; конституционные его стремления периодически возобновляются. Однако, по словам умных и сведущих дворян, — дворянство не желает серьезно конституции, потому что оно само сознает ее опасность, а конституционные его намеки служат ничем другим, как выражением его недовольствия. И действительно, как ни разноречивы основания, прилагаемые в суждениях и речах дворянских и других собраний, — постоянно и настойчиво проводится в них одна мысль: «*До государя правда не доходит*»; администрация и бюрократия нами завладели; они стоят непроходимую стеною между государем и Его Россиею; государь окружен опричниками...» и т. п. Но везде повторяется та же мысль: «*До государя правда не доходит!*» В этих сетованиях, как мне кажется, обнаруживается то истинно серьезное желание, которое может и должно быть удовлетворено.

Но как исполнить это?

К достижению сего, по моему убеждению, представляется возможность без малейшего прикосновения к священным правам самодержавия:

1. Наше законодательство дарует сословиям (дворянству уже около столетия) такое право, которое приобреталось за границей потоками крови, которое там считается первым и самым важным залогом политической свободы и которое у нас не довольно высоко ценится, а в иных случаях даже и забывается (речь Щербатова); это — *le droit de pétition*, право заявления своих нужд (IX т., Закон о состояниях, ст. 112).

2. Дворянство имеет право выбирать депутатов из кандидатов, представляемых каждым уездом на случай вызова их правительством для объяснения ходатайств дворянства (IX т., Закон о состояниях, ст. 113 и 114). Это право оставалось у нас мертвою буквой.

Исходя из этих двух *существующих* прав дворянского сословия, я предложил бы воспользоваться ими для осуществления следующих предположений.

1. *Обязать* как дворянские собрания, уже имеющие это право, так и земские собрания, этого права еще не имеющие, избирать депутатов (двух или трех).

2. Правительство оставляет за собою право собирать их, когда и как найдет полезным.

3. Избранные лица могут быть созываемы в собрании или из всей России, или по полосам, или местностям, как это признано будет нужным.

4. Собрания состоят при Государственном совете.

5. Собрания собственной инициативы не имеют, а занимаются только теми делами, которые им передает правительство.

6. Собрания имеют только *совещательный*, а не решительный голос.

7. Из заявлений и просьб местных дворянских и земских собраний правительство поручает обсуждению депутатских собраний только те, которые назначит по своему усмотрению.

8. Собрания не должны быть постоянными.

9. Заявления и просьбы дворянских собраний передаются в собрание дворянских депутатов; заявления и просьбы земских собраний — в собрание депутатов земских.

10. Председатели обоих депутатских собраний назначаются Его Императорским Величеством из членов Государственного совета.

11. В занятиях собраний участвуют министры по принадлежности.

12. Собрания занимаются только приуготовительными работами для Государственного совета, в который вносятся установленным порядком заключения собраний по рассмотренным в них вопросам.

13. При обсуждении этих дел в Государственном совете могут быть призваны в заседания Совета некоторые из депутатов для представления нужных объяснений, но при разрешении дел они не присутствуют*.

14. Объяснения приглашенных в заседания депутатов записываются в журналы Государственного совета.

15. Эти объяснения вносятся в мемории³ Государственного совета, подносимые на высочайшее утверждение, при которых представляются, сверх того, государю императору и подлинные по рассмотренному делу журналы депутатских собраний.

Все эти предположения имеют целью: с одной стороны, удовлетворить действительно общему желанию, чтобы голос сословий прямо доходил до престола; а с другой стороны — устранить именно поводы и предлоги к дальнейшему повторению превратного предположения, будто в настоящее время правде прегражден путь к государю. В то же время эти меры, весьма либеральные по своей *форме*, должны успокоить многие высказывавшиеся в последнее время стремления, но, *в сущности*, в них нет ничего опасного, так как, во-первых, депутаты будут призваны не в состав Государственного совета, где участие их было бы сопряжено с некоторыми неудобствами, но они будут состоять при Государственном

* На основании ст. 12 «Учреждения Государственного совета» в департаменты, по усмотрению их, могут быть приглашаемы к совещанию и лица посторонние, от коих, по свойству дела, можно ожидать полезных объяснений.

совете, в виде приуготовительных комиссий; во-вторых, председатели собраний будут назначаемы самим государем; в-третьих, в собраниях будут присутствовать министры; и наконец, в-четвертых, при обсуждении дел голос собраний будет только *совещательным* и в решительный обращаться не может.

16 января

Обедал у Головнина. Были: великий князь, Рейтерн, Сольский, Любощинский, Каханов и я. Разговор был оживленный и непринужденный. Сольский сообщил мне вскользь, что записка великого князя произвела на него прекрасное впечатление. Подробного разговора мы не имели.

Великий князь, уезжая, отозвал меня в сторону и сказал, что читал записку Валуева; его предположения гораздо шире. Хотя собранию и не дается решительного голоса, но оно обставлено почти как настоящий парламент и судит чуть [ли] не обо всех делах. По мнению его высочества, это слишком широко и опасно, потому что может на первых же порах испортить все дело.

21 января

Великий князь Константин Николаевич пригласил меня сегодня к себе несколько ранее обыкновенного, чтобы переговорить о его записке. Я доложил, что, в сущности, предположениям его высочества я от всей души сочувствую и полагаю, что в случае принятия их они принесут большую пользу, но что относительно подробностей я имею некоторые замечания. Главных два: во-первых, назначением депутатских собраний должно быть не только обсуждение ходатайств дворянства и земства; еще несравненно важнее предварительное обсуждение проектов новых законов, а об этом в правилах не упоминается; во-вторых, едва ли удобно иметь при Государственном совете еще *два* собрания; одно дворянское, дру-

гое земское. Дворянство есть теперь часть земства, а не равноправно, или правильнее — не равносильно ему. Поэтому мне казалось бы, что должно быть только *одно* общее собрание. Великий князь совершенно согласился с обоими этими замечаниями и сказал, улыбаясь: «Странное дело, почти буквально то же самое сказал мне Сольский. Еще страннее то, что, перечитывая на днях записку, я и сам, так сказать, почувствовал эти замечания».

Я отвечал, что весьма рад этому; это служит доказательством того, как мы спелись и как мы одинаково смотрим на вещи. Впрочем, все мы трое так долго трудились вместе, что давным-давно смотрим на дело почти одними и теми же глазами.

Потом я представил его высочеству составленные мною таблицы дел, рассмотренных Общим собранием Государственного совета в последние 10 лет. Оказывается, что ежегодно обсуждалось от 95 до 120 дел, из которых от 30 до 60 могли бы с пользою подлежать обсуждению представителей земства. Таблица эта очень заинтересовала великого князя, рассматривавшего ее внимательно и вспоминавшего при этом содержание различных законодательных проектов прежнего времени.

Совещание назначено на послезавтра, 23 января, в Мраморном дворце.

23 января

Перед заседанием великий князь пригласил меня к себе и объявил мне, что, к сожалению, цесаревичу невозможно быть сегодня и что поэтому необходимо отложить решительные суждения до послезавтра, дня, удобного для наследника. Между тем его высочество, не желая потерять сегодняшнее утро, полагал бы воспользоваться присутствием остальных членов Совещания, так сказать, для спевки. Я, с моей стороны, нашел это весьма полезным. Затем, когда великому князю доложили о том, что все приехали, мы отправились в залу заседания.

Поздоровавшись со всеми, его высочество объявил членам, что цесаревич, не имея возможности приехать сегодня, просил отложить заседание до 25 января; но что великий князь признавал бы тем не менее полезным переговорить обо всем, конечно, лишь предварительно, собственно для разъяснения различных взглядов, и затем возобновить суждения в следующее заседание в присутствии наследника. Все согласились с этим.

Тогда его высочество поручил мне сообщить членам Соповещения сведения, собранные мною о делах прежнего времени. Исполняя это, я остановился с некоторою подробностью на законоположениях, по которым было бы полезно выслушать людей практических. Никто из членов не сделал по этому предмету никаких замечаний. Это показалось мне дурным признаком.

Затем великий князь предложил к обсуждению вопрос: если признано будет полезным и возможным сделать новый и притом весьма важный шаг в преобразовательном движении нынешнего царствования, то которому из двух проектов следует отдать предпочтение: проекту ли П. А. Валуева или же проекту великого князя?

Первым заговорил Валуев. «Ваше императорское высочество, — заговорил он по обыкновению весьма торжественно. — Вашему высочеству и всем прочим г. г. членам Соповещения известны взгляды мои, скажу более — убеждения о необходимости привлечения сил общественных, и притом в возможно широких размерах, к обсуждению всех или по крайней мере важнейших законодательных дел. В этом смысле я высказался в первый раз в 1863 году, представив о сем государю императору подробную записку. Она не была уважена. Я молчал в течение целых 16 лет. В исходе минувшего года я позволил себе возобновить свои прежние предположения и представил на высочайшее благоусмотрение Его Императорского Величества новую записку, несколько более развитую в сравнении с прежней. Ныне государю императору благо-

угодно было благосклонно соизволить на обсуждение предположений моих в связи с предположениями вашего высочества, касающимися того же предмета, но несравненно более скромными. Я, с моей стороны, полагаю, что проект мой, как более соответствующий ожиданиям и желаниям общества, заслуживал бы предпочтения. Но из частных бесед, предшествовавших настоящему Совещанию, я знаю, что мысли мои не разделяются ни вашим императорским высочеством, ни государем наследником цесаревичем, ни почтенными моими коллегами (Валуев указал на Урусова, Дрентельна и Макова). Поэтому мне остается лишь *резервироваться*, т. е., преклоняясь пред общим несогласием со мною, взять мой проект назад, предоставив себе право возобновить мои предположения тогда, когда они будут иметь более шансов на приведение их в исполнение. Ни на какие уступки я согласиться не могу*. Я умел молчать в течение шестнадцати лет. Буду продолжать свое молчание столь же упорно и, быть может, доживу до того времени, когда глас мой будет услышан».

Ввиду этого великолепного и торжественного отступления обсуждению подлежал лишь проект великого князя.

Тогда его высочество обратился к членам с вопросом: «Если никто не подает голоса за проект Петра Александровича и сам он от него отказывается, то удобно ли и полезно принять другой проект (великого князя)? В проекте этом, — продолжал его высочество, — необходимо, однако, сделать некоторые изменения, вызываемые обстоятельствами, последовавшими после составления записки. Во-первых, нет надобности в двух собраниях — земском и дворянском; достаточно одного, которое должно служить представителем всех сословий, в том числе и дворянского; и во-вторых, это общее собрание должно иметь целью не только обсуждение ходатайств, но также,

* Эту фразу Валуев употребляет часто, но она не мешает ему делать весьма существенные уступки.

и даже главным образом, предварительное рассмотрение проектов новых законов. Так оно, собственно, всегда понималось мною, хотя в проекте прямо и не выражено».

После некоторого молчания со стороны членов князь С. Н. Урусов сказал весьма мягким, несколько вкрадчивым голосом: «Ваше императорское высочество! Не дозволяя себе входить теперь в подробное обсуждение предположений ваших, быть может, в существе весьма полезных, я считаю лишь необходимым обратить внимание на то, не будет ли издание их принято со стороны общества за дар или уступку, которые едва ли бы соответствовали достоинству правительства, особенно в настоящую тревожную пору. Не будут ли говорить, что правительство испугалось угроз социально-революционной партии?»

Затем попросил слова шеф жандармов Дрентельн. Он начал с того, что ему, по его должности, близко известно настроение умов; что общество не только в столицах, но и в губерниях находится теперь в весьма напряженном настроении; что почти все недовольны и ждут чего-то, причем многие думают, что спасение отечества заключалось бы в конституции. Издание проекта великого князя в торжественный день 25-летия царствования государя, конечно, при особом манифесте или указе, произвело бы, в первую собственно минуту, самое благоприятное впечатление; но оно продолжалось бы весьма недолго, так как тотчас же поняли бы, что изданный новый закон, который, по выражению князя Урусова, непременно принят был бы за дар или уступку, не имеет в действительности значения конституционного. Тогда начались бы нападки на него со стороны печати, а ей стало бы вторить и все общество. Одним словом, создались бы для правительства новые, нескончаемые затруднения. Ввиду этого Дрентельн полагал бы не входить теперь в рассмотрение проекта.

Вполне согласно с Дрентельным высказался и Маков. К этому он прибавил, что, по его мнению, привлечение сил общественных к обсуждению

законодательных дел, в сущности, весьма полезное и желательное, должно быть отсрочено на некоторое время еще и потому, что мы находимся теперь в положении крайне ненормальном. Бесчинства и преступления социалистов вызвали передачу дел политических военным судам и учреждение нескольких генерал-губернаторств, с предоставлением генерал-губернаторам диктаторской власти. При таких обстоятельствах и ввиду крайностей, в которые вдаются некоторые генерал-губернаторы, можно смело сказать, что в иных частях империи не существует ни закона, ни правильно устроенного управления. Поэтому, как только дозvoлят обстоятельства, нужно будет озаботиться сначала отменю чрезвычайных законов, потом уже приступить к расширению прав, присвоенных обществам и сословиям».

Великий князь терпеливо выслушал все эти соображения. Когда Маков кончил, его высочество сказал, что он и со своей стороны вполне соглашается с мыслью о неудобстве издать проектированный им закон в торжественный день 19 февраля, к которому, как известно, ожидают дарования всевозможных льгот. Проект, утвержденный в этот день, действительно получил бы значение несравненно большее, чем он в действительности имеет, и потому впоследствии породил бы разочарование. Но, составляя свой проект, великий князь никогда и не думал об издании его к какому-либо торжественному дню, при особом манифесте или указе. По его мнению, составленный им проект есть просто дело полезное, даже необходимое; но чем скромнее и проще оно будет сделано, тем лучше.

Затем великий князь признал также всю правильность приведенных Маковым соображений о ненормальности нынешних наших обстоятельств и о необходимости прекратить неурядицу, созданную генерал-губернаторским произволом. Но, по мнению его высочества, отмена или ограничение исключительных законоположений не должны препятствовать заботам о возможно успешном рассмотрении законодательных дел. Напротив того, меры, принимаемые

в этом отношении, помогут правительству в изыскании наилучших средств к устройству управления, согласного с действительными потребностями страны. К тому же обращение к общественному мнению или, правильнее, к официальным, естественным его представителям, принято будет весьма сочувственно всеми благомыслящими людьми, которые справедливо жалуются, с одной стороны, на укореняющийся у нас все более и более административный произвол, а с другой — на то, что издаваемые новые законы часто не соответствуют практическим условиям русской жизни. По этим соображениям, великий князь полагал бы, не издавая проектированных им правил 19 февраля и вообще не облакая их в какую-либо торжественную форму, дать им дальнейший ход в виде узаконения просто полезного. Внесение проекта в Государственный совет могло бы быть предоставлено министру внутренних дел.

Против этого не было заявлено возражений и суждения перешли к практической стороне дела, т.е. к удобству осуществления проекта.

Министр внутренних дел и шеф жандармов заявили, что они опасаются многочисленного собрания гласных, которые, подчиняясь влиянию печати, большею частью враждебной правительству, могли бы составить опасную ему оппозицию.

Великий князь объяснил тогда, что он не полагает, чтобы печать могла иметь на гласных большое влияние, но что если бы это и случилось, то противодействием будет служить естественное, необходимое сближение депутатов с правительственными деятелями, с которыми они будут находиться в постоянных официальных сношениях, а кроме того, будут часто встречаться с ними и в частных собраниях, на вечерах, обедах и т. п. Приемы этого рода со стороны высших должностных лиц совершенно необходимы; они имеют благотворное влияние, сближая и ознакомляя между собою представителей различных воззрений, людей кабинетных и людей практических, имеющих многому поучиться одним у других. Затем его высоче-

ство вовсе не предполагает созывать депутатов в значительном числе, к чему проект его представляет всю возможность. Кроме того, можно было бы постановить, чтобы проекты важных узаконений, в отношении к которым желательно знать мнение представителей всех частей империи, рассматривались последовательными сериями депутатов.

Против этого возразил Валуев, говоря, что ни у одного министра не останется ни времени, ни терпения, для защиты своих предположений по несколько раз перед собраниями различного состава. Не знаю, почему, Петр Александрович вздумал сослаться на меня, прибавив, что, при моей опытности в деле коллегиального обсуждения проектов, я, вероятно, поддержу его мнение.

Вызванный таким образом на объяснения, я сказал, что, по моему мнению, последовательное рассмотрение одного и того же проекта различными собраниями было бы неудобно. Такой способ обсуждения законодательных дел был бы непрактичен главным образом потому, что потребовал бы чрезвычайно много времени; каждая серия гласных занималась бы рассмотрением сложных проектов никак не менее нескольких месяцев, а вследствие того, при необходимости неоднократного возобновления суждений в различных собраниях, проект достигал бы Государственного совета лишь по истечении трех или четырех лет. Подобная медленность породила бы накопление дел и была бы вообще вредна. Кроме того, последовательное рассмотрение проекта во многих собраниях было бы неудобно еще и в том отношении, что весьма трудно было бы согласить между собою замечания, сделанные в разных собраниях и внушенные воззрениями, не всегда одинаковыми. По этим соображениям предложение, сделанное в заседании его высочеством, представляется мне едва ли полезным. Впрочем, в нем нет и особой надобности, так как в проекте великого князя содержатся другие постановления, посредством которых может быть устранена излишняя многочисленность собрания. В случае

необходимости постановления эти могут быть еще развиты при подробной разработке проекта.

Великий князь воспользовался моими последними словами и сказал: «Конечно, проект мой был составлен 13 лет тому назад, и он требует некоторой разработки в подробностях. Мы воспользуемся тогда сделанными сегодня указаниями».

На этом заседание окончилось. Вставая и прощаясь с членами Совещания, великий князь сказал им, что просит их быть послезавтра, для возобновления суждений в присутствии цесаревича.

25 января

Ровно в час цесаревич вошел в кабинет великого князя, где я находился минут около десяти для предварительных объяснений. Поздоровавшись с наследником, великий князь предложил идти в залу Совещания, и мы отправились. Когда уселись, великий князь Константин Николаевич с замечательными подробностью и беспристрастием воспроизвел все суждения, бывшие третьего дня, и заключил их тем, что Совещание, не признавая удобным издать проект к 19 февраля, находит его, однако, в общих чертах полезным; поэтому проектированные правила, по некоторой разработке их, могут пригодиться в близком будущем: не сегодня, так завтра.

«Я не разделяю этого взгляда, — решительно сказал цесаревич. — По моему мнению, проекта не нужно издавать ни сегодня, ни завтра. Он есть, в сущности, начало конституции, а конституция, по крайней мере надолго, не может принести нам пользы. Выберут в депутаты пустых болтунов-адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой. И в западных государствах от конституции беда. Я расспрашивал в Дании тамошних министров, и они все жалуются на то, что благодаря парламентским болтунам нельзя осуществить ни одной действительно полезной меры. По моему мнению, нам нужно теперь заниматься не консти-

туционными попытками, а чем-нибудь совершенно иным.

Я думаю так потому, что со всех сторон слышу о том, что происходит в наших выборных учреждениях. Земские собрания и городские думы бездействуют; очень часто заседания не могут состояться за неприбытием гласных. При такой апатии общества нельзя ожидать выбора толковых и полезных людей».

«Выборные учреждения наши действуют, конечно, не блестяще. Но не их вина в этом, — возразил великий князь. — Недоверием своим и придирками правительство сделало все возможное, чтобы воспрепятствовать правильному развитию земства. Понятно, что все порядочные люди устранились от деятельности в нем. Но я уверен, что коль скоро правительство вновь обратит на земство должное внимание и окажет доверие ему, то изменится и нынешняя его обстановка».

После небольшой паузы начал Маков: «Ваше высочество изволите обвинять правительство, укор этот упадает главным образом на Министерство внутренних дел. Поэтому я считаю обязанностью сказать несколько слов в его оправдание. Если и бывали иногда ошибки со стороны министерства, то они были невольные. Мы всегда относились сочувственно к земству и вообще к выборным учреждениям. К сожалению, заботы министерства не увенчались успехом. Его императорское высочество государь наследник цесаревич совершенно прав, говоря, что выборные учреждения наши бездействуют. В теории земство, городские думы и все вообще учреждения общественные — прекрасны; на деле же от них очень мало пользы. Смею уверить, что разные отрасли управления идут несравненно лучше там, где нет земства. В виде примера я могу привести дело предупреждения и прекращения заразы на скот. В западных губерниях, где нет земства, дело это идет несравненно успешнее, нежели в великороссийских губерниях».

Великий князь улыбнулся, но не сказал ничего. В свою очередь Валуев произнес приблизительно-

но следующее: «Действительно, ваше императорское высочество, выборные наши учреждения не могут считаться, по крайней мере в настоящее время, удовлетворительными. Будучи в шестидесятых годах министром внутренних дел, я имел счастье представить окончательно на высочайшее воззрение государя императора предположения о предоставлении местным учреждениям заведывания собственными их делами. Предположения эти, по обсуждению их в Государственном совете, удостоились утверждения Его Величества. Таким образом, возникло у нас земство если и не по моей инициативе, то по крайней мере при усердном моем содействии. Мною же возбужден был вопрос о преобразовании городского общественного управления, следовательно, я могу быть заподозрен в том, что склонен относиться скорее пристрастно, чем враждебно к выборным учреждениям нашим. Между тем я должен повторить отзыв, сделанный в сегодняшнем заседании его высочеством наследником цесаревичем, подтвержденный и нынешним министром внутренних дел, о том, что земские собрания и нынешние городские думы бездействуют; учреждения эти далеко не приносят стране той пользы, которой ожидало от них правительство. Поэтому предоставлять земским собраниям новые, весьма широкие права было бы неблагоприятно».

С другой стороны, я не вижу никакой необходимости и даже пользы от предварительного рассмотрения законодательных дел представителями общества. Правительство стоит у нас, во всех отношениях, несравненно выше каких бы то ни было местных представителей. Вследствие того оно не нуждается в проверке своих предположений и взглядов воззрениями людей, живущих в малых городах или в уездах, а потому несравненно менее образованных и развитых. Я желал бы знать, какую можно извлечь пользу из того, что скажет по законодательному проекту представитель какого-либо Царевококшайска или Козьмодемьянска? Говорю это по собственному опыту, потому что имел часто дело с так называемыми зако-

нодательными экспертами. В виде примера позволю себе привести два указания. В Государственный совет были приглашены эксперты, когда рассматривался проект положения о земских учреждениях. И что же? Ни одного их замечания, ни одного их предложения принять было невозможно. Затем на меня выпала тяжкая доля председательствовать в составленной по преимуществу из местных представителей Комиссии по рабочему делу. Мы провели за этим делом около двух лет, и я могу прямо сказать, что, несмотря на все мои старания, из этого дела не вышло ничего.

Ваше высочество, по всем этим уважениям⁴ я разделяю вполне мнение государя наследника цесаревича о невозможности осуществления проекта вашего императорского высочества. Затем, если бы по каким-либо иным, более важным соображениям, верховною властью признано было уместным и нужным призвать представителей общества к участию в обсуждении законодательных дел, то к важной этой мере следует приступить не путем некоторого лишь развития и обобщения начал, существующих в нашем именно законодательстве, — как ваше высочество изволите полагать, — но путем усвоения нами, хотя, может быть, и не вдруг, а постепенно, общих конституционных порядков, составляющих достояние всего образованного мира».

По окончании речи Валуева князь С. П. Урусов указал на сделанное в прошлом заседании министром внутренних дел и шефом жандармов заявление о том, что созыв многочисленного собрания депутатов, которые легко поддадутся влиянию печати, могло бы составить официальную, так сказать, оппозицию правительству. Со своей стороны, князь Урусов уверен, что в подобном собрании часто будут происходить скандалы, в высшей степени неприятные, и которые в скором времени повлекут за собою закрытие собрания, а это произвело бы весьма грустное впечатление на все общество.

Валуев, Дрентельн и Маков одобрительно качали головою.

Великий князь был очевидно возмущен объяснениями Макова, Валуева и Урусова, тем не менее он сдерживался. Это стоило ему больших усилий: его постоянно подергивало.

Когда Урусов замолк, его высочество сказал: «Я вижу, что проект мой не встречает сочувствия. Хотя я в корне не согласен со всем тем, что было здесь говорено, я, несмотря на это, не считаю нужным защищать теперь свои убеждения. Я уверен, что сегодня никто со мною не согласится. Поэтому мне остается последовать примеру Петра Александровича, т. е. взять свой проект обратно, предоставив себе право представить его вновь государю, когда это окажется своевременным».

Затем великий князь обратился к цесаревичу: «С проектом моим мы покончили. Но в возражениях против него ты сказал между прочим, что нам следует заниматься теперь не конституционными попытками, а чем-либо совершенно иным. Может быть, ты пожелаешь пояснить свою мысль. Мы были бы очень рады тебя выслушать».

Цесаревич отвечал: «Мысль моя очень проста. Я нахожу, что мы находимся теперь в положении почти невозможном. В управлении нет никакого единства. Не говоря уже о генерал-губернаторах, из которых некоторые творят Бог весть что, я не могу не сказать, что единства нет и между министрами. Все идут вразброд, не думая об общей связи. Мало того, некоторые из них думают больше о своем кармане*, чем о ведомстве, которое им поручено. Мы должны доложить государю о необходимости установить связь в управлении и держаться какой-либо одной общей системы».

«К этому я присоединяюсь от всей души, — сказал великий князь Константин Николаевич. — Я с самого начала постоянно возражал против произвола генерал-губернаторов и невозможности иметь в государстве нескольких почти самодержавных монархов. Ты идешь еще дальше и желаешь, чтобы министры дей-

* Вероятно, намек на Грейга и кн. Ливена.

ствовали единодушно, по общей системе. Я и с этим вполне согласен. По всей вероятности, с этим согласятся и все присутствующие здесь. (Все молча поклонились.) Но как же поступить нам? Государь поручил нашему Совещению обсудить, в общих чертах, представленные ему проекты П. А. Валуева и мой. Это мы исполнили... забраковали оба. Я, как председатель Совещения, обязан доложить об этом. Но я не могу говорить от имени Совещения о таком предмете, обсуждение которого нам не было поручено... Мне кажется, Саша, что лучше всего будет, если ты сам доложишь об этом государю как о своей мысли, при этом ты можешь, конечно, сказать, что ты заявлял ее Совещению и что она встречена была сочувственно мною и другими членами».

Валуев, Урусов, Дрентельн и Маков единогласно заявили, что такой путь действительно будет наилучший.

Заседание окончилось. Простившись со всеми членами, великий князь проводил цесаревича к себе в кабинет, пригласив меня немного подождать в приемной. Ждать мне пришлось недолго. Цесаревич уехал минут через пять. Тогда меня позвали к великому князю.

«Мысль цесаревича очень хороша, — сказал его высочество. — Я очень просил его доложить о ней государю... А что вы скажете про сегодняшнее заседание?»

«Я скажу, ваше высочество, что в усердии вторить цесаревичу Маков, вернувшись домой, распорядится, может быть, изготовлением проекта об упразднении всех выборных учреждений». — Великий князь расхохотался.

«А что скажете вы про Валуева? Не правда ли, он был прелестен со своим Царевококшайском и Козьмодемьянском?»

Я отвечал, что никогда не считал Валуева ни истинно государственным человеком, ни даже рыцарем чести и своих убеждений, а только придворным, но что неприличие сегодняшней его речи превзошло всякую меру. Как мог он, будучи автором конститу-

ционного проекта, несравненно более либерального, позволить себе отрицать всякую пользу участия представителей общества в обсуждении законодательных дел? Неужели же он считает всех нас такими простаками, что мы не поймем его передержки? Я уверен, что и цесаревич понял его двуличие.

«Конечно, — сказал великий князь. — Но Бог с ним! Обратимся к делу. Вот вам моя записка, переделайте ее согласно тому, как мы условились. В подробностях я вас не стесняю. Затем изложите также главные возражения, сделанные в Совещании, и объяснения против них. *C'est un travail de longue haleine**, займитесь этой работой в свободные минуты. Надеюсь, что вы об этом никому говорить не будете. В случае надобности, можете посоветоваться с Сольским. От него это дело ведь не секрет».

Я, с моей стороны, попросил позволения посоветоваться также и с Абазою.

«Ладно, — сказал великий князь, — он тоже человек полезный».

*С. - Петербург.
28 сентября 1880 г.*

Минувшим летом я воспользовался для отдыха и для чтения, на которое зимою почти нет времени. Между тем я успел также составить записку, порученную мне великим князем Константином Николаевичем, о призыве в Государственный совет экспертов, — или, вернее, переделать и дополнить первоначальную записку его высочества.

Вот проектированное мною новое ее изложение:

«Испытанная веками, непоколебимая преданность русского народа венценосным его вождам — не подлежит сомнению. В среде людей благомыслящих, составляющих, к счастью, огромное большинство населения, преданность эта могла только усиливаться в нынешнее царствование, являющее со-

* Это продолжительная работа (фр.). — Прим. ред.

бою редкий во всемирных летописях пример постоянного и неослабленного стремления монарха к дарованию подданным всех тех прав и льгот, которые совместимы с современным состоянием народного развития.

И, несмотря на то, в различных слоях нашего общества, наряду с беспредельною любовью к священной особе Его Императорского Величества, замечается, к прискорбию, некоторое недовольство. Хотя оно и не высказывается открыто, тем не менее недовольство это несомненно существует, проявляясь и в речах, произносимых в общественных и сословных собраниях, в печати и, особенно, в частных беседах. Скрывать от себя такое настроение общества было бы неблагоприятно. Напротив того, необходимо обратить на него особенное внимание, исследовать его причины и, изыскав средства к предотвращению дальнейшего развития такого явления, столь у нас ненормального, принять меры к удовлетворению тех желаний общества, которые окажутся разумными и справедливыми.

Задача эта — весьма сложная и трудная, а удовлетворительное разрешение ее во всем объеме потребовало бы многосторонних предварительных соображений. Ввиду этого, не вдаваясь здесь в подробное обсуждение причин замечаемого недовольства и средств к его устранению, я в то же время, как председатель Государственного совета, считаю священным верноподданническим долгом откровенно выразить мысли мои относительно той собственно стороны предмета, которая имеет непосредственную связь с деятельностью законодательною.

Оставляя в стороне безумные мечтания людей крайних, помышляющих о совершенном перевороте государственного нашего строя или по крайней мере об ограничении самодержавия, без которого Россия в настоящее время, по глубокому моему убеждению, была бы на краю гибели, — я признаю необходимым остановиться на суждениях большинства мыслящих людей, которые, хотя и порицают многие из суще-

ствующих у нас порядков, но в то же время состоят из лиц вообще умеренных и преданных правительству. При всем разнообразии этих суждений в них преобладает в сущности одна и та же мысль: «До государя правда не доходит, администрация и бюрократия нами завладели, чиновничество стоит неодолимою стеною между государем и его Россией, государь окружен опричниками...» и т. п. Везде повторяется, в различных только выражениях, одно и то же сетование: *«До государя правда не доходит!»*

В сетовании этом, как мне кажется, обнаруживается то истинно серьезное желание, которое может и должно быть удовлетворено.

Но как исполнить это?

Прежде всего необходимо, по моему мнению, держаться того основного взгляда, что заботливое применение и дальнейшее развитие добрых начал, существующих уже в отечественном законодательстве, должно быть безусловно предпочтительно заимствованию иностранного, не всегда соответствующего нашим потребностям. Этим путем, я уверен, представлялось бы возможным достигнуть желаемой цели, без малейшего прикосновения к священным правам Самодержавия.

В действующих наших законах есть уже три весьма важных постановления, которые требуют некоторого лишь обобщения и развития.

Во-первых, наше законодательство дарует сословиям и обществам (дворянству уже около столетия) такое право, которое в иностранных государствах приобреталось потоками крови, которое там считается первым и самым важным залогом политической свободы и которое между тем у нас не довольно высоко ценится, а в иных случаях и забывается: это — *le droit de pétition*, право заявления своих нужд, принадлежащее дворянству за силою статьи 142 (Т. IX, Закон о состояниях), и распространенное впоследствии как на земские собрания (Т. II, «Общие губернские учреждения», ст. 1818, п. 12), так и на городские думы (там же, ст. 1949, п. 5).

Затем, во-вторых, дворянство имеет право выбирать депутатов, представляемых каждым уездом на случай вызова их правительством для объяснения ходатайств дворянства (Т. IX, Закон о состояниях, ст. 144). Это последнее право, благодаря бюрократическим приемам нашей администрации, оставалось в законе мертвою буквою. Между тем, в случае действительного исполнения мудрой мысли законодателя, начертавшего приведенное важное правило, трудная задача государственного управления намного облегчилась бы, так как правительству представилась бы возможность узнавать обстоятельно истинные причины, вызывающие то или другое ходатайство, которые не всегда излагаются с надлежащею ясностью и полнотою.

Наконец, в-третьих, на основании статьи 12 «Учреждения Государственного совета», в департаменты оного, по усмотрению их, могут быть приглашаемы к совещанию и лица посторонние, от коих, по свойству дела, можно ожидать полезных объяснений. На практике правило это применяется довольно часто, но очевидно, что Государственный совет может приглашать в свои заседания лишь лица, находящиеся на жительстве в С.-Петербурге и, следовательно, мало знакомые с современными потребностями большей части местностей обширного нашего отечества, которые находятся в условиях, вовсе не соответствующих строго столичной жизни и притом крайне разнообразных. Ввиду этого, в исключительных случаях, по делам особой важности, испрашиваемо было высочайшее соизволение на вызов в Государственный совет или же в различные подготовительные комиссии земских, городских или сословных должностных лиц из разных частей империи. Выслушивание приглашенных таким образом экспертов приносило большей частью несомненную пользу в том отношении, что предоставляло правительству возможность сообразить предположения кабинетные, иногда отвлеченные, с действительными потребностями русской жизни.

Исходя из приведенных трех существующих уже в нашем законодательстве начал и признавая необходимым несколько развить их, придав им значение более общее, я предложил бы воспользоваться ими для созыва, по мере надобности, при Государственном совете совещательного собрания из экспертов или гласных, особо избираемых для сего губернскими земскими собраниями и городскими думами наиболее значительных городов. Собранию этому я полагал бы поручить, на основании проектированных мною подробных правил, предварительное рассмотрение законодательных предположений, требующих ближайшего соображения с местными потребностями, а также предварительное обсуждение ходатайств земских и дворянских собраний и городских дум.

Основная мысль этого предположения, представленного мною государю императору несколько лет тому назад и которое соглашено теперь, по указаниям моим, с нынешним состоянием нашего законодательства, была, по высочайшей воле, предварительно обсуждаема в январе месяце нынешнего года в Особом совещании из лиц, указанных Его Величеством, — преимущественно с той точки зрения, не следует ли воспользоваться проектированными мною правилами для изданий их при особом высочайшем манифесте или указе в торжественный день 25-летия царствования Его Императорского Величества?

В отношении к этому вопросу и вообще по существу проектированных мер в Особом совещании было высказано, между прочим, следующее:

1) что издание предположенного мною узаконения в торжественный день 25-летия благополучного царствования государя императора придало бы ему значение несравненно бóльшее, чем оно имеет в действительности. Общество приняло бы его за дар или за уступку со стороны верховной власти и было бы впоследствии разочаровано, когда убедилось бы, что изданный манифест или указ не имеет значения конституционного;

2) что если рассматривать проектированные мною меры не в смысле дара или уступки, а в виде мероприятия вообще полезного и имеющего способствовать более правильному и успешному обсуждению законодательных предположений, — то и эта цель едва ли будет достигнута. Весьма вероятно, что избрания в гласные будут домогаться и в действительности нередко достигать не одни люди серьезные, знающие потребности своей местности, а наряду с ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, которые будут заботиться не столько о пользе общей, сколько о приобретении себе популярности, возвышения или иной выгоды;

3) что созыв многочисленного собрания гласных, которые легко поддадутся влиянию печати, может создать для правительства большие затруднения искусственным составлением опасной оппозиции;

наконец, 4) что у нас правительство стоит неизмеримо выше каких бы то ни было местных представителей. Вследствие того оно не нуждается в проверке своих предположений и взглядов воззрениями людей, живущих в малых городах или в уездах, а потому несравненно менее образованных и развитых. Если же по каким-либо другим, более важным соображениям верховною властью признано будет уместным и нужным призвать представителей общества к участию в обсуждении законодательных дел, то к важной этой мере следует приступить не путем некоторого лишь развития и обобщения начал, существующих в нашем собственно законодательстве, но путем усвоения нами, хотя, быть может, и не вдруг, а постепенно, общих конституционных порядков, составляющих достояние всего цивилизованного мира.

Приведенные соображения требуют некоторых с моей стороны объяснений.

1. Что касается неудобства издать проектированные мною меры в торжественный для России день 19 февраля 1880 года (чего, впрочем, мною и не было предлагаемо), то я вполне согласился в заседании с правильностью высказанных по этому вопросу соображений. Считая свой проект не таким актом внут-

ренной политики государства, который предназначен был бы произвести впечатление на умы в том или другом смысле, а делом несравненно более скромным, полезным собственно в практическом отношении, я не встретил препятствия отложить дальнейшее движение проекта, сохранив за собою право представить его вновь на высочайшее благоусмотрение государя императора, когда это окажется своевременным.

2. Переходя к другим замечаниям, заявленным в Особом совещании, и оставаясь по существу предмета при прежних моих убеждениях, я не могу тем не менее не признать, что опасение насчет возможности выбора в гласные адвокатов имеет действительное основание. Между тем избрание таких лиц было бы, и по моему мнению, нежелательно. Посему, вполне присоединяясь к основной мысли сделанного в этом отношении заявления, я признал необходимым дополнить первоначальный мой проект правилом о том, что в гласные не могут быть избираемы присяжные поверенные, их помощники и ходатаи по судебным делам.

Устранению праздной болтовни будет отчасти способствовать и другое предлагаемое мною ныне постановление, по которому журналы совещательного собрания должны быть составляемы не Государственной канцелярией, а самими гласными, избираемыми для сего собранием. При возлагаемой на них таким образом обязанности изложить на письме все заявленные в собрании соображения, гласные, естественно, будут заниматься по преимуществу самим делом, воздерживаясь от суждений, прямо к нему не идущих.

Независимо от упомянутого выше недопущения в состав совещательного собрания адвокатов, я нахожу нужным воспретить избрание в гласные также и лиц, состоящих на государственной службе по определению от правительства. К этому побуждает меня следующее соображение. В состав совещательного собрания желательно привлекать людей, действительно знакомых на практике с местными потребностями различных частей государства, а отнюдь не чинов-

ников, отзывы которых, в случае надобности, всегда могут быть истребованы их начальством. К тому же неудобно было бы, чтобы проекты, внесенные в Государственный совет министрами и главноуправляющими, разбирались, хотя и предварительно, лицами, прямо им подчиненными.

3. Затем я, с моей стороны, вовсе не разделяю другого заявленного в Особом совещании опасения, заключающегося в том, что созыв совещательного собрания гласных может создать для правительства большие затруднения.

Опасность подобного рода была бы, по моему мнению, возможна в том только случае, если бы собрание было весьма многочисленное, если бы в гласные допускались все без разбора, если бы заседания собрания были постоянные и притом публичные, наконец, если бы собрание было предоставлено самому себе, без всякого надзора со стороны правительства.

Ничего подобного в проектированных мною правилах не предлагается.

Относительно численного состава совещательного собрания, необходимо иметь в виду, что мною предположено избирать только по одному гласному от каждой губернии, где введены земские учреждения (35 губ.), и по одному же гласному от одиннадцати наиболее значительных городов, затем, хотя в проекте упоминается также об избрании гласных от губерний, в коих не введены еще земские учреждения, но это сделано главным образом для того, чтобы законом признано было в принципе право представительства за всеми без изъятия частями империи; самый же вызов гласных от губерний, где нет земских собраний, не представляется безусловно необходимым, на первое по крайней мере время. Посему порядок избрания их, ныне даже не предначертанный, предполагается определить впоследствии.

Таким образом, в первые годы действия проектированных мною мер полный состав совещательного собрания ни в каком случае не превышал бы 46 гласных (35 гласных от земских собраний и 11 глас-

ных от городов). Но он может быть и менее. Из осторожности, особенно необходимой на первых порах, мною предлагается постановить, что гласные могут быть созываемы и не в полном составе, а от тех только губерний и городов, которые будут означены в высочайшем указе о созыве совещательного собрания. Вследствие чего правительство будет иметь возможность призывать за один раз не более, например, 30 или даже и менее гласных. Кроме того, я признаю возможным, в случае оказавшейся на опыте особой необходимости, подразделять собрания на отделения, поручив каждому соображение различных дел. Таким образом, возникшая оппозиция могла бы быть тотчас же разъединена и обессилена. Благодаря всем этим предохранительным мерам численный состав гласных, обсуждающих тот или другой проект или же то или другое ходатайство, может быть низведен до самых незначительных размеров.

С другой стороны, собрания не будут постоянные и не для рассмотрения всех вообще дел, а временные, на срок, точно определенный правительством, с указанием и самых дел, подлежащих обсуждению собрания. Возбуждать вопросы новые или вообще выходить из пределов предложенных вопросов гласные не должны иметь права. Председательство в совещательном собрании возлагается на членов Государственного совета, высочайшею волею к сему призванных. В заседаниях собрания участвуют министры и главноуправляющие. Наконец, заседания предполагаются непубличные, причем доступ в оные разрешается только членам Государственного совета и весьма немногим из чинов Государственной канцелярии.

С принятием всех этих мер предосторожности совещательное собрание гласных очевидно не может представить ни малейшей опасности для правительства.

В связи с изложенным считаю нужным остановиться еще на одном обстоятельстве, имеющем, по моему мнению, некоторую важность. Ввиду недопущения в число гласных адвокатов и лиц, состоящих на службе по определению от правительства, собрание

будет состоять, по крайней мере в большинстве случаев, из лиц, действительно представляющих местные интересы уездов и городов. Трудно предполагать, чтобы такие люди легко поддавались влиянию неблагонамеренных органов печати. Но если бы это иногда и случалось, то, с другой стороны, вызванные в столицу гласные, без сомнения, будут весьма нередко приходить в соприкосновение с лицами правительственными, будут объясняться с ними по делам своей местности, будут также беседовать с ними в частных собраниях. Таким образом, они близко ознакомятся с правительственными деятелями, оценят их и усвоят себе многое, до того времени им неизвестное или непонятное. Такое сближение и обмен мыслей будут во всех отношениях благодетельны, так как и деятели правительственные, в свою очередь, узнают об уездной жизни многое, чего не могут они знать из деловых бумаг и официальных сношений.

4. Остается рассмотреть еще одно из заявленных в Особом совещании возражений, именно то, в котором подвергается сомнению сама польза предлагаемых мною мер.

Нисколько не отрицая, и с моей стороны, справедливости того, что не только все первостепенные должностные лица, но и ближайшие их сотрудники большею частью обладают у нас образованием высшим, нежели лица, постоянно живущие в уездах, — я нахожу, однако, что из этого нельзя еще выводить заключения о бесполезности проверки составляемых в министерствах законодательных предположений отзывами людей практических. Вопрос заключается не в превосходстве одних воззрений над другими (я совершенно убежден, что проекты, составленные местными исключительно деятелями, были бы во многих отношениях менее удовлетворительны, в сравнении с предначертаниями министерств), а в том, что предположения законодательные должны быть подвергаемы соображению возможно многостороннему, т. е. не только с точки зрения высших государственных или научных начал, но также

и со стороны возможности и удобства действительного их применения в той или другой местности. В этом отношении лица, служащие в центральных управлениях, живущие постоянно в столице и обремененные массою текущих письменных дел, не всегда имеют вполне достаточные сведения. По этой причине предположения министерств, хотя и превосходно иногда разработанные с теоретической собственно стороны, нередко расходятся с потребностями действительной жизни и далеко не приносят той пользы, которой желает правительство.

Такой взгляд на необходимость соображения законодательных дел при участии местных деятелей, в сущности, уже усвоен нашим правительством, так как все важнейшие законодательные акты, составляющие славу нынешнего царствования, были обсуждаемы Государственным советом по предварительному рассмотрению их при участии местных деятелей. Достаточно указать на Положение о крестьянах 19 февраля 1861 года, на Положение о земских учреждениях, на уставы судебные, на Городовое положение 1870 года и на Устав о воинской повинности. Все эти законы привились к жизни и потребовали до сих пор весьма немногих в них изменений. Напротив того, узаконения, не соображенные предварительно с практической стороны, нередко оказывались в действительном применении их неудовлетворительными. Иногда они оставались мертвою буквою, в иных случаях требовали частых изменений и дополнений, не согласных даже с основной мыслью заданного закона, иногда же приносили положительный вред. В виде примера узаконений неудавшихся можно указать на нотариальное положение 1865 года, которое, как неоднократно заявляемо было Министерством юстиции, постоянно возбуждает неудовольствие вследствие чрезвычайной затруднительности предписанного им порядка совершения актов на недвижимые имущества, особенно ощутительной по отношению к имуществам малоценным. Нельзя также не упомянуть о законе 1 июня 1865 года, по коему людям, исключенным из среды

городских и сельских обществ, предоставлено было право приискивать себе, в течение нескольких месяцев, другие места приписки и водворения. По издании этого закона до такой степени увеличилось число бродяг и совершаемых ими преступлений разного рода, что оказалось необходимым немедленно приостановить его действие в административном порядке. Явления подобного рода, в высшей степени прискорбные, наносят существенный ущерб достоинству и авторитету правительства. Между тем нельзя сказать, чтобы проекты обоих упомянутых узаконений составлены были неудовлетворительно. И тот и другой составлялись лицами весьма даровитыми, образованными, заслуженными и уважаемыми; затем проекты эти рассматривались коллегиально и сообщались на заключение различных ведомств. Одним словом, сделано было все, что только возможно в порядке бюрократическом. Единственный пробел при разработке проектов заключался в том, что кабинетные труды не были проверены с точки зрения условий и потребностей местных.

В Особом совещании, при предварительном обсуждении вопроса о пользе участия людей практических в соображении законодательных мер, было указывается между прочим на то, что эксперты, вызванные в Государственный совет в 1863 году по проекту положения о земских учреждениях, принесли мало пользы. Безусловно согласиться с этим нельзя, так как многие статьи проекта были исправлены в подробностях по замечаниям приглашенных лиц. Но если участие экспертов в этом важном деле и не принесло всей той пользы, которой следовало ожидать, то это зависело, по моему мнению, главным образом от не вполне удачного выбора экспертов: приглашены были только столичные губернские предводители дворянства и столичные же городские головы, т. е. лица, весьма мало знакомые с уездною жизнью. Как известно, Городовое положение 1870 года, предварительно соображенное при участии довольно значительного числа лиц, вызванных из разных местностей империи, и ис-

правленное по их указаниям, вышло во многих отношениях несравненно совершеннее положения о земских учреждениях.

Итак, выслушивание людей практических оказывается вообще полезным. При всем том нельзя не сознаться, что соблюдавшийся до сих пор у нас порядок выбора экспертов едва ли может быть признаваем вполне удовлетворительным. Назначение их правительством по спискам предводителей дворянства, председателей земских управ и городских голов — далеко не соответствует истинной пользе. Избирающим экспертов центральным управлениям призываемые лица бывают вообще мало известны, почему и самый выбор их бывает не всегда удачен. Можно весьма добросовестно исполнять обязанности предводителя, городского головы или председателя земской управы и в то же время не совмещать в себе тех условий, которые необходимы для основательного соображения важных законодательных мер.

Нужды и потребности населения могут быть с полным успехом заявляемы правительству только людьми, избранными населением для этой именно цели. Согласно сему основному началу, мною предлагается, чтобы совещательное собрание состояло из лиц, избранных не правительством, а самими общественными учреждениями. В таком только случае будет устранено приведенное мною в начале настоящей записки, столь часто слышимое у нас сетование на то, что «до государя правда не доходит». При пополнении же собрания путем выборным местные общественные органы будут, по всей вероятности, избирать в гласные людей наиболее способных, опытных и близко знающих потребности своей местности. При участии таких экспертов польза предварительного соображения законодательных дел не может подлежать сомнению.

В заключение я должен объяснить, почему, несмотря на глубокое убеждение в необходимости привлечения сил общественных к обсуждению проектов новых законов, мною предлагается лишь урегулировать и несколько развить соблюдаемый уже ныне порядок

и почему я предпочитаю этот способ усвоению нами, хотя бы на первый раз и не в полной мере, общепринятой на Западе парламентской системы.

Как выше мною уже заявлено, развитие и постепенное усовершенствование существующего, по моему мнению, всегда лучше заимствования нового, неизведанного и, быть может, нам даже не вполне пригодного. Но кроме того, в случае введения у нас народного представительства по иностранному образцу, как бы осторожно ни поступила верховная власть (не даровав, например, в начале собранию представителей решающего права голоса), невозможно было бы избежать при этом огромного числа гласных как представителей интересов всех сколько-нибудь крупных территориальных единиц, входящих в состав обширной империи. С другой стороны, нельзя было бы обойтись и без некоторой торжественности всей внешней обстановки собрания, между тем торжественность эта обыкновенно порождает в представителях, особенно в странах, не свывшихся еще с парламентскою деятельностью, стремление к произнесению блестящих речей и желание высказаться перед обществом и печатью резкою независимостью суждений и духом оппозиции. Сделанный правительством при таких условиях первый шаг необходимо повлек бы за собою, в самом непродолжительном времени, второй, третий и последующие шаги, которые привели бы неминуемо к водворению полной конституции, столь нежелательной у нас в настоящую пору. Между тем отступление было бы уже невозможно без возбуждения общего ропота и неудовольствия.

Предлагаемая мною мера, не имеющая значения политического, не представляет подобной опасности. Способствуя более зрелому и многостороннему обсуждению законодательных дел и принося таким образом значительную в практическом отношении пользу, она имела бы при этом то весьма важное преимущество, что не обещала бы обществу слишком многого. Проектированный мною закон, если бы он удостоился высочайшего утверждения, ничем бы не стеснил пра-

вительство, которое, по усмотрению своему, могло бы созывать гласных в том или другом числе, на тот или другой срок, для рассмотрения нескольких дел или одного только какого-либо проекта, а в случае неудачи, всегда и везде возможной, — и вовсе воздержаться на некоторое время от созыва совещательного собрания. Одним словом, правительство, не приняв на себя никакого обязательства перед страной, предоставило бы себе только возможность советоваться, когда признает полезным и нужным, с людьми, практически знающими истинные потребности населения.

Ввиду всех изложенных соображений я признавал бы полезным постановить, в дополнение к учреждению Государственного совета, прилагаемые при нем правила.

Проект дополнения к учреждению
Государственного совета.
О совещательном собрании гласных

1. Для предварительного обсуждения законодательных предположений, требующих ближайшего соображения с местными потребностями, созывается по мере надобности Совещательное собрание гласных. Сему же Собранию может быть поручаемо предварительное обсуждение ходатайств земских и дворянских собраний и городских дум (Общие учреждения губернские, ст. 181, п. 12; ст. 1949, п. 5; Закон о состояниях, ст. 142).

2. Совещательное собрание гласных состоит при Государственном совете. О созыве Собрания возвещается именным высочайшим указом на имя Совета, с указанием срока, на который Собрание созывается.

3. Собрание составляется из гласных, особо избираемых для этого:

а) губернскими и областными Войска Донского земскими собраниями, и

б) городскими думами городов: С.-Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Харькова, Риги, Казани, Кишинева, Саратова, Вильны и Тифлиса.

Примечание. Порядок выбора гласных от губерний, где не введены еще земские учреждения, будет определен особо.

4. Гласные избираются земскими собраниями и городскими думами из собственной их среды. От каждой губернии и от каждого из городов, поименованных в пункте «б» статьи 3, избирается по одному гласному.

5. В гласные не могут быть избираемы лица, состоящие на службе по определению от правительства, а равно присяжные поверенные, их помощники и поверенные по судебным делам.

6. О произведенном выборе земские собрания и городские думы сообщают губернатору, который в случае несоответствия избранных лиц требованиям закона (ст. 4 и 5) извещает о том собрание или думу, не позднее трех дней, для производства новых выборов.

7. Совещательное собрание созывается, смотря по надобности, или в полном составе, означенном в ст. 3, или же только из гласных от тех или других частей империи. В сем последнем случае в высочайшем указе о созыве собрания означаются те губернии и города, из коих вызываются гласные.

8. Совещательное собрание может быть подразделяемо, с высочайшего разрешения, испрашиваемого председателем Государственного совета, на отделения для одновременного рассмотрения различных дел. В таком случае к каждому отделению Собрания применяются правила, постановленные ниже в отношении к самому Собранию.

9. При каждом созыве Совещательного собрания для председательствования в нем назначаются высочайшею волею из членов Государственного совета председатель и вице-председатель Собрания. Вице-председатель, принимая постоянное участие в заседаниях Собрания, заступает место председателя в случае болезни или отсутствия его.

10. Дела, подлежащие предварительному обсуждению Совещательного собрания, определяются высочайшими повелениями, испрашиваемыми

председателем Государственного совета по предварительному соглашению с подлежащими министрами и главноуправляющими. Дела эти передаются председателю Собрания государственным секретарем.

11. В заседаниях Совещательного собрания принимают участие министры и главноуправляющие, до предметов ведомства коих относится рассматриваемое дело. При невозможности прибыть в заседание они поручают представление Собранию нужных объяснений своим товарищам, директорам департаментов или другим лицам, специально по делу сведущим.

12. При заседаниях Совещательного собрания имеют право присутствовать члены Государственного совета, государственный секретарь и те чины Государственной канцелярии, которых присутствие в заседании будет признано нужным государственным секретарем. По вопросам о ходатайствах земских и дворянских собраний и городских дум при заседаниях Собрания имеет право присутствовать управляющий делами Комитета министров.

13. Совещательному собранию предоставляется по делам сложным избрать из своей среды подготовительные комиссии, заключения коих представляются Собранию.

14. Нужные Собранию сведения и справки доставляются Государственной канцелярией. Ею же удовлетворяются все потребности Собрания по переписке и печатанию бумаг, рассылке повесток и т. п.

15. Гласные, пользуясь свободой мнений, не должны, однако, выходить из пределов предложенного вопроса.

16. Соображения и заключения Совещательного собрания излагаются в журнале, который составляется гласным-докладчиком, избираемым Собранием для каждого дела. В журнал вносятся и мнения лиц, несогласных с заключением, принятым по большинству голосов.

17. Журналы Совещательного собрания передаются председателями Собрания государственному секретарю. Те из них, которые относятся до предполо-

жений законодательных, вносятся в Государственный совет, заключения же Собрания по ходатайствам земских или дворянских собраний и городских дум направляются в Комитет министров.

18. К обсуждению в департаментах Государственного совета и в Комитете министров дел, предварительно рассмотренных СовеЩательным собранием, приглашаются председатель и вице-председатель Собрания, а также гласный, бывший докладчиком по обсуждаемому делу. Сверх гласного докладчика, в случае надобности, приглашаются для объяснений, как в заседания департаментов и Комитета министров, так и в ОбЩее собрание Государственного совета, те из гласных, которые принимали наиболее деятельное участие в предварительном рассмотрении дела.

19. Сущность объяснений приглашенных гласных записывается в журнал и включается в подносимые государю императору мемории Государственного совета. При мемориях сих и журналах Комитета министров представляются на высочайшее воззрение и сами журналы СовеЩательного собрания.

28 сентября⁵

Вслед за возвращением в Петербург был прежде всего у Сольского. Много говорили мы с ним о событиях минувшего лета.

Брак государя с Долгорукою, по всей вероятности, совершился; но достоверно этого никто не знает, за исключением наиболее приближенных лиц, которые молчат⁶. Говорят, что Адлерберг сильно восставал против брака.

Сольский подтвердил мне слышанное мною уже и прежде, что упразднение Верховной распорядительной комиссии и III отделения Собственной Его Величества канцелярии были в принципе решены еще весною, причем приведение в исполнение обеих этих мер предполагалось только осенью. Лорис-Меликов ускорил принятие их собственно потому, что

опасался усиления Валуева и Макова, которые, желая привлечь на свою сторону общественное мнение, отступили от прежней ретроградной своей политики и испросили разрешение государя заняться пересмотром в либеральном духе положения о земских учреждениях и законов о печати. Дабы предотвратить дальнейшие с их стороны попытки к упрочению их влияния, Лорис поспешил докладом его величеству о возможности закрыть Верховную комиссию, а затем и об упразднении III отделения, с подчинением всей вообще полиции, не исключая и государственной, министру внутренних дел. Понятно, что пост этого министра достался самому Лорису⁷.

Чтобы не раздразнить окончательно Макова, который пользуется особенным покровительством Долгорукой*, необходимо было сохранить за ним какой-либо портфель; иначе он лишился бы занимаемого им прекрасного помещения на Большой Морской и министерского оклада. В видах удовлетворения его выделены для Макова из состава Министерства внутренних дел: бывшее прежде самостоятельным Министерством почт и телеграфов и, сверх того, департамент иностранных исповеданий. Оклад содержания оставлен ему прежний, т. е. по 26 000 рублей в год.

Оставление за Маковым почтового ведомства возбуждает, однако, теперь в Лорисе некоторые опасения, потому что начальник этого ведомства имеет в руках своих страшное политическое орудие — перлюстрацию: письма вскрываются, читаются и, в случае чего-либо выходящего из общего ряда, представляются в подлиннике государю, иногда же из них делаются только выписки, — и это самое опасное, так как в извлечении легко представить содержание письма в извращенном виде. Известен случай

* Маков вообще боится дам. Поэтому, вопреки всем обычаям, он, по назначении своем министром внутренних дел, не представлялся великим княгиням. Между тем, через посредство корпусного своего товарища Рылеева, он познакомился с Долгорукою и очень близок к ней.

с Селиверстовым. Покойный шеф жандармов Мезенцов просил государя о назначении Селиверстова ему в товарищи. Государь изъявил предварительное согласие. Но затем, через два или три дня, когда Мезенцов поднес к подписанию проект указа, его величество сказал, что берет слово свое назад, так как узнал о Селиверстове чрезвычайно невыгодное для него обстоятельство, при этом государь показал Мезенцову представленную почтовым ведомством выписку из корреспонденции Селиверстова, в которой сообщались самые неблагоприятные слухи как о самом государе, так и о великих князьях и о некоторых министрах. Мезенцов был совершенно поражен. Заявив его величеству, что убежден в невинности Селиверстова, которого знает чуть не с детства, он просил разрешения расспросить его самого. Государь согласился. Оказалось, что в письме, извлечение из которого было представлено государю, Селиверстов рассказывал приятелю о весьма огорчавшем его настроении петербургского общества, в котором легко и даже охотно распространяются самые неблагоприятные для правительства слухи, так, например, про государя говорят то-то, про великих князей рассказывают то-то, про министров то-то. Составитель извлечения сохранил только эти слухи, опустив ту часть письма, в которой выражалось несочувствие и даже порицание распространителям подобных вестей.

В настоящем случае, к счастью для Селиверстова, дело разъяснилось. Но сколько бывает случаев, когда обвинения, взводимые официальными чтецами чужих писем, остаются нерасследованными и непроверенными. В таких случаях в уме монарха нередко зарождается подозрение против людей, ни в чем не повинных, изгладить которое нет возможности.

Если в нынешнее смутное время нельзя, к сожалению, вовсе отказаться от перлюстрации писем, то оставлять такое оружие в руках людей, не безукоризненно честных и притом враждебных первому министру, — для него более чем опасно. Ввиду это-

го понятно, что Лорис очень сожалеет об оставлении Макова министром почт.

Я оставил Сольскому записку о совещательном собрании гласных и просил его о совершенно открытом отзыве. Он обещал заняться ею на этих днях.

29 сентября

Ездил сегодня в Петергоф представляться цесаревичу⁸ по случаю возвращения. Его высочество принял меня в кабинете очень любезно, расспрашивал о том, где я провел лето и много ли серьезных трудов предстоит Государственному совету в нынешнюю сессию. Его высочество спросил меня также, имею ли я известие о великом князе Константине Николаевиче, о том, когда он вернется и можно ли будет рассматривать в Совете серьезные дела в его отсутствие. Я отвечал, что обязанности председателя временно исполняются теперь принцем П. Г. Ольденбургским, что под руководством его серьезные прения были бы невозможны и что поэтому я вынужден отлагать все сколько-нибудь существенные дела до возвращения великого князя, которое, впрочем, должно надеяться, не замедлится. Цесаревич согласился с необходимостью отлагать важные дела до возвращения его высочества. Несмотря на то что нерасположение наследника к дяде, как говорят, достигло высшей степени, — в словах и даже в тоне цесаревича я не мог заметить ничего враждебного к великому князю.

Вечером был у меня И. И. Шамшин. Он рассказал мне много интересного о трудах своих по Верховной распорядительной комиссии⁹. Все лето провел он, по поручению графа Лорис-Меликова, за разбором и пересмотром дел III отделения, преимущественно о лицах, высланных за политическую неблагонадежность. Таких дел пересмотрено им около 1500. Результатом этого труда было, с одной стороны, освобождение очень многих невинных людей, а с другой — вынесенное Шамшиным крайне неблагоприятное впечатление о деятельности отделения. Весьма

вероятно, что доклад об этом Лорису много способствовал предложению его упразднить это учреждение, столь ненавистное в России.

По словам Ивана Ивановича, дела велись в III отделении весьма небрежно. Как и понятно, они начинались почти всегда с какого-нибудь донесения, например, тайного агента, или записанного полицией показания дворника. Писаны были подобные бумаги большею частью безграмотно и необстоятельно; дознания по ним производились не всегда; если же и производились, то слегка, односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого; объяснений его или очной ставки с доносителем не требовалось; затем составлялась докладная записка государю, в которой излагаемое событие освещалось в мрачном виде, с употреблением общих выражений, неблагоприятно обрисовывающих всю обстановку. Так, например, говорилось, что обвиняемый — человек вредного направления, что по ночам он сходится в преступных видах с другими подобными ему людьми, ведет образ жизни таинственный; или же указывалось на то, что он имеет связи с неблагонадежными в политическом отношении лицами; далее упоминалось о чрезвычайной опасности для государства от подобных людей в нынешнее тревожное время, и в заключение испрашивалось разрешение на ссылку, в административном порядке, того или другого лица. Бессодержательные докладные эти записки переписываемы были чрезвычайно красиво на отличной бумаге.

Естественно, что при таком образе действий происходили часто не только неосновательные или сильно преувеличенные предположения о виновности, но даже прямые, самые грубые ошибки; бывали случаи смешения имен, вроде следующих: Андрея Иванова принимали за Александра Иванова, Винберга за Вимберга, Власьева за Власова и т. п.

В виде иллюстрации к своему рассказу Шамшин сообщил мне о двух бывших в действительности случаях, по которым ему удалось остановить админи-

стративные кары. Одну девуцу обвиняли в сношениях с пропагандистами, стали разыскивать ее, взяли по ошибке совершенно другую и заключили эту последнюю в полицейской части, рядом с помещением, занимаемым нижними полицейскими чинами; там бедная девушка страдала невыносимо не только от страха, одиночества и всего слышанного ею через деревянную перегородку, но даже от массы блох и клопов, которыми снабжали ее в изобилии соседи. Так просидела она без допроса более двух недель, и тогда только обнаружилось, что она ни в чем не виновна. Другой случай несколько сложнее. На одного студента, жившего где-то на окраине города, дворник дома, где он занимал комнатку, донес, что он человек подозрительный, так как у него бывают собрания неизвестных людей, причем одни из приходящих спрашивают студента, другие — часовщика, третьи — токаря. По случаю этого доноса полиция явилась поздно вечером, забрала всех бывших у студента и заключила их всех под стражу в качестве неблагонадежных; в числе их был 12-летний мальчик, сын самого дворника, принесший молодым людям горячую воду для чая. Через три недели взялись за разбор дела, и оказалось, что ничего преступного в собраниях не было; в отобранных же при обыске книгах и бумагах не нашлось ничего подозрительного. Заподозренный оказался действительно студентом, имевшим склонность к механике; поэтому и при недостатке средств он охотно разбирал и чинил часы и в то же время имел у себя токарный станок, на котором выделывал иногда разные безделушки.

По отзыву Шамшина, дела III отделения были в большом беспорядке. Часто не находилось в них весьма важных бумаг, на которых основано было все производство. Когда он требовал эти бумаги, отвечали обыкновенно, что их нет; при возобновлении же требования, особенно под угрозой пожаловаться графу Лорис-Меликову, производились розыски, и часто находимы были недостававшие листы; иногда оказывались они на дому у того или другого чиновни-

ка, иногда в ящиках столов в канцелярии; раз случилось даже, что какое-то важное производство отыскано было за шкафом.

В денежном отношении Иван Иванович нашел в делах III отделения также довольно важные беспорядки. Имена тайных агентов, получавших денежные оклады, были скрываемы от самого шефа жандармов под предлогом опасения скомпрометировать этих лиц.

Таким образом, весьма значительные суммы находились в безотчетном распоряжении второстепенных деятелей и, может быть, употреблялись вовсе не на то, на что были предназначены. Далее, по случаю возникшей в последние годы революционной пропаганды, признано было необходимым усилить денежные средства III отделения по розыскной части. На это ассигнован был дополнительный кредит на 300000 руб. в год. Как же употреблялась эта сумма? Более половины ее, вопреки основным сметным правилам, отлагалось для составления какого-то особого капитала III отделения. Остальное делилось на две части, из которых одна шла на выдачу наград и пособий чиновникам, а другая — агентам, наблюдавшим преимущественно за высокопоставленными лицами. Эта последняя деятельность отделения была, говорят, доведена до совершенства. Шефу жандармов было в точности известно, с кем знаком тот или другой правительственный деятель, какой ведет образ жизни, у кого бывает, не имеет ли любовницы и т. п. Обо всем этом, не исключая и анекдотов, случавшихся в частной жизни министров и других высокопоставленных лиц, постоянно докладывалось государю. Одним словом, наблюдения этого рода составляли чуть ли не главную заботу нашей тайной полиции.

При таком направлении деятельности III отделения неудивительно, с одной стороны, что ему частенько вовсе были неизвестны выдающиеся анархисты, а с другой — что оно почти без разбора ссылало всех подозрительных ему лиц, распложая людей, состоящих на так называемом нелегальном положении.

Для разъяснения этого термина нужно сказать, что ссылаемые в административном порядке из столиц и других больших центров не имеют права жить нигде, кроме назначенного для них какого-нибудь отдаленного уездного городка, невозможного для жительства человеку, сколько-нибудь образованному. Поэтому и при неимении ни заработков, ни собственных средств для безбедного существования административные ссыльные, пользуясь весьма слабым за ними надзором, нередко бегут из места ссылки под чужим именем, с подложным паспортом; таким образом они становятся людьми нелегальными, которым, в случае открытия их, угрожает уголовное наказание. Ввиду этого переход на нелегальное положение служит первым действительным шагом в число анархистов. Назад им идти невозможно, остается идти лишь вперед.

10 октября

Сольский возвратил мне мою записку о совещательном собрании и очень одобрил ее. Он советовал только не пускать ее в ход на первых порах и вообще быть чрезвычайно осторожным ввиду нерасположения цесаревича к великому князю. К прискорбию, известия с «Ливадии» нехороши¹⁰. Новая эта поправка, предназначенная служить яхтою для государя на Черном море, кажется, не удалась. Буря пробилла ее в нескольких местах, и она чинится теперь в Ферроле, на севере Испании. Великий князь, желавший лично провести «Ливадию» в Черное море, возвращается сухим путем. Враги его торжествуют.

15 октября

Графиня М. Э. Клейнмихель рассказала мне сегодня, что ненависть цесаревича к великому князю Константину Николаевичу все усиливается. Главные виновники этого — Победоносцев и Баранов, постоянно чернящие великого князя. Нерасположение наследника

распространяется и на всех окружающих его дядю. По словам графини, единственным порядочным человеком при великом князе цесаревич считает меня. Может быть, впрочем, что это было сказано ею только так, из любезности.

Женитьба государя, о которой все говорили, но о которой никто не знал ничего достоверного, стала теперь общеизвестным событием. Венчание совершилось в июле, по словам одних — в Ропше, по уверению других — в сельской церкви близ Царского Села.

При венчании присутствовали: князь Суворов, граф Д. А. Милютин и граф Лорис-Меликов. Граф А. В. Адлерберг, не советовавший государю вступить в брак, не был при венчании.

Рассказывают, что Долгорукая побудила государя к этому важному и решительному шагу тем, что незадолго до отъезда его в Ливадию, когда зашла речь об опасности, могущей предстоять ему на пути, бросилась к его ногам и слезно умоляла взять ее в императорский поезд (до сих пор ездила она в отдельном поезде), чтобы в случае несчастья погибнуть вместе. Государь был растроган и согласился. Затем, опасаясь в случае смерти своей оставить ее и детей без имени и положения, он решился на брак. В обществе событием этим очень недовольны; в царской семье тоже. Цесаревич и цесаревна, которых государь вызвал в Ливадию для знакомства со своей женою, выказали ей только вежливость и притом весьма сдержанно. При первом свидании Долгорукая, теперь светлейшая княгиня Юрьевская, упала на колени перед цесаревною, умоляя о прощении. Разумеется, ее подняли, но без сердечной теплоты.

У княгини Юрьевской есть сестра, княгиня Мещерская, недавно овдовевшая. Со времени брака сестры акции ее сильно поднялись. Недавно посватался к ней князь Святополк-Мирский, бывший помощник наместника Кавказа, теперь член Государственного совета. Княгиня была не прочь принять предложение, но не решалась на это, не спросив предварительно разрешения в Ливадии. Как только узнал об этом

Лорис-Меликов, — с Мирским он во вражде с давних пор, — немедленно поехал туда и добился отказа.

16 октября

И. Д. Делянов, которого я посетил сегодня, выходит из себя при одном имени Лорис-Меликова. Он называет его фокусником и негодяем, ищущим только популярности. По словам Делянова, сочувствующие «преданные Лорису люди — пьяная, угорелая толпа, не понимающая, что она влечет Россию к пропасти».

Такие отзывы Ивана Давыдовича объясняются ультраконсервативными его убеждениями, отчасти же негодованием на Лориса за падение графа Толстого, которому Делянов искренно предан. Был также у М. Х. Рейтерна. Между прочим говорили о Грейговских лесах. Рейтерн откровенно сознался, что он сам — невольный виновник этого огромного пожалования. Грейг желал иметь майорат в Царстве Польском, но это оказалось невозможным, так как все майораты были уже розданы. Тогда Рейтерн согласился просить у государя о пожаловании Грейгу, за успешное заведывание лесной частью в Царстве, леса в таком количестве, чтобы доход с него составлял около 4000 руб. в год. Государь утвердил это представление. Затем, при исполнении, местные власти оценили отведенный Грейгу лес так низко, что ему досталось чуть не миллионное состояние. Впоследствии, когда Рейтерн оставил Министерство финансов, преемником ему был назначен Грейг; этот последний испросил у государя пожалование Рейтерну леса на тех же основаниях; но Рейтерн отказался, сказав, что не может принять милости, размер которой Его Величеству неизвестен, и что если государю угодно его наградить, то он просит, чтобы ему пожалована была денежная сумма в таком размере, какой будет указан Его Величеством. Государь назначил сто тысяч рублей.

Показывая мне свои картины, из которых многие замечательны, Михаил Христофорович обратил мое внимание на небольшую картину Сверчкова, изобра-

жающую тройку. «Картинку эту я очень люблю, сказал Рейтерн, — не потому, чтобы она была произведение очень изящное, — есть много картин того же художника лучше этой, — но потому, что вижу в ней большое сходство с судьбами нашей родины. Взгляните: тройка мчится во весь опор, управляемая удалым ямщиком, несколько подгулявшим. Путь ее лежит через мост, который на середине прогнул. Гибель тройки и седоков кажется неизбежною... Вдруг коренник, завидев предстоящую беду, начинает всеми силами упираться в бок; пристяжные, следуя этому движению, невольно берут в сторону, — и опасность миновала».

17 октября

<...> Разговор с Лорисом перешел на известные ему мысли великого князя о призыве в Государственный совет представителей дворянства и земства. Нужно сказать, что незадолго до нашего свидания, т. е. в сентябре месяце, Лорис призвал к себе всех редакторов повременных изданий и объявил им, чтоб они отложили в сторону всякие мечтания о центральном представительстве не только в виде конституционных палат, но даже и под видом совещательной Земской думы. Меня очень беспокоило, не будет ли это заявление препятствовать осуществлению проекта, разработанного мною минувшим летом. Рассказав Лорису в кратких чертах о прошлогодних заседаниях (оказалось, однако, что он об них знал) и о поручении, данном мне великим князем, — я спросил его, есть ли, по его мнению, возможность успеха этого дела, или же следует сдать его в архив? «Отчего же, — сказал с живостью Лорис, — я восставал против конституционных стремлений, у нас теперь невозможных, но в то же время я вполне разделяю мысль о необходимости выслушивать мнения толковых и практических людей. Мы не раз говорили о том с Абазою. Нет, не бросайте вашего проекта, он может пригодиться. Нужно только подумать, да подумать о том, как бы осторожнее и практичнее это сделать».

Я, разумеется, сказал Лорису, что без него великий князь не сделает по этому вопросу ни шага и, по всей вероятности, тотчас же по возвращении сообщит ему предположения свои.

17 октября

Все газеты полны упреков морскому ведомству (между строк нужно читать: великому князю Константину Николаевичу) за неудачи, испытываемые поповкою «Ливадиєю». Непостижимо, как такой умный человек, как великий князь, может стоять столь упорно за проклятые поповки. Нет сомнения, что из этого нового типа судов может, со временем, выйти что-нибудь толковое; но много еще утечет воды, пока поповки усовершенствуются. Опыты над ними, стоящие таких громадных денег, надо бы предоставить Англии и другим государствам, более богатым, чем мы.

На месте великого князя я давным-давно отказался бы от Морского министерства. В газетах появляются также заметки о том, будто бы предстоит упразднение Кавказского наместничества, причем великий князь Михаил Николаевич будет назначен председателем Государственного совета. Это уже решительный поход против Константина Николаевича.

Валуев в негодовании от сенаторских ревизий¹¹. По его мнению, это добровольная критика всего царствования.

21 октября

Получил от Лорис-Меликова конфиденциальную записку, в которой он сообщает мне волю государя, переданную ему по телеграфу из Ливадии, о поднесении мною Его Величеству проекта указа об увольнении Грейга от должности министра финансов, с оставлением членом Государственного совета.

При составлении этого проекта мною встречено было довольно важное сомнение относительно того, говорить ли в указе, что Грейг увольняется по проше-

нию. Не сказать этого — было бы обидно для Грейга; сказать же я не имел права, так как знал, что Грейг не только не просил об увольнении, но даже узнал о намерениях государя на его счет от А. А. Абазы, захватившего к нему перед отправлением в Ливадию для переговоров о министре финансов. Для разрешения моего сомнения я поехал к Лорису и застал его в прекрасном расположении духа. Очевидно, вызов Абазы в Ливадию и увольнение Грейга он считал новыми для себя победами. Сомнение мое он разрешил тем, что Его Величество, конечно, не пожелает обидеть Грейга, так как была даже речь о рескрипте ему. «Что ж, — сказал он потом в разговоре, — Министерство финансов будет теперь недурно: министр — умнейший человек Абаза, а товарищем у него — тоже не глупый, а к тому же ученый человек — Бунге. Славная парочка».

Сегодня же Лорис-Меликов приехал ко мне и застал у меня тамбовского губернского предводителя дворянства Г. В. Кондоиди, очень с ним кокетничал, расспрашивая о местных делах и взглядах, а также говоря о важности выборной службы и о том, как он всегда рад встречаться и беседовать с представителями местных интересов.

Когда Кондоиди уехал, я заговорил с Лорисом о великом князе, о нападках на него в газетах, о не любви к нему цесаревича и, в заключение, сказал, что так как причиною всех этих бед морское ведомство, то, по возвращении его высочества, намерен советовать ему отказаться от Морского министерства, чтобы упрочить себя в должности председателя Государственного совета. Лорис, очевидно соглашаясь со мною, отвечал: «Если бы у председателя вашего был нюх, то он давно бы сложил с себя генерал-адмиральство. Впрочем, теперь это не главное. Дело также и не в злополучной поповке, о которой теперь так кричат. Придет ли „Ливадия“ в Ялту с распущенными флагами и оркестром музыки, или доплетется с подшибленными крылышками, — вопрос не в том. Особенно важны теперь личные отношения к государю!...» И граф взглянул на меня многозначительно. Призна-

юсь, я не совсем понял его слова, но не просил объяснения, думая, что он сам даст мне ключ к разгадке. Лорис этого, однако, не сделал. Вдумываясь потом в сказанное графом, я пришел к заключению, что он намекал на необходимость сближения с княгиней Юрьевской. Этому бы я очень не сочувствовал. Конечно, нужно жить с ней в ладах, но особенно ухаживать за нею никак не следует. Не говоря уже о чувстве собственного достоинства, не нужно упускать из виду, что интимность с княгиней — лишний повод к неудовольствию цесаревича, а в этом-то главная наша беда.

Разговор с Лорисом перешел на известную ему мысль великого князя о призыве в Государственный совет представителей дворянства и земства. Нужно сказать, что незадолго до нашего свидания, т. е. в сентябре месяце, Лорис призывал к себе всех редакторов повременных изданий и объявил им, чтоб они отложили в сторону всякие мечтания о центральном представительстве не только в виде конституционных палат, но даже и под видом совещательной Земской думы. Меня очень беспокоило, не будет ли это заявление препятствовать осуществлению проекта, разработанного мною минувшим летом. Рассказав Лорису в кратких чертах о прошлогодних заседаниях (оказалось, что он о них знал) и о поручении, данном мне великим князем, я спросил его, есть ли, по его мнению, возможность успеха этого дела, или же следует сдать его в архив. «Отчего же, — сказал с живостью Лорис, — я восставал против конституционных стремлений, у нас теперь невозможных; но в то же время я вполне разделяю мысль о необходимости выслушивать мнение толковых и практичных людей. Мы не раз говорили о том с Абазою. Нет, не бросайте вашего проекта, — он может пригодиться. Нужно только подумать, да, подумать о том, как бы осторожнее и практичнее это сделать».

Я, разумеется, сказал Лорису, что без него великий князь не сделает по этому вопросу ни шага и, по всей вероятности, тотчас же по возвращении сообщит ему предположения свои.

2 ноября

По случаю чрезвычайного возвышения цен на хлеб и муку, возвышения, отчасти искусственного, вызванного стачкою крупных торговцев, Лорис-Меликов пригласил их к себе и уговаривал спустить цены. Торговцы эти возражали, указывая на неурожай во многих губерниях и на другие неблагоприятные обстоятельства. В заключение ими приведен был тот довод, что цена на хлеб и муку не определяется законом и что поэтому нельзя принуждать их к понижению цен. Тогда Лорис объявил им, что говорил до сих пор в качестве министра внутренних дел, обязанного заботиться о народном продовольствии, но что если они не хотят внять разумным его доводам, то он будет говорить с ними как шеф жандармов, обязанности которого на него перешли. Нынешние чрезвычайно высокие цены на хлеб, не оправдываемые необходимостью, могут вызвать народные волнения, которые он обязан предупреждать. Поэтому он решительно объявляет всем хлебным торговцам, что [если] они не спустят цен в течение 24 часов, то будут высланы из столицы административным порядком. Речь эта купцам очень не понравилась, но к цели она привела, так как на следующее утро появилось уже в газетах объявление о том, что, в видах облегчения пропитания для людей недостаточных, такие-то торговцы (Духинов, Полежаев и проч.) понижают цену на муку на столько-то.

4 ноября

За назначением Абазы министром финансов должность председателя департамента экономии стала вакантною.

Заместить ее с успехом нелегко. Естественным председателем был бы М. Х. Рейтерн, бывший так долго министром финансов и всеми уважаемый. Но он решительно сказал мне, что, за болезнью глаз, не только не может принять председательство, но даже просит об увольнении его к новому году из состава департамента экономии, так как не может читать всей массы

рассылаемых записок, а ездить в заседание неприготовленным считает бессовестным. Ввиду отказа Рейтерна оставалось два кандидата: граф Э. Т. Баранов и Д. М. Сольский. Первый из них имеет за собою старшинство, прекрасное положение при дворе, почетную репутацию, приобретенную им в качестве председателя железнодорожной комиссии, и, наконец, мягкий и ровный характер, снискавший ему общее расположение. Но, к сожалению, он не соединяет в себе ни того ума, ни тех сведений, ни той твердости, которая необходима для председателя департамента Государственного совета. Всеми этими качествами безусловно обладает Дмитрий Мартынович. Назначению его сочувствуют и Абаза, и Лорис-Меликов. Но он занимает должность государственного контролера, по которой, независимо от прекрасного содержания, имеет отличное помещение — истинный барский дом со всеми удобствами. Лишением его всего этого мы, несомненно, оказали бы ему медвежью услугу. Размышляя о трудном нашем положении, я пришел к тому заключению, что лучше всего было бы, если бы возможно было назначить Сольского председателем, с оставлением его в должности государственного контролера. Нового большого труда это на него не возложило бы, так как, заседаая в департаменте экономии и по нынешней своей должности, он обязан уже и теперь изучать все дела департамента. При первой встрече я переговорил об этом с Сольским. Предложение мое он принял вообще сочувственно, но положительного ответа не дал, прося некоторого времени, чтобы хорошенько обдумать вопрос. Сегодня он приехал ко мне с решительным отказом. Вот его доводы: соединить обе должности неудобно, так как до сих пор этого не допускалось, если же будет сделано исключение для него, то будут говорить, что ему не хотелось расстаться с казенным домом. Засим, он моложе большинства членов департамента, и назначение его председателем будет обидно для многих. Наконец, он любит контроль, изучил хорошо все отрасли его деятельности и надеется принести на нынешней своей должности пользу.

Против таких аргументов нельзя было возражать, оставалось только преклониться перед Дмитрием Мартыновичем.

8 ноября

Имел сегодня совещание с А. А. Абазою о замещении должности председателя департамента экономии. Он сожалел об отказе Сольского и хотя назвал затем К. К. Грота, но, очевидно, боялся, чтобы я не предложил его серьезно. Очень хорошо понимая, что Константин Карлович, при многих прекрасных своих качествах, чрезвычайным упорством своим, пожалуй, отравил бы жизнь такому министру финансов, как Абаза, и, может быть, стеснил бы его деятельность, — я прямо высказал это Александру Аггеевичу. К тому же Лорис хочет просить Грота принять на себя управление тюремною частью, о чем мы думали при Макове и были надуты им. Ввиду этого я предложил, в свою очередь, графа Баранова. Абаза был этим очень доволен. Затем он отозвался с большою похвалою насчет сообщенной ему мною записки о совещании и собрании гласных; советует, однако, не торопиться и быть осторожным.

9 ноября

Великий князь, наконец, возвратился. Все ему близкие встречали его высочество на станции Варшавской железной дороги с несколько смущенным и грустным чувством по случаю неудачи, постигшей «Ливадию». Но великий князь вышел из вагона чрезвычайно веселый, стал при всех шутить с сыновьями своими и разговаривал с каждым из нас совершенно непринужденно. Можно было подумать, что он возвратился с торжества. Мы с Сольским переглянулись, недоумевая, что бы это могло означать: хорошо ли разыгранную роль или действительное ослепление «Ливадией»?

10 ноября

Был утром у его высочества и вручил ему составленную по его поручению записку о совещательном собрании. Великий князь был очень доволен скорым окончанием этого труда, благодарил меня и обещал при случае переговорить с Лорис-Меликовым. Затем беседа перешла на городские толки, прежде всего, разумеется, о «Ливадии» и о предполагаемом в газетах, а отчасти и в обществе, увольнении его высочества как от управления Морским министерством, так и от председательства в Государственном совете. Великий князь, предваренный уже об этих толках письмом Головнина, выслушал меня спокойно и сказал, что личный вопрос разъяснится очень скоро, вслед за возвращением государя. Что же касается «Ливадии», то распушенные о ней слухи совершенно несправедливы. Хотя она и имеет некоторые недостатки, но они с избытком вознаграждаются ее качествами. Поэтому великий князь считает «Ливадию» положительным успехом в деле кораблестроения. Чтобы доказать, как верит он в «Ливадию», великий князь намерен раннюю весною отправиться в Феррол и оттуда поплыть на «Ливадии» в Ялту. Великий князь говорил тоном вполне искренним и убежденным.

22 ноября

Государь возвратился и, прибыв в Зимний дворец, позвал к себе в кабинет прежде всех других (не исключая и цесаревича) великого князя Константина Николаевича. Когда он вошел, Его Величество обнял брата и сказал: «Какой вздор распустили в городе! Все эти слухи о тебе не имеют никакого основания». Затем был разговор о некоторых текущих делах морского ведомства, причем государь спросил вскользь о «Ливадии», без всякой горечи. Великий князь приемом этим очень доволен.

23 ноября

Вчера вечером получил я от великого князя представленный ему министром финансов список с указа об отмене налога на соль. Я чрезвычайно был обрадован этою мерою, но вместе с тем был поражен тем, что она последовала без рассмотрения столь важного вопроса в Государственном совете. Тотчас же написал я об этом великому князю, убедительно прося его высочество переговорить с А. А. Абазою, а если окажется возможным, то и с самим государем, чтобы предупредить на будущее время повторение подобных случаев.

Сегодня утром великий князь пригласил меня к себе и сказал, что вполне разделяет мой взгляд на неудобство подобных законодательных импровизаций, что с Абазою он переговаривал, но что государю ничего уже сказать не может, — так как вслед за подписанием указа государь сам сообщил ему об этом, и великий князь, душевно обрадованный благодеательною для народа реформою, горячо обнял брата и сказал ему, что отмена соляного налога напоминает ему первые счастливые годы нынешнего царствования. «Вы понимаете, — прибавил великий князь, — что после этого мне неудобно говорить с государем о том же указе в укоризненном смысле».

25 ноября

Как нарочно, новый сюрприз Государственному совету. В «Правительственном вестнике» обнародован штат департамента государственной полиции, также не рассмотренный в Совете. Я опять написал великому князю, прося его серьезно подумать об опасности утверждения разных законодательных мер по непосредственным докладам министров.

26 ноября

На выходе по случаю георгиевского праздника¹² виделся я, между прочим, с Сольским и графом Ло-

рис-Меликовым. Первый, точно так же, как и я, был огорчен очень бесцеремонными действиями министров и сообщил мне, что заявлял уже свое мнение им обоим. Вместе с Сольским подошли мы к Лорису. Поздравив его с осуществлением *заветной его мысли* об отмене соляного налога*, я затем откровенно сказал графу, с некоторою даже горячностью (к сожалению, мне очень свойственно), что не ожидал от него и от Абазы проявившегося теперь дважды уклонения от законного порядка рассмотрения законодательных дел. Я заключил мои слова тем, что, несмотря на проповедуемую ими необходимость водворения законности, они сами нарушают ее, и притом без всякой нужды, так как Государственный совет никогда бы не восставал против обеих предложенных ими мер. Между тем, обходя Государственный совет, они подают крайне опасный пример другим министрам, которые станут, пожалуй, подносить к непосредственному утверждению государя такие меры, коим ни Лорис, ни Абаза не будут сочувствовать.

Лорису объяснение это было неприятно. Стараясь оправдаться, он сказал мне, что вопрос об отмене соляного налога его вовсе не касается, так как дело это ведено было министром финансов, и что штат департамента государственной полиции не мог быть внесен в Государственный совет по очень важным причинам. Он прикажет изложить их в особой записке, которую доставит ко мне с просьбой доложить ее великому князю.

29 ноября

Лорис-Меликов сообщил о моих возражениях Абазе, который заехал ко мне вчера, но не застал меня дома. Сегодня утром я поехал к нему. После нескольких

* Лорис неоднократно докладывал государю о необходимости этой меры, и Его Величество, поручая Абазе Министерство финансов, выразил ему свое желание об отмене налога на соль.

вступительных слов он перешел к занимавшему нас обоим предмету и стал горячо защищать право министра финансов подносить к непосредственному утверждению императора предложения об отмене тяжких для народа налогов. Я возразил, что, по учреждению Государственного совета, это вообще не так: рассмотрению его подлежат и случаи отмены действующих положений, но, кроме того, теперь речь идет не только об отмене налога с соли, но и о необходимости заменить чем-либо те 12 000 000 рублей, которые он доставлял. Так как при нынешнем состоянии наших финансов нельзя оставить эту сумму невозмещенною, то Государственному совету, когда он будет рассматривать проекты новых заменяющих налогов, придется утверждать почти без разговоров представление министра, потому что импровизировать другие налоги в самом заседании — невозможно. Александр Аггеевич возразил, что Государственный совет не будет несколько стеснен: не беда, если 12 милл. останутся в дефиците. Очевидно, это — вздор, так как дефицит и без того большой, и департамент экономии всячески старается по возможности его уменьшить. Затем Абаза приводил многие другие аргументы, столь же малоубедительные.

В конце концов он, не сознаваясь в своей ошибке и настаивая на своем, — удивительное самолюбие, — обещал мне, однако, строго соблюдать впредь порядок, установленный для дел законодательных, и в случае сомнений совещаться со мною.

Он сообщил мне потом, что Лорис-Меликов доводил о возражениях Сольского и моих до сведения государя. Его Величество, выслушав Лориса, подумал немного и затем сказал: «Странно, когда я сообщил об этом указе брату Константину Николаевичу, он не только ничего не возразил мне, но даже обнял и поздравил меня».

30 ноября

Как счастлив я, что отказался от земли, предназначавшейся для меня в Уфимской губернии! Теперь не-

сомненно, что при разделе этих земель были большие злоупотребления, мало-помалу всплывающие. Все, получившие там участки, причисляются к Грейгам, Ливенам и К°. Более чем когда-либо благодарен я Сольскому за добрый совет, окончательно побудивший меня к отказу.

1 декабря

Сегодня 50-летний юбилей принца П. Г. Ольденбургского. С раннего утра у него толпы поздравителей. В 10 часов был государь со всей свитой. Затем, одно за другим, высшие государственные учреждения, депутаты от дворянства, духовенства разных вероисповеданий, городского и других сословий, учебные заведения всякого рода и, наконец, множество посетителей самого разнообразного звания и положения в обществе людей, почитающих принца и благодарных ему. Поздравления и пожелания были совершенно искренние, не казенные. Видно, не нужно большого ума для приобретения общих уважения и любви; утешительно, что в наш век сердце чего-нибудь да стоит. Сделанными ему оvationами принц был совершенно растроган, пожимал руки направо и налево и произносил отрывочные слова благодарности. Меня принц отвел в сторону и сказал: «Я сегодня начал день с того, что приобщился. Поэтому вы можете безусловно верить искренности моих слов. Прошу вас, устройте так, чтобы меня уволили от должности председателя гражданского департамента Государственного совета. Я стар и слишком занят. В сущности, мою должность по гражданскому департаменту исправляет другой (Д. Н. Замятнин). За что же я отнимаю у него почет и место?». Я отвечал, что доложу о желании его высочества великому князю Константину Николаевичу, но уверен, что великому князю желание это будет весьма прискорбно, так как он чрезвычайно любит и уважает принца. И это — действительно правда.

3 декабря

Лорис дуется на меня за откровенные объяснения с ним на георгиевском празднике. Он говорит со мною не иначе как «ваше превосходительство» и вообще в церемонном тоне. Я рассказал об этом полусуто великому князю Константину Николаевичу, прибавив, что, может быть, Лорис, теперь почти всемогущий, нажалуется на меня государю под тем или другим предлогом. «Не бойтесь, — возразил великий князь, — государь очень хорошо поймет, в чем дело, и никогда не будет сетовать на вас; напротив того, он вполне оценит исполнение вами своей обязанности».

5 декабря

Абаза, я думаю, очень сожалеет теперь, что не внес в Государственный совет вопроса об отмене соляного налога. В подробностях высочайшего повеления по этому делу оказывается такой промах, который стоит казне семи миллионов рублей, а между тем грозит разорением мелким солепромышленникам. Акциз за отпущенную в последнее время соль возвращается из казны не тому, кому следовало бы. Крупные солепромышленники, как, например, купец Блинов, получают даром по миллиону и по полутора миллионов рублей; между тем внесенный ими в казну акциз получен ими уже от второстепенных торговцев, приобретших от них соль. Положение же последних критическое. Если бы дело было внесено на рассмотрение Государственного совета, то промах этот был бы, без сомнения, замечен и исправлен.

15 декабря

Несмотря на натянутые мои отношения к Лорису, мне пришлось поехать к нему для объяснений по одному довольно серьезному делу. Он внес в Государственный совет представление по вопросу о порядке отбывания воинской повинности лицами, состоящи-

ми под надзором полиции по случаю прикосновенности их к социально-революционной партии. В существе своем вполне правильное, представление это страдает в отношении к подробностям проектированных правил и к самому приложению их. Желая предупредить напрасные споры в заседании по такому щекотливому делу, я поехал к Лорису и объяснил ему свои замечания.

Выслушав меня, он тотчас же понял, в чем дело, и сказал: «Замечания ваши я нахожу правильными и охотно с ними соглашаюсь. Но если в заседании будут возражения по существу дела, то я не уступлю ни одного волоска. Вы понимаете меня: речь идет об охранении особы государя. До сих пор мне удалось его уберечь, но за будущее никто отвечать не может. Раздайся снова какой-нибудь злополучный выстрел, и я пропал, а со мной пропала и система моя. От „новых веяний“ (так окрестила вся журналистика либеральную систему графа Лорис-Меликова) мы перейдем опять чуть ли не к инквизиции».

Эти слова показались мне знаменательными: несмотря на весь блеск своего положения, Лорис не обманывает себя на счет своей шаткости. Окончив объяснения по делу, я хотел переговорить с графом относительно предположения великого князя просить государя о назначении к новому году двух новых членов Государственного совета, именно Любошинского и Ковалевского. Насчет последнего нужно было переговорить предварительно с Лорисом, потому что на Ковалевского, в качестве сенатора, возложено было обревизование некоторых губерний. Само собою разумеется, что нами не предполагалось отрывать его от ревизии раньше ее окончания, но все же без уговора с министрами внутренних дел и юстиции неудобно было бы докладывать о Ковалевском государю.

Когда Лорис услышал, что Ковалевского предполагается назначить членом Государственного совета, он вскочил со своего кресла и бросился меня обнимать. «Ну, спасибо вам, — сказал он. — Как я рад за Михаила Евграфовича. Вот будет настоящий член

Государственного совета! Прелесть, а не человек. Да вы его хорошенько еще не знаете. Я изучил его близко в Верховной распорядительной комиссии. Когда все другие поддакивают или молчат, он преспокойно запустит руку в карман и говорит: „А я с вами не согласен, нужно сделать совсем не то, что вы предлагаете, а вот что“. И окажется потом, что он прав. Побольше бы таких людей! Я хотел просить государя о назначении его генерал-губернатором. Хотя он и невоспитанный, да не беда. Ведь был же Сперанский генерал-губернатором Сибири. Теперь я отказываюсь от своей мысли. Он будет нужен в Государственном совете».

Слушая эти восторженные речи, я очень рад был за Лориса. С Ковалевским он не имел никаких связей; следовательно, ценил и любил его исключительно как умного, честного и прямого деятеля.

«Я не совсем понимаю вас, граф,— сказал я наконец.— Вот вы так отзываетесь о Ковалевском за то, что он человек правдивый и самостоятельный, а в то же время вы на меня дуетесь только за то, что я сказал вам правду и исполнил свою обязанность, оберегая права Государственного совета».

«Ну, полноте,— сказал он.— Кто старое вспомнет, тому глаз вон. Теперь мы с вами опять друзья и, надеюсь, не будем более ссориться».

«От души желаю этого»,— отвечал я. Затем, хотя граф очень любезно пригласил меня остаться завтракать с ним, я уехал в Совет, куда являюсь всегда за некоторое время до заседания.

В Совете я переговорил о предполагаемых членах с министром юстиции. Он был чрезвычайно рад за обоих и сказал, что лучшего выбора мы не могли бы сделать.

18 декабря

С разрешения государя Лорис окончательно просил К. К. Грота принять на себя управление тюремною частью на тех же основаниях, как предполага-

лось нами два года тому назад. Государь не встретил с своей стороны никаких препятствий. Теперь очевидно, что в то время Маков нас надул. Вот разница между Маковым и Лорисом, т.е. способным чиновником и действительно умным человеком, понимающим, что министр должен радоваться, когда может передать таковому человеку часть своего бремени.

Обедал у Грейга. Обед был в честь великого князя Константина Николаевича. Приглашены были преимущественно лица, близкие его высочеству: Головин, Рейтерн, Абаза, кн. Урусов, Набоков, Сольский и я. Обед был замечателен в гастрономическом отношении. Беседа была оживленная и совершенно непринужденная. Сольский, мой сосед за столом, рассказал мне, что великий князь в очень хороших отношениях с княгиней Юрьевской и, согласно обычаю своему в отношении ко всем молодым дамам, целует у нее руку. При дворе говорят, разумеется, что он делает это из угодничества. Цесаревич крайне недоволен такою интимностью.

После обеда Набоков сообщил мне, что государь одобрил предположения его об очищении состава 2-го департамента Сената и о назначении в этот департамент людей умных и свежих. Это в высшей степени важно. Старшим сенатором, за уходом Любощинского, будет назначен Арцимович. Я был этим очень удивлен и обрадован, так как при Палене государь два раза отказывал в назначении Арцимовича первоприсутствующим в уголовный кассационный департамент, говоря, что он — красный. Набоков объяснил мне, что и на этот раз в уме государя возникли сомнения в отношении к Арцимовичу, но что он взял на себя подробно доложить Его Величеству о несправедливости взводимых на Арцимовича обвинений, корень которых заключался в том, что он, будучи калужским губернатором, энергически и без послабления сильным мира сего (особенно богачу Мальцеву) вводил в действие положение 19 февраля 1861 года.

«Уверен ли ты в этом?» — спросил государь. — «Совершенно уверен, Ваше Величество, — отвечал Набо-

ков. — Я знал Арцимовича с училища правоведения; потом мы долго служили вместе с ним, и я отвечаю за него головою».

«Ну, очень рад, что он не таков, каким его мне многие описывали, — сказал государь. — Согласен на его назначение».

22 декабря

Указы о Любощинском и Ковалевском подписаны. При этом государь сказал великому князю, что, предоставляя ему заботу о приискании полезных членов Государственного совета, людей трудящихся, Его Величество в то же время сохраняет за собою право назначать в Совет людей, по прежним их заслугам достойных получать высшее в империи служебное положение. На этом основании назначается теперь членом Совета киевский генерал-губернатор Чертков. Относительно его великий князь спросил: «Не глуп ли он?» — Государь отвечал: «Совсем не глуп. Беда только в том, что он преисполнен строгановской спеси*. Я не могу оставить его генерал-губернатором, так как он не может переварить мысли о посланной мною в Киев сенаторской ревизии. Между ним и сенатором Половцовым происходят чуть ли не ежедневные столкновения. Между тем вовсе уволить его я не хочу». Назначается также членом Совета варшавский генерал-губернатор Альбединский.

27 декабря

Обедал у принца Ольденбургского. В числе гостей был московский генерал-губернатор князь Вл. А. Долгоруков. Он человек хотя и ограниченный, но очень милый и обходительный, обладающий вполне светскими приличиями. При всем том он сделал после обеда крайне странное заявление, доказывающее, как глу-

* Мать Черткова — гр. Строганова.

боко укоренилось у нас на Руси если не местничество, то по крайней мере чиновничье чванство. Сидел он за столом по левую руку принцессы Евгении Максимилиановны, которая почти все время с ним разговаривала. После обеда князь подходит к гофмейстеру принца барону Гюне, спрашивая его, почему его посадили по левую, а не по правую сторону принцессы, тогда как он старше сидевшего по правую ее руку сенатора Щербинина. Гюне подошел доложить об этом принцессе в то время, когда она со мной беседовала. Ответ ее также замечателен: «Скажите князю Долгорукову, что он неправ. Я сама назначаю места по спискам старшинства. Щербинин произведен в действительные тайные советники в 1866 году, а Долгоруков в полные генералы только в 1867». Когда Гюне отошел, я позволил себе в шутку заметить ее высочеству, что в ее устах странно звучат такие формулярные сведения. Принцесса ответила мне: «Вы считаете это пустяками, а между тем, поверьте, оно не так. Немногие, как Долгоруков, прямо заявляют о своем старшинстве. Но если они не следуют его примеру, то это вовсе не доказывает, чтобы они о старшинстве своем не думали. Поэтому лучше быть *tout à fait correct**».

31 декабря

<...> Разговор наш его высочество заключил тем, что нужно бы дать ход записке об утверждении при Совете совещательного собрания гласных, о чем он при первом удобном случае переговорит с Лорис-Меликовым. Кстати, запиской этой великий князь очень доволен.

31 декабря

Сегодня было чрезвычайно интересное заседание Государственного совета по случаю рассмотрения в об-

* Здесь — быть во всем правильным, точным (*фр.*). — Прим. ред.

щем собрании Государственной росписи на 1881 год. В ответ на очень обстоятельные и толковые соображения А. В. Головнина (он каждый год представляет общему собранию подробные замечания по проекту Государственной росписи) А. А. Абаза, соглашаясь с справедливостью многих заявлений Александра Васильевича, выразил очень красноречиво и интересно как взгляды свои на наше финансовое положение, так и финансовую программу свою. Прежде всего он объяснил, что главная причина нынешних наших бед — минувшая война¹³, стоившая нам более миллиарда рублей. Одних процентов по этой сумме приходится платить 50 миллионов рублей в год. Затем, весьма многие расходы возросли вследствие упадка стоимости наших денег, происшедшего от усиленного выпуска кредитных билетов.

Для поднятия нашего финансового положения Абаза считает нужным прежде всего уменьшить количество бумажных денег, но не вдруг, чтобы не произвести кризиса, а постепенно, внося ежегодно в смету в течение 8 лет по 50 миллионов рублей на погашение кредитных билетов. Этим способом изъяты будут 400 миллионов, т. е. то именно количество бумажных денег, которое выпущено было на военные потребности. Такою мерою кредитный рубль восстановится, — конечно, не в полной ценности, но по крайней мере в том курсе, какой он имел до войны. Затем, для усиления средств государственного казначейства, министр финансов считает необходимым ввести разные новые налоги, преимущественно с людей достаточных, мало платящих в настоящее время. Между прочим, предполагается восстановить налог с золотопромышленников, который совершенно справедлив и притом может доставить казне около полутора миллионов рублей в год. С другой стороны, Александр Аггеевич полагает нужным значительно облегчить неимущие классы, во многих местностях изнемогающие под бременем платежей. Независимо от последовавшей уже отмены соляного налога он считает возможным уменьшить выкупные платежи прибли-

зительно на 9 миллионов рублей, которые будут почерпнуты не из общих средств Государственного казначейства, а из особого, приисканного им источника. Кроме того, в Министерстве финансов производятся работы по вопросу, неоднократно возбуждавшемуся и при М. Х. Рейтерне, и при С. А. Грейге, — об отмене подушной подати.

С приведением в исполнение всех этих предначертаний податная система наша улучшится и будет более справедлива, с чем вместе поднимутся и платежные силы огромной массы крестьян, которые нередко лишаются теперь последней лошади или коровы, продаваемых для уплаты податных недоимок, постоянно возрастающих.

В заключение министр финансов объяснил, что все это будет бессильно к водворению у нас здоровой финансовой политики, если не будут приняты самые решительные меры к сокращению государственных расходов. Прежде и важнее всего сокращение расходов по военному ведомству. Россия решительно не в состоянии содержать теперь такую армию, какую имела она до войны. Потом, нужны сбережения и по другим частям управления, кроме лишь таких, на которые не нужно жалеть денег, собственно потому, что издержки на них ведут к подъему народного благосостояния; к таким расходам Абаза относит издержки на училища и школы, на устройство судебной части и на пути сообщения. При строгом соблюдении экономии в государственных расходах, по мнению Александра Аггеевича, необходимо всячески поощрять трудолюбие и бережливость частных лиц — главные источники народного богатства. Речь Абазы, изложенная мною наскоро и в самых общих чертах, но в действительности весьма обдуманная и подробная, произвела в Совете очень благоприятное впечатление.

1881 год

5 января

Великий князь после сегодняшнего моего доклада завел речь о газетных статьях, передающих по слухам суть речи Абазы о финансовых его видах и изъясняющих при этом сожаление о непубличности заседаний Государственного совета. Выразив и с своей стороны сочувствие этой мысли, великий князь спросил меня, что я о ней думаю. Я сказал, что, к крайнему сожалению, не могу разделять взглядов его высочества. Публичность суждений имеет, конечно, много за себя; но в отношении к нашему Совету едва ли оно применимо.

Совет так беден силами, что открытие для публики дверей его совершенно уронит это высшее у нас учреждение в мнении общества. Теперь хотя и порицают нас иногда за то или другое законоположение, но вообще имеются все-таки весьма высокие понятия о Государственном совете. В сущности, дела рассматриваются у нас — насколько возможно для людей преимущественно кабинетных — очень основательно, а читая наши отчеты и мотивированные мнения Совета, можно предположить, что в Совете сидят чуть не Солоны. При публичности заседаний иллюзия совершенно исчезнет, а это было бы, конечно, нежелательно. Далее, непривычка говорить публично и опасение сказать что-либо такое, что могло бы быть подхвачено и осмеиваемо в печати, наверное, удержит от участия в суждениях многих из наших стариков, познания и опытность которых теперь иногда полезны. В результате бы оказалось, что говорило бы всего пять-шесть человек (например: Абаза, Сольский,

Милютин, Урусов, Головнин, Победоносцев, Грот), т. е. лица, большею частью занимающие министерские должности. Для авторитета Государственного совета, который должен обсуждать представления министров, это не выгодно.

Великий князь возразил, что, хотя отчасти я прав, но упускаю из виду, что публичность заседаний побуждала бы членов к более тщательному изучению дел и к всесторонней предварительной разработке заявляемых замечаний. Я позволил себе выразить сомнение в безусловной справедливости этого возражения. Действительно, сказал я, можно ожидать особого усердия со стороны некоторых членов, представляющих не более как самоуверенными посредственностями, но что выиграем мы от их болтовни? При настоящем порядке о наивности этих господ мы иногда посмеемся между собою, а затем они пропадают бесследно, в случае же открытия советской залы для публики и печати наивности эти будут разноситься по всей России. Наконец, некоторые из членов пожелают, пожалуй, рисоваться перед публикой... тогда будет беда совершенно иного рода.

Хотя великого князя слова мои несколько коробили, и он не сдался официально, но, кажется, убедился моими соображениями или по крайней мере поколебался в совершенной правильности первоначального своего взгляда. Разговор наш его высочество заключил тем, что нужно бы дать ход записке об учреждении при Совете совещательного собрания гласных, о чем он, при первом удобном случае, переговорит с Лорис-Меликовым. Кстати, запиской этой великий князь очень доволен.

В приемной его высочества нашел я члена Государственного совета А. П. Заблоцкого-Десятовского, который приехал просить великого князя о напечатании на казенный счет составленного им весьма интересного исторического труда о графе П. Д. Киселеве и его времени. Через графа Д. А. Милютина, с которым Заблоцкий дружен, сочинение это было представлено в рукописи государю, очень любившему

Киселева, первоначального автора мысли об уничтожении крепостного права в России. Его величество так интересовался книгой, что читал ее ежедневно по вечерам, засиживаясь до двух часов ночи. Замечательны сообщенные мне сегодня Заблоцким слова государя, сказанные им на днях Милютину по поводу отношений Киселева к императору Николаю Павловичу: «Покойный отец очень любил и уважал Павла Дмитриевича и не раз готов был приступить к осуществлению заветной мысли его — освободить крестьян; но беда в том, что большая часть людей, окружавших батюшку, его пугала и обманывала. Впоследствии меня также старались запугать, и даже до такой степени, что я два раза почти решался отказаться от начатого... Но Господь спас меня».

12 января

Граф П.А.Шувалов, с которым я давно не видался по случаю его отъезда на праздники в Москву, выразил мне сегодня сочувствие назначению членами Государственного совета Любощинского и Ковалевского, которых он считает людьми умными и полезными. «А знаете ли, — прибавил он, — что было время, когда Любощинский висел на волоске? В 1866 году государь был очень недоволен прениями петербургского земского собрания, в которых принимал участие и Любощинский. Его Величество, будучи рассержен, хотел уволить его от службы. Тогда я доложил, что этого сделать нельзя, так как Любощинский — сенатор касационного департамента, а потому пользуется правом несменяемости наравне со всеми членами новых судебных мест. Государя это чрезвычайно поразило, и он сначала не хотел мне верить. Оказалось, что в свое время вопрос о несменяемости не был в точности разъяснен Его Величеству. Государь предполагал, что новый закон будет ограждать судей только от произвола министра, но ничуть не ограничит собственных его прав. Когда истинное значение закона было вполне разъяснено, государь приказал оста-

вить без последствий первоначальное его намерение об увольнении Любошинского».

13 января

Сольский сообщил мне, что Лорис, вследствие неоднократных разговоров с великим князем о желательности призыва в Государственный совет гласных от земств и городов, советовался с ним о том, как бы лучше и осторожнее привести эту мысль в исполнение. Предложить ее в том же виде, как предположено в нашей записке, Лорис боялся, потому что цесаревич не далее как в прошлом году был против проекта великого князя. Ввиду этого он намерен, кажется, не предлагая теперь никакого постоянного учреждения при Государственном совете, просить о призыве депутатов от земств и городов в редакционную комиссию, на которую будет возложено предварительное рассмотрение законодательных предположений, имеющих быть составленными по окончании сенаторских ревизий. Может быть, он и прав, хотя это не совсем то, что нами предполагалось, но все же лучше сделать шаг вперед, чем вовсе его не делать. Сольский сообщил мне еще несколько интересных вещей.

Граф П. А. Шувалов, говоря с ним о Лорисе, сказал, что, по его мнению, Лорис ведет дело хорошо и что до сих пор им не сделано ни одной ошибки. — Другое. В конце декабря Сольский был приглашен к государю обедать. Княгиня Юрьевская вела себя совершенно естественно, говорила о предметах простых и не вдавалась в какие-либо глубокомысленные суждения. Государь, по-видимому, очень занят ею и наблюдает за тем, как держит она себя и как обращаются с нею другие. Зовет она государя — Сашей. По случаю приглашения нужно было сделать визит княгине Юрьевской. Между министрами, удостоившимися приглашения, возник вопрос: как ехать к ней, т. е. в каком платье: в сюртуке ли, как к частному лицу, или в мундире, как представляются особам императорского дома. Из этого сомнения выр-

чил князь С. Н. Урусов, присоветовавший ехать прямо из Комитета министров, в заседание которого ездят в мундирном фраке.

Затем, по случаю Нового года, возник другой вопрос: нужно ли в первый день праздника расписаться у княгини. Валуев предложил министрам обращаться к нему, посоветоваться об этом в Комитете и поступать однообразно.

На деле он поступил иначе: в Комитете об этом не было и речи, а в первый день нового года Валуев с Маковым и Урусовым во время церковной службы отправились расписаться, приглашая с собой и Сольского. Он отказался и не пошел, заявив, что общего уговора не было и что не считает возможным действовать без соглашения с прочими товарищами. Урусов по возвращении в церковь сказал Сольскому: «Нужно сознаться, мы порядочно подловаты».

Сабуров оказался еще подловатее: он ездил расписываться у княгини Юрьевской не только в Новый год, но и в Рождество.

25 января

Граф Н. П. Игнатьев, заехавший сегодня ко мне, рассказал между прочим, что Горчакову несправедливо приписывают спасение чести России от посягательства на нее со стороны иностранных держав во время польского восстания. Горчаков привез в Совет министров, собравшийся по этому поводу, два проекта депеш: один — принимавший дружеское предложение западных держав, а другой — отклонявший его. Оба проекта были написаны одинаково щеголевато. К счастью, огромное большинство голосов и голос самого государя оказались за последний проект.

Игнатьев божится, что это было так; может быть, но верить безусловно нельзя. При всем уме своем Игнатьев — страшный враль*.

* Впоследствии я узнал из верного источника, что, хотя дей-

18 февраля

Против Лориса большая оппозиция в высших кругах. Главною виною ставят ему то, что он в погоне за популярностью совершенно распустил печать, позволяющую себе судить не только свободно, но и дерзко и резко про все и про всех. Наиболее ожесточенные крикуны — Тимашев, Делянов и Победоносцев. Валув и Маков тонко улыбаются, но благоразумно молчат... потому что, несмотря на все эти обвинения, Лорис всемогущ.

Предложенная им государю мысль об учреждении редакционной комиссии с призывом в нее депутатов от земств и городов принята Его Величеством хорошо¹⁴. Для обсуждения этого вопроса учреждено совещание под председательством Валуева, с участием цесаревича, великого князя Константина Николаевича, Лориса, Абазы и Сольского. Собираются они в Аничковом дворце.

20 февраля

Лорис, кажется, тоже не чужд подловатости. Говорят, он сильно ухаживает за княгиней Юрьевской. Рассказывают даже, будто бы он намекнул государю на то, что следовало бы официально признать ее императрицей и короновать ее. Государь не высказался за это, но и не возражал. Быть может, что семя, заброшенное в его ум, даст через несколько времени ростки. Это тем более возможно, что, будучи страстно влюблен в нее, он очень недоволен недостатком сердечности и внимания к ней со стороны цесаревича, цесаревны и некоторых других членов императорской фамилии.

В народе рассуждают о женитьбе государя различно. Мне рассказывали, что, видя княгиню Юрьевскую, гуляющую в Летнем саду с государем, простолюдины

ствительно Горчаков привез депешу в двух видах, но защищал ту, которая отклоняла предложение.

называют ее мамзелью. Затем рассказывали мне также, будто бы бабы говорят, что батюшку-царя попутал леший и что Бог теперь оставил его. Напротив того, с другой стороны, меня уверяли, что мужики рассуждают так: «Как же быть без хозяйки? Матушка-царица умерла, так делать нечего, — пришлось повенчаться с другою».

У графини Клейнмихель встретился я сегодня с княгиней Мещерской, сестрой княгини Юрьевской, и был ей представлен. Вид у нее торжественный.

28 февраля

Совещание под председательством Валуева, собиравшееся в Аничковом дворце, единогласно одобрило, с некоторыми изменениями в подробностях, предположения Лорис-Меликова о редакционной комиссии с призывом в нее депутатов от земств и городов. Государю представлен совещанием журнал по этому делу. Прочтя его, Его Величество изъявил предварительное согласие на проектированную меру, сделал несколько частных замечаний и в заключение решил, что по важности дела оно должно быть окончательно обсуждено в Совете министров.

Когда сообщили об этом великому князю Константину Николаевичу, он сказал в присутствии цесаревича: «Как жаль! Там будет, вероятно, оппозиция со стороны Победоносцева». — «Что ж за беда, — возразил цесаревич, — тем лучше. Разные взгляды могут только способствовать разъяснению вопроса».

Третьего дня арестован один из главных вожakov социалистической партии, Желябов, участвовавший в различных покушениях на жизнь государя. Аресту этому придают весьма важное значение.

1 марта

В два часа приехал ко мне статс-секретарь Государственного совета Н. М. Рембелинский, совершенно встревоженный, и сообщил мне, что до него дошел

с двух различных сторон слух о новом и притом ужасном покушении на жизнь государя. Я немедленно поехал с ним в Зимний дворец. К несчастью, весть была справедлива. По улицам была заметна какая-то особенная суетливость; все спешили ко дворцу. Туда же шли быстрым шагом войска; около дворца разъезжали казачьи патрули. В темном коридоре дворца*, находящемся около покоев государя, застал я уже многих высших сановников и придворных, а также дам. О подробностях страшного покушения узнали мы от конвойных казаков, бывших в коридоре. Некоторые из них, несмотря на раны, наскоро перевязанные носовыми платками, не покидали своих мест. Надежды на спасение государя не было.

В кабинете государя, куда Его Величество был принесен на походной кровати, была только царская семья, граф Адлерберг и граф Лорис-Меликов. В три четверти четвертого пришли нам сказать, что государь скончался. Почти все плакали. Горе было неподдельное.

В шестом часу вышел из кабинета государя великий князь Константин Николаевич, бледный, как мертвец, но спокойный. Крепко пожав мне руку, великий князь сообщил мне прерывающимся голосом, что вид тела покойного ужасен. Нижняя часть туловища страшно обезображена: кости обнажены и раздроблены, мясо висит кусками... Его высочество не мог окончить того, что хотел сказать, закрыл себе лицо руками и зарыдал. Это происходило в конце коридора, вдали от собравшихся во дворце.

Когда великий князь несколько успокоился, я доложил ему о необходимости созвать членов Государственного совета в чрезвычайное заседание для принесения присяги новому императору. Вместе с тем я просил дозволения приехать к его высочеству, хотя бы поздно вечером, если бы оказалось необходимым сделать какое-либо экстренное распоряжение.

* В сущности, длинная-предлинная зала. Он называется темным, потому что не имеет окон; освещается и днем лампами.

Великий князь разрешил мне это. Затем он мне объявил, что воцарившийся государь примет Государственный совет завтра, после выхода, в Малахитовой зале. Между тем еще до прихода великого князя я поручил Рембелинскому немедленно вытребовать из архива дело о вступлении на престол императора Александра Николаевича для того, чтобы иметь под собою твердую почву в необходимых распоряжениях.

Когда великий князь уехал, я встретился в коридоре с Сольским, совершенно расстроенным. Он сообщил мне, что в кабинет Его Величества для поклонения праху были допущены министры. Вступивший на престол государь, присутствовавший при этом, был в ужасном волнении. Валуев подошел к Его Величеству и напомнил о том, что надо издать манифест. Составление манифеста государь поручил Валуеву и бывшему тут же министру юстиции. Они, со своей стороны, вышед затем в коридор, пригласили при мне для совещания князя Урусова и Сольского. Валуев приосанился, воображая, что будет снова играть первую роль.

Встретился потом с Лорис-Меликовым в коридоре. Он ужасно бледен, но, по-видимому, спокоен.

Из темного коридора пошел я в государственную канцелярию. Так как в 7 часов дела еще не было, то я уехал домой. Вернулся в канцелярию в девятом часу. По случаю воскресения, необходимости разыскивать чиновников и общей суматохи, дело было привезено только в исходе десятого часа. Из него я увидел, что покойный государь по вступлении на престол, принимая Совет в полном составе, произнес ему прекрасную и очень обстоятельную речь, записанную от слова до слова. Я поехал с этой речью к великому князю. Его высочество признал необходимым сегодня же, хотя бы ночью, передать ее графу Адлербергу для доклада императору. Я поехал к графу; не застав его дома, я отправился во дворец. Там узнал я после долгих расспросов, что граф в кабинете покойного, где присутствует при бальзамировании тела.

Когда пошли доложить графу Адлербергу о моем приезде, в ту комнату, где я ждал, явилась дама в глубоком трауре и заплаканная. Это была княгиня Юрьевская. Узнав, что тело бальзамируют, она удалилась. Граф Адлерберг вышел ко мне почти немедленно; было 12 часов. Граф был совершенно удручен горем. Он рассказал мне, что сегодня еще утром, перед разводом, покойный государь сказал ему, что давно так хорошо себя не чувствовал.

Речь покойного граф Адлерберг взялся немедленно представить воцарившемуся императору.

2 марта

Рано утром получил я манифест. Он совершенно приличен, но, в сущности, не говорит ничего.

Чрезвычайное заседание Государственного совета было назначено в 12 часов. В заседании этом, по прочтении мною манифеста, было положено принести присягу императору и его наследнику. Затем все мы отправились к выходу государя. Он и императрица вышли не только заплаканные, но, можно сказать, распухшие от слез. Несмотря на очевидное волнение, императорская чета весьма милостиво раскланивалась на обе стороны.

Перейдя через концертный зал, где были высшие государственные учреждения, и приблизясь к войскам, государь сказал им краткую речь, в которой выразил надежду, что они будут служить ему, как служили незабвенному его отцу, а в случае если бы угрожала Его Величеству такая же участь, как покойному императору, перенесут преданность свою на наследника престола.

По произнесении государем этих слов, весь дворец огласился громким и продолжительным «Ура!», смолкшим только тогда, когда императорская чета вступила в дворцовый собор, куда последовали за нею, кроме царской семьи, члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари и высшие придворные и военные власти.

В соборе, после прочтения министром юстиции манифеста, духовник Их Величеств Бажанов прочитал во всеуслышание присягу на верность подданства, которая повторялась вполголоса всеми присутствовавшими. По произнесении присяги Государственный совет удалился из церкви и собрался в назначенной государем для приема Совета Малахитовой комнате.

Государь вышел в 2 часа. Прежде всего он подошел к стоявшему во главе Совета великому князю Константину Николаевичу и подал ему руку. Великий князь обнял государя, который тогда, в свою очередь, обнял его. Затем Его Величество произнес, с некоторою расстановкою и чрезвычайно взволнованным голосом, приблизительно следующее:

«Господа!

Душевно сожалею, что я лишен возможности передать вам, по поручению самого покойного государя, его благодарность*. Смерть постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам, от его имени, благодарности за честную и усердную службу, которою вы в продолжение стольких лет оправдали доверие незабвенного императора.

Я до сих пор не имел еще возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесете на меня те чувства, которые питали к моему родителю, что буду достоин их и, трудясь вместе с вами, принесу пользу России. Да поможет мне Бог!

Еще раз благодарю вас всех от имени моего батюшки».

По произнесении этих слов, государь подошел к великому князю Михаилу Николаевичу, горячо обнял его, пожал руку принцу Ольденбургскому и некоторым другим старейшим членам Государственного совета, поклонился всем и ушел.

* Речь императора Александра Николаевича начиналась с изъявления, по поручению отца, благодарности всем министрам и другим высшим сановникам.

По удалении государя Государственным советом подписаны были присяжные листы и журналы чрезвычайного собрания.

Когда большинство разъехалось, Урусов сообщил мне в двух словах, что для изложения манифеста они собрались вчера вечером у Валуева и что выручил их Сольский. Сам же Дмитрий Мартынович объяснил мне вслед за тем, что Валуев заготовил проект в том смысле, что задачи нового царствования заключаются в восстановлении порядка, в репрессии за совершенное преступление, одним словом — в реакции. Кроме того, Валуев говорил в своем проекте не о русском народе, а о населяющих Россию народах. Против всего этого возражал Сольский, другие с ним согласились, и тогда, соединенными силами, наскоро набросали манифест в том виде, как он опубликован.

3 марта

Тело покойного императора перенесено вечером торжественно в дворцовый собор. Гроб несли государь, великие князья и принцы. Княгиня Юрьевская шла вслед за гробом. После панихиды она прикладывалась к праху вслед за сыновьями и братьями усопшего.

4 марта

Был в 2 часа у великого князя Константина Николаевича по вопросу, не терпевшему отлагательств.

Застал его высочество совершенно спокойным в кабинете за чтением. После объяснений по делу великий князь просил меня остаться и в разговоре сообщил мне следующее.

Положение его высочества в отношении к новому императору не выяснилось; поэтому он считает долгом, впредь до времени, ничего не предпринимать, не навязываться. Точно так же поступил он в 1855 году. Воцарившегося тогда, ныне покойного, государя все считали в семье человеком в высшей

степени добрым и исполненным лучших намерений, а в то же время и способным, но при этом опасались, не будет ли он слаб и бесхарактерен. Более всех это озабочивало императрицу Марию Александровну и королеву вюртембергскую Ольгу Николаевну; обе они очень упрасивали великого князя стараться как можно более сблизиться с государем и быть ему советником по всем важнейшим вопросам. Будучи с братом в наилучших, вполне дружеских отношениях, великий князь не хотел, однако, навязываться и решился не подавать ни одного совета, пока сам император не спросит его мнения. Иногда его спрашивали, а очень часто и не спрашивали...

Я, с моей стороны, был этим очень удивлен, так как предполагал, что с самого начала прошлого царствования великий князь имел большое влияние на ход дел и на выбор людей. Поэтому я напомнил его высочеству, что в обществе называли «константиновцами» выведенных им многих государственных деятелей.

«Не напоминайте мне этой клички, — сказал с горячностью великий князь. — Она изобретена моими врагами, всячески старавшимися поселить между государем и мною чувства взаимного раздражения и недовольства... Правда, — но не в начале царствования, а немного позднее, — я рекомендовал государю нескольких людей, оказавшихся способными по морскому ведомству.

Когда он ознакомился с ними и оценил их, он сам дал им ход. Но если я и имел иногда некоторое влияние на назначения, то зато сколько бывало назначений мне не по сердцу. И я ничего не мог сделать.

Доверие покойного государя ко мне начало особенно проявляться в 1857 году, когда он сам назначил меня членом Главного комитета об упразднении крепостного состояния. В этом Комитете я был представителем либерального направления и настаивал на том, чтобы за крестьянами сохранена была их усадебная оседлость и чтобы они поставлены были в такое имущественное положение, в котором они

имели бы возможность уплачивать казенные подати и повинности помещику. Мысль эту, в то время еще не выяснившуюся вполне, следует считать зародышем предоставления крестьянам поземельного надела.

На заявление мое в Комитете смотрели косо, причем между мною и председателем князем Орловым, отъявленным крепостником, желавшим свести все дело к нулю, происходили довольно часто столкновения и горячие споры. Слух о них проник сначала в высшие сферы петербургского общества, а потом в помещичьи кружки всей России. Мне приписывали бог знает что, даже прямые неслыханные грубости в отношении к князю Орлову, который будто бы доведен был раз до того, что для укрощения меня должен был ударить кулаком по столу. Некоторые, особенно дамы, прибавляли к этому: „Et pour lever la seance devenue impossible, le president a ete oblige de se couvrir“*. Они, вероятно, не знали, что у нас председателю никакого головного убора не полагается... Большая же часть обо мне слухов была столь же справедлива, как то, что председатель должен был накрыться. Бывали, правда, очень часто разномыслие и горячие споры, но более ничего».

«Ваше высочество, — спросил я, — не говорили ли вы иногда в горячности, понятной в молодые тогдашние ваши лета, вещей, — простите меня, — несколько резких? До меня доходил слух, будто бы вы сказали раз в заседании князю Орлову, который отстаивал категорически заслуги дворянства: „Плевать я хочу на русское дворянство!“».

«Никогда. Слова эти — решительная клевета, изобретенная крепостниками. Самое резкое выражение, которое раз я позволил себе употребить в пылу спора, — теперь я каюсь в этом, — было: „Жалует царь, да не жалует псарь“. Но, при всей своей резкости, выражение это было глубоко верно и справедливо. Государь всей душой желал освободить крестьян,

* «И чтобы прекратить заседание, сделавшееся невозможным, председатель должен был покрыть голову» (*фр.*).

а ближайшие советники его не хотели и делали все возможное, чтобы затормозить дело.

Все эти столкновения привели к тому, что государь посоветовал мне ехать за границу. Я отправился в Италию, но остался там недолго. По случаю бывших тогда опасений насчет возможности войны меня вызвали. Возвратясь в Петербург, я снова принял в 1860 и 1861 годах самое горячее участие в деле освобождения крестьян. Но не думайте, чтобы я интриговал или агитировал, как уверяют многие. Я даже не был в постоянных сношениях с Милютиным, Самариным, Черкасским и другими выдающимися деятелями редакционных комиссий. Я просто защищал в Главном комитете, а потом и в общем собрании Государственного совета труды редакционных комиссий потому, что находил их справедливыми и глубоко сочувствовал делу, которое считал святым. В это время государь имел ко мне большое доверие. Вскоре он послал меня наместником в Царство Польское, в котором признано было нужным, — заметьте, без всякого участия моего в обсуждении этого вопроса, — ввести политику примирительную, с самостоятельным польским министерством. Встречен я был там враждебно; в меня даже стреляли. Несмотря на это, я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению, она не привела к доброму результату, и в России, без всякой [нрзб.] с моей стороны, сочли меня изменником... Положение мое было ужасное. Государь хорошо понимал всю несправедливость взводившихся на меня обвинений; но вместе с тем, желая успокоить умы, он не признал возможным оставить меня в Царстве и пожелал, чтобы я на некоторое время уехал за границу. В 1864 году я возвратился и был назначен к 1 января 1865 года председателем Государственного совета. В течение 16 лет занимаю я эту должность и, несмотря на часто возобновляющиеся интриги против меня, — могу даже сказать, на постоянные жалобы со стороны реакционеров: сначала Муравьева, потом Шувалова, Палена, Тимашева и Валуева, — я до последней минуты был с братом в наилучших отношениях, обладая

полным доверием его. Хотя по временам он и бывал под впечатлением наговоров, но, в сущности, он был твердо уверен, что я душою ему предан и веду дело согласно собственным его видам.

Что будет теперь, не знаю. Буду ждать. Кажется, мои акции плохи. Я слышал, что в совещание, бывшее вчера, приглашен был Валуев... а меня не пригласили...»*.

Выслушав весь этот рассказ, врезавшийся в моей памяти и изложенный мною почти дословно, я отвечал великому князю, что принятое им решение весьма мудрое, но что при всем том оставаться в совершенном бездействии едва ли возможно. Не следует себя обманывать: новый государь не имеет к великому князю тех чувств, которые питал к нему покойный император. Мало того, я почти уверен, что он предубежден против его высочества. Сколько я знаю, причина предубеждения и корень неудовольствия — морское ведомство. Государю, когда он был наследником престола, постоянно жаловались с разных сторон, между прочим, Баранов — вообще, а Победоносцев — по Добровольному флоту¹⁵. Цесаревич верил им и даже сам выражался несочувственно о деятельности великого князя как генерал-адмирала. Но я никогда не слышал, чтобы нынешний государь когда-либо порицал деятельность его высочества по Государственному совету. Ввиду этого мне казалось бы наиболее благоразумным для великого князя самому отказаться от управления Морским министерством. Таким образом, может быть, оказалось бы возможным сохранить за собою пост председателя Государственного совета, на котором его высочество почти незаменим и может принести еще много пользы.

Великий князь отвечал: «Тяжело было бы мне отказать от флота, с которым я сроднился... Но, мо-

* Это действительно так. Между тем речь шла о порядке суда над злоумышленниками. В совещании этом необходимо было бы участие председателя Государственного совета, который по закону председательствует в Верховном уголовном суде.

жет быть, вы правы. Я подумаю... Знаете что? Попросите Сольского заехать ко мне. Хочу посоветоваться с ним».

От великого князя я поехал прямо к Сольскому. По его мнению, Лорис будет советовать государю оставить великого князя Константина Николаевича на должности председателя Государственного совета, — так как признает его чрезвычайные способности и не любит ни великого князя Михаила Николаевича, ни Валусева.

5 марта

М. С. Каханов сообщил мне некоторые интересные сведения.

Вслед за покушением 1 марта Валусев написал Лорису, для доклада государю, длинное письмо, в котором давал советы, клонившиеся к реакции. Письмо это было представлено государю и «оценено им по достоинству».

В самый день покушения Лорис просил Его Величество подумать о преемнике ему. Государь ответил, что питает к нему доверие и просит не оставлять [нрзб.] «пока мы живы».

При докладе 2 марта Лорис выразил государю всю свою благодарность за милостивое доверие Его Величества, но вместе с тем снова просил об увольнении, говоря, что обстоятельства изменились. На престол вззошел государь молодой, свежий, энергический, имеющий возможность сосредоточить непосредственно в своих руках все распоряжения по главным предметам государственного управления. С другой стороны, увольнение его вызывается и тем, что он не оберег покойного императора. Хотя он служил ему всею душой и прилагал все заботы к предотвращению постигшего Россию ужасного зла, но, к несчастью своему, не достиг цели. «А другой разве предотвратил бы это несчастье? — возразил государь. — Оставьте же это и займитесь докладами».

6 марта

У Лориса было уже два столкновения с Победоносцевым. Конвойный казак, убитый 1 марта, Малевич, был раскольник, как и все почти конвойные казаки. Лорис признавал необходимость разрешить если не торжественное, то по крайней мере явное погребение его по обрядам его верования. Победоносцев сильно возражал против такого соблазна, не допускаемого действующими постановлениями о раскольниках. Государь согласился с Лорисом и разрешил погребение.

6 марта¹⁶

Абаза рассказал мне кое-что о первом своем докладе нынешнему государю. Он представил на благоусмотрение Его Величества одобренные уже покойным императором предположения о понижении выкупных платежей на 9 миллионов рублей в год. Государь вполне одобрил эту меру также и с своей стороны, выразив желание, чтобы дело могло быть рассмотрено в Государственном совете в нынешнюю же сессию. При этом докладе Его Величество поручил Абазе сообразить, нельзя ли упростить всеподданнейшие доклады по Министерству финансов с тем, чтобы на высочайшее усмотрение представлялись лишь предметы серьезные, все остальные же разрешались собственною властью министра.

Подобного рода предположения не раз возникали при покойном императоре, но он всегда их отклонял. Между тем, по существующему порядку, государь обременен массою дел, по большей части пустых; например, Его Величеству докладывают просьбы об отпуске пажей и об определении или увольнении дворцовых гренадер.

Я должен по этому случаю сказать, что покойный государь был замечательно добросовестный работник. Все представлявшееся Его Величеству, — а представлялась ему масса дел, в числе которых бывали и сложные записки, — рассматривалось безотлага-

тельно. Я знаю это не только по рассказам других, но и по собственному опыту. По заведенному издавна порядку, мемории Государственного совета должны быть на столе у государя во вторник, рано утром. Если мемория не слишком объемиста, т. е. листов не более 40–50, то я получал ее обратно часам к четырем, если она более этого размера, листов до 80, то к вечеру, а если она еще толще, то на следующее утро. Замечательно, что государь не прерывал своих занятий и в путешествиях, читая дела [не только] на пароходах и железных дорогах, но даже и в городах, где оставался короткое время. Мне случалось высылать мемории в Харьков и в Москву, где государь оставался проездом день или два. Мемории всегда рассматривались и возвращались безотлагательно, несмотря на то, что у государя бывало очень много другого дела, как, например, присутствие при богослужении, выход, смотр войскам, прием местных властей, обеда и проч., а иногда и посещение учебных заведений, больниц и т. п. Одним словом, каждому из нас можно было бы научиться у покойного государя чрезвычайной добросовестности в исполнении обязанностей.

Урусов рассказал мне, что записку Лориса о призыве в редакционную комиссию депутатов от земства и городов и журнал к ней Особого совещания нынешний государь сообщил на предварительное рассмотрение Победоносцева¹⁷.

7 марта

Церемония перенесения тела покойного императора в крепость устроена и исполнена была крайне небрежно. Стройности в шествии не было, многие из чиновников разговаривали и шли не попарно, как бы следовало, а кучками, даже курили. Несшие ордена обращались с ними иногда бесцеремонно, держа, например, подушку под мышкой. Между тем холода большого не было. Циркулярная депеша министра иностранных дел по случаю восшествия на престол императора Александра III чрезвычайно

хороша. Встретясь сегодня с Н. К. Гирсом, я высказал ему это. Он очень скромно отвечал, что заслуга не его, а Жомини. Сам он только дал основную мысль о миролюбии России и о том, что она должна заняться преимущественно внутренними делами. На эту тему Жомини тут же написал депешу, почти без помарок, в какие-нибудь четверть часа. Государь остался депешей весьма доволен и сказал, что содержание ее вполне соответствует личным его убеждениям.

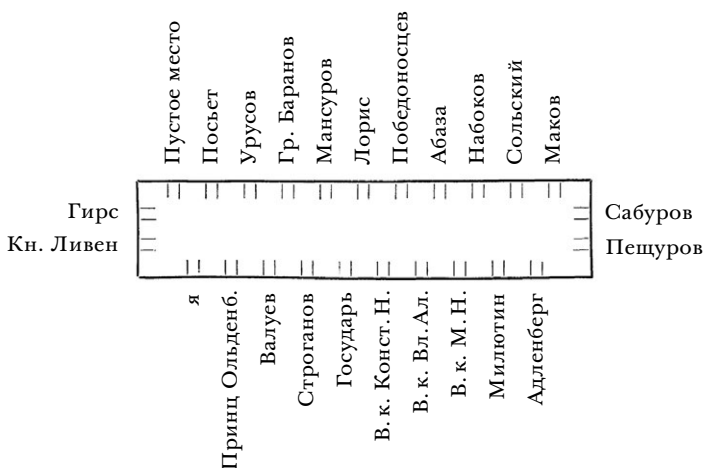
8 марта

На 8 марта в два часа пополудни назначено было заседание Совета министров¹⁸. В повестке, полученной мною накануне, поздно вечером, не было назначено предмета совещания. Поэтому, и так как государственный секретарь присутствует в заседаниях Совета министров собственно для представления объяснений по делам Государственного совета, то я просмотрел, насколько позволяло время, записки по всем нашим важнейшим делам. Заботы мои оказались напрасными, так как вопрос, подлежавший обсуждению, совершенно выходил из общего ряда. Приехав в Зимний дворец за четверть часа до назначенного времени, я застал в указанной для сбора Малахитовой комнате многих министров, от которых узнал, что обсуждаться будет предположение графа Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земства и городов.

Кроме министров, председателей департаментов Государственного совета, меня и заведывающего делами Совета статс-секретаря Н. П. Мансурова прибыли великие князья Владимир Александрович, Константин Николаевич и Михаил Николаевич и граф С. Г. Строганов.

Ровно в два часа государь прислал спросить, все ли налицо, и когда ему было доложено, что не явился только великий князь Николай Николаевич по случаю болезни, Его Величество вышел в Малахитовую комнату и, остановясь у дверей, попросил всех перей-

ти в назначенную для заседания залу (через комнату от Малахитовой). С каждым из проходивших государь приветливо здоровался, подавая руку, которой с чувством пожимал руку проходившего. В зале стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном; вокруг стола было поставлено 25 кресел; перед каждым креслом лежала на столе бумага и карандаш. Посреди стола, спиною к окнам, обращенным на Неву, было место государя. Напротив Его Величества, подле заведующего делами Совета, поместился министр внутренних дел, который должен был докладывать свои предположения; все же остальные разместились, как случилось. Вот вид стола:

Когда все заняли места, Его Величество не без некоторого смущения сказал:

«Господа! Я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного

мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в Особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моем, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц.

Журнал совещания, которое в сущности согласилось с проектом, был представлен Его Величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частных. Нам предстоит теперь обсудить эти заметки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предreshенным, так как и покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет министров».

Затем, обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о предположениях и проект публикации в «Правительственном вестнике».

Записка, прочитанная Лорисом, была составлена еще до катастрофы 1 марта; в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительной политикой последнего времени.

В этом месте государь прервал чтение словами: «Кажется, мы заблуждались».

Затем говорилось в записке о замеченных беспорядках в местном управлении и необходимости устройства его на лучших основаниях. Прежде всего, нужно было обстоятельно изучить существующее, узнать, в чем именно заключаются его недостатки, и зависят ли они от одних только злоупотреблений или же от несовершенства самого закона. С этой целью, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, покойному государю благоугодно было назначить сенаторские ревизии, которыми собирается, а отчасти уже и собран, богатый материал, требующий разработки. Придется составить весьма важные

законодательные проекты. Но для того чтобы проекты эти действительно соответствовали ощущаемым потребностям, министр внутренних дел считает необходимым, чтобы они были составлены и обсуждены при участии людей практических, знающих условия губернской и уездной жизни. Поэтому граф Лорис-Меликов испрашивал соизволения в бозе почившего императора на учреждение особой редакционной комиссии, в которой кроме должностных лиц правительственных ведомств участвовали бы представители земства (по два от каждой губернии) и городов (по одному от каждого губернского города и два от столиц). Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсуждения отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного государем императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение Государственного совета, права которого остаются без всякого изменения.

В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, причем сказано было, что предполагаемые меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором.

По прочтении графом Лорис-Меликовым записки и проекта публикации, Его Величество, вновь обращаясь ко всем присутствующим, просил их, ввиду важности предлагаемой меры и тех последствий, к которым она может привести, высказывать совершенно откровенно мнение их, нисколько не стесняясь предварительным одобрением как покойного государя, так и его самого.

Засим государь обратился прежде всех к сидевшему рядом с ним графу С. Г. Строганову, спрашивая его, что думает он о предполагаемой мере.

Граф Строганов сказал приблизительно следующее:

«Ваше Величество, предполагаемая вами мера, по моему мнению, не только несвоевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная.

Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время и без предполагаемой новой меры власть значительно ослабла, в журналах пишут Бог знает что и проповедуют невозможные доктрины. Дошло до того, что, как я слышал, сам министр внутренних дел признал необходимым призвать к себе журналистов, чтобы потребовать от них некоторой умеренности (обращаясь к Лорис-Меликову). Не так ли?»

Граф Лорис-Меликов: «Ваше Величество, граф Сергей Григорьевич не совсем прав. Я лично не видал редакторов повременных изданий с осени. В последнее же время, с разрешения вашего, я действительно объявил им, — но не сам, а через начальника Главного управления по делам печати, — что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет мною немедленно прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1866 года, а в силу особого полномочия, дарованного мне Вашим Величеством. Угроза эта подействовала».

Граф Строганов: «И слава Богу... Но, государь, подобная мера не будет уже возможна тогда, когда вы вступите на путь, вам предлагаемый.

Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России...».

Государь: «Я тоже опасюсь, что это — первый шаг к конституции». Затем, обратясь к графу Валугеву, Его Величество сказал: «Граф Петр Александрович, вы, как председатель комиссии, которая рассматривала проект, вероятно, пожелаете высказать ваш взгляд».

Граф Валугев: «Ваше Императорское Величество, я, с моей стороны, не могу разделять тех опасений, которые только что были высказаны глубокоуважаемым мною графом Сергеем Григорьевичем.

Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взгля-

дами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного. В пределах необъятной империи, под скипетром, вам Богом врученным, обитают многие племена, из которых каждое имеет неоспоримое право на то, чтобы верховной власти Вашего Величества были известны его нужды.

Вам, государь, небезызвестно, что я — давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей. Покойный император, родитель Вашего Величества, изволил принять мое предложение милостиво, однако не признал своевременным дать ему тогда ход. Затем я возобновил свое ходатайство в 1866 году, но и на этот раз в бозе почивший государь не соизволил на осуществление предложенной мною меры. Наконец, в прошлом году я дозволил себе вновь представить покойному государю императору записку по настоящему предмету. Участь ее Вашему Величеству известна. Особым совещанием, состоявшимся под председательством его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, признано было опять-таки несвоевременным издать к юбилейному торжеству 19 февраля 1880 года какое-либо законоположение о призыве представителей земства.

Из этого краткого очерка Ваше Императорское Величество изволили усмотреть, что я постоянно держался одного и того же взгляда на настоящий вопрос. Я не изменю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельною и необходимою. Граф Сергей Григорьевич совершенно справедливо указывает на то, что теперь в газетах пишут Бог знает что. Такие злоупотребления печатным словом могут иметь гибельные для государства последствия. Поэтому необходимо озаботиться, чтобы журналистам, этим самозванным

представителям общественного мнения, был создан противовес настоящих, законных представителей общества, которое, без малейшего сомнения, и мыслит, и чувствует совершенно иначе, нежели авторы газетных статей.

Вот, Ваше Императорское Величество, соображения и убеждения мои по существу дела. Что же касается затронутого графом Строгановым вопроса о своевременности издать теперь же проектированное нами положение, то в этом отношении я воздержусь от какого бы то ни было заявления. Ваше Величество, будучи в сосредоточии дел и обстоятельств, без сомнения, будете сами наилучшим судьей того, следует и возможно ли в настоящую именно минуту предпринимать предлагаемую нам важную государственную меру. Разрешение этого вопроса должно зависеть исключительно от державной воли Вашего Величества».

После речи Валуева государь обратился к великим князьям, но все они пожелали высказать свое мнение после других, когда вопрос более выяснится. Тогда попросил слова военный министр.

Граф Д. А. Милютин: «Предлагаемая Вашему Величеству мера, сказал он, — по моему мнению, совершенно необходима, и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляды Вашего Величества нашли себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел. Как видно из известий, приходящих со всех концов Европы, депеша эта произвела всюду наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших сношений, — из нее не видно, какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем вопрос этот естественно озабочивает всю Россию. Безотлагательное разрешение его представляется мне в высшей степени настоятельным.

Покойный государь по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им пре-

образования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразования исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, причем нередко принимались даже меры, несогласные с основной мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний, в России все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое неудовольствие... В самое последнее только время общество ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые, лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствуют. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...».

Государь: «Да, но император Вильгельм, до которого дошел слух о том, будто бы батюшка хочет дать России конституцию, умолял его в собственноручном письме не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись во все без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством».

Граф Милютин: «Ваше Величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут

не в столице, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде. Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. Ввиду этого, Ваше Величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова».

Министр почт и телеграфов Л. С. Маков: «Ваше Императорское Величество, предложения графа Лорис-Меликова мне не были вовсе известны; я ознакомился с ними в первый раз в настоящем заседании и поэтому не могу сообразить их как бы следовало. Но сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел, основная его мысль — ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разума, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к гибели. Таков мой взгляд на этот вопрос вообще. Но кроме того, по долгу совести я считаю себя обязанным высказать, что не в такие минуты, как те, которые, к несчастью, переживаем мы, возможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благотворительной для отечества.

В смутное нынешнее время, по глубокому убеждению моему, нужно думать только о том, чтобы укрепить власть и искоренить крамолу.

Воля Вашего Императорского Величества, без сомнения, священна. Если вам, государь, благоугодно будет утвердить одобренные в бозе почивающим императором предложения графа Лорис-Меликова, то все мы должны преклониться, и все возражения наши должны смолкнуть. Тем не менее я считаю священной обязанностью обратить всемилоостивейшее внимание Вашего Величества на то, что при обнародовании постановления по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графом Лорис-Меликовым. Нельзя

говорить о важной этой мере так, как будто она исходит от министра внутренних дел. Подобный правительственный акт может исходить исключительно от вас, по завету покойного государя и силою собственной державной воли Вашего Императорского Величества, а не по мысли и представлению министра внутренних дел. О нем в публикации не должно быть и речи».

Министр финансов А. А. Абаза (с некоторою горячностью): «Ваше Императорское Величество, о министре внутренних дел речь идет вовсе не в публикации, приготовленной для „Правительственного вестника“, а в докладной записке, которая может исходить только от министра.

Затем, что касается других возражений министра почт и телеграфов, то я попрошу разрешения остановиться прежде всего на указании его о невозможности принять предлагаемую меру в нынешние смутные времена. Я бы понял это возражение, если бы смута исходила из народа. Но мы видим совершенно противное. Смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом, исполненным любви и преданности своему государю. Против шайки злодеев, ненавидимых всем населением империи, необходимо принять самые решительные и строгие меры. Но для борьбы с ними нужны не недоверие к обществу и всему народу, не гнет населения, а совершенно иные средства, — нужно устроить сильную, деятельную и толковую полицию, не останавливаясь ни перед какими расходами. Государственное казначейство отпустит на столь важную государственную потребность не только сотни тысяч, но миллионы, даже многие миллионы рублей.

Наконец, по поводу возражений министра почт, я не могу не заметить, что в предложениях графа Лорис-Меликова, которые по воле покойного государя обсуждались в Особой комиссии при участии Вашего Величества, нет и тени того, чего опасается статс-секретарь Маков. Если бы они клонились к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо не-

обходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал бы этой меры.

Проектированные редакционные комиссии должны иметь значение учреждения только совещательного. Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Только посредством такого совещания познаются действительные нужды страны. Трон не может опираться исключительно на миллион штыхов и на армию чиновников. В царствование покойного государя не раз приглашаемы были и в различные комиссии, и даже в Государственный совет лица выборные, именно предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы и т. п. Теперь предлагается поступить несколько иначе, т. е. приглашать не людей, избранных обществом для совершенно иной цели, а людей, которым население доверит его голос именно для рассмотрения законодательных проектов. Я, с моей стороны, считаю этот прием важным усовершенствованием, потому что очень хороший предводитель дворянства, городской голова или председатель земской управы могут быть очень плохими советниками по части законодательной.

Ваше Императорское Величество, предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, как министру финансов, совершенно необходимою еще и потому, что, как Вашему Величеству известно, нам предстоит издать целый ряд законов о новых налогах. Подобного же рода вопросы не могут быть рассматриваемы путем исключительно кабинетным. Для справедливости и практического удобства налога он непременно должен быть соображен при участии тех лиц, которым придется платить его».

Министр внутренних дел граф М. Т. Лорис-Меликов: «Ваше Императорское Величество, при обсуждении настоящих предположений было не раз упоминаемо, что в нынешние смутные времена нужны иные меры, нежели те, которые теперь предлагаются. В этих отзывах слышится косвенный укор мне за то, что я не сумел уберечь незабвенного покойного государя и обще-

го благодетеля. Я не буду оправдываться. Я, действительно, виноват, как о том и докладывал вам, государь, тотчас же после ужасного события 1 марта. Но если я не мог уберечь покойного императора, то не по недостатку усердия. Я служил ему всеми силами, всею душою, и при всем том не мог предупредить катастрофы... Несмотря на убедительную просьбу мою, Вашему Величеству не угодно было уволить меня...».

Государь: «Нет. Я знал, что вы действительно сделали все, что могли».

Граф Лорис-Меликов: «В настоящее время я полагаю, что в отношении к злодеям нужно принять самые энергические меры; но вместе с тем я убежден, что относительно всего остального населения империи правительство не должно останавливаться на пути предпринятых реформ. По окончании сенаторских ревизий нам предстоит издание весьма важных законодательных мер. Необходимо, чтобы меры эти соображены были как можно тщательнее для того, чтобы они оказались полезными в практическом применении.

Затем, не менее важно и то, чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время, — через три месяца нынешние, в сущности весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми.

Обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, и, очевидно, взволнованный): «Ваше Величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: „Finis Poloniae“, так теперь едва ли не приходится сказать и нам: „Finis Russiae“. При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет, в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее именно время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте, помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция.

Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды...».

Государь: «Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей».

Победоносцев: «...И эту фальшь по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться. Так называемые представители земства только разобщают царя

с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню вроде французских *états généraux*¹⁹. Мы и без того страдаем от говорилен, которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем открыты были земские и городские общественные учреждения — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения — новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, — несомненные убийства и другие тяжкие злодейства, — остаются безнаказанными.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильни, которая во все концы необъятной

русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными, честными семена раздора и недовольства, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают вам учредить, по иноземному образцу, новую верховную говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси, — когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспрецедентное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что, несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!..»

Государь: «Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя».

Победоносцев: «В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать!»

Речь эта произвела на многих, в особенности на государя, весьма сильное впечатление. Сознывая это, А. А. Абаза произнес взволнованным голосом, но при этом весьма решительно: «Ваше Величество, речь обер-прокурора Св. Синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны, — то вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, при-

нимавших участие в преобразованиях прошлого, скажу смело, великого царствования.

Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах. Я, с моей стороны, решительно восстаю против таких взглядов и полагаю, что отечество наше призвано к великому еще будущему. Если при исполнении реформ, которыми покойный император вызвал Россию к новой жизни, и возникли некоторые явления неутешительные, то они не более как исключения, всегда и везде возможные и почти необходимые в положении переходном от полного застоя к разумной гражданской свободе. С благими реформами минувшего царствования нельзя связывать постигшее нас несчастье — совершившееся у нас царевубийство. Злодеяние это ужасно. Но разве оно есть плод, возросший исключительно на русской почве? Разве социализм не есть в настоящее время всеобщая язва, с которой борется вся Европа? Разве не стреляли недавно в германского императора, не покушались убить короля итальянского и других государей? Разве на днях не было сделано в Лондоне покушение взорвать на воздух помещение лорда-мэра?

Обер-прокурор Св. Синода заявил нам, что вместо учреждения так называемой им „верховой говорильни“ нужно главным образом заботиться и радеть о народе. Ваше Величество, в этом последнем собственном отношении, т. е. относительно забот о возможном благе народа, взгляды наши совершенно сходятся. Несмотря на то что всего в ноябре месяце отменен ненавистный всем соляной налог, причем народ освобожден от уплаты в год 15 миллионов рублей, я не более двух недель тому назад имел счастье докладывать покойному государю в присутствии вашем предложению министра финансов и внутренних дел о понижении выкупных крестьянских платежей на сумму 9-ти миллионов рублей в год. При первом моем всеподданнейшем докладе Вашему Величеству я счел долгом вновь обстоятельно доложить это дело, испраши-

вая разрешения вашего внести его в самом безотлагательном времени в Государственный совет. Вашему Величеству благоугодно было на это соизволить, выразив желание, чтобы дело было рассмотрено в нынешнюю же сессию Совета. Смею думать, что предложения подобного рода служат доказательством заботы нашей и радения нашего о народе. Но заботясь и радея о нем, не нужно забывать, что кроме простого народа в населении государства есть и образованные классы общества. Для пользы дела необходимо, по мере возможности, привлекать их к участию в управлении, выслушивать мнение их и не пренебрегать их советами, весьма часто очень разумными».

Государственный контролер Д. М. Сольский (совершенно спокойно): «Ваше Императорское Величество, обер-прокурором Св. Синода было высказано много такого, с чем согласны все. Поэтому между нами нет такого коренного различия в убеждениях, как казалось бы с первого взгляда. Разногласие происходит главным образом от недоразумения. Ни министр внутренних дел, ни все те из нас, которые согласны с его предложением, вовсе не считают предлагаемую им меру — средством, ограждающим против преступлений социализма. И при действии ее, преступления социалистов будут по-прежнему возможны. Для борьбы с социализмом нужно иметь прежде всего хорошую полицию, которой у нас нет.

С другой стороны, никто не помышляет о конституции или об ограничении самодержавия. В проекте министра внутренних дел, одобренном Особым совещанием, в котором Ваше Величество изволили участвовать, прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет лишь голос совещательный; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в Государственном совете остается без изменения. Ввиду этого о конституции нет и речи.

Если бы в проекте была хотя тень такой мысли, то каждый из присутствующих, без сомнения, отверг бы ее с негодованием. Не конституция, не огра-

ничение власти нужны нам теперь, — нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какую она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд. Константин Петрович уподобил предлагаемую меру составу французских *états généraux*. Уподобление это совершенно неправильное. Всем известно, из кого состояли *états généraux* и какое их было значение. Разве предлагается что-либо подобное этому учреждению?.. Предлагается созвать около ста человек, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами губернских городов. Нельзя сомневаться в том, что избранные лица будут люди вообще умеренные. Они будут совещаться при участии правительственных деятелей и под председательством лица, назначенного высочайшею властью. Затем, если бы это собрание увлеклось, то нельзя думать, чтобы русское правительство, сильное, в некоторых отношениях всемогущее, не имело средств остановить подобное увлечение.

Опасения, и притом напрасные, у нас не новость. Когда покойным государем возбужден был вопрос об освобождении крестьян, тогда многие у нас боялись революции. Последующие события доказали, что опасения эти не имели ни малейшего основания. Когда введены были земские учреждения, многие предсказывали, что вводимый порядок будет постоянно расти, что земство будет стремиться к приобретению политического значения, что силою вещей правительство будет вынуждено уступить и что таким образом водворится в России правление конституционное. Но разве опасения эти были справедливы? Разве земство стало политической силою и вышло из тех пределов, которые были ему предуказаны законом? За исключением некоторых отдельных случаев не серьезного даже сопротивления, а скорей невинной болтовни, которые были тотчас же остановлены распоряжением правительственной власти, земство

наше никогда не выходило из границ. Его можно обвинить скорее в бездеятельности, в апатии. Итак, неоднократно возникавшие у нас до сих пор опасения по случаю принимавшихся либеральных законодательных мер, как доказано неопровержимыми фактами, были напрасны, были несправедливы.

Ваше Императорское Величество, возвращаясь к первоначальному заявлению, я должен снова указать на то, что между нами нет коренного различия в убеждениях. Сам Константин Петрович не отвергает пользы соображения важных законодательных мер при участии людей практических. Но решительно то же самое предлагается и нами. Может быть, мы не сойдемся с Константином Петровичем в подробностях, но подробности есть дело дальнейшего рассмотрения. Обсуждать проект вновь во всех мельчайших его постановлениях, ввиду важности дела, может быть только полезно. Теперь речь идет собственно об основной мысли, а относительно ее, по глубокому моему убеждению, нет различия во взглядах. Нынешний порядок администрации признан самим правительством во многих отношениях неудовлетворительным и требующим исправления. С этим согласен и Константин Петрович. По возвращении сенаторов, которым поручена ревизия многих губерний, и по рассмотрении их трудов, будут составлены предположения об изменениях в разных частях законодательства. Необходимо, чтобы изменения эти удовлетворяли действительным потребностям и не остались мертвою буквою. Для этого нужно содействие людей, знающих действительную жизнь.

Кроме общих проектов, касающихся порядка управления, нельзя оставлять без внимания крайней необходимости изменения нашей податной системы. Нынешнее податное обложение в высшей степени несправедливо и тягостно для некоторых классов населения. Но для того чтобы облегчать одних, нужно обременить других, нужно ввести новые налоги, о чем упоминал еще сегодня министр финансов. Введение же новых налогов обыкновенно возбужда-

ет ропот и увеличивает число недовольных. Почти ничто не ожесточает так людей, как то, если их бьют по карману. Поэтому правительство должно озаботиться не только о том, чтобы подати были справедливые и чтобы они распределялись по возможности равномерно, — в этом много помогли бы представители разных местностей и разных классов общества, — но также и тем, чтобы не нести одному всей ответственности в принятых мерах. Коль скоро меры эти будут предварительно обсуждены представителями страны, то ответственность будет разделяться ими, правительство найдет в них опору.

Ваше Величество, в заключение я должен сказать, что речью своей Константин Петрович всех нас расстроил. При этом он представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего нашего положения. Но [далее] этого он не пошел. Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего. В конце своей речи Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным — невозможно».

После Сольского попросил слова *министр путей сообщения К. Н. Посьет*. Довольно нескладно и темно он объяснил, что предполагаемые меры несвоевременны, тем более что они могут быть приняты за уступку требованиям и угрозам социалистов.

Почти в один голос Лорис-Меликов, Абаза и Сольский заявили, что этого бояться нечего, так как социалисты требуют совсем не того и что предлагаемая мера их, конечно, не удовлетворит.

Председатель департамента законов кн. С. Н. Урусов: «Ваше Императорское Величество, если предложение министра внутренних дел будет принято, то, по моему мнению, нужно рассмотреть его не как меру политическую, а как меру практически полезную.

Коль скоро правительство должно искать себе помощи в содействии представителей общества, то не-

обходимо, чтобы эти представители были лучшие люди страны.

Но из рассматриваемого нельзя вынести убеждения, что представители земства и городов будут именно такие люди. Поэтому, Ваше Величество, я, с моей стороны, признавал бы полезным и необходимым пересмотреть проект предварительно в Комитете министров».

Управляющий Министерством народного просвещения А. А. Сабуров: «Ваше Императорское Величество, проект министра внутренних дел признается здесь многими за меру слишком либеральную. Я не могу согласиться с таким мнением. Весьма основательно было возражаемо, что предложение графа Лорис-Меликова не есть что-либо совершенно новое и что, в сущности, оно есть лишь видоизменение и усовершенствование того, что делалось в прежние времена при рассмотрении важных законодательных проектов. При нынешних грустных обстоятельствах мера эта особенно необходима. Она вызывается неотложною потребностью опереться на здоровые силы страны. В настоящее время правительство опирается в своих действиях, собственно, на одних чиновников, т. е. на людей хотя и образованных, но дышащих исключительно петербургским воздухом и усваивающих себе взгляды и убеждения газет, не всегда верные и не всегда соответствующие истинным потребностям государства. Нужно выслушать и людей другой среды. Мнения их во многом не согласны с газетными статьями. Люди земские, особенно за Москвою, думают совершенно иначе, чем петербургские деятели. Они несравненно более консервативны и самостоятельны, а потому представят, несомненно, более твердую опору для правительства».

Министр юстиции Д. Н. Набоков заявляет тихим голосом (в нашем конце стола его почти не слышно) и в довольно туманных выражениях полное свое сочувствие проекту министра внутренних дел.

Принц П. Г. Ольденбургский: «Ваше Величество, я присоединяюсь вполне к предложению князя С. Н. Уру-

сова о пересмотре проекта в Комитете министров. К этому я прибавляю, что для упрочнения порядка и благосостояния государства, по глубокому моему убеждению, нужны два условия: мир и поправление наших финансов, главным образом посредством бережливости в расходах. Если не будет этих двух условий, то ничто не поможет».

Очередь доходила теперь до меня. Я был в чрезвычайном затруднении: говорить мне или нет. С одной стороны, вопрос почти уже выяснился, с другой же — государственный секретарь не есть министр и присутствует в совете собственно для объяснений по делам Государственного совета. После некоторого размышления и — не скрою — волнения я решил так: если государь обратится прямо ко мне, то, высказав в кратких чертах сочувствие свое проекту, я приведу в виде практического аргумента в пользу предлагаемой меры то, что, как видно из многих наших дел, издаваемые у нас законы на деле часто не соответствуют благим намерениям правительства, главным образом потому, что они неудобоприменимы, что недостатком этим страдают в особенности те законы, при составлении которых вовсе не были выслушаны отзывы людей дела и практики, например: парциальное положение и закон, ограничивающий право городских и сельских обществ исключать из своей среды порочных людей. Как известно, оба эти узаконения вызвали массу справедливых жалоб, повлекших за собой пересмотр первого из них и приостановление действия второго в административном порядке. Засим, если бы Его Величество не обратился ко мне, я решился молчать.

По окончании принцем Ольденбургским коротенького своего заявления, государь посмотрел впросительном в наш угол, т. е. на управляющего министерством государственных имуществ князя Ливена и меня. Князь Ливен попросил слова и затем несколько кудряво объяснил, что вполне сочувствует мысли опереться на здоровые силы страны, но полагает, однако, что им следует предоставить широкую долю

участия в местном самоуправлении. Призывать же депутатов земства в Петербург для участия в делах управления, по мнению князя Ливена, во многих отношениях опасно.

Выслушав Ливена с несколько утомленным видом, государь обвел взглядом все собрание, как бы спрашивая: не желает ли еще кто-нибудь говорить? Я понял, что мне лучше воздержаться от прений.

Слова попросил *великий князь Константин Николаевич*.

«Ваше Величество, — сказал он, — в начале наших суждений П. А. Валуев заявил, что он считает себя давнишним автором или ветераном рассматриваемых предложений, так как основная их мысль была им предложена покойному государю в 1863 году. Хотя и несколько позднее, именно в 1866 году, я счел также обязанностью, не зная ничего о предположениях Петра Александровича, представить покойному императору записку, в которой выражал убеждение свое в необходимости привлечения сил общественных к рассмотрению важнейших законодательных дел. Государь не давал хода этой записке в течение 15 лет.

Только в январе прошлого года она подверглась обсуждению в Особом совещании при участии Вашего Величества. Осуществление мыслей моих признано было тогда несвоевременным. Я, с моей стороны, покорился этому, сохранив за собой право возобновлять предложения мои впоследствии. Если бы министр внутренних дел не представил ныне своего проекта, во многом сходного с моим, то я счел бы обязанностью снова заявить о прежних, давнишних моих мыслях. Говорю об этом собственно для того, чтобы выразить, в какой степени я разделяю основную мысль обсуждаемого государственного дела.

Главный противник проекта — обер-прокурор Св. Синода. Но и он, если вникнуть хорошенько в сказанное им, как правильно заметил государственный контролер, не отрицает пользы призыва к рассмотрению важных законодательных дел людей свежих,

практических. Следовательно, и Константин Петрович признает полезным, чтобы существовало звено между государем и его народом. Такое звено я, с моей стороны, считаю безусловно необходимым. Благодаря такому звену русский монарх мог бы узнавать как истинные потребности своего государства, так и недостатки законодательных предположений, составленных людьми кабинетными. Не подлежит сомнению, что в тысячу раз лучше убедиться в таких недостатках прежде, чем после утверждения закона. Какое именно должно быть это звено, из кого состоять и как должно действовать, в этом отношении возникают в нашей среде разные мнения. Ввиду этого я присоединяюсь к предложению князя Урусова и принца Ольденбургского о дальнейшем еще пересмотре проекта. Покойный мой отец, дед Вашего Величества, неоднократно говорил мне, что любимую поговоркою императора Александра I было: «Десять раз отмерь и один раз отрежь». Мне кажется, что поговорка эта как нельзя более применима к настоящему предмету первостепенного государственного значения. Нужно несколько раз отмерить наши предположения, но в конце концов нужно их отрезать».

Великий князь Михаил Николаевич не считает возможным высказаться, пока не ознакомится с окончательными по этому предмету предположениями.

Великий князь Владимир Александрович (с некоторым жаром): «Ваше Величество, всеми сознается, что нынешнее положение наше — невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперед, или шаг назад. Я убежден, что назад идти нельзя, поэтому нужно сделать шаг вперед. На это нужно решиться. Если против меры, предположенной графом Лорис-Меликовым, и были возражения, то, как оказывается, возражения возникли собственно в отношении к подробностям, а не относительно основной мысли. Ввиду этого не позволите ли, Ваше Величество, признать полезным повелеть, чтобы проект был пересмотрен? Но отвергать его, по моему мнению, не следует».

Граф С. Г. Строганов: «Государь, я тоже не возражал бы против пересмотра проекта в Комитете министров».

Князь С. Н. Урусов: «Ваше Величество, если Вам благоугодно будет принять мысль о дальнейшем еще пересмотре проекта, то не лучше бы было обсудить его сначала не в Комитете министров, а в составе небольшой комиссии из лиц, назначенных Вашим Величеством?».

Государь: «Я не встречаю к тому препятствий. Цель моя заключается в том, чтобы столь важный вопрос не был разрешен слегка, но, напротив того, был соображен как можно основательнее и всестороннее.

(Обращаясь к графу Строганову.) Граф, не примете ли вы на себя председательство в комиссии?».

Граф Строганов: «Я всегда и во всем готов служить Вашему Величеству. Но позвольте заметить, что 86 лет от роду нельзя быть председателем».

Государь: «Также согласитесь ли, по крайней мере, быть членом комиссии?».

Граф Строганов: «Охотно, государь».

Государь: «Благодарю вас. Я очень бы желал, чтобы вы участвовали в этом деле».

Граф Строганов, видимо довольный, молча поклонился.

Граф Валуев: «Ваше Императорское Величество не изволите определить состав комиссии? Или, может быть, Вашему Величеству угодно будет определить его впоследствии?».

Государь: «Да (вставая). Мы можем окончить заседание. Благодарю вас, господа. (Обращаясь к Лорис-Меликову.) Граф Михаил Тариелович, я должен поговорить с вами. Пойдемте ко мне».

Заседание окончилось в 4 часа 45 минут. При разъезде Валуев подошел к Абазе со словами: «J espere que vous etes content de moi». — «Parfaitement. Mais je n'en dirai pas autant de votre cieve (разумея Макова), c'est un laquais»*.

* «Надеюсь, что вы были мною довольны». — «Вполне. Но я не сказал бы того же о вашем питомце; это — лакей» (*фр.*). — *Прим. ред.*

Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения.

После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить все за один раз. Я употребил на это дело еще целых два вечера. В эту книжку я внес составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом.

В заседании я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Лышу себя надеждою, что изложение мое почти фотографически верно.

9 марта

Великий князь Константин Николаевич доволен результатом вчерашнего заседания. Зато крайне недоволен назначением Баранова в градоначальники. Назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева.

Относительно заседания я сказал великому князю, что был поражен, как выступил вчера великий князь Владимир Александрович, заявление которого много способствовало успеху дела. — «А я этому нисколько не удивляюсь, — отвечал великий князь, — Владимир умный и хороший человек. Беда его в том, что он ленив и малообразован, даже в светском отношении. Все внимание покойного государя и императрицы было обращено на воспитание цесаревича Николая Александровича, который был чуть не совершенство. Нынешний же государь и Владимир Александрович в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе».

Как узнал я в Государственном совете, государь по окончании вчерашнего заседания сказал Лорис-Меликову, что председателем комиссии для пере-

смотра его предположений назначает великого князя Владимира Александровича.

Лорис очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он неправ: исход очень хороший, цель почти достигнута; конечно, дело не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные вопросы когда-либо разрешаются в одно заседание?

Лорис избалован, — до сих пор все давалось ему слишком легко.

С другой стороны, Лориса многие винят в том, что он побудил государя в назначении заседания до погребения тела покойного императора. Дело во-все не так спешно, а между тем недели через две или три речь Победоносцева не произвела бы такого впечатления, какое произвела она теперь.

12 марта

В церемониальной экспедиции, заведующей погребением, страшный беспорядок. В случае сомнений, которых возникает много, там не добиться толку. К общему стыду нашему должно сказать, что и дежурство при теле покойного императора неисправно, по крайней мере по ночам. В ночные часы нередко вовсе не являются некоторые из лиц, назначенных дежурными. Я приехал минут за двадцать до своего часа и нашел место свое пустым, значит, предшественник мой не приехал.

Затем, по истечении назначенного для меня времени, я перестоял еще полчаса в ожидании смены, которая так и не явилась. Хорошо еще, что дежурят разом человек до 12 разных чинов; по крайней мере вокруг гроба бывает все-таки человек до восьми или десяти.

И при такой небрежности позволяют себе говорить о преданности монарху. А при жизни его эти не являющиеся теперь — считали бы для себя величайшим счастьем побыть вблизи его хотя десятую часть времени, назначенного для дежурства; многие из них готовы были бы скакать для этого на край света.

Во время дежурства я имел утешение видеть, с каким благоговением поклонялся праху простой народ. Тут были и старики, и старухи, и люди в зрелом возрасте, и даже дети. Большею частью все приближавшиеся к гробу — а их были тысячи — набожно молились, клали земные поклоны, многие плакали, даже рыдали. Собственно любопытства я ни у кого не заметил.

14 марта

Тимашев мечет гром и молнии против Лориса, обвиняя его в том, что так называемые «новые веяния» [являются] причиною смерти императора и всех наших несчастий.

Сегодня утром он снова завел об этом разговор. Сольский, находившийся с Тимашевым в очень хороших, даже почти дружеских отношениях, не выдержал и при всех (нас было человек пять-шесть) прямо сказал ему, что не может с ним согласиться: «Социализм не мог развиваться у нас и достичь таких ужасных размеров в какие-нибудь 10–12 месяцев. Он развивался несравненно долее, и ответственность за совершающееся ныне лежит скорее на министрах, бывших у власти в прошедшие 10 или 15 лет (разумеется, в том числе на Тимашеве, бывшем более 10 лет министром внутренних дел). Меры, принимавшиеся со времени покушения Каракозова, не достигавшие действительной цели, вели только к тому, что отчуждали общество от правительства и давали социализму в руки новое оружие. Затем даже в прямой, открытой борьбе с ним, правительство обнаруживало полную неумелость. Забрали более тысячи человек и вместо того, чтобы судить их по мере открытия их вин, централизовали все дело, держали людей в заключении годами, ожесточая их и давая им всем возможность общаться между собою. Понятно, что мальчишки, взятые тогда только за легкомысленно сказанные слова или за чтение запрещенной книжки, сделались, таким образом, настоящими закоренелыми злодеями. Тогда присту-

пили к суду над ними. И что же оказалось? Из тысячи с лишком человек за недостатком улики можно было предать суду только 193-х²⁰. Остальных сослали в административном порядке. Но и из этих 193-х особое присутствие Сената, рассматривавшее дело, признало виновными только 30 человек. Отчасти причиной оправдания некоторых подсудимых была крайняя небрежность, с которой велось обвинение. Против пяти лучших адвокатов, напрягавших все силы для защиты своих клиентов, правительством выставлен был почти мальчик — товарищ прокурора Желеховский, произнесший цветистую речь с громкими фразами, но дела серьезно не изучивший и не бывший даже в состоянии отвечать на указания защитников, почерпнутые из судебного производства. Я сам присутствовал на суде и могу засвидетельствовать, что дело ведено было, как часто у нас бывает, спустя рукава. В последнее время политические дела велись гораздо тщательнее. Поэтому не следует считать Лориса виновником нынешних бед».

Тимашев крутил ус и ответил только, что судебная часть его не касалась, что новые судебные учреждения — чуть ли не главные рассадники социализма... и уехал.

Сольский, по моему мнению, прав. Со времени Каракозовского выстрела правительство посредством беспрестанного исключения молодых людей из учебных заведений и ссылки в административном порядке, можно сказать, само распложало социалистов. В то же время оно раздражало общество разными бюрократическими придирками и стеснениями.

Между тем в борьбе с анархистами, несмотря на постоянные заявления министров о необходимости энергии, агенты правительства всегда оказывались неумелыми, неисполнительными, слабыми; напротив того, социалисты бывали обыкновенно распорядительны, энергичны и толковы.

Слабость наша обнаружилась как в полицейском, так и в судебном отношении. Маков, будучи после Тимашева министром внутренних дел, сам рассказы-

вал мне тогда, что шеф жандармов Дрентельн, по соглашению с ним, признал нужным произвести обыск в одной подозрительной мебелированной квартире. Для исполнения этого назначен был толковый жандармский штаб-офицер, которого призвал к себе управляющий III отделением и, лично вручив ему открытый лист, сказал, чтобы ввиду важности дела он отправился немедленно к приставу Спасской части и вместе с ним хорошенько обыскал мебелированные комнаты. Когда штаб-офицер приехал к приставу, этот последний встретил его словами: «Вы, вероятно, за производством обыска в такой-то квартире?» — «Да». — «Но у меня сейчас была хозяйка квартиры; она убедительно просит не делать скандала, который принесет ей убытки; между тем она божится, что у нее живут все порядочные люди».

Спрашивается, каким образом она могла знать о предстоявшем обыске? Конечно, ее предупредили из III отделения, в числе агентов которого был, вероятно, социалист.

Неудивительно, что такая полиция не имела средств к открытию злоумышленников. Хорошо также и рассуждение пристава, заступающегося некоторым образом за хозяйку. По части судебной, кроме приведенного Сольским дела 193-х, можно указать, в виде примера, знаменитое дело Засулич. За отказом нескольких лиц прокурорского надзора от обвинения Засулич (хороши прокуроры), к исполнению этой обязанности был назначен ничтожный товарищ прокурора Кестнер или Кеслер, имени которого до того времени никто не слышал. Когда графа Палена, тогдашнего министра юстиции, предваряли о том, что он слаб, граф отвечал: «Все равно; это такое пустое и ясное дело». Обвинитель действительно осрамился. Он не произнес, а прочитал написанную заранее плохонькую речь; затем на блестящую в полном смысле слова защиту не возразил ни слова. Кроме того, он не воспользовался принадлежащим ему по закону правом отвести шесть присяжных заседателей, и, вследствие того, защитник мог отвести

вместо шести — 12. Таким образом, состав присяжных был благоприятный подсудимой. Наконец, обвинительной властью не было собрано никаких сведений о прежней жизни Засулич, представлявшей много несомненных доказательств принадлежности ее к социалистической партии, — несмотря на то что еще до судебного заседания было известно, что защита всяческими путями собирала самые тщательные и подробные сведения об обращении генерала Трепова с арестантами дома предварительного заключения.

Не менее был бестактен и председатель суда Кони. Без всякой необходимости он позволил на суде следствие об обращении Трепова с арестантами, причем оно было изображено в отвратительных красках. Справедливо говорили многие, что суд был не над Засулич, а над Треповым. В сущности же защита имела право только на прочтение в суде той газетной статьи, которая попала в руки Засулич, — но не более того, так как преступница вовсе не присутствовала при сечении арестанта и потому не могла объяснить, что была возмущена отвратительной обстановкой сечения, которого сама не видела. В заключительном своем слове председатель воспроизвел с большим талантом и с чрезвычайной отчетливостью доводы как обвинения, так и защиты. Казалось бы, правильно и справедливо. Но на деле вышло совсем не так. Так как обвинением не было приведено почти ничего, а защитой высказано было очень много, то от обстоятельного воспроизведения происходившего и сказанного на суде вышло новое усиление обвинения против Трепова и поводы к оправданию Засулич.

Покойный император понял очень хорошо все промахи судебного ведомства по этому несчастному делу, послужившему сигналом для дальнейших покушений со стороны социалистов. Увольняя через некоторое время графа Палена от должности министра юстиции, государь сказал великому князю Константину Николаевичу, что Пален увольняется за небрежное ведение дела Засулич.

15 марта

При погребении тела покойного императора, происходившем сегодня, можно было заметить на многих лицах истинное горе. К погребению было много иностранных принцев и в числе их наследник германского престола.

Говорят, что после неоднократных бесед с юным нашим государем он сказал: «Je suis heureux d'être venu. Pour moi l'empereur c'est une revelation»*. Вероятно, слова эти относились к тому, что принц думал найти в государе ненавистника немцев, а между тем нашел его дружелюбным и благоразумным. При погребении присутствовал и Николай Максимилианович Лихтенбергский. Сначала он не хотел приезжать из Рима, где он живет с Акинфиевой. Но государь, узнав об этом, поручил принцессе Евгении Максимилиановне сообщить брату, что если он не приедет, то за такое неприличие будет исключен из русской службы. Дай Бог государю и впредь столько же энергии! А. В. Головнин тоже советовал великому князю Константину Николаевичу отказаться от морского ведомства. Мы сочинили с ним вместе для великого князя проект письма к государю в том смысле, что взгляды императора на управление флотом и устройство его не согласны с воззрениями его высочества, быть может, и ошибочными. Ввиду этого великий князь считает долгом просить об увольнении от управления Морским министерством. Засим о Государственном совете не было упомянуто вовсе.

При составлении проекта этого письма Александр Васильевич рассказал мне сегодня, что один из главных источников неудовольствия против великого князя в прошлое время был отзыв М. Н. Муравьева в 1866 году о том, будто бы в деле расследования каракозовского заговора ему препятствовал Мраморный дворец²¹. Разумеется, это был сущий вздор, но Му-

* «Я счастлив, что приехал. Для меня император — открытие» (фр.). — Прим. ред.

равьев ненавидел великого князя и хотел погубить его в общественном мнении.

Вот причина его ненависти. В Русском географическом обществе, состоящем под председательством великого князя, было с самого начала две партии: одна серьезная, работающая, во главе которой стоял Литке, и потому прославившаяся под названием «немецкой»; другая, ограничивавшаяся почти только критикой того, что делала первая, именовалась «русскою» и имела во главе М. Н. Муравьева. Вице-председателем общества избирался постоянно Литке огромным большинством голосов. И однажды, в конце пятидесятих годов, случилось, что в день выборов была свадьба одного из моряков, пользовавшегося среди товарищей большой популярностью. Поехав к нему на свадьбу, очень многие опоздали ко времени выборов, и вследствие того большинство оказалось на стороне Муравьева. Великий князь был чрезвычайно раздосадован низвержением Литке и, к крайнему сожалению, не принял Муравьева, когда он приехал представиться в качестве помощника его высочества по Географическому обществу. Отсюда заклятая вражда со стороны Муравьева, которая нашла себе впоследствии новую пищу в разномыслиях с великим князем по крестьянскому делу и по управлению Царством Польским.

16 марта

Лорис и Абаза, вследствие заседания 8 марта, не подают руки Макову и Победоносцеву и почти не говорят с ними. По моему мнению, они неправы. Нельзя считать политических противников прямыми врагами. Можно не сочувствовать их взглядам, даже не любить их, но необходимо соблюдать правила приличия и вежливости.

Абаза сообщил мне сегодня, что акции Лориса высоки, но что и Победоносцев не совсем без влияния. Много еще перемен будет. «Мы, — продолжал он, — обязаны были высказаться вполне и вступить

в открытую борьбу, так как стояли на министерских постах. Но на вас не лежит этой обязанности; потому будьте осторожны и не сжигайте своих кораблей. Поберегите себя для будущего». И он крепко пожал мне руку.

Желал бы я знать, что значит это наставление. Искренне ли оно или же только светская любезность, соединенная с некоторым расчетом на случай падения?

Последнее едва ли не вернее: мне невольно приходится в голову эпизод с Владимиром 1-й степени.

17 марта

Заготовленный Головинным и мною проект письма представлен великому князю. Его высочество одобрил проект, но не хочет до времени отправлять его. Между тем, как слышал я из верного источника, государь [отозвался] о великом князе Константине Николаевиче чрезвычайно неблагосклонно: «Я не могу его видеть; пусть уедет он, куда хочет», — сказал государь великому князю Владимиру Александровичу. Этот последний всячески старался успокоить брата, говоря, между прочим, что нельзя делать скандала и что семейные их раздоры не должны проникать в публику.

Слова Абазы о силе Лориса подтвердились. Министерство почт и телеграфов присоединяется к Министерству внутренних дел, и Маков назначается членом Государственного совета. Повод к этому подал сам Маков. Через несколько дней после кончины покойного императора он представил государю доклад, в котором объяснил, что в ведении его состоит перлюстрация писем, которая производится на основании секретной инструкции, утвержденной скончавшимся императором. Маков испрашивал разрешения, как поступать ему впредь.

Государь оставил доклад у себя и спросил у Лориса его мнения. Лорис отвечал, что почтовым ведомством нередко делаются по этой части большие злоупотребления; что перлюстрация есть орудие чрезвычайно опасное, и пользоваться ею нужно лишь

в крайних случаях, собственно по делам политическим; что между тем по этим-то именно делам не всегда можно иметь государственной полиции все необходимые сведения, так как перлюстрация состоит в ведении другого министерства. Ввиду всего Лорис полагал бы присоединить ведомство почт и телеграфов вновь к Министерству внутренних дел, как было до прошлого года.

Государь согласился, выразив при этом свою волю, чтобы перлюстрацией писем злоупотреблений не было.

Маков и не подозревал о всем происшедшем. О присоединении его ведомства к Министерству внутренних дел и о назначении своим членом Государственного совета он узнал только из доставленного ему мною указа.

19 марта

Всех поразило сообщение «Правительственного вестника» о том, что при петербургском градоначальнике учреждается совет из членов, избираемых населением столицы, причем решения совета для градоначальника обязательны. Еще курьезнее то, что выборы должны были быть произведены в несколько часов, на основании правил довольно неясных и сбивчивых. Нет сомнения, что это — просто фокус Баранова, ищущего популярности.

Как слышно с разных сторон, выборы в совет производились чрезвычайно бестолково и небрежно. Только к очень немногим приходила комиссия, как бы следовало по правилам; большею же частью голоса отбирались единолично околоточным надзирателем. В одних участках к подаче голоса, за отсутствием мужчин, допускались лица женского пола; в других — нет. Такое же разнообразие происходило и при разрешении вопроса о том, можно ли выбирать кандидата из лиц, живущих в другом участке. Одни околоточные предлагали, для облегчения избирателей, заготовленный заранее список нескольких

кандидатов; другие, напротив того, требовали самостоятельного указания избираемого лица. Ко многим жильцам, в том числе и ко мне, не приходил никто. Одним словом, чепуха страшная. Несмотря на то, выборы состоялись. Очевидно, что все это была комедия, причем члены совета были заранее указаны градоначальником.

20 марта

Великий князь Константин Николаевич объявил мне сегодня, что он, по долгом размышлении, решился не посылать государю просьбы об увольнении. Вместо того он просил великого князя Владимира Александровича быть посредником между ним и Его Величеством: «Je l'ai prie d'offrir et non de demander ma demission»*. Разделять морское ведомство от Государственного совета я не могу. Я слишком сроднился с флотом. Я не могу себе представить, что приеду в Кронштадт чуть не частным лицом. Если я не го-жусь более в генерал-адмиралы, то не хочу оставаться и председателем Государственного совета. Признаюсь, лично для себя, я бы всего охотнее уехал: я бы чувствовал себя несравненно более спокойнее и счастливее вне Петербурга. В Крыму, в Орианде, теперь прелесть. Но если я желал бы остаться здесь, — этого я не скрою, — то исключительно для пользы дела, для самого государя.

Увольнение мое было бы для многих торжеством, я это знаю. Оно было бы даже вообще популярно. Но через короткое время в общественном мнении наступила бы реакция. Об уходе моем стали бы сожалеть... Это для государя было бы невыгодно».

В крепости была панихида. Виделся там, между прочим, с графом Шуваловым. Говоря о заседании 8 марта, о котором он имеет довольно верные сведения, граф высказал мне свой взгляд на дело. По его

* «Я его просил предложить, но не просить моей отставки» (фр.). — *Прим. ред.*

мнению, совещательное собрание не принесет истинной пользы. Нужно прямо приступить к конституционному устройству: учредить две палаты и предоставить им голос решительный. Если же этого сразу сделать нельзя, то нужно по крайней мере положить такое основание, из которого впоследствии развилось бы настоящее представительное правление. Ему более нравится поэтому прежний валуевский проект. Я заявил графу несогласие мое с его взглядом; но разговор наш, происходивший в стороне от собравшегося двора, должен был прекратиться за приближением императорской фамилии и началом панихиды.

23 марта

Великий князь имел сегодня первый свой доклад у государя и вернулся очень довольный. И Его Величество, и великий князь были оба очень сдержанны. Несмотря на то что речь шла о Попове и о «Ливадии», столкновения не произошло.

В великом князе, всегда легко увлекающемся, возродилась надежда на возможность хороших отношений. Хотя и тяжело было разочаровывать его высочество, тем не менее я счел необходимым открыть глаза великому князю, объяснив, что сегодняшней доклад сошел благополучно просто потому, что он был первый после кончины императора, а главное потому, что обе стороны всячески сдерживались. Впоследствии этого не будет. При существующем издавна раздражении, при коренном различии взглядов и при некоторой горячности великого князя, должно опасаться неоднократных столкновений.

«Бог весть, — отвечал его высочество. — До сих пор дурные наши отношения происходили главным образом оттого, что выслушивали только одну, враждебную мне, сторону. Если же будут выслушивать и другую, то отношения могут перемениться. Кроме Баранова, отъявленного негодяя, все обвинители мои были дилетанты, ничего не смыслящие в морском деле».

Затем великий князь сообщил мне, что Лорис очень жалуется на Баранова, который раза по три или по четыре в день является к государю и испрашивает разрешение на принятие тех или других мер.

По поводу Баранова я слышал сегодня же, что отличительная черта его — чрезвычайная ловкость. Покойный Краббе, очень хорошо понимавший людей, употреблял его в тех случаях, когда нужно было показать товар лицом. Так, например, если надобно было представить в исправном виде какое-нибудь негодное судно, то это поручалось Баранову, и дело всегда сходило с рук великолепно. С обычным своим цинизмом в выражениях Краббе говорил про Баранова, что он к кому угодно без мыла... влезет.

Баранов представил государю чинов совета при градоначальнике. Перед тем он сказал им блестящую речь и тут же предложил немедленно принять, для надзора за прибывающими в столицу, две меры: во-первых, устроить заставу на всех дорогах, ведущих в Петербург, и, во-вторых, установить, чтобы приезжающие по железным дорогам брали извозчиков через посредство полиции, с означением ею номеров экипажей и с внушением извозчикам запоминать адрес приезжающих. Обе эти меры были приняты без всяких рассуждений, *par acclamation**. Между тем многие из членов совета понимали, что меры эти не достигнут цели и что первая из них будет крайне тяжела для пригородного населения. Баранову нужны были не возражения и рассуждения, а только согласие совета. Хорош совет!

24 марта

Две важные перемены в министерском составе: по Министерству просвещения Сабуров заменен бароном Николаи, а по Министерству государственных имуществ князь Ливен — графом Игнатьевым.

* Путем объявления, без голосования (*фр.*). — Прим. ред.

Увольнение Сабурова и Ливена давно предусматривалось и, говорят, было решено в принципе еще покойным государем. Уходу их нельзя не радоваться. Сабуров много наобещал и ничего не сделал, только путал.

Ливен же, человек хотя не глупый, но взбалмошный и притом подлый. Нет низости, которой бы он не сделал, чтобы понравиться и угодить сильным мира.

Обе перемены совершились под влиянием Лориса. Государь и императрица с детьми переехали совершенно внезапно на жительство в Гатчину, где несравненно легче установить надзор за прибывающими. Мера эта, весьма благоразумная, была приветствована Лорисом. Быть может, он желал достигнуть ею еще другой цели — удалить государя от влияния Баранова и Победоносцева, имевших здесь постоянный доступ к Его Величеству.

25 марта

Сольский имел вчера первый свой доклад у государя. Его Величество был вполне спокоен, вникал во все существенное и не вдавался в мелочи.

Виделся с бароном Николаи. Назначением своим он доволен. Предложение сделано было ему через посредство Победоносцева. По изъявлении им согласия на принятие министерства, государь пригласил его к себе и, между прочим, выразил, что не охотник до новомодного и крутых переворотов. Его Величество признает нужным постепенное развитие и усовершенствование существующего.

28 марта

Три дня я провел в суде над злоумышленниками первого марта. Рысаков — слепое орудие. Это — несчастный юноша, имевший прекрасные задатки, сбитый совершенно с толку и с прямого пути социалистами. Михайлов — дурак. Кибальчич — очень умный и та-

лантливый, но озлобленный человек. Геся Гельфман кем-то из соучастников справедливо названа неинтеллигентною еврейкою. Душа дела — Желябов и Перовская. Первый из них похож на ловкого приказчика со Щукина двора, произносящий громкие фразы и рисующийся; Перовская — блондинка небольшого роста, прилично одетая и причесанная, должна владеть замечательною силой воли и влиянием на других. Преступление 1 марта, подготовлявшееся Желябовым, было, после его арестования, приведено в исполнение по ее плану и благодаря замечательной ее энергии.

Речь прокурора Муравьева была очень хороша, даже блестяща. На мой взгляд, однако, она слишком длинна, произносилась она с 10 утра до 5 часов пополудни и с двумя только перерывами. Я бы ее сократил по крайней мере наполовину, и думаю, что от этого [она] только выиграла бы. Тем не менее она и так очень хороша.

Производство суда было необычайно торжественно. Этому отчасти способствовал висевший в зале суда портрет во весь рост покойного императора, покрытый черным крепом.

Первоприсутствующий сенатор Фукс вел дело толково и беспристрастно, но немного вяло.

Во время производства, кажется, в первый день его, приезжал в суд Баранов. Прямо из суда поехал он к Победоносцеву и пожаловался на слабость председателя, дозволившего подсудимым вдаваться в подробные объяснения их воззрений. Победоносцев поспешил к государю. Его Величество немедленно послал за Набоковым и потребовал от него объяснений. Набоков заступился за Фукса, доложив, что, несмотря на мягкость его, никаких неприличий на суде не происходило. Уходя от государя, Набоков предложил Победоносцеву проехать вместе в суд, чтобы убедиться самому в том, как производится дело. Победоносцев поблагодарил, но отказался, сказав, что «дал себе слово не ставить ноги в новые судебные учреждения». Мне передал это сам Набоков в суде во время перерыва.

Арестован великий князь Николай Константинович и привезен в Павловск, где содержится в местном правлении, именуемом крепостью. Крепость эта — такой же дом, как и все другие; но выбрана она потому, что есть единственное здание в Павловске из состоящих в распоряжении правительства, которое отапливается зимою.

Причиною ареста — отчасти сумасбродные выходки молодого великого князя по кончине покойного императора, вроде следующих: когда ему не было дозволено приехать на погребение*, он сказал, что если его считают сумасшедшим, то не будет и присягать, так как сумасшедших к присяге не приводят; затем он угрожал, что наденет андреевскую ленту и пойдет в народ. Кроме этих выходок, которые, наряду со многими другими, подтверждают предположение о сумасшествии великого князя, к арестованию послужила поводом переписка Николая Константиновича с одним жандармским штаб-офицером, оказавшимся неблагонадежным в политическом отношении.

По поводу ареста Николая Константиновича в городе распространился слух, будто бы одновременно с ним арестован великий князь Константин Николаевич, избалованный в сношениях с социалистами, и что для него приготовлено помещение в Шлиссельбургской крепости. Удивительно, как не любят его и как пользуются всяким случаем, чтобы набросить на него невыгодную тень.

29 марта

Великий князь Владимир Александрович виделся с государем и переговорил о великом князе Константине Николаевиче. Его Величеству угодно, что-

* Великий князь Николай Константинович был удален из Петербурга вследствие обвинения в похищении у матери своей, великой княгини Александры Иосифовны, бриллиантов. Полагали, что он страдал клептоманией, случаи которой встречались в Альтенбургском доме.

бы Константин Николаевич уехал весною; государь просит, однако, дождаться окончания сессии Государственного совета, так как желательно, чтобы под председательством великого князя рассмотрено было представление министра финансов об уменьшении выкупных платежей и обязательном выкупе. В капитальном этом вопросе, касающемся крестьянского быта, совершенно необходимы опытность его высочества и близкое знакомство его с крестьянским делом. Затем осенью великий князь может подать прошение об увольнении его от обеих этих должностей.

Сообщая мне это, великий князь был, видимо, доволен тем, что государь считает присутствие его необходимым для успешного разрешения предстоящего нам крупного дела. Чрезвычайно интересуясь и со своей стороны упомянутым вопросом, он тут же просил меня принять меры к тому, чтобы мемория и положение по этому делу могли быть подписаны им же до отъезда*. «Вы понимаете, — сказал он, — что, потрудясь двадцать лет над крестьянским делом и вложив в него свою душу, я желаю связать имя свое с завершением этого дела.

Что же касается желания государя, чтобы я осенью просил об увольнении, то этого я не могу исполнить. Он волен меня уволить без прошения. Пусть так и сделает. Просить я его сам не буду. Покойный мой отец завещал мне служить скончавшемуся брату и его наследникам. Потом покойный брат доверил мне высший в империи пост председателя Государственного совета. В этой должности, равно как и в качестве генерала-адмирала, я намерен служить и новому государю со всем усердием и преданностью. Этим я исполню завет отца».

Я позволил себе заметить, что, конечно, стремление это заслуживает полного уважения, но что

* Мемории и положения подписываются председателем Государственного совета; первые — совместно с государственным секретарем, а последние — им одним.

едва ли возможно служить кому-либо против его собственной воли, что...

Великий князь прервал меня словами: «Я знаю все, что вы мне скажете: что нельзя занимать моих должностей, не пользуясь полным доверием императора, что у нас будут с ним постоянные столкновения, что, отказываясь исполнить то, что желают, я жертвую собственным достоинством и т.д. Во всем этом есть много справедливого. Но я имею свои основания. Я много думал об этом вопросе и, наконец, остановился на решении, которое сообщил вам. Я его не изменю. Пусть меня увольняют!»

Как ни странно было для меня это решение, но возражать уже было нельзя. Высказав свой ультиматум, его высочество перешел к другим предметам. Выразив полное сочувствие совершившимся переменам в составе министров, великий князь рассказал мне, что Игнатъев, представлявший ему на днях, сообщил ему интересный факт, до того времени ему неизвестный. По словам Игнатъева, покойный государь еще в декабре прошлого года призывал его к себе и предложил ему пост министра народного просвещения. Игнатъев должен был, к сожалению своему, отказаться, так как мало знаком с учебною частью.

Зная хвастливость Игнатъева, а в то же время честолубие его и жажду деятельности, я усомнился в правдивости его слов.

Великий князь был поражен: «Вы слишком подозрительны, — сказал он. — Я тоже знаю, что Игнатъев хвастун, но так нагло лгать невозможно».

30 марта

Желая выяснить, справедливы ли слова Игнатъева, я спросил сегодня Абазу, не знает ли он, может быть, о предложениях Игнатъеву покойным государем какого-либо министерского поста. Абаза ответил, что, сколько ему известно, такого предложения делаво ему не было, были некоторые разговоры в этом смысле, но только не со стороны покойного государя. Иг-

натьев очень ухаживал за Лорисом, и этот последний, выражая ему свое неудовольствие против Сабурова, — это было *в половине нынешнего марта*, — спросил его полушутя: не согласился [ли] бы он принять Министерство народного просвещения? Игнатьев был очень обрадован перспективой сделаться министром, но просил некоторого времени на размышления. На другой день он приехал и, не отказываясь прямо от Министерства просвещения, сказал, что предпочел бы пост министра государственных имуществ, так как думает, что, обладая многими практическими сведениями по части хозяйства, надеется принести на этой должности несравненно большую пользу. Лорис и сам был того же мнения и через несколько дней предложил Игнатьева государю в министры государственных имуществ, вместо князя Ливена, увольнение которого уже было решено.

Недаром называли Игнатьева в Константинополе: *Menteur-Pacha* и *Peu de mensonge**.

Абаза рассказал мне про Лориса замечательное обстоятельство, доказывающее всю его подлость. Вслед за назначением Баранова петербургским градоначальником, Ливен послал к нему состоявшего при нем чиновника, исправлявшего должность правителя канцелярии (одет он был в форму коннозаводского ведомства), с извещением о положительно известном князю весьма важном обстоятельстве. На Литейном, в доме под № , кажется, 10-м, бывают у г-жи Каншиной подозрительные собрания, в которых много говорится против правительства и в особенности против нынешнего государя. Весьма возможна связь посещающих эти собрания лиц с социально-революционной партией. Собрания у г-жи Каншиной тем более опасны, что в них принимают участие великий князь Константин Николаевич и граф Валуев.

Баранов немедленно довел об этом до сведения Лориса, который расхохотался и сказал: «Знаю я эту Каншину. Но к ней ездят не за политикой, а за совер-

* «Лгун-Паша» и «Немножко лжи» (*фр.*). — *Прим. ред.*

шенно иным. Я сам не раз приволакивался за ней». Между тем, не считая возможным оставить показания Ливена вовсе без внимания, Лорис поручил Баранову призвать к себе посланное князем лицо, объявить ему о чрезвычайной серьезности обвинения и потребовать изложения его на письме. Посланный этот счел необходимым вернуться к Ливену и, на основании новых его инструкций, написал у Баранова, что князь Ливен знает от карлика, служившего у г-жи Каншиной и сию уволенного, что у нее бывают подозрительные собрания и что ее посещает иногда великий князь Константин Николаевич. О Валуге уже ничего — ни слова, а о великом князе показание уже совершенно изменено.

Александр Аггевич сообщил мне также, что в последнее время на должность председателя Государственного совета прочат графа Д. А. Милютина, который не останется военным министром.

3 апреля

Одна из барановских мер — установление застав — оказалась до такой степени стеснительною для пригородного и вообще рабочего населения, что ее пришлось уже отменить.

6 апреля

Третьего дня Лорис написал мне любезную записку, в которой говорил, что имеет крайнюю надобность видаться со мною, но, будучи очень занят и притом нездоров, просит меня навестить его. Я поехал к нему вечером. Несмотря на множество бывшего у него народа, Лорис принял меня немедленно, повел в кабинет и объяснил там, что имеет ко мне большую просьбу. Будучи чрезвычайно обязан М. С. Каханову, который не только служит ему правою рукою, но пошел для него с должности независимой в положение подчиненное, он считает священной обязанностью устроить его как следует на случай весьма возможного

оставления им самим должности министра внутренних дел. Ввиду этого Лорис просил государя о назначении Каханова членом Государственного совета, с оставлением в то же время товарищем министра. Его Величество изъявил на это согласие.

Передавая мне лично бывшее у него на столе официальное извещение об этом, Лорис просил меня не возбуждать вопроса о несовместимости этих двух должностей, как сделано было мною в прошлом году по отношению к барону Кистеру.

Я отвечал, что, считая Каханова человеком умным, знающим и полезным, я могу только сочувствовать назначению его членом Совета, для которого он будет приобретением, но что в то же время нужно подумать о форме, чтобы не подать повода сажать в Совет, по примеру Каханова, других товарищей министров. Чтобы избежать этого, я предложил составить указ в том смысле, что Каханов назначается членом Государственного совета с возложением на него временно по Министерству внутренних дел обязанностей, особым высочайшим повелением определенных. Когда Лорис понял, в чем дело, он, не споря со мною, попросил меня набросать тут же карандашом проект указа, чтобы сообразить и подумать. Я охотно исполнил это.

Потом разговор наш перешел к положению Лориса. По-видимому, он считает себя пока крепким, но не думаю, чтобы он считал себя прочным. «Беда в том, — сказал он, — что при чрезвычайной трудности нашего положения мы совещаемся в одно и то же время и с рара, и с тапан (он разумел, очевидно, государя, себя и Победоносцева) и поневоле слушаемся то того, то другого».

«Но возьмите на час терпения, — прибавил он. — Я твердо уверен, что жизнь выработает его».

Был сегодня с докладом у его высочества и передал великому князю содержание объяснений моих с Лорисом насчет Каханова. Великий князь одобрил мое предложение.

7 апреля

Лорис объявил мне в Совете, что был вчера в Гатчине и представил Его Величеству набросанную мною редакцию указа о Каханове. Государь не согласился с нею, предпочитая остаться при первоначальной мысли.

Вместе с тем, узнав о причинах, по которым я признал нужным прибегнуть к некоторому извороту, Его Величество сказал: «Пусть будет спокоен. Назначение Каханова не будет служить примером для других».

Выслушав сообщение Лориса, я сказал ему, что ввиду приведенных слов государя я считаю цель нашу вполне достигнутою.

Оказывается, что, прося меня набросать редакцию, Лорис надул меня. Он не сказал, что будет у государя и покажет редакцию Его Величеству. По всей вероятности, докладывая о ней, он сам просил не принимать ее, доказывая необходимость оставить Каханова именно товарищем министра. Но какая же цель?

Одна только и может быть — желание показать свою силу и значение, испросив для своего товарища звание члена Государственного совета, наиболее почетное и уважаемое.

В сегодняшнем заседании Государственного совета рассматривалось в соединенных департаментах дело об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. В начале заседания великий князь превосходно разъяснил как прежние значения Главного комитета о значении выкупных платежей, так [и] исторический ход выкупных операций и значение нынешних предположений Министерства финансов. Вслед за вступительною речью его высочества, очень подробною и интересною, министр финансов заявил, что при предварительном докладе этого дела покойному императору Его Величество сказал: «В прежнее время я всегда был против обязательного выкупа. Мне хотелось дать время помещикам устроиться с крестьянами домашним образом, отнюдь не допуская над ними насилия. Но я никак не ожидал, что-

бы в 20 лет дело это не могло окончиться, а потому полагаю ныне, что оно должно быть завершено». При этом государь с обычною своею скромностью добавил: «Из всего, что помогли мне совершить, крестьянскую реформу я считаю самым важным делом всего моего царствования».

По сообщению Абазою этих слов покойного императора, великий князь склонил голову к столу, закрыл себе лицо руками и зарыдал. Все смолкли; минута была торжественная и трогательная.

Когда начались прения и обнаружилось, что ни с чьей стороны нет серьезных возражений по существу, Лорис-Меликов заявил, что желательно обнародовать предполагаемый закон в возможно непродолжительном времени, так как в разных местах, между прочим в Бежецком и Весьегонском уездах Тверской губернии, злонамеренными людьми распространяется между крестьянами слух, что нынешний государь, по наущению помещиков, хочет вновь закрепитить людей. Слухам этим народ отчасти верил, и были даже случаи нападения на помещиков. Ввиду этого необходимо доказать народу, и как можно скорее, что царствующий император следует в крестьянском деле воззрениям своего родителя. Все согласились с мыслью Лориса.

Относительно подробностей говорили: Игнатьев, Островский, Рейтерн, Сольский и некоторые другие. Несмотря на то что заседание длилось до 6 часов, рассмотрение дела не было окончено. Положено вновь собраться завтра.

8 апреля

Опять сидели до 6 часов и окончили рассмотрение дела. По общим отзывам, великий князь вел его превосходно. Абаза сообщил мне, что председателем Государственного совета будет, по всей вероятности, не Милютин, а великий князь Михаил Николаевич. Это сказано Лорису государем, который любит великого князя и питает доверие к его беспристрастию.

10 апреля

Отъезд великого князя Константина Николаевича назначен на 11 мая, т. е. вслед за последним заседанием общего собрания Государственного совета. Сольский рассказал мне, что Киреев, бывший адъютант великого князя, состоящий и теперь при нем, отказался сопровождать его высочество под тем предлогом, что великий князь берет с собою в Орианду Кузнецову.

Великий князь, доселе никогда не говоривший о связи своей с Кузнецовой, выразился по поводу отказа Киреева так: «Не могу же я бросить женщину, которая вполне отдалась мне, от которой имею детей и которой обязан 15 годами счастья».

Со мной великий князь никогда не говорил о Кузнецовой. Ни Сольский, ни я никогда ее даже не видели.

12 апреля

Я сообщил великому князю переданное мне Абазою сведение о том, что преемником его высочества по Государственному совету будет, по всей вероятности, великий князь Михаил Николаевич. «Я тоже слышал об этом, — сказал его высочество, — но не от брата... От души рад этому выбору. Брат Миша — честный и прекрасный человек. Председательствовать он будет хорошо, толково и беспристрастно. Во многих отношениях он будет лучше меня: спокойнее, обходительнее и внимательнее к каждому. Мне это никак не давалось. Уступит он мне, вероятно, в инициативе. Он будет менее возбуждать вопросов, не будет так принимать к сердцу дела, касающиеся свободы совести, zemstva, новых судебных учреждений и т. п.

Одним словом, он будет гораздо консервативнее меня. При всей нашей дружбе это различие во взглядах обнаруживалось всегда. Оно зависит главным образом от нашего воспитания и от той среды, в которой мы вращались. Благодаря Федору Игнатьевичу (Литке) я с молодых лет питал уважение к наукам

и верил в необходимость поступательного движения человечества на пути просвещения. Брат был воспитан преимущественно с военной точки зрения. Затем, сделавшись самостоятельным, я старался сблизиться с людьми самых разнообразных слоев общества и потому узнал многое, о чем мы, великие князья, вообще не имеем понятия. Брат жил исключительно в высшем кругу, будучи окружен Барятинскими, Воронцовыми, Шуваловыми, Толстыми и т. п. Ввиду этого вам будет совершенно понятно различие наших воззрений... Но, повторяю, председатель он будет отличный. В нем не будет моих недостатков, а отсутствие инициативы в председателе, быть может, даже хорошо».

13 апреля

И. Д. Делянов продолжает кричать во всеуслышание, что Лорис — интриган, фокусник и думает только о либеральничанье, и что пользы от него никакой, а вред громадный. Сегодня он сообщил мне между прочим, что Победоносцев совершенно разделяет его взгляды, и на вопрос Ивана Давыдовича о том, отчего же он, при близости своей к государю, не откроет глаза Его Величеству, Победоносцев отвечал, что нужно поискать человека, который мог бы заменить Лориса.

Победоносцев действительно близок к государю. Я знаю из верного источника, что он часто пишет в Гатчину записки по разным общим вопросам.

16 апреля

Лорис, несмотря на вражду к нему очень многих лиц высшего слоя, все еще очень крепок. В городе ходят слухи, что им возбужден вопрос о необходимости единства в управлении. Средством к этому предполагается им если не назначение министров исключительно из лиц одного направления (едва ли государь пожертвовал бы Победоносцевым), то, по крайней

мере, необходимость совещаться между министрами предварительно предложения государю какой-либо важной меры.

Сольский сообщил мне интересные сведения о графине Лорис-Меликовой. Она — женщина не светская, простая, но очень умная. Дочери ее, много выезжающие в свет, стали несколько зазнаваться. Тогда мать сказала им: «Полноте важничать, давно ли вы на простых извозчиках ездили. Пожалуй, скоро опять будете ездить на извозничьих дрожках».

Многие из лиц, нуждавшихся в Лорисе, твердили графине, что дочери ее чуть ли не красавицы. На любезные эти фразы она, говорят, отвечала: «Прежде они были некрасивы, а с прошедшей зимы очень хорошели».

17 апреля

Сегодня 50-летний юбилей графа Валуева. На прошедшей неделе великим князем, как делается всегда в подобных случаях, была представлена памятная об этом записка, которая возвращена с резолюцией Его Величества: «Полагаю ограничиться рескриптом, так как ему пожаловано в прошлом году графское достоинство». Из этих слов я понял, что рескрипт не должен быть тепел; но вместе с тем мне казалось необходимым составить его прилично, т.е. соответственно занимаемой им должности председателя Комитета министров.

Заготовленный нами проект, вполне одобренный великим князем, был представлен государю за три дня до юбилея, но возвращена была [?] только сегодня с надписью: «Редакция рескрипта мне не понравилась, и я поручил переделать ее». При этом выслан был другой рескрипт, подписанный Его Величеством. Переделка заключалась единственно в том, что исключены были все фразы, сколько-нибудь приятные для Валуева, как, например, о высоких дарованиях его, о важности возлагавшихся на него трудов и о том, что государь надеется, что престол и отече-

ство еще долгое время будут пользоваться просвещенною его опытностью. Признаться, я сам задумался над последнею фразою, но оставил ее потому, что если бы Валуев и сошел с деятельного поприща, то он все-таки остался [бы] членом Государственного совета, и, следовательно, опытностью его можно было бы пользоваться.

Переделанный рескрипт был чрезвычайно сух и, в сущности, чуть не простою выдержкой из послужного списка Валуева. Переписан он был довольно плохо, зеленоватыми чернилами, на почтовой бумаге, притом очень не важной, с подскобками²²; одним словом, он вовсе не имел того внешнего даже вида, какой имеют акты, подносимые к высочайшему подписанию. Где переделывали и переписывали рескрипт, я не знаю.

20 апреля

И. И. Шамшин, приехавший в Петербург на краткое время, навестил меня и, просидев довольно долго, рассказал много интересного о производимой им ревизии. Общий вывод из всего сообщенного им тот, что в губернском и уездном управлении страшная неурядица, что лень и апатия — явление общее и что реформы минувшего царствования, преимущественно земская и отчасти судебная, при всей их благодетельности имеют большой недостаток — непрочность. Можно было бы совершить их несравненно удачнее, если бы государственные деятели наши были ближе знакомы с местными условиями и обстоятельствами.

По слухам, завтра должно быть в Гатчине совещание у государя по вопросу о единстве в управлении²³.

22 апреля

Чтобы узнать о результате бывшего в Гатчине совещания, я поехал к Абазе и застал его в самом лучшем настроении. Я понял из этого, что результатом совещания он совершенно доволен. Без особой просьбы

с моей стороны, Александр Аггеевич рассказал мне весь ход дела со всеми подробностями. Изложу их вкратце.

Ввиду постоянного противодействия со стороны Победоносцева, чуть не ежедневно являвшегося к государю, пока Его Величество был в Петербурге, а затем часто отправлявшего в Гатчину длинные записки по разным предметам, Лорис и Абаза пришли к убеждению о необходимости представить на благоусмотрение государя, что существующая рознь между министрами, из которых каждый имеет непосредственный всеподданнейший доклад, может привести к неблагоприятным последствиям. Необходимо непосредственная связь и единство. С этой целью предложено было, чтобы по всем важнейшим вопросам своего ведомства министры, прежде представления их на высочайшее воззрение, совещались между собою и давали ход только тем предположениям, которые одобрены большинством их товарищей, или же по крайней мере докладывали Его Величеству о встреченной ими оппозиции. Таким образом, мало-помалу образовался бы кабинет, составленный из министров приблизительно одного и того же направления.

Государь отнесся к этой мысли сочувственно и признал необходимым обсудить ее в особом совещании, в связи с общим вопросом о нашем положении и о нынешних обстоятельствах. В совещание это приглашены были: великий князь Владимир Александрович, граф Лорис-Меликов, граф Милютин, А. А. Абаза, граф Игнатъев, барон Николаи, Д. Н. Набоков и К. П. Победоносцев. Замечательно, что к столь важным вопросам не были приглашены ни председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, ни председатель Комитета министров граф Валуев. Заседание началось в 11 часов 5 минут. После нескольких вступительных слов Его Величества, объявившего собравшимся лицам о желании своем посоветоваться с ними о мерах к наиболее успешному исходу из затруднительных

нынешних обстоятельств, — первым говорил Победоносцев, в обычном плаксивом тоне своем; он указывал на то, что все беды нашего времени происходят от страсти к легкой наживе, от недобросовестности чиновников, от недостатка нравственности и веры в высших слоях общества, от распущенности молодежи, от пьянства в простом народе, которое губит целые поколения, и, наконец, от общего неуважения к властям. Речь Константина Петровича была вообще эффектна, но в ней далеко не слышалось той уверенности и силы, которыми отличалась речь, произнесенная им в Совете министров 8 марта.

Доводы Победоносцева, не приводившие, как и всегда, ни к какому положительному заключению, кроме желательности строгости и бдительности со стороны правительства и необходимости водворения честности и правды, не произвели ни на кого серьезного впечатления. Константину Петровичу возражали поочередно все министры почти одним и тем же аргументом. Граф Лорис-Меликов заявил при этом о необходимости единства в управлении; в числе возражавших Константину Петровичу был и барон Николаи, состоящий с Победоносцевым, как известно, в хороших отношениях. Речь его, строго логическая, произнесенная с большим спокойствием и достоинством, была выслушана всеми, не исключая и государя, с большим вниманием и уважением. Между прочим, произвело впечатление то место, в котором барон Николаи выразил, что как вообще, так и в особенности в применении к молодежи несравненно важнее строгости — законность и справедливость, что потому к водворению их нужно стремиться всеми силами и что, напротив того, нужно всячески избегать употребляемых иногда без разбора крутых мер и произвола, коими правительство только компрометирует себя, отчуждая от государя сердца подданных, и достигает цели, диаметрально противоположной той, которую желает достигнуть.

После барона Николаи почти последним говорил сам Абаза. Он начал с того, что многие из указанных

Победоносцевым больных мест нашего общественно-го быта действительно существуют. Но речь Константина Петровича — скорее произведение моралиста, чем программа государственного деятеля. Им совершенно верно указаны наши раны, однако не предложено при этом никакого серьезного средства к исцелению. Конечно, мораль и церковь должны делать свое дело, но они одни не в силах победить зла. Никакое постановление, изданное в смысле предложений Константина Петровича, хотя бы даже оно было облечено в наиболее торжественную форму высочайшего манифеста Его Императорского Величества, не окажет в трудных наших обстоятельствах действительной помощи.

Константин Петрович жалуется на упадок нравственности и на то, что администрация наша во многих отношениях бездействует и послабляет дурным наклонностям. Упрек этот, отчасти справедливый, относится, однако, не к одним только светским властям, против которых восстает обер-прокурор Св. Синода. Если действительно многие отрасли управления находятся в положении плачевном, то к числу их нужно отнести прежде всего ведомство духовное. В каком положении находится наше сельское духовенство? В самом отчаянном. Можно без преувеличения сказать, что оно само отчуждает прихожан от церкви. Вынуждая у них непосильную для бедных людей плату за крестины, за браки, даже за похороны, а в то же время далеко не подавая им примера христианской жизни, священники наши часто способствуют уклонению крестьян в раскол — штунда²⁴ растет не по дням, а по часам — и даже просто к распространению безверия в народе. Пробуждение нашего духовенства к проведению евангельского учения не только словом, но и самим делом, — вот обильное поле для деятельности оберпрокурора Св. Синода, который между тем постоянно упрекает других министров в распушенности вверенных им частей ведомства.

Да, действительно многое требует у нас исправления и улучшения. Для достижения желаемой цели

нужно время и дружные энергические усилия правительственных властей.

Справедливо указывает граф Лорис-Меликов и некоторые другие министры на то, что мы страдаем отсутствием единства в управлении. Каждое министерство считается у нас чуть ли не отдельным государством; весьма нередко один министр не знает, что предпринимает другой; не только не всегда можно рассчитывать на помощь своих сотоварищей, но в некоторых из них встречаешь противодействие. Вследствие этого выходит полный разлад; цель же, преследуемая правительством, не достигается. Такое положение правительства невозможно. Общество не имеет к нему необходимого доверия. Можно сказать более — общество не доверяет правительству. Главная причина такого недоверия в настоящее время заключается в том, что в общество проникают слухи о коренных разногласиях в составе высших правительственных лиц, о том, что в заседании 8 марта произнесена была одним из участвовавших в суждениях громовая речь против наиболее невинных по существу своему предложений в либеральном смысле, о том, что государю императору постоянно представляются записки в ретроградном направлении; наконец, о том, что один министр сообщает в «Московские ведомости» и «Русь» статьи в том же духе (опять намек на Победоносцева, состоящего с Катковым и Аксаковым в постоянных сношениях)...

Ввиду всех этих соображений Александр Аггеевич, согласно с предложениями Лорис-Меликова, признал необходимым как вообще для пользы дела, так и для успокоения общества, чтобы Его Величеству докладывались министрами предположения о важных по их ведомству мерах не иначе как по обсуждении этих предположений другими министрами. Тогда только будет единство в действиях и можно рассчитывать на успех принимаемых правительством мероприятий.

Победоносцев не возражал.

Государь выслушал речь Абазы спокойно, и когда она была окончена, объявил, что совершенно пони-

мает необходимость в высшем управлении единства, которое не может вполне достигаться при существующем порядке. Поэтому Его Величество просит министров предложения их по предметам, имеющим существенное значение, вносить предварительно на обсуждение Особого совещания из министров внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ и обер-прокурора Св. Синода; в случае надобности могут быть приглашены в заседание и другие министры, а также и государственный контролер. В совещании этом председательствовать будет великий князь Владимир Александрович. Никакого учреждения или положения для совещаний издано не будет. Собираться они должны частным образом, по мере необходимости; чем менее будет формальностей, тем лучше. Затем, вероятно, опыт укажет на пользу каких-либо дополнений или изменений в этом устройстве, и тогда можно будет вновь собраться у государя для обсуждения возникших вопросов.

Заседание окончилось далеко за 1 час — время завтрака.

Абаза в восторге от успеха и от своей речи. Он считает Победоносцева уничтоженным, потому что записки свои он должен будет обращать не прямо к государю, а в совещание, которое не будет соглашаться с ним. Он будет, так сказать, поглощен мнением большинства.

На возвратном пути из Гатчины Победоносцев подошел к Лорису и Абазе, подал им руку и сказал, что чрезвычайно сожалеет о происшедших между ними недоразумениях; в заседании 8 марта он только выражал убеждения свои, нисколько не желая вредить им.

Примирение состоялось.

Вечером Абаза получил через кого-то известие из Гатчины, что государь, бывший постоянно в мрачном настроении, несколько повеселел после заседания.

Одним словом, Абаза считает, что наступило полное торжество Лориса и его. Я позволил себе заме-

тить, что едва ли хорошо он делает, дав речи своей оборот прямого обвинения против Победоносцева. К чему его раздражать? Обстоятельства могут измениться. При этом я счел долгом рассказать, что, говоря о Лорисе, Победоносцев всего несколько дней тому назад выражался недоверчиво о его прочности и [считал] нужным поискать другого человека.

«Не беспокойтесь, — отвечал Абаза. — Это могло быть неделю тому назад, а теперь Победоносцев уничтожен, истерт в порошок».

По окончании беседы нашей Александр Аггеевич показал мне только что полученное письмо Валуева, который крайне обижен тем, что не был приглашен в совещание; между прочим, он спрашивал, когда его уволят, и выражал надежду, что это сделают прилично, т. е. с хорошим окладом. Абаза намерен сам захватить к нему и предложить свои услуги к испрошению ему, в случае отставления его от нынешней должности, прежнего содержания.

24 апреля

В городе только и разговоров, что о полном поражении Победоносцева. Все в неопisanном восторге.

Великий князь Константин Николаевич сказал мне, что ему особенно больно покидать деятельность тогда, когда правительство стало единодушным и будет состоять из людей, вполне сочувствующих собственным его убеждениям.

С другой стороны до меня дошел слух (из дамского, впрочем, источника), будто граф Воронцов-Дашков, друг государя, трунит над Лорисом. По его словам, Лорис до такой степени ему теперь предан, что совершенно забыл о княгине Юрьевской.

27 апреля

Сегодня рассматривалось в общем собрании Государственного совета дело об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей. Когда я приехал от ве-

ликого князя в Совет, я застал уже там некоторых членов, и в том числе графа Игнатьева и Островского, которые жаловались на слишком спешное обсуждение дела в соединенных департаментах и говорили, что лучше бы разрешить теперь вопрос только в принципе, поручив затем подлежащим министрам дальнейшую разработку дела при участии экспертов. С этим предложением Игнатьев подошел к Абазе, который отвечал, что не считает дело незрелым, что если не были вызваны по этому вопросу эксперты, то в этом вина не его, а лиц, постоянно сопротивляющихся спросу земских людей, что подобного рода предложение Игнатьев мог заявить в соединенных департаментах, чего он, однако, не сделал, и наконец, что он, Абаза, ни на какую уступку по существу проекта не согласен.

В самом заседании общего собрания ни Игнатьев, ни Островский не говорили ни слова.

Только Тимашевым был возбужден вопрос о том, чтобы при обязательном выкупе крестьянских земель выплачиваема была помещикам вся сумма вознаграждения, а не за вычетом 20%, как определяется положением. Тимашеву возражал Абаза очень толково и убедительно; к сожалению, только он примешал к делу личности, иронически напомнив Совету, что Александр Егорович всегда был врагом освобождения крестьян и наделения их землею. После Абазы говорил Рейтерн совершенно спокойно. Он возбудил вопрос, на чей собственно счет, в случае принятия предложения Тимашева, следует отнести сорок с лишком миллионов рублей премии в пользу помещиков, уклонявшихся от выкупа и, следовательно, не пожелавших способствовать осуществлению закона 19 февраля 1861 года, — на счет ли казны, находящейся в крайне затруднительном положении относительно удовлетворения необходимых даже ресурсов, или же на счет крестьян, положение которых таково, что всеми присутствующими, не исключая и самого Тимашева, признается необходимым понизить следующие с них платежи.

После слов Рейтерна не было прений. Даже Тимашев отказался от разногласия и просил только, чтобы о возбужденном вопросе было занесено в журнал. Разумеется, ему хотелось очистить себя в глазах своих единомышленников-крепостников.

По поводу речи Рейтерна К. К. Грот сообщил мне, что в былое время Н. А. Милютин называл его «замечательным здравомыслом».

Впрочем, этого эпитета он удостаивал Рейтерна только тогда, когда они были одного мнения; если же Рейтерн возражал Милютину, то последний, будучи недоволен силою его аргументов, говорил: «Проклятый янки». Лестное наименование это объясняется тем, что незадолго до трудов по крестьянскому делу Рейтерн пробыл довольно продолжительное время в Америке, где благодаря командировке, доставленной ему великим князем Константином Николаевичем, изучал разные финансовые вопросы.

Вечером после заседания получил я записку К. П. Победоносцева, извещавшего меня, что не мог быть в Совете, так как неожиданно вызван был в Гатчину государем. К этому он прибавлял, что очень сожалеет о своей небытности, потому что имел довольно серьезное предложение.

Желая узнать, в чем состояло предложение Победоносцева, я зашел к нему перед обедом. Константин Петрович принял меня немедленно, вышел ко мне навстречу и снова высказал чрезвычайное сожаление о том, что не мог быть в заседании. При этом с видимым удовольствием он сообщил мне, что был вызван в Гатчину по весьма важному делу, не терпевшему отлагательства. Хотя Константин Петрович был со мною и сегодня, как и всегда, вообще внимателен и любезен, тем не менее во всем его существо было что-то такое, чего до сих пор я в нем не замечал, — некоторая важность и чувство собственного значения.

«Да, — сказал он, — я чрезвычайно сожалел, что не мог быть вчера. Дело рассматривалось серьезное. А между тем жаль, что на него не обращено того вни-

мания, которого оно заслуживает. Его провели, как по барабану. Мое предложение заключалось бы в том, чтобы теперь утвердить обязательный выкуп и затем только главные начала понижения выкупных платежей, поручив дальнейшую разработку дела министрам при участии экспертов».

Я отвечал, что, за заслушиванием дела в общем собрании, в настоящее время ничего уже нельзя сделать; что, впрочем, перед заседанием граф Игнатьев и Островский выражали подобный же взгляд, но в самом заседании они ничего не заявляли, вероятно потому, что министр финансов, к которому Игнатьев предварительно обращался, выразил решительное несогласие на какие бы то ни было уступки.

«Странно,— продолжал Победоносцев.— Между тем было положительно условлено возбудить этот вопрос и, в случае надобности, остаться при особом мнении. Вот наши основания: о понижении выкупных платежей много писано в последнее время, причем образовалось два диаметрально противоположных взгляда. Одни считают выкупные платежи арендною платою за землю; другие, напротив того, находят, что платежи эти выражают собою и плату за землю, и, так сказать, плату за освобождение крестьянского труда. А. А. Абаза держится первого воззрения, а о втором в представлении его нет и речи. Желательно же выяснить этот смутный вопрос.

К тому же, говорят, великий князь вел дело с обычным своим пристрастием и горячностью, не давая говорить в заседании. Кроме того, жалуются, что не было дано времени на изучение дела, так как оно было разослано всего за три дня до заседания, что, наконец, даже журнала не разослали по домам, и прочли наскоро его в Совете...»

Меня это возмущало. Я отвечал: «Не берусь говорить об основном вопросе, возбуждающем разномыслие в литературе. В Совете его никто не возбуждал, и потому на нем не останавливались. Но затем, все касающееся производства дела — неверно. Хотя оно и велось без малейшего промедления,— этого желал

сам государь, ввиду распространяемых о нем в народе нелепых толков, — тем не менее никакого насилия членам не было. Памятные записки были разосланы в свое время; в заседании великий князь не стеснял никого, да и не было к тому повода, потому что никем из присутствующих не было сделано заявлений, сколько-нибудь враждебных основной мысли рассматриваемого проекта; при всем том дело рассматривалось два дня, и оба заседания длились до шести часов. Наконец, рассылать журнал для предварительного рассмотрения, по домам, мы вовсе не обязаны и делаем это иногда из любезности, когда позволяет время. В настоящее время не было никакой к тому возможности. Ознакомиться же с журналом члены очень могли, так как он читался в особом заседании и читался с большими расстановками, причем были приняты во внимание многие замечания, предъявленные некоторыми из членов. Кроме того, членам разосланы были в корректурном виде самые проекты, исправленные по заключениям присутствия; на проекты эти были опять доставлены разные заметки, которые и были уважены. Одним словом, я считаю нужным повторить, что обвинения против великого князя и государственной канцелярии — совершенно несправедливы».

«Странное дело, — возразил Победоносцев, — а они ко мне постоянно бегали и жаловались».

Для меня стало ясно, что Игнатьев дезертировал из лагеря Лориса, которому он обязан своим назначением в министры и к взглядам которого совершенно подходит по своим убеждениям. К Игнатьеву пристал Островский, человек образованный, трудящийся и честный, но не особенно умный, а притом крайне самолюбивый и честолюбивый, — конечно, он также жаждет министерского портфеля.

Сказав в заключение Победоносцеву, что теперь дело уже кончено, я простился с ним и пошел домой. Дорогой я, однако, счел необходимым зайти к Абазе, чтобы предупредить его о новой коалиции, враждебной великому князю, Лорису и ему. Передав все случив-

шеся Александру Аггеевичу, я напомнил ему слова Победоносцева о том, что на место Лориса нужно приискать человека. Не найден ли этот человек и не Игнатьев ли он?

«Не думаю, — отвечал Абаза. — Еще нет недели со времени совещания, о котором я вам подробно рассказывал. Тогда Победоносцев был разбит наголову, и если государь призывал его вчера к себе, то, конечно, не по какому-либо государственному вопросу».

Во всяком случае, увидим, и увидим скоро.

Сегодня вечером у нас заседание того совещания, которому поручено предварительное соображение министерских предположений кабинета, как называют его в публике.

Если произошло что-либо особенное, то оно, конечно, обнаружится.

29 апреля

Особенное и неожиданное совершилось. Распубликован манифест, заявляющий о твердом намерении государя охранить самодержавие. Манифест, очевидно, написан Победоносцевым²⁵. Государственных талантов он им не выказал: манифест дышит отчасти вызовом, угрозой, а в то же время не содержит в себе ничего утешительного ни для образованных классов, ни для простого народа. В обществе он произвел удручающее впечатление.

Лорис и Абаза узнали об этом громовом ударе только вчера вечером на совещании, куда Набоков привез корректуру манифеста. Разумеется, все напали на Победоносцева за такой образ действий — из-за угла. Он защищался тем, что был только исполнителем воли Его Величества.

30 апреля

Манифест писан Победоносцевым по соглашению с Игнатьевым и Островским. По совету Игнатьева, выписан был на помощь из Москвы Катков.

1 мая

Бывший у меня сегодня Валуев сообщил, что Лорисом получено уже согласие государя на его увольнение. Вслед за тем послал свое прошение Абаза. Милютин тоже собирается уходить. Валуев хотя и критикует до крайности изложение манифеста, но как будто приободрился и, по-видимому, отложил намерение покинуть свой пост.

2 мая

Сольский рассказал мне, что на прошедшей неделе был у него Лорис, чтобы сообщить о результатах совещания, происходившего в Гатчине, и вместе с тем объявить ему высочайшую волю о том, чтобы он был приглашаем в заседания кабинета, когда в том представится надобность.

Потом в разговоре Лорис сказал, что «считает себя твердым... если не случится чего-либо особого... А такое особенное может произойти, пожалуй, через пять дней».

И, странное дело, манифест был подписан ровно через пять дней после победы.

Был сегодня у Лориса и у Абазы, но ни тот, ни другой не принимали.

Великий князь Константин Николаевич также заезжал к обоим министрам. Он очень сожалеет о происшедшем. Сообщая мне о том, его высочество прибавил, однако: «*Au moins je m'en vais en bonne compagnie*»^{*}.

2 мая²⁶

Вчера вечером скончался принц П. Г. Ольденбургский. Я был сегодня на панихиде. Победоносцев там отличился. Тело покойного принца поставле-

^{*} «Я уйду, по крайней мере, в хорошей компании» (*фр.*). — *Прим. ред.*

но в большой зале против открытых дверей в лютеранскую его церковь. Победоносцев нашел неприличным, чтобы православное духовенство служило панихиды в виду протестантского распятия — точно на нем изображен не Спаситель. Поэтому он потребовал, чтобы закрыли двери в церковь и поставили перед ними образ. Принц Александр Петрович подчинился требованиям Победоносцева.

Игнатьев назначен министром внутренних дел, а Островский на его место — министром государственных имуществ.

3 мая

На просьбу Абазы, написанную с большим достоинством, государь отвечал приблизительно следующее: «Чрезвычайно сожалею, что вы покидаете вашу должность. Понимаю, что должно быть единство в управлении, согласно одобренным мною предположениям; но сожалею, что граф Лорис и вы не могли найти другого повода к уходу, как издание моего манифеста».

Получил сегодня от Лориса записку, в которой он изъясняет сожаление, что не мог принять меня вчера. Я поехал к нему и застал его. Семейство его уже уехало за границу; он же остался пока здесь и намерен провести часть лета в Царском Селе. Мне кажется это большою ошибкою, а главное — недостатком чувства собственного достоинства. Лорис шутит и желает казаться веселым.

4 мая

В городе ходят различные слухи о причинах совершившейся министерской перемены. Так, С. А. Грейг рассказывал мне сегодня, что ему известно, из достоверного будто бы источника, что государь не был во все расположен к Лорису и терпел его вначале только потому, что не знал, кем заменить его. Его Величество был недоволен тем, что Лорис являлся в Гатчину во все не с серьезными докладами о делах, а скорее для

болтовни, что у него в запасе были всегда различные фокусы и штучки, рассчитанные на достижение популярности; будто после бывшего на прошедшей неделе в Гатчине совещания государь сказал, что теперь он прозрел, что Лорис и его единомышленники его опутывают, желая удалить Победоносцева; что они заботятся только о личном преобладании и занимаются преимущественно ссорами и интригами; наконец, будто бы вследствие всего этого государь решился нанести удар Лорису.

Далее, граф П. А. Шувалов рассказывает, что при проезде через Берлин несколько дней тому назад он навестил Бисмарка. Последний был чрезвычайно недоволен действиями Лориса и просил Шувалова доложить от его имени государю, что политика последнего времени и заигрывание с общественным мнением погубят Россию, что нужно надеть на руку железную перчатку и просто-напросто зажать рот всем крикунам, мечтающим о конституции. Когда Шувалов отказался от этого поручения как потому, что он не сочувствует взглядам Бисмарка, так и потому, что не считает себя довольно близким Его Величеству, чтобы докладывать о подобных вопросах, Бисмарк ужасно рассердился и, обратясь к жене, присутствовавшей при этой беседе, сказал ей: «*Tu entends, Bismark n'est plus rien!*»*.

Быть может, что, ввиду отказа Шувалова, Бисмарк дошел до государя через германского императора. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что падению Лориса рукоплескали в Берлине. Доказательством тому может служить статья «*Nord-Deutsche-Allgemeine Zeitung*», чрезвычайно превозносящая манифест.

Рассказывают также, что враги Лориса и Абазы довели до сведения государя, будто бы после заседания о «кабинете» они торжествовали победу ужином с шампанским и тостами, не лестными для Его Величества; понятно, что последнее — наглая ложь. Но торжество, конечно, было, и был ужин у Е. Н. Нелидовой, друга Абазы и Лориса.

* «Ты слышишь: Бисмарк — уже ничто» (*фр.*). — *Прим. ред.*

Наконец, существует четвертая версия, едва ли не самая правдоподобная. По случаю бывших в обществе и печати толков о конституции, покойный принц Ольденбургский неоднократно писал государю, советуя решительно и твердо заявить свою волю о сохранении самодержавия; к последнему письму своему принц приложил и проект манифеста. Государь послал его Победоносцеву, который, по совещании с Игнатьевым и Островским, воспользовался этим случаем, чтобы нанести Лорису удар смертельный. Сам же государь по неопытности своей и не подозревал, что такой манифест не может быть издан без совещания с первым министром. Просьбы Лориса и Абазы об увольнении были для Его Величества совершенною неожиданностью. От происшедшей перемены Победоносцев едва ли будет в выигрыше. Он воображает, что Игнатьев пойдет у него на буксире. Я думаю, он сильно ошибается. Игнатьев и по направлению своему, и по приемам — тот же Лорис.

5 мая

Граф Д. А. Милютин в высшей степени недоволен совершившейся переменой. Он говорит, что не просит пока об отставке только потому, что он — человек военный и не считает возможным публично протестовать против изданного манифеста. Он намерен просить об увольнении осенью.

Я напомнил сегодня графу П. А. Шувалову о разговоре нашем в крепости по поводу заседания Совета министров 8 марта и о конституционных воззрениях графа. Он отвечал, смеясь: «Да, покамест вы правы... а все-таки кончится тем же».

6 мая

На панихиде по принце Ольденбургском в числе других лиц бывает масса преображенцев и правоведов. Между ними, по-видимому, нет связи, а между тем, как рассказывали сегодня, учрежденное прин-

цем училище правоведения обязано своим существованием, как это ни странно, Преображенскому полку.

Приехав в 1831 году из-за границы, принц Петр Георгиевич был определен императором Николаем Павловичем в Преображенский полк, где и нес службу со свойственной ему добросовестностью и усердием. Через несколько лет его высочество был назначен командиром полка. По этой должности он получил раз выговор от командира гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича за то, что какой-то солдат его полка при встрече с великим князем не отдал чести; вместе с тем было приказано немедленно отыскать виновного. Несмотря на все усилия принца, он не мог этого достичь. Великий князь был очень недоволен и сказал, что сам откроет преступника. Для этого он приказал собрать в манеже весь полк. Проходя по рядам, Михаил Павлович выслал из фронта пять человек, из которых каждый казался ему нарушителем дисциплины. Так как всех пятерых наказать было неудобно, то из них, не без колебаний, выбран был один, который тут же и был высечен в присутствии всего полка.

Такой способ расправы возмутил принца.

На другой же день он просил императора об увольнении его от командования полком и о назначении его на какую-либо гражданскую должность. Николай Павлович сделал его членом консультации при Министерстве юстиции. Счастливый этим назначением, бывшим ему совершенно по душе, принц стал ревностно заниматься судебными делами, но в скором времени, к великому огорчению своему, он убедился, что дело юстиции не могло идти сколько-нибудь удовлетворительно за неимением на судебных должностях людей, юридически образованных и притом честных. Тогда пришла ему мысль учредить, не щадя значительных пожертвований из собственных средств, училище правоведения, принесшее судебному ведомству столько пользы.

Сегодня опубликован циркуляр нового министра внутренних дел, объясняющий взгляды правитель-

ства на внутренние дела. Циркуляр этот вовсе не согласен с видами Победоносцева, очень хорош и производит на всех самое лучшее впечатление. Говорят, он писан Игнатьевым совместно с Островским.

Несмотря на этот циркуляр, в обществе недовольны совершившейся переменой. В шутку называют главного ее виновника «Бедоносцевым».

8 мая

Приехавший ко мне проститься граф Лорис-Меликов сказал между прочим, что отказывается от мысли жить в Царском Селе, а едет в Гамбург, где займется приведением в порядок своих дел и бумаг и изложением того, чему был свидетелем со времени назначения своего начальником Верховной распорядительной комиссии. Все относящееся к минувшей войне и взятие Карса уже в порядке; это сделано им в то время, когда [он] был генерал-губернатором в Харькове. Записки Лориса, я думаю, будут интересны.

Мы, естественно, разговорились об Игнатьеве и его циркуляре. Лорис совершенно согласен со мною, что Победоносцев ошибся в расчете. «Вы увидите, Игнатьев пойдет дальше меня», — сказал он прощаясь.

9 мая

Послезавтра, 11 мая, последнее общее собрание Государственного совета. Великий князь Константин Николаевич уезжает в тот же день вечером.

Был у меня Н. Х. Бунге по случаю назначения управляющим Министерством финансов. Он очень сожалеет об уходе Абазы и говорит, что принял его наследство после долгих колебаний. Он намерен во всем идти по стопам Александра Аггеевича. Прежде всего он намерен заняться вопросом об отмене подушной подати и замене ее другими налогами.

Бунге — на мои глаза — умный, вообще — просвещенный и хороший человек. Только не был бы он скорее профессором, чем министром.

10 мая

Мемория Государственного совета по делу об обязательном выкупе и понижении выкупных платежей возвращена государем с особенною по ней резолюциею. Его Величеством подписан указ и утверждено положение об обязательном выкупе; что же касается понижения выкупных платежей, то, утвердив главные основания и по этому вопросу, именно уменьшение платежей на 9 миллионов и сложение недоимок по ним до 14 миллионов, Его Величество ввиду спешного рассмотрения этого дела изволил признать нужным, чтобы оно было пересмотрено вновь министрами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов по их выбору. Заключение этого совещания д[олжно] б[ыть] внесено в Государственный совет к началу осенней сессии.

Резолюцию эту, возбудившую во мне много сомнений относительно возможности ее исполнения, я немедленно представил великому князю Константину Николаевичу, который был ею поражен и счел за глубокое оскорбление себе и Совету*. «Пора убираться подобру-поздорову», — сказал он.

Когда я объяснил, что резолюцию государя нельзя исполнить, между прочим, уже потому, что в утвержденном положении о выкупе есть статьи, относящиеся до понижения платежей, и что поэтому нам нужно сообразить, как лучше всего выйти из затруднения, — великий князь сказал: «Это ваше дело. К тому же я уезжаю завтра. Обратитесь, если хотите, к графу Баранову, который за моим отъездом будет временно исполнять обязанности председателя Государственного совета». Об Игнатьеве, очевидном виновнике происшедшей беды, великий князь отозвался, что никогда бы не ожидал от него подобного поступка.

* Хотя учреждение Государственного совета и предусматривает особенные резолюции императора, но на деле их почти никогда не было.

11 мая

После общего собрания я, в присутствии великого князя, просил графа Баранова сделать тотчас же небольшое совещание из председателей департаментов, которыми обсуждалось выкупное дело, тех министров, на которых государь возложил дальнейшее его соображение, Сольского, как бывшего государственного секретаря, и меня, чтобы обсудить сообща, как лучше исполнить волю Его Величества по этому делу. Граф согласился, и мы тотчас же собрались. Я изложил все фактические трудности и предложил способы к их устранению. Игнатьев, хотя и не подававший вида, что резолюция последовала по его жалобе на нас, был очень неприятно поражен тем, что ее нельзя исполнить. Совещание, выслушав меня, единогласно признало действительное существование многих встреченных мною затруднений, но, считая себя некомпетентным к их разрешению, нашло наиболее правильным и удобным, чтобы я, по соглашению с министрами внутренних дел, финансов и государственных имуществ, вошел по этому предмету с особым всеподданнейшим докладом.

Тогда мы уговорились с Игнатьевым, Островским и Бунге съехаться на днях у первого, для окончательного обсуждения всех возникающих вопросов.

После обеда уехал великий князь. Он желал, чтобы не было никаких официальных проводов. Несмотря на то, на станции железной дороги собралось довольно много близких его высочеству лиц как по морскому ведомству, так и по Государственному совету. Из наших, кроме меня и всех статс-секретарей Совета, были: М. Х. Рейтерн, А. В. Головнин, Д. Н. Набоков, С. А. Грейг, Д. М. Сольский, М. И. Любоцинский и, к общему удивлению, граф Н. П. Игнатьев. Он приехал как ни в чем не бывало и чрезвычайно развязно беседовал со всеми.

С Игнатьевым великий князь был холоден: со всеми нами чрезвычайно любезен, целовал и обнимал каждого из нас и просил всех, а Головнина, Сольского

и меня в особенности, почаще писать в Орианду. Его высочество рассказал, что после общего собрания пошел в комнаты покойного императора, а затем поехал в крепость на могилу — проститься. Великая княгиня Александра Иосифовна проводила великого князя до Москвы. Обратясь ко мне, ее высочество сказала, между прочим, грустным голосом: «*A depart est bien triste, n'est ce pas?*»*.

15 мая

Было совещание у Игнатьева по выкупному делу. Мы во всем согласились без особых споров, порешив, что лучше не издавать теперь отдельно указа и положения об обязательном выкупе, впредь до нового соображения вопроса о выкупных платежах. Министры признали также правильными замечания мои о невозможности с точностью определить цифру в 9 миллионов для понижения выкупных платежей и в 14 миллионов для сложения недоимки по ним.

Весьма интересен был ход совещания.

Мы сидели в кабинете Игнатьева и, за чаем и сигарами, обсуждали один вопрос за другим. Участвуя в наших суждениях, хозяин наш выбегал ежеминутно в другую комнату, отдавал приказания по разным делам, принимал просителей, отправлял ответы на получаемые телеграммы, одним словом, занимался разом многими серьезными делами. При этом он был весел, шутил и сообщал нам получавшиеся им во время заседания наиболее важные известия, между прочим, по вопросу об избиении евреев в городах южной России; к счастью, известия эти были успокоительные, — движение против евреев остановилось²⁷.

Нет сомнения, что Игнатьев — человек очень способный, беда только в том, что, смекая быстро, он недостаточно обдумывает предметы. Доказательством

* «При отъезде всегда очень грустно, не правда ли?» (*фр.*). — *Прим. ред.*

этого могут служить те промахи, в которые он ввел государя по выкупному делу.

Ввиду состоявшегося между нами соглашения, я должен теперь представить Его Величеству докладную записку о встретившихся затруднениях. Я буду просить разрешения доложить о них в подробности лично: неудобно прописывать все в докладе, который может огласиться.

18 мая

Граф Д. А. Милютин заявил мне, что он оставляет министерство. Повод к этому подал сам государь, предложив ему место кавказского наместника. Граф не принял этого поста, но воспользовался случаем, чтобы просить об увольнении от должности военного министра. На вопрос мой о том, кто будет его преемником, Милютин отвечал, что, по всей вероятности, будет назначен ген.-ад. Ванновский, которого государь близко узнал во время минувшей войны. Его Величество ставит Ванновскому задачей — возможное сокращение в расходах по военному ведомству. Далее Милютин передал мне, что хотя Ванновский не из его друзей, но он считает его человеком основательным. Желательно только, чтобы у него был хороший начальник главного штаба, так как новый министр, хорошо знающий службу и будучи вообще человеком практическим, не имеет серьезного военного образования. Лучше всех был бы Обручев, которого желает и Ванновский. К сожалению, государь не вполне доверяет ему. Впрочем, Его Величество не высказался еще окончательно.

20 мая

Вчера вечером получил я через Игнатьева извещение, что государю угодно принять меня сегодня с докладом по выкупному делу. Приехав в Гатчину, я узнал, что и Игнатьев там. Очевидно, Его Величество признал нужным принять нас вместе для того, чтобы могущие возникнуть с той или другой стороны об-

винения могли тотчас же разъясниться. Игнатьев очень опасался, чтобы я не очернил его: перед тем чтобы идти к государю, он просил у меня позволения просмотреть мой доклад. Я охотно согласился на это, тем более что в нем не было ни тени обвинений на кого бы то ни было.

Мы были приглашены в кабинет государя единовременно. Его Величество принял нас милостиво и сказал мне, что очень сожалеет о происшедших недоразумениях, которые государь просил меня подробно изложить ему.

Я доложил, что основная мысль высочайшей резолюции совершенно ясна: Его Величеству угодно было утвердить все касающееся обязательного выкупа, а затем, по вопросу о понижении выкупных платежей, утвердить собственно лишь главные основания с тем, чтобы все остальное было вновь пересмотрено тремя министрами, при участии экспертов, и было внесено в Государственный совет будущюю осенью.

«Совершенно так», — сказал государь.

Тогда я объяснил, что при исполнении этой высочайшей резолюции встретились серьезные затруднения и что, по случаю важности предмета, я счел необходимым просить исправляющего должность председателя Государственного совета графа Баранова предварительно сообразить их коллегиально в совещании из председателей департаментов, трех министров, на которых государем возложено дальнейшее соображение дела, бывшего государственным секретаря Сольского и меня. Совещание это, высказав некоторые общие указания по этому предмету, не признало, однако, себя компетентным к разрешению возникших сомнений и уполномочило меня, по соглашению с министрами, доложить о встреченных затруднениях Его Величеству, предложив при этом способы к их устранению.

Три министра и я пришли к полному соглашению по всем возникшим вопросам.

Первое и наиболее важное затруднение заключается в том, что государем подписан указ и утвержде-

но положение об обязательном выкупе. Между тем в положении содержатся некоторые статьи, имеющие непосредственную связь с предположениями, Его Величеством еще не утвержденными: в них говорится о понижении выкупных платежей в селениях, в которых крестьянские земли до сих пор не выкуплены и будут подлежать выкупу только на основании издаваемого нового положения. Поэтому, впредь до утверждения закона о понижении выкупных платежей вообще, отдельное издание положения об обязательном выкупе в том виде, как оно изложено, оказывается невозможным. Государь понял, в чем дело, и, взглянув искоса на Игнатьева — так, по крайней мере, мне показалось, — сказал: «Вот что выходит, когда дело делается слегка»*.

Затем, обратясь ко мне, Его Величество спросил: «Как же выйти из этой трудности?».

«К этому представляются два способа, — доложил я. — Во-первых, можно исключить из положения о выкупе все относящееся до понижения выкупных платежей и представить эту редакцию к новому утверждению Вашего Величества. Во-вторых, можно отложить все дело до осени. Три министра и я отдаем предпочтение последнему способу».

Только что собирался я объяснить, почему именно держимся мы такого взгляда, как государь сказал: «Я с этим совершенно согласен. Осторожнее отложить все до осени. Тогда, по крайней мере, будут целостность и единство. Беда не велика, если обязательный выкуп совершится тремя-четырьмя месяцами позднее».

Считая этот вопрос разрешенным, я перешел ко второму затруднению и доложил: «Ваше Величество, оно состоит в том, что вам угодно было, согласно заключению Государственного совета, назначить общую цифру среднего понижения выкупных платежей

* Быть может, впрочем, что упрек относился не к Игнатьеву, а к великому князю Константину Николаевичу, которого Игнатьев и К^о обвиняли в слишком поспешном ведении дела.

в 9 миллионов рублей. Но, определяя эту цифру, Государственный совет имел в виду одни лишь нечерноземные местности; в отношении же к селениям местностей черноземных в заключении Государственного совета было особое постановление, которым представлялось министрам внутренних дел и финансов входить о них, в случае надобности, с особыми постановлениями, причем необходимые для понижения суммы должны были отпускаться сверх общей суммы в 9 миллионов. Ввиду этого при издании, согласно высочайшей воле, общего для всей России закона, едва ли желательно оставаться при прежней денежной норме, так как этим были бы стеснены размеры того благодеяния, которое Вашему Величеству угодно оказать крестьянскому населению».

«Вы правы, — сказал государь. — Но насколько же увеличить сумму? И можно ли сделать это без совещания с министром финансов и без обсуждения столь важного вопроса в департаменте экономии?» — «Ваше Величество, — отвечал я, — эти затруднения были бы, действительно, весьма важны, если бы нами предлагалось назначить вместо 9 миллионов рублей какую-нибудь другую определенную цифру. Но мы не идем так далеко; мы не считаем даже возможным приступить к увеличению прежней нормы без собрания разных необходимых сведений. Министры и я ходатайствуем только о том, чтобы Ваше Величество разрешили, не указывая положительно на 9 миллионов рублей, употребить в изложении высочайшего повеления более общее выражение, которое, при дальнейшей разработке вопроса, не стеснило бы министров и Государственный совет точно определенной цифрою».

«На это я охотно соглашаюсь. Какое же выражение предлагаете вы?»

«Мы полагали бы сказать, что Ваше Величество изволили утвердить основную мысль о ежегодном понижении выкупных платежей в принятых Государственным советом общих размерах, разумея под этим как 9 миллионов, так и те суммы, которые могли бы

потребоваться для нуждающихся селений в черноземных местностях».

«Хорошо», — сказал государь.

Игнатъев прибавил по этому поводу: «Ваше Величество, это будет благотельно. Из предварительного совещания с управляющим государственным банком Ламанским я пришел к убеждению, что государственный банк может дать вместо 9 миллионов 12 миллионов рублей»*.

Государь отвечал: «Очень буду рад, если это окажется действительно возможным». Я продолжал: «Третье затруднение заключается в том, что в резолюции Вашего Величества назначена сумма сложения недоимок до 14 миллионов рублей. В заключении Государственного совета суммы этой не встречается. Она определена лишь в соображениях его, и притом приблизительно, потому что количество недоимок, подлежащих сложению, может быть определено с точностью только тогда, когда будет известно, в каких именно губерниях, уездах и даже селениях будут понижены выкупные платежи; в тех же селениях, для которых эти платежи будут признаны необременительными и где поэтому они оставлены будут в прежнем размере, сложения недоимок не предполагается. Ввиду этого казалось бы необходимым, не определяя точной цифры недоимок, сказать просто, что слагаются недоимки по выкупным платежам, накопившиеся в тех селениях, для которых платежи эти будут понижены».

«Да, это действительно так», — заметил государь. Игнатъев, вероятно, желая оправдать свою опрометчивость, вставил (или, правильнее, бухнул): «Ваше Величество, цифра недоимок постоянно изменяется. Мне говорил управляющий Министерством финан-

* По справкам, собранным мною потом, это оказалось неверным. Прибавку к 9 милл. руб. приходилось отпускать из Государственного казначейства, так как банк не имел нужных на это сумм.

сов, что уже теперь, со времени рассмотрения дела, она изменилась на два миллиона» (!).

Не знаю, заметил ли государь очевидную невозможность подобного возрастания недоимок в какие-нибудь две-три недели, когда за несколько лет они не составляют 15 миллионов. Его Величество только посмотрел на Игнатьева и не сказал ни слова.

«Ваше Величество, — продолжал я, — мне остается доложить еще об одном обстоятельстве. Независимо от издания положения об обязательном выкупе и правил о понижении выкупных платежей, Государственный совет признавал полезным сделать различные облегчения в законах, касающихся крестьян, так, например, возбуждены были вопросы о том, не следует ли: отменить круговую поруку крестьянских обществ, облегчить отлучки крестьян для заработков, предоставить нуждающимся свободные казенные земли в малоземельных общинах, облегчить им приобретение частных земель посредством предоставления доступного кредита, облегчить переселение в многоземельные общины и т. п. Но так как все эти [вопросы?] не могли быть разрешены немедленно, то и [пред]полагалось поручить подлежащим министрам подробную разработку их для внесения предположений по этим предметам в непродолжительном времени на рассмотрение Государственного совета. В резолюции Вашего Величества относительно этих вопросов ничего не сказано. Угодно ли вам утвердить заключение Совета?»

«Конечно. Разработка этих вопросов может быть только полезна. Я не знал, что и по этому предмету нужно мое утверждение... Имеете вы доложить еще о чем-нибудь?».

«Я должен еще испросить указаний Вашего Величества относительно того, какие из принятых вами решений должны быть оглашены в общее сведение и какие нет».

«Этот вопрос меня интересует чрезвычайно, — сказал государь. — Я сам хотел спросить вас, не следует ли обнародовать что-либо по настоящему делу?»

О нем так много говорили и писали в газетах, даже о том, что оно прошло в Государственном совете, что едва ли возможно не сказать теперь ни слова».

«Ваше Императорское Величество, совещанием нашим было обращено на эту сторону дела особое внимание. После некоторых суждений, довольно продолжительных, мы пришли к единогласному заключению, что ничего не говорить нельзя, по тем самым причинам, на которые Ваше Величество изволили указывать. Затем, с другой стороны, о последовавшем уже высочайшем утверждении обязательного выкупа и главных оснований понижения выкупных платежей объявлять было бы опасно, так как простой народ мог бы понять это в том смысле, что обе эти благодетельные для него меры, государем подписанные, не приводятся в исполнение вследствие происков помещиков и злоупотреблений со стороны чиновников. При нынешних трудных обстоятельствах и ввиду превратных толков, распространяемых социалистами при всяком сколько-нибудь удобном к тому случае, подобное оглашение могло бы подать повод к серьезным волнениям между крестьянами».

«Справедливо», — сказал государь.

«Вследствие всего этого мы признавали бы с своей стороны полезным огласить в „Правительственном вестнике“, так сказать, только причину замедления в разрешении настоящего дела. Мы полагали бы сказать, что по внесенным в Государственный совет предположениям о понижении выкупных платежей в некоторых местностях Ваше Величество, в видах более подробного и всестороннего соображения этого вопроса, изволили повелеть: сообразить его вновь в Особом совещании из министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, при участии экспертов, приглашенных по их выбору, и с тем, чтобы заключение совещания внесено было [в] Государственный совет к 15 сентября. Таким образом, будет ясно для всех, в каком положении находится дело, а между тем публикация эта не может, кажется, подать повода к каким-либо превратным толкованиям».

Государь изъявил на это согласие. Затем Его Величество спросил меня: «А о поручениях министрам насчет разработки вопросов об отмене круговой поруки, об отводе нуждающимся крестьянам казенных земель, об облегчении переселения и проч. вы не будете говорить из предосторожности, чтобы не возбуждать толков?»

«Совершенно так, Ваше Величество. Даже Государственный совет, рассуждая об этих вопросах, не признал возможным огласить свои предположения в общее сведение, дабы не породить в народе ожиданий, быть может, напрасных и во всяком случае преувеличенных».

«Еще один вопрос, — сказал государь. — Куда будут внесены предположения совещания: в Главный ли комитет сельского состояния или прямо в общее собрание Государственного совета?» Я отвечал, что по учреждению Государственного совета возможно и то и другое, так как в случае высочайшего о том повеления дела могут быть вносимы и непосредственно в общее собрание Совета, но что я позволяю себе просить Его Величество не прибегать к этому экстремному способу, довольно опасному в отношении дел сколько-нибудь сложных. Несравненно лучше обсудить дело в двух инстанциях: сначала в усиленном Главном комитете, т.е. в соединениях его с департаментами законов и экономии, а потом в общем собрании. Тогда дело будет рассмотрено несравненно обстоятельнее. Общему же собранию трудно было бы высказаться по вопросам, предварительно не обсужденным.

Игнатьев поддержал меня.

«Хорошо, — сказал государь, — только позаботьтесь, чтобы дело не затянулось». Я сказал, что приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы новый проект доложен был вслед за его внесением.

Доклад мой был кончен. По моей просьбе государь утвердил собственноручно как докладную мою записку, так и представленный мною проект высочайшего повеления. Затем Его Величество встал, подал

мне руку и поблагодарил меня. Обратясь потом к Игнатьеву, государь сказал: «Николай Павлович, доклад ваш по Министерству внутренних дел я приму послезавтра, теперь уже поздно (было уже более четверти второго); пойдите со мной».

Игнатьев, разумеется, был очень счастлив приглашению. К крайнему удивлению моему, [он], несмотря на привычку к царям, держал себя в отношении к государю, по крайней мере на мой взгляд, довольно странно: когда говорил, он постоянно наклонялся вперед, смотрел заискивающим образом в глаза и т. п. Я, человек далеко не столь близкий, держал себя при докладе несравненно свободнее.

Государь во время доклада слушал объяснения наши очень внимательно и, очевидно, старался вникнуть в суть каждого вопроса. При этом заметно было, что Его Величество не совсем еще вошел в свою роль, — он часто конфузился...

На станции железной дороги встретился я с министрами, также имевшими в это утро доклады у государя: бароном Николаи, Набоковым, Пещуровым (управляющим Морским министерством). Последний сообщил нерадостную весть о великом князе Константине Николаевиче. Государь призвал сегодня Пещурова и сказал ему, что, не получая никаких заявлений от самого великого князя, Его Величество намерен сделать и без такого заявления распоряжение по флоту в том смысле, что заведование им возлагается на великого князя Алексея Александровича. По словам Пещурова, великий князь Алексей Александрович, также прибывший сегодня в Гатчину (по случаю дня своего рождения), был поражен этой вестью и упрасивал государя не делать такого распоряжения или же, если решение Его Величества неизменное, — соблюсти по крайней мере все необходимые формы приличия в отношении к великому князю Константину Николаевичу. После долгих переговоров государь решил поручить Алексею Александровичу заведование флотом временно, впредь до возвращения Константина Николаевича, между

тем к нему будет, вероятно, командирован в Орианду Головнин, чтобы убедить его высочество просить самому об увольнении.

25 мая

В городе настойчиво держится слух о том, будто бы Сольский покидает пост государственного контролера. Встревоженный этим, я и поехал к нему, чтобы узнать истину. Дмитрий Мартынович сказал мне, что и до него слух этот доходит с разных сторон; что между тем он сам не подавал к тому никакого повода, так как должностью своей чрезвычайно доволен и не променял бы ее ни на какую другую. Трудно предполагать, с другой стороны, чтобы государь желал уволить его. Его Величество к нему весьма благосклонен. Не далее как сегодня Сольский был в Гатчине с всеподданнейшим докладом, и государь говорил с ним о контроле в таком тоне, который был бы совершенно некстати по отношению к лицу, увольняемому от должности государственного контролера. Его Величество придает контролю весьма важное значение и желает, чтобы он, не ограничиваясь проверкою отчетности по произведенным уже расходам, следил за правильностью разных заготовок, так сказать, предупреждал злоупотребления.

Сольский был очень этим обрадован, так как и сам считал это необходимым, а потому просил о разрешении сообщить о взглядах Его Величества своим подчиненным в особом циркуляре, для разъяснения им их обязанностей и поощрения их к возможно лучшему исполнению последних. Государь согласился. Со всех сторон слышно о намерениях Его Величества соблюдать возможную бережливость в расходах.

26 мая

А. В. Головнин заехал ко мне и сообщил, что был призываем в Гатчину к государю. Его Величество при-

нял его очень любезно и начал с того, что пригласил к себе Александра Васильевича как лицо, наиболее близкое к великому князю Константину Николаевичу, которому необходимо передать конфиденциально некоторые мысли и намерения Его Величества. Государь находит, что новые обстоятельства требуют и новых государственных деятелей. Поэтому Его Величество желает назначить другие лица во главе Государственного совета и морского ведомства. Великому князю это известно, но он не хочет просить об увольнении, говоря, что не может сделать этого ввиду завета своего отца императора Николая Павловича, сказавшего ему, что великие князья должны всегда служить императору и не отказываться ни от какой службы. Государь находит, что вообще это очень похвально, но что речь идет не о выходе в отставку, а только об оставлении двух вышеназванных должностей, все же прочие останутся за великим князем. В заключение Его Величество поручил Головнину написать в Орианду от его имени и просить великого князя облегчить государю трудное его положение, так как он желал бы сказать в указе, что великий князь увольняется по собственной просьбе.

27 мая

По случаю разрешенного мне государем отпуска на лето в Гапсаль я откланивался сегодня Их Величествам. Императрица была очень милостива и любезна; она вспоминала о том, как счастливо и спокойно прожили они прошлое лето в Гапсале, куда теперь, к прискорбию, уже ехать нельзя.

Во время бытности моей внизу у императрицы государь желал принять меня в кабинете, но так как дежурный флигель-адъютант доложил, что меня не было, то Его Величество принял меня потом, вместе с другими представлявшимися, сказав мне несколько совершенно малозначащих слов. На общем приеме государю с непривычки было, очевидно, не по себе; его смущало говорить во всеуслышание.

*Гапсаль,
8 июня*

Получил два письма от Головнина. В одном он сообщает, что получил от великого князя ответ, вполне сообразный желаниям, везет его в Петергоф Его Величеству; в другом же письме, отправленном на следующий день, говорит, что ответ произвел на государя хорошее впечатление, что Его Величество намерен сам писать великому князю и оставил у себя представленные Головниным копии с рескриптов, данных великому князю покойным государем.

Слава Богу, что уход великого князя, к сожалению, необходимый, совершился по крайней мере прилично.

15 июля

Исправляющий мою должность Н. М. Рембелинский прислал мне две телеграммы, извещая в первой об увольнении великого князя Константина Николаевича, а во второй — о последовавшем на другой день назначении председателем Государственного совета великого князя Михаила Николаевича.

23 июля

Получив вторую телеграмму Рембелинского, я почти немедленно отправился в Петербург, чтобы представиться новому председателю Государственного совета.

Его высочество принял меня ласково вместе с графом Э. Т. Барановым, исполнявшим обязанности председателя Государственного совета со времени отъезда великого князя Константина Николаевича. Мы около часу беседовали втроем о некоторых общих вопросах, касающихся деятельности Совета, затем великий князь повел нас к великой княгине, которая пригласила нас завтракать и была очень любезна. Сидя подле ее высочества, я почти все время беседовал и, между прочим, спросил, довольна ли она

новым назначением великого князя. «Je ne sais pas encore, — отвечала ее высочество, — nous verrons. Quand a present, je puis dire seulement que je suis enchantee de ne plus revenir au Caucase. C'est affreux de ne pas avoir de societe; on y est entoure rien que de subordonnes. Au Caucase il n'y avait personne avec qui sincerement, comme on dit: „душу отвести“»*.

Далее, зная, что великая княгиня имеет на великого князя большое влияние и бывает часто недовольна окружающими его лицами, я сказал шутливым тоном: «J'ai grand peur, madame. On dit que votre altesse est tres difficile a contenter».

«Vraiment, on le dit? C'est possible»**.

Тогда я спросил в том же тоне, бывает ли по крайней мере заметно, если кто-либо имеет несчастье не нравиться ее высочеству.

«Mais je crois bien que cela se voit. Je n'ai pas le talent de cacher mes sentiments».

«C'est tres heureux, madame. Au moins on sait a quoi sen tenir»***.

Великая княгиня рассмеялась. Дай Бог, чтобы мне не пришлось испытать на себе ее нерасположения!

После завтрака великий князь предложил мне курить и повел показывать дворец (Михайловское) и окружающий его парк. Во время осмотра Михаил Николаевич сказал мне: «Вы говорили за завтраком с великой княгиней о Кавказе. К сожалению, она его не любит. Несмотря на то что мы живем душа в душу,

* «Я еще не знаю, — отвечала ее высочество, — посмотрим. Что же касается данного момента, то могу сказать только, что я в восторге от того, что не надо возвращаться на Кавказ. Ужасно жить без общества; вокруг — одни подчиненные. На Кавказе не было никого, с кем бы можно было, как говорится, душу отвести» (фр.). — Прим. ред.

** «Я очень боюсь, ваше высочество, что, говорят, вам очень трудно понравиться?» — «Правда, это говорят? Возможно» (фр.). — Прим. ред.

*** «Я думаю, что это заметно. Я не обладаю талантом скрывать свои чувства». — «Это превосходно, ваше высочество. Ясно по крайней мере, как надо держаться» (фр.). — Прим. ред.

во вкусах и склонностях наших большое различие: для меня всегда на первом плане — природа, а потом уже люди. Для жены моей — наоборот: сначала общество, ей приятное, а потом уже природа, хотя бы вроде здешней петергофской». Откланявшись потом великой княгине и всему семейству, я сказал великому князю, что имею доложить ему о некоторых предметах, о которых не мог говорить при графе Баранове.

«Я к вашим услугам, — сказал великий князь. — Пойдемте в кабинет». Граф Баранов между тем уехал.

Доложив о разных вопросах, я перешел к очень щекотливому, а именно о том, желает ли его высочество, получавший до сих пор содержание по должности наместника, получать оклад по должности председателя Государственного совета. «Великий князь Константин Николаевич такого оклада не получал, а если желаете, то должен ли я переговорить об этом с министром финансов?»

К великой моей радости, великий князь отвечал: «Нет, как брат мой не получал содержания, так и я не хочу получать его. На Кавказе было другое дело. Там я представлял собою особу государя, должен был принимать и принимать роскошно. Собственных моих средств на это не достало бы. Мне отпускалось из казны 100000 рублей, а я проживал несравненно больше. В Петербурге у меня не будет этих расходов. Поэтому содержание мне теперь не нужно».

Затем великий князь сообщил мне, что имеет право на небольшой оклад по званию генерал-фельдцеймейстера, но не берет его, оставляя эти деньги в пользу беднейших артиллерийских чинов. Точно так же поступает великий князь Константин Николаевич с генерал-адмиральским окладом.

Когда вопрос о содержании был исчерпан, я обратился к наиболее интересовавшему меня вопросу о том, имеет ли великий князь ко мне доверие. Приступая к этому предмету, я начал с того, что, хотя по учреждению Государственного совета должность государственного секретаря вполне самостоятельная, но что я знаю по опыту, как близко его отношение

к председателю, что, в сущности, государственный секретарь есть ближайший помощник его и что потому дела не могут идти хорошо, когда между председателем и государственным секретарем нет полного доверия и согласия. Положение государственного секретаря становится в таком случае еще более затруднительным тогда, как пост занимает великий князь, брат или дядя государя. Ввиду всего этого я убедительно просил его высочество сказать мне с полною откровенностью, не имеет ли он в виду какое-либо другое лицо, с которым ему приятнее было бы работать, к которому более привык и питает то доверие, которого я не имел еще возможности заслужить.

В таком случае я — несмотря на то что очень дорожу своею должностью — не только бы не обиделся, но сделал бы с своей стороны все от меня зависящее, чтобы облегчить моему преемнику ознакомление с нашими делами и порядками, и вообще озаботился бы тем, чтобы перемена совершилась нечувствительно.

Великий князь выслушал меня очень внимательно и спокойно. Когда я кончил, его высочество сказал мне: «Я могу только благодарить вас за ваше откровенное и благородное объяснение. Надеюсь, что и вперед вы всегда будете со мной откровенны. Но вместе с тем я должен вам сказать, что не только никого не имею, к кому бы питал более доверия, чем к вам, но был бы в большом затруднении, если бы вы не захотели оставаться на должности государственного секретаря. Я в делах Государственного совета тоже совершенно неопытен; вы, напротив, знаете их отлично. Как же мне расставаться с вами? Это было бы просто глупостью с моей стороны... Вы говорите о необходимости полного между нами доверия. Я совершенно с вами согласен. Но разве я не показал вам еще три года тому назад, что имею к вам такое доверие? Помните, после ухода барона Николаи я предлагал вам должность начальника гражданского управления на Кавказе, которую вы не приняли? Если бы я не имел к вам доверия, то, конечно,

не предложил бы вам этой должности... Простите за откровенность, но, несмотря на то что я знал вас лично, я тогда собирал об вас самые подробные справки от разных лиц. Все отзывы были наилучшие. Хотя иные и обвиняли вас в некоторой красноте, но это относилось к давно прошедшему, к началу вашей служебной деятельности, а затем все соглашались в том, что теперь в вас никакой красноты нет. Далее, брат Константин Николаевич вас очень любил и уважал. Еще в самое последнее время, при свидании нашем в Крыму, он неоднократно говорил мне, что я найду в вас отличного сотрудника, заслуживающего полного доверия. Наконец, покойный государь тоже любил вас и доверял вам, — это я знаю наверное, из собственных его слов. Сколько я знаю, и нынешний государь смотрит на вас так же. Итак, вы видите, что нет ни малейшего повода нам разлучаться». И великий князь дружески подал мне руку.

Я искренно поблагодарил за все сообщенное мне его высочеством и попросил, чтобы в случае переменны мнения на мой счет и вообще в случае какого-либо неудовольствия, его высочество сказал мне это прямо вполне откровенно. Великий князь обещал мне это, прибавив: «Надеюсь, что в этом не будет надобности».

В дальнейшей беседе я сказал великому князю, что не вполне уверен в расположении ко мне нынешнего государя. Хотя, будучи наследником престола, Его Величество был ко мне очень милостив, но теперь обстоятельства иные. При последнем моем представлении перед отъездом в Гапсаль мне показалось, что государь был со мной холоден. Правда, я немного мнителен и обидчив. Но может быть и то, что Победоносцев и К^о наговорили что-либо на меня, а может быть также, что на меня как на человека, близкого великому князю Константину Николаевичу, распространяется немилость государя к его высочеству.

«Не думаю, — сказал великий князь. — Государь не любит брата вовсе не за деятельность его по Государственному совету, а исключительно по трем причинам: во-первых, за морское ведомство, по которому

взгляды их совершенно расходятся и где брат, надо сознаться, вовсе неправ; во-вторых, за резкий тон брата и то неуважение, которое он часто оказывал многим заслуженным лицам; наконец, в-третьих, и это чуть ли не главное, за связь его с Кузнецовой.

Государь придает чрезвычайную цену согласной и нравственной семейной жизни. К несчастью, он по близкому опыту знает, к чему приводят подобные связи. Притом он и императрица живут, как два голубка, по согласию, по взаимной любви и по чистоте. Он желал бы, чтоб и все другие жили так же. А брат Константин Николаевич подает пример совершенно другого... При случае я постараюсь выведать у государя мнение его о вас. Мне это будет нетрудно». Перейдя затем к новостям дня, великий князь сообщил мне, что никем не ожидаемое путешествие государя в Москву производит всюду самое лучшее впечатление; что теперь все, по-видимому, спокойно и что главная в настоящее время беда — интриги и несогласия между окружающими государя.

Воронцов не ладит [ни] с Игнатьевым, ни с Барановым (не с графом Эдуардом Трофимовичем, а с градоначальником). Игнатьев не любит Воронцова, с Барановым он даже не видится. Баранов, весьма многим обязанный Воронцову, позволяет себе в отношении к нему прямые дерзости. С тех пор как государь по просьбе Воронцова сказал Баранову, что полиция безопасности в загородных местах пребывания Его Величества принадлежит исключительно Воронцову, Баранов не только перестал бывать у последнего, — а прежде он торчал у него чуть не в передней, — но даже написал ему прегрубо, что просит выслать в Петербург пять находившихся в Петергофе лучших полицейских агентов по той причине, что люди эти, хотя и отличные, могут приносить действительную пользу только под руководством его самого, т. е. Баранова. Иными словами, он сказал Воронцову дурака. Я спросил о Победоносцеве. Великий князь отвечал, что не может сказать ничего определенного о степени его влияния. Кажется, оно ослабло; к этому он при-

бавил: «Нечего сказать, хорош и Победоносцев! Что сделал он? В теории — очень много, можно заслушаться его; а на деле только одно — создал Баранова. Большое ему за это спасибо».

В четвертом часу я откланялся и уехал, получив разрешение великого князя вернуться к семейству в Гапсаль, так как в течение вакантного времени в Государственном совете нет ничего особенного, в случае же какой-либо надобности я просил вызвать меня по телеграфу. Из Михайловского поехал я в Стрельну к великой княгине Александре Иосифовне. Мне казалось необходимым быть у нее по случаю опалы, постигшей великого князя Константина Николаевича, чтобы выразить свое сочувствие их горю и поблагодарить за всегдашнюю доброту ко мне. Великая княгиня приняла меня более чем милостиво. Больно было смотреть на нее. Она плакала чуть не навзрыд, рассказывая о старшем сыне, сосланном в Ташкент²⁸, а потом об увольнении мужа, которого официальное положение, по словам ее высочества, теперь окончательно разрушено.

«А много ли таких людей? — говорила она (по-французски). — Кто может сравняться с ним по уму, по способностям, по образованию?.. Никто. Я никогда не видывала человека, который мог бы хотя приблизительно померяться с великим князем. А трудолюбие его, а любовь к добру, а бескорыстие? Многие из тех, которые кричали против моего мужа, сами знают, что они клеветали на него. И несмотря на то, я скажу, что даже люди, любящие великого князя и преданные ему, не знают всех его качеств и заслуг. Только история, вполне беспристрастная, покажет его в настоящем свете.

Конечно, главная вина моего мужа — его резкость. Я всегда говорила ему это. Но разве резкость — преступление? Разве за это прогоняют способных и достойных государственных людей? Надобно быть выше этого... Но если уж два Романова, племянник и дядя, не могут жить в ладах, то на все есть средства приличные. Разве можно уволить своего дядю, луч-

шего друга и сотрудника своего отца, — просто ука-
зом, бросить его, как старую перчатку? Это — верх
неприличия... На днях у меня была императрица, —
она часто навещает меня, — и я почти в тех же выра-
жениях высказала ей все это. Знаете, что она ответи-
ла мне? Императрица сказала: „Liebe Sanny (так зовут
великую княгиню в семействе), ich achte dich für deine
Offenherzigkeit“»*.

Я старался успокоить великую княгиню насколько
мог, говоря, что знаю наверное, что государь хо-
тел сам написать великому князю. «Однако он этого
до сих пор не сделал». Я продолжал: «Не далее как
сегодня утром мне говорил граф Баранов, что на во-
прос его: не будет ли великому князю рескрипта, го-
сударь отвечал, что рескрипт будет к 22 августа — дню
50-летнего юбилея великого князя в звании генерал-
адмирала».

Известие это несколько смягчило раздражение ве-
ликой княгини, чувствующей себя смертельно оскорб-
ленной за мужа... Затем Александра Иосифовна пере-
шла к отношениям моим к великому князю, сообщила
мне много лестных отзывов на мой счет и в заключе-
ние сказала, что ценит по достоинству сегодняшний
приезд мой, так как обыкновенно спешат к восходя-
щим светилам, а о заходящих и не думают. Пожав
мне руку весьма благосклонно, великая княгиня ска-
зала мне на прощание: «Votre visite d'aujourd'hui fera
bien plaisir au grand due — e'est un acte chevaleresque de
votre part»**.

Я уехал совершенно растроганный и благодарил
Бога за то, что возымел мысль посетить великую кня-
гиню.

К обеду поехал я в Петергоф к Рембелинскому,
с которым мы переговарили подробно о всех наших

* «Милая Санни, я уважаю тебя за твою прямоту» (нем.). — Прим.
ред.

** «Ваш сегодняшний визит доставит большое удовольствие ве-
ликому князю. Это акт рыцарства с вашей стороны» (фр.). —
Прим. ред.

делах. Вечер я провел в Петергофе же у Сольских. Приняли они меня весьма радушно. Из новостей рассказали они мне между прочим, что М. Е. Ковалевский, возвратившийся на днях с ревизии, был у государя с докладом и откровенно рассказал Его Величеству о злоупотреблениях, совершавшихся по раздаче земель в Уфимской губернии если не самим Валуевым, то во всяком случае с его ведома.

Государь был так возмущен, что Ковалевский признал даже необходимым спрашивать Его Величество не делать теперь скандала в отношении к Валуеву, впредь до рассмотрения официального отчета.

Интересную весть сообщил мне Сольский про Игнатьева. Князь Горчаков приезжал в начале лета с намерением просить увольнения от Министерства иностранных дел. Игнатьев убедил его не делать этого под тем предлогом, что будто бы обаяние одного имени канцлера поддержит наш авторитет в дипломатическом мире. Естественно, что Горчаков, самолюбивый донельзя и притом очень дорожающий своим 40-тысячным окладом, охотно поддался этим убеждениям. Затем, когда Горчаков сказал государю, что намерен еще нести, пока силы позволят, бремя управления министерством, Игнатьев стал чуть ли не ежедневно рассказывать князю, что положение наше ужасно, что каждый день можно ожидать нового покушения на жизнь императора, избиения всех образованных людей и разрушения лучших частей Петербурга. Напуганный всем этим, Горчаков отправился опять за границу. Цель Игнатьева — сохранить пока вакантным для себя пост министра иностранных дел, более спокойный и более соответствующий вкусам Игнатьева, чем нынешний его пост. Избави нас Бог от этого назначения! Игнатьев непременно вовлек бы нас в войну.

Все это Сольский знает от Н. К. Гирса, которому передавал слова Игнатьева сам Горчаков, не догадывавшийся о сыгранной с ним комедии. Гирс в отчаянии. Не говоря уже о том, что он сам не прочь быть министром с великолепным помещением и 40-тысяч-

ным окладом содержания, нынешнее его положение ужасное: он исправляет три должности одновременно: директора азиатского департамента, товарища министра и управляющего министерством. Денежные его средства весьма скудны, а между тем он должен вывозить дочерей и принимать у себя дипломатический корпус. Понятно, что за недостатком денег это делается крайне скромно. Поэтому послы, особенно германский — Швейниц, смотрят на него несколько свысока.

Следующим утром, т. е. в воскресенье, 19 июля, поехал я в Царское Село к А. В. Головнину. Он вновь сообщил мне ход переговоров об увольнении великого князя, который лучше всего виден из переданных мне в копиях следующих бумаг:

1. Донесение статс-секретаря Головнина великому князю Константину Николаевичу из Петербурга от 24 мая 1881 г.*

«Ваше императорское высочество.

Получив высочайшее повеление явиться 3 мая к государю императору в Гатчину, я был принят в 11½ ч. утра. Его Императорское Величество изволил приказать мне написать вашему высочеству с морским курьером** и, по получении ответа, представить оный Его Величеству.

Государь изволил сказать мне, что нынешние совершенно новые обстоятельства требуют новых государственных деятелей, что вследствие этого состоялись по высшему управлению новые назначения и что Его Величество желает, чтоб вы облегчили ему распоряжения, выразив готовность вашу оставить управление флотом и морским ведомством и председательствование в Государственном совете.

Государь находит весьма благородною и достойною уважения мысль, что великие князья должны служить всю жизнь, но полагает, что великие кня-

* Донесение это официальное. Оно сопровождалось частным письмом.

** Адъютант вел. кн. Гуляев.

зья не могут проситься в отставку, но, конечно, вправе выражать желание оставить ту или другую должность. Звание генерал-адмирала как пожизненное, генерал-адъютанта, члена Совета, председателя комитета о раненых и вообще все почетное должно оставаться. По получении ответа на это письмо, государь сам будет писать вам. Его Величеству весьма не хотелось бы произвести тяжелое впечатление, не сказав в указе „согласно желанию“. Сверх того, государь желал бы, чтоб вы отдохнули, успокоились и чтобы ваше высочество, вполне располагая своим временем, не считали себя обязанным торопиться в Петербург.

Смею надеяться, что ваше императорское высочество поймете чувство покорности и скорби, с которым я исполняю данное мне повеление.

Вашему императорскому высочеству душевно преданный
Головнин».

2. Письмо великого князя Константина Николаевича А. В. Головнину из Орианды от 28 мая 1881 г.

«Любезнейший Александр Васильевич.

Письмо твое от 24 мая, в котором ты передаешь мне твой разговор накануне с государем, я получил через моего адъютанта Гуляева сегодня утром. Всем происходившим, начиная с несчастного 1 марта, я уже был подготовлен к этой развязке и успел вполне к ней приготовиться. Если Его Величество находит, что ввиду теперешних новых обстоятельств нужны и новые государственные деятели, то я вполне преклоняюсь перед его волею, нисколько не намерен ей препятствовать и поэтому желаю и прошу его ни в чем не стесняться в распоряжениях его об увольнении меня от каких ему угодно должностей. Занимал я их по избранию и доверию покойных двух незабвенных государей, моего отца и моего брата. Морским ведомством я управлял 29 лет, в Государственном совете председательствовал 16½ лет, крестьянское дело вел 20 лет с самого дня объявления манифеста. Если ввиду теперешних новых обстоятельств эта долговременная 37-летняя служба, в которой я, по совести,

кое-какую пользу принес, оказывается ныне больше ненужною, то, повторяю, прошу Его Величество ничем не стесняться и уволить меня от тех должностей, какие ему угодно. И вдали от деятельности службы и от столицы, в моей груди, пока я жив, будет продолжать биться то же сердце, горячо преданное матушке-России, ее государю и ее флоту, с которым я сроднился и сросся в течение 50 лет.

Моя политическая жизнь этим кончается, но я уношу с собою совесть свято исполненного долга, хотя с сожалением, что не успел принести всей той пользы, которую надеялся и желал.

Искренно тебя любящий
Константин».

3. Письмо А. В. Головнина к великому князю Константину Николаевичу из Царского Села от 7 июня 1881 г.

«Настоящее письмо пишу для отправления с Милутиным, в дополнение к посланному сегодня по почте о поездке моей вчера в Петергоф. Государь приказал мне прочесть ваше ответное мне письмо, а потом мое письмо и, по-видимому, остался доволен; сказал, что понимает, что все это должно быть вам неприятно, но надеется, что обстоятельства изменятся, ваше раздражение успокоится и вы будете полезны на разных должностях; а что вследствие вашего письма можно будет сказать „согласно прошению“. Я доложил, что в моем письме сказано, что государь сам изволит писать вашему высочеству, что я не знал, как Его Величество полагает писать: письмом или рескриптом, и что поэтому я привез материалы для последнего, а именно — копии с рескриптов покойного государя и описание приема Государственного совета покойным государем, когда Его Величество называл ваше высочество своим главным помощником по крестьянскому делу. Государь сказал, что напишет вам теперь сам и оставил у себя ваше письмо, копию моего письма и материалы и спросил, нужно ли возвращать мне эти материалы. Я, конечно, отвечал отрицательно и прибавил, что осмеливаюсь *faire une*

indiscretion* — что мне известно давнишнее желание ваше получить в 50-летний юбилей генерал-адмиральства, для ношения в петлице, портрет великого деда Его Величества, того государя, который пожаловал вам звание генерал-адмирала. Государь как-то оживился и спросил, и прежде ли вы имели это желание, на что я ответил утвердительно.

Затем я сказал, что вашему высочеству неясно выражение в моем письме: „не торопиться возвращением“ и что вы изволите спрашивать: означает ли это свободу на зиму или намек на то, чтобы не приезжать к юбилею? Государь отвечал, что не может помешать вашему возвращению, но полагает, что вам самим было бы это в настоящее время неприятно. Тем аудиенция кончилась. Государь еще говорил, что воротился великий князь Михаил Николаевич, который говорил Его Величеству, что на «Ливадии» качка нечувствительна, но что неприятны удары и содрогания яхты, которые, впрочем, не мешали его высочеству спать спокойно.

К этому я осмелюсь от себя прибавить, что по собственному опыту знаю, как тяжело министру на первых порах после оставления должности находиться в Петербурге и близко видеть, как ломается все, что он сделал, критикуется то, что сделано, что время успокаивает и дает равнодушие. Поэтому лучше приобрести несколько равнодушия и тогда приехать. Если бы я мог вернуть прошедшее, то поступил бы таким образом и сохранил бы тем самым много здоровья и спокойствия. Мне кажется, что Милютин хорошо делает, что не хочет теперь возвращаться».

4. Записка, посланная Головниным государю 29 июня 1881 г.

«Великий князь генерал-адмирал в письме статс-секретарю Головнину из Орианды от 20–22 июня 1881 года**, которое Головнин получил в Москве

* Сделать нескромность (*фр.*). — *Прим. ред.*

** Письмо это нельзя было представить Его Величеству в подлиннике.

26 июня, выражает желание быть поскорее уволенным и находит ожидание и неизвестность мучительными. Он говорит: „Особенно не желал бы я теперь, чтоб мое увольнение приурочили к моему юбилею. Не томите, ради Бога, долгим бесполезным ожиданием, а решайте дело скорее“.

Далее его высочество пишет:

„Для того чтобы мне жить в покое, необходимо, чтоб было как-нибудь и где-нибудь выражено, что я имею право жить, где мне угодно, как в России, так и за границей.

Ты ведь знаешь, что у меня денег очень немного и что при обыкновенной жизни мы едва сводили концы с концами. Теперь же приходится мне очень жутко. Чтоб иметь достаточные средства, необходимо иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни, а для этого и необходимо получить право жизни, где мне угодно. Все лето и всю осень я намерен, разумеется, остаться в Орианде, но где жить зиму — that is the question*.

Полагаю остановиться на выборе Ниццы. Об этом мы долго говорили с Ив. Шестаковым, который, кажется, лет девять там прожил и говорит, что там можно жить и дешево, и скромно, но в то же время приятно“.

Головнин не скрыл перед генерал-адмиралом свою нескромность, а именно, что проговорился о желании его высочества получить к юбилею портрет государя Николая Павловича. На это великий князь пишет: «Я желал бы получить портрет двойной — батюшки и брата, потому что при одном я получил звание генерал-адмирала, а при другом его исполнял 26 лет. А ты говорил государю только про портрет его деда. Нет, не одного деда, но непременно и отца. Tirez moi cela au clair»**.

5. Приложение к записке, посланной государю 29 июня 1881 г.

* Вот в чем вопрос (англ.). — Прим. ред.

** Выясни мне это (фр.). — Прим. ред.

«Если бы угодно было исполнить желания генерал-адмирала, изложенные в прилагаемой записке (выше помещенной), оставалось бы:

1) Ныне же отдать в приказах, что, по желанию великого князя генерал-адмирала, его императорское высочество увольняется от таких-то должностей, с оставлением при прочих должностях и званиях, и разрешается ему отпуск в разные губернии и за границу, с возвращением каждый раз по собственному усмотрению.

2) К юбилею генерал-адмиральства при рескрипте пожаловать двойной портрет императора Николая Павловича и покойного государя.

Может быть, по примеру отправления в Ниццу к юбилею князя Горчакова двух чиновников, признано будет приличным, чтобы несколько представителей флота и Морского министерства отвезли его высочеству означенные рескрипты и портрет».

Передав мне все эти бумаги, А. В. Головнин сообщил мне некоторые подробности вторичного свидания своего с государем, когда он привез Его Величеству ответ великого князя. Как выше было замечено, государь остался ответом доволен. Пользуясь этим, Головнин сказал: «Ваше Величество, великий князь Константин Николаевич — глубоко несчастный человек».

«Почему?»

«По двум причинам, государь:

Во-первых, в отношении семейном: его высочество без ума любил и любит своего старшего сына Николая Константиновича и не щадил ни забот, ни личных трудов для хорошего его воспитания. И что же вышло из этого молодого человека? Вышло то, что, отчасти вследствие природной наследственной болезни, он так унизился и пал нравственно, что необходимо было принять относительно него самые строгие меры; меры, небывалые по отношению к члену императорского дома. Ваше Величество, разве это не самое ужасное несчастье для отца, любящего своего сына?»

«Ваша правда, это большое несчастье. Хуже его не может ничего быть», — сказал государь с чувством.

«Во-вторых, Ваше Величество, великий князь чрезвычайно несчастлив и как государственный деятель. Преисполненный лучших намерений, горячо желая добра, его высочество всею душою предался служению великим видам покойного родителя вашего по освобождению крестьян. Быть может, он был несколько горяч и резок, но, в сущности, был всегда справедлив и желал возможно лучшего разрешения этого жизненного для России вопроса. И что же? В обществе прославили великого князя красным, революционером... Затем, через несколько лет, по случаю возникших в Царстве Польском затруднений разного рода, покойный государь пожелал испытать возможность либеральной политики в Царстве. Считаю долгом обратить внимание Вашего Величества на то, что великий князь не принимал даже участия в суждениях Совета министров, в котором было решено принять либеральную систему маркиза Велепольского. Великий князь покорился воле и решению государя, поехал в Варшаву и там, на второй же день, встречен был выстрелом. Этот прием не смутил его высочество. Он свято выполнил программу, не им предложенную, а ему предписанную. К прискорбью, она не привела к желаемой цели, на достижение которой и сам великий князь не вполне рассчитывал. А кто в глазах общества сделался виновником неудачи?.. Великий князь Константин Николаевич, которого не только в частных разговорах с одного конца России до другого, но даже в печати — вспомните, Ваше Величество, яростные статьи «Московских ведомостей» — почти открыто называли предателем и изменником государю и отечеству. И он не имел возможности оправдаться...»²⁹

Ваше Императорское Величество, не глубокое ли это несчастье, могущее в связи с первыми совершенно забить человека?»

Государь был видимо взволнован и затем стал говорить о великом князе в более мягком и симпатичном тоне.

Прощаясь с Головниным и поблагодарив его, Его Императорское Величество сказал, что он согласен на исполнение всех заявленных им желаний великого князя.

Относительно денежных средств великого князя Александр Васильевич сообщил мне, что, как ему достоверно известно, они находятся в положении далеко не блестящем. При совершеннолети своем его высочество имел капитал в миллион рублей, составившийся из сбережений от его содержания во время детства. Из этого миллиона великий князь дал впоследствии займы 250000 рублей адъютанту своему князю Ухтомскому, совершенно запутавшемуся в разных промышленных предприятиях. Несмотря на эту помощь, Ухтомский разорился, и деньги великого князя пропали безвозвратно. Потом, когда бывший гофмейстер его высочества Тенгоборский выдавал замуж дочь свою, великий князь, зная, что Тенгоборский не имеет состояния, дал ей на приданое 30000 рублей. Таким образом, из миллионного капитала осталось менее трех четвертей, т. е. 720000 рублей; деньги эти были целы до 1878 года.

В этом году осенью великий князь приехал в Париж и был поражен там электрическим освещением Яблочкова. На вопрос его высочества о том, будет ли введено это освещение в Петербурге, ему отвечали, что навряд ли, так как Яблочков продал свое изобретение парижскому муниципалитету. Великому князю это было чрезвычайно неприятно. Он призвал к себе Яблочкова и просил его войти в переговоры с муниципальным советом относительно выкупа изобретения. После долгих торгов согласились на сумму в 500000 рублей, которые великий князь и уплатил. Затем образовано было акционерное общество для освещения Петербурга посредством электричества. Кроме уплаченных еще в Париже 500 тысяч рублей, его высочество, рассчитывая на блистательную будущность дела, дал на осуществление предприятия и остальные бывшие еще у него 220000 рублей. Между тем дело не только не дает никакого дохода,

но нет даже надежды на то, чтобы в скором времени оно могло окупаться.

В сравнении с своими братьями великий князь Константин Николаевич имеет гораздо менее средств. По смерти покойной императрицы Александры Федоровны Николай и Михаил Николаевичи получили значительные денежные суммы; Константин же Николаевич, как старший брат, получил вместо денег дворцы, не только не доходные, а напротив, требующие довольно больших сумм на их содержание, именно: Стрельну и Орианду. Павловск, наследованный великим князем после смерти дяди своего Михаила Павловича, тоже не приносит дохода.

Расходы великого князя, несмотря на относительную экономию, по необходимости очень значительны. Хотя Кузнецова — женщина скромная, нежадная и непритязательная, тем не менее жизнь двумя семействами: законным и побочным, в связи с желанием хотя несколько обеспечить последнее, требует больших денег.

По поводу Кузнецовой я передал Головнину то, что сказал мне великий князь Михаил Николаевич о связи его брата с нею. Головнин отвечал, что, конечно, связь с Кузнецовой должна чрезвычайно вредить Константину Николаевичу в глазах государя, но что удаление великого князя из Петербурга будет именно способствовать сближению его с Кузнецовой и с ее семейством. Здесь он проводил у нее вечер и ночь, оставаясь все утро и день в Мраморном дворце и обедая с великой княгиней. В Орианде и за границей он будет постоянно с Кузнецовой, имея только для вида отдельное от нее помещение.

Головнин полагает, что политическая собственная карьера великого князя, по видимому вероятно, кончена. Но он желает и надеется, что возможно будет возвращение его высочества в Петербург на другое поприще — ученое. Великий князь очень интересуется науками и столь же охотно беседует с учеными людьми. Со своей стороны, большая часть этих последних глубоко уважает его и имеет к нему доверие.

На должности президента Академии наук и главного начальника разных обсерваторий и тому подобных учреждений великий князь мог бы еще принести большую пользу. Александр Васильевич говорил об этом с ним, и великий князь сказал, что мог бы быть полезным ученому миру.

Сообщая мне об этом, Головин просил меня распространять эту мысль и, между прочим, доложить о ней при случае великому князю Михаилу Николаевичу.

По возвращении в Петербург я написал подробное письмо в Орианду, в котором благодарил великого князя за всегдашнее его расположение ко мне и выражал сожаление об оставлении им должности председателя Государственного совета. О многом я должен был, естественно, умолчать, из опасения почтовых нескромностей.

На другой день я возвратился в Гапсаль.

Через несколько дней по возвращении получил я от великого князя следующее письмо, написанное им тотчас по получении указа об увольнении и, следовательно, до получения моего письма:

«Любезнейший Егор Абрамович!

Шестнадцатилетняя связь моя с Государственным советом по высочайшей воле ныне порвана. Приходится мне расставаться с тем учреждением, с которым так свыкся, сроднился, сросся. Не могу и не считаю нужным скрывать, как мне это больно и тяжело. Утешаю себя надеждою, что любезный брат мой Михаил, который по воле государя меня заступает, так же полюбит Совет и сумеет держать знамя его высоко, в чем я не сомневаюсь, и вы всеми силами вашими будете ему помогать.

Расставаясь с Советом, не могу не вспомнить, сколь я многим был вам обязан, вашему уму, познаниям и усердию в исполнении ваших трудных обязанностей. Прожили мы с вами много и грустных, и радостных дней и привыкли друг к другу. Знаю, что и вам тяжело будет со мною проститься. Позвольте в последний раз вас горячо обнять и благодарить за все время.

Прошу вас и всей государственной канцелярии передать мое искреннее спасибо за эти 16 лет нашей совместной работы. Сделайте это как-нибудь неофициально, что всегда холодно, — но сделайте так, чтобы все чины государственной канцелярии поняли, что благодарит их не казенным образом их старый начальник, а человек, который в течение 16 лет был, можно сказать, ежедневным свидетелем их неутомимой и добросовестной службы. Спасибо им от души: и статс-секретарям, и их помощникам, и всем, и высшим, и низшим труженикам. Рекомендуйте их от меня брату и скажите ему, что все, что он сделает для них, я приму как личную для себя награду.

Желаю Совету полного успеха впереди при исполнении тех важных и трудных задач, которые ему предстоят. Хотя я с ним и разрознен, но и издали, разумеется, буду с горячею любовью следить за его деятельностью.

Прощайте, любезнейший Егор Абрамович, еще раз благодарю вас и обнимаю от всего сердца.

Искренно вас любящий Константин.

Орианда. 22 июля 1881 г.

Не забудьте ваше обещание мне писать *et me tenir au courant**, разумеется, с полною откровенностью».

Строки эти глубоко тронули меня, и тронули действительно до глубины души. Могу по совести сказать, что я никогда не заискивал в великом князе, а напротив того, позволял себе иногда откровенно говорить его высочеству вещи, не совсем приятные. Несмотря на что, как доказывают нынешние строки великого князя, он сохранил ко мне большое расположение.

Письмо его, которое с гордостью буду хранить в семейных своих бумагах, поддерживает во мне прежнюю уверенность в том, что под холодною наружною оболочкою у великого князя Константина Николаевича бьется горячее, благородное сердце.

* И держать меня в курсе (*фр.*). — *Прим. ред.*

Я убежден, что чувства, им выражаемые, вполне искренни, и не только в отношении ко мне и сотрудникам моим по государственной канцелярии, но также и в отношении к Государственному совету. Хотя он глубоко скорбит о том, что более не председатель Совета, но он далек от той мелочности, чтобы не желать ему успеха при преемнике своем. Горячо любя Россию и любя Совет, он действительно желает ему всевозможных успехов и будет в самом деле с любовью следить за его деятельностью. Употребленные великим князем слова — не фразы. По получении письма я тотчас же отвечал его высочеству.

11 августа

Бедный великий князь! На нем оправдывается народная поговорка, что беда одна не приходит. Как сообщает мне Головнин, сгорела любимая его Орианда, столь драгоценная для него, особенно при нынешней необходимости жить вдали от Петербурга. Теперь великий князь вынужден будет или уехать куда-нибудь, или же лишить себя решительно всякого удобства.

12 августа

Головнин переслал мне следующую телеграмму, полученную им от великого князя из Орианды:

«Я, слава Богу, совершенно здоров. Занимаю одну комнату в маленьком адмиральском домике*, которую устроил себе уютно и приятно».

Честь и слава великому князю! Мужественно переносит он новую невзгоду.

17 августа

Графиня Бреверн-Делагарди, с которою я здесь часто вижусь и беседую тем более охотно, что она из друзей

* Он находится в значительном расстоянии от сгоревшего дворца.

великого князя (она урожденная Воейкова и была лет двадцать пять тому назад фрейлиною великой княгини Александры Иосифовны), сообщила мне переданный ее мужем из Москвы слух о том, будто бы Орианда подожжена самим великим князем. Вся Москва этому верит. Объясняют поджог тем, что великому князю хочется во что бы то ни стало вернуться в Петербург.

И в несчастьи не дают ему покоя. Я думаю, нет другого человека, на которого взводили бы столько клевет. А клеветы эти считаются многими за непреложные истины.

20 августа

С.-Петербургское градоначальство упразднено, а Баранов назначается архангельским губернатором. Весть эта — вообще радостная, по случаю удаления Баранова из Петербурга. Жаль только, что для увольнения человека, оказавшегося недостойным занимать вверенный ему пост, упраздняется самая должность градоначальника, которая несколько лет тому назад признавалась безусловно необходимою. Еще грустнее то, что важная мера принята без рассмотрения ее в Государственном совете.

24 августа

Третьего дня был 50-летний юбилей великого князя Константина Николаевича в звании генерал-адмирала. Я отправил, разумеется, поздравительную телеграмму и получил сегодня следующий ответ: «Сердечно благодарю. Ваша добрая преданность мне вдвойне дорога: по личным моим чувствам и по памяти о нашей долголетней совместной деятельности».

26 августа

К юбилею пожалован его высочеству двойной портрет императоров Николая I и Александра II, при

очень милостивом рескрипте, на котором государь сделал собственноручную приписку: «Искренно вас любящий».

Это очень много, ввиду прежних их отношений.

Портрет и рескрипт были доставлены в Орианду довольно многочисленную депутацию от флота, Морского министерства и гвардейского экипажа.

Составление рескрипта было поручено Его Величеством Победоносцеву и Игнатьеву; для помощи по части морской Победоносцев пригласил Баранова. Злая насмешка судьбы: в числе составителей милостивого рескрипта великому князю были два злейших его врага.

28 августа

В день юбилея великий князь получил около 200 телеграмм; в числе их была одна за подписью «Саша и Маня» (государь и императрица). Меня это очень обрадовало. Значит, на великого князя смотрят уже иными глазами.

Возвратясь в Петербург, узнал, что государь совершенно неожиданно уехал морем в Данциг для свидания с германским императором. Игнатьев не был в секрете³⁰. Следовательно, шансы его на Министерство иностранных дел не особенно велики. В Данциге назначение его на эту должность тоже не встретит, конечно, поддержки ни со стороны императора Вильгельма, ни со стороны Бисмарка.

30 августа

На прошедшей неделе, к общей радости, барон Кистер уволен от всех своих должностей.

Уволен также граф А. В. Адлерберг от должности министра двора. Его заменил граф Воронцов-Дашков. Это совершенно в порядке вещей, так как Воронцов находится с нынешним государем в тех же дружеских отношениях, в каких состоял к покойному императору Адлерберг. К крайнему удивлению, последний,

при всем своем уме, не сумел заслужить расположение бывшего наследника престола. Ввиду этого уход его считался всеми вопросом решенным. Но всех поразила несколько крутая форма увольнения Адлерберга. Говорят, государь просто написал ему, что, согласно бывшим весной разговорам, он увольняет его от должности министра и назначает на нее Воронцова.

Адлерберг очень оскорблен таким недостатком внимания. Я видел его сегодня — на нем лица [не было].

2 сентября

Был в Петергофе, чтобы представиться государю и императрице по случаю возвращения. Государь был благосклонен. Хотя он и не принял меня в кабинете, а со всеми вместе, и ничего особенного мне не сказал, — Его Величество расспрашивал меня про пребывание в Гапсале, — но вид и обращение были у него приветливые. Вообще я должен сказать, что в течение лета государь сделал чрезвычайно большие успехи относительно приема представляющихся лиц. Явилась необходимая уверенность и умение сказать каждому несколько слов, оставляющих приятное впечатление. Это очень отраднo.

Императрица, как и всегда, была очень приветлива и любезна. Ее Величество симпатична в высшей степени.

Могу рассказать про нее факт, доказывающий, как много в ней сердечного такта.

К. К. Грот, в качестве председателя Общества покровительства слепым, представил Ее Величеству сделанную одним из слепых, призреваемых Обществом, корзинку по новому парижскому образцу, которая государыне очень понравилась. Приняв этот дар весьма милостиво, императрица спросила у Грота, что может она дать слепому. Он отвечал, что цена корзинке 1 р. 50 к., но что от Ее Величества будет зависеть пожаловать ему, что ей будет угодно.

Императрица сказала, что подумает. Через несколько дней она прислала прекрасные часы с репетицией. Слепой так счастлив этому полезному для него подарку, что всякий раз, когда нажатая пружина часов возвещает ему время дня, — он крестится. Это рассказывал мне сам Грот. Сегодня представлялся вместе с нами (я ездил с князем С. Н. Урусовым и приятелем моим Ф. А. Бруном, назначенным министром статс-секретарем великого княжества Финляндского) барон Шернваль, бывший до Бруна министром статс-секретарем. Он сообщил часть разговора своего с императрицею, заслуживающую внимания. Между прочим он сказал Ее Величеству: «*Madame, j'estime beaucoup l'empereur pour sa grande droiture, mais il faut avouer cependant, que sa majesté est quelque fois un peu rude... Comme il a un peu d'égard pour ce pauvre Adlerberg!*» — «*N'en parlez pas,* — отвечала императрица, — *j'en ai pleuré trois jours*»*.

По поводу этого рассказа позабавил меня Урусов: «Хорошо Шернвалю так говорить, — сказал он, — сошел со сцены и получил пенсию в 40 тысяч марок, которой уже не отнимут».

В Петергофе познакомился с графом Воронцовым-Дашковым. Сколько могу судить по беседе, длившейся не более десяти минут, он человек неглупый и обходительный.

10 сентября

Предложения Лориса о созыве представителей земства и городов, как кажется, канули в воду. Комиссия, которая должна была обсуждать их, даже не собиралась.

Но если не осуществляют этих предположений, придавая им, к сожалению, значение политическое,

* «Ваше Величество, я весьма ценю в государе его исключительную прямоту, но надо вместе с тем признаться, что Его Величество бывает иногда несколько крут. Он не совсем бережно обошелся с этим бедным Адлербергом». — «Не говорите о нем. Я из-за него проплакала три дня» (*фр.*). — *Прим. ред.*

то делают по крайней мере все возможное, чтобы проекты законов соображаемы были с практической стороны. К пересмотру правил о понижении выкупных платежей приглашены были двенадцать экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей разных оттенков и из разных частей государства. Затем, по другому вопросу, о пересмотре правил о продаже питей с целью уменьшить пьянство, вызвано тридцать два эксперта, как говорят, также из людей очень толковых.

16 сентября

Наконец, пожалован графу Адлербергу милостивый рескрипт с портретом покойного государя.

Для разбора злоупотреблений по раздаче земель в Оренбургской и Уфимской губерниях учреждена особая комиссия под председательством князя Урусова, из министров внутренних дел, государственных имуществ и юстиции, государственного контролера и М. Е. Ковалевского. Комиссиею этою одновременно с отчетом Ковалевского рассматриваются и некоторые подлинные производства Министерства государственных имуществ, в которых оказываются серьезные беспорядки. Прежде всего обнаружено совершенно произвольное отступление от правил о раздаче участков. По правилам этим, для испрошения высочайшего соизволения на пожалование кому-либо земли нужно соглашение министра с генерал-губернатором оренбургским (следовательно, соглашение двух лиц). Это найдено ими стеснительным и, вследствие того, министр и генерал-губернатор³¹ разделили между собой участки, так что каждый ходатайствовал самостоятельно и бесконтрольно о лицах, которым желал предоставить землю. Далее, во всеподданнейших докладах Валуева справки были далеко не полны и даже неверны. Умалчивалось иногда о весьма важных обстоятельствах, имеющих существенное влияние на возможность и условия пожалования; так, например, оценки были неправильны

или же участки предоставлялись безвозмездно, когда по правилам следовало взимать за них плату. Наибольшие злоупотребления обнаружились по участку, отведенному князю Ливену: ему пожалован был бесплатно огромный участок земли, в состав которого введен был даже заповедный корабельный лес.

Когда по всем этим вопросам потребовали объяснений от графа Валуева, он отвечал лишь фразами вроде того, что был лишь исполнителем политической системы покойного императора, желавшего создать в Оренбургском крае класс поземельных собственников, которых там до сих пор почти не было; что же касается неполных и неверных справок во всеподданнейших докладах, то он объяснял это тем, что писанный [доклад] министра есть только материал для изложения дела Его Величеству, и что все, вошедшее в этот доклад, излагалось министром словесно. При всем том нельзя упрекнуть Валуева, чтобы злоупотребления были им допускаемы из корыстных целей; несмотря на совершенное неимение им какого-либо состояния, он не взял себе ничего, а действовал так исключительно по слабости и желанию угождать разным лицам.

Когда председателем комиссии князем Урусовым было доложено о всех этих беспорядках государю, Его Величество был возмущен подобным расточением государственной собственности, прибавив, однако, что, сколько ему известно, Валуев действительно чист от побуждений корыстных. Решение дела о виновниках в злоупотреблениях отложено впредь до представления о каждом из них подробных соображений.

19 сентября

Сегодня великий князь Михаил Николаевич в первый раз председательствовал в Совете. Перед заседанием я представил его высочеству у него во дворце старших чинов государственной канцелярии, т. е. статс-секретарей и их помощников. Великий князь сказал, что очень рад служить с лицами, пользуя-

щимися высокой репутацией. При этом его высочество надеется, что общая наша служба будет иметь исключительно целью преданность государю и благо дорогой нашей родины, не увлекаясь духом какой-либо партии. Я отвечал в кратких словах, что великий князь может быть вполне уверен в этом, так как я близко знаю всех чинов государственной канцелярии, в которой служу более 12 лет. Затем я представил каждого из присутствующих поименно, причем великий князь сумел сказать каждому несколько ласковых слов. По окончании представления его высочество раскланялся со всеми, а меня повел к себе и пригласил к завтраку. К сожалению, я не мог принять приглашения, так как торопился в Совет для разных распоряжений. В Совете встретил я великого князя у первых дверей и пожелал ему всякого успеха в новой деятельности. Его высочество отвечал: «Благодарю вас, — боюсь страшно... но и надеюсь на Бога... и на вас». И великий князь крепко пожал мне руку.

Войдя в столовый зал, где собраны были все члены Государственного совета, его высочество, раскланявшись со всеми, сказал: «Господа, будучи назначен всемилостивейшим доверием государя императора к председательствованию в Государственном совете после брата моего великого князя Константина Николаевича, я чувствую себя смущенным и молю Бога, чтобы он благословил мою деятельность. К вам же, господа, обращаюсь с просьбой о снисходительности вашей к моей неопытности и о том, чтобы вы помогали мне, как помогали брату моему Константину Николаевичу»*. Затем великий князь стал подходить к каждому члену и разговаривал с каждым весьма удачно. Надо удивляться чрезвычайной его привет-

* Слова о помощи членов председателю произвели на многих не совсем приятное впечатление: их объяснили в смысле предполагаемого будто бы великим князем начальства председателя над членами. Соглашаюсь, что приведенное выражение было не совсем верное; но убежден, что великий князь употребил его без какого-либо особого намерения.

ливости и умению обращаться с людьми. Оказалось, что его высочество знал лично почти всех членов; мне пришлось представить ему только А. П. Заблоцкого-Десятовского.

Бывшее после того заседание длилось очень короткое время, потому что назначены были дела самые пустые, не вызывавшие прений.

После заседания предстояло еще довольно неприятное объяснение с министром внутренних дел графом Н. П. Игнатьевым. Дело в том, что он, считая себя всемогущим, дозволил себе докладывать государю и затем объявлять высочайшие повеления, касающиеся членов Государственного совета (например, о размерах содержания Лорис-Меликову и Каханову), а также дел, рассматриваемых Советом. По вопросам этого рода право всеподданнейшего доклада всегда принадлежало председателю Государственного совета.

При свидании с графом Игнатьевым несколько дней тому назад я говорил с ним об этом, дружески указывая на невозможность продолжения этого в будущем. Между прочим я сказал ему, что необходимо будет передоложить государю об одном вопросе, по которому граф Игнатьев сообщил высочайшее повеление, именно о том, каких экспертов пригласить в заседание Государственного совета по делу о понижении выкупных платежей, так как сделанный им выбор был несколько односторонен: большинство комиссии, состоявшей под его председательством, представлено было очень сильно, значительное меньшинство — несравненно слабее, а отдельное мнение, имевшее существенное значение, вовсе не было представлено. Когда я сказал об этом графу Игнатьеву, он принял вопрос к сердцу и стал горячо доказывать правильность сделанного им выбора экспертов. Не вступая с ним в напрасные споры, я сказал ему, что доложу обо всем его высочеству председателю Совета. Так я и сделал. Великий князь согласился с правильностью моего взгляда и спросил, как же лучше поступить. Я ответил, что лучше всего было бы,

если бы великий князь после заседания Государственного совета пригласил к себе в кабинет министра внутренних дел, а также председателей советских департаментов и меня, для выяснения и разрешения спорного между нами вопроса. Великий князь согласился на это.

На совещании этом, происходившем сегодня, все присутствовавшие, кроме Игнатьева, были на моей стороне, так что и он в конце концов вынужден был сдаться и согласиться на то, что великий князь переложит этот вопрос государю.

22 сентября

К крайнему моему удивлению, я получил вчера вечером от графа Игнатьева формальное письмо, в котором он отказывается от выраженного им вчера согласия по вопросу об экспертах, снова доказывая правильность сделанного им вчера выбора. С этим письмом поехал я сегодня к великому князю и доложил, что, по моему мнению, уступить невозможно и что необходимо представить обо всем государю, испросив при этом раз навсегда высочайшее повеление о том, чтобы министры не дозволяли себе входить с всеподданнейшими докладами по делам Государственного совета. Если не положить предела подобным нарушениям в самом начале, то потом нельзя уже будет возражать против них. Примеру Игнатьева могут последовать другие министры; кончится тем, что мы будем плясать по их дудке.

Его высочество, соглашаясь со мной в основной мысли, выразил вместе с тем разные сомнения и вообще колебался. Тогда я объяснил, что не смею и не буду настаивать на предложенном мною решительном и важном шаге, тем более что в случае неудачи пострадаю я, так как Игнатьев, без сомнения, очернит меня в глазах государя и представит за человека, невозможного на занимаемой должности. Однако, несмотря на то, на месте его высочества я поступил бы решительно, ибо председатель Государственного со-

вета не может допускать, чтобы министры хозяйничали в Совете. Не говоря уже о вопросах приличия и достоинства, от подобного хозяйничанья сильно пострадает самое дело, так как не будет никакого единства в распоряжениях по Совету. Соображение это убедило великого князя, и он поручил мне составить в этом смысле всеподданнейший доклад.

28 сентября

Великий князь пригласил меня к себе и с радостью объявил, что государь вполне согласился с тем, что министры не должны докладывать по делам Совета. Его Величество изволил также изменить, согласно нашему представлению, объявленное министром внутренних дел высочайшее повеление об экспертах, подлежащих приглашению в Государственный совет по делу о понижении выкупных платежей.

Великий князь рассказал мне, что беседовал с государем о кандидатах на должность главноначальствующего на Кавказе (решено не иметь там наместника). Его высочество горячо рекомендовал бывшего своего помощника князя Святополк-Мирского, которого чрезвычайно любит и ценит. Государь, с своей стороны, решительно не согласился на это назначение, главным образом потому, что князь Мирский в родстве и свойстве со многими туземными фамилиями. Его Величество сказал затем, что ему очень рекомендуют (по всей вероятности, Игнатьев и Островский) другого кандидата — Гурко. Против этого выбора стал всеми силами великий князь, так как, по его мнению, Гурко жесток, а притом вовсе не администратор. Государь не высказался окончательно, но потом в дальнейшем разговоре произнес еще третье имя — князя Дондукова-Корсакова, который долго служил на Кавказе. Великий князь, хотя считает Дондукова за пустого человека, не решился, однако, возражать, потому что, кроме Мирского, не мог предложить никакого другого кандидата и считает Дондукова все-таки лучше, чем Гурко.

1 октября

Игнатъев и политический друг его Островский в ярости по случаю испрошенного великим князем высочайшего повеления. Со мной он почти не кланяется. Между членами Государственного совета это высочайшее повеление произвело вообще хорошее впечатление. В военном ведомстве предстоят большие преобразования. Для обсуждения их созван верховный комитет из всех высших военных начальников и некоторых других лиц, пользующихся доверием государя. Председателем назначен граф Коцебу, удалившийся на покой в Ревель. Вызвав его оттуда, Его Величество объявил графу, что остановился на нем, потому что вполне доверяет его уму, познаниям и опытности, а кроме того, вполне уверен в его беспристрастии, так как граф, всего достигший и добровольно отказавшийся от деятельной службы, ни в ком теперь не нуждается.

3 октября

Валуев обратился к великому князю с письмом, в котором просит исходатайствовать у Его Величества увольнение его от должности председателя Комитета министров, не считая возможным занимать этот пост ввиду возникшего против него обвинения в злоупотреблениях по раздаче земель. Обращение свое к посредству великого князя Валуев объясняет тем, что состоит в числе членов Государственного совета, о которых, согласно объявленной недавно высочайшей воле, никто не может докладывать государю, кроме председателя Совета. Хотя это очевидная натяжка, — Валуев мог бы сам просить государя об увольнении, — но великий князь обращением к нему доволен.

5 октября

Государь изъявил согласие на просьбу Валуева, подтвердив, что собственно в честности его нисколько

не сомневался. Преемником Валуеву назначен Рейтерн. Назначению этому я чрезвычайно рад, так как Рейтерн — один из наиболее у нас умных, благородных и образованных людей. Сам он, кажется, тоже доволен. Поздравив его сегодня с этим назначением, я спросил затем в разговоре, между прочим, об отношениях его к государю. Он отвечал, что до войны пользовался большим расположением Его Величества, тогда еще наследника престола; затем во время войны, которой Рейтерн вовсе не сочувствовал, цесаревич к нему охладел; теперь же государь очень к нему милостив и при всякой встрече тепел с ним.

Игнатьев очень доволен выбранными им по соглашению с министром финансов и государственных имуществ сведущими людьми по питейному делу.

12 октября

К Игнатьеву очень близок теперь М. С. Каханов, бывший правою рукою у Лориса. По предложению Игнатьева он назначается председателем комиссии по составлению проектов законоположений о местном управлении. Дай Бог ему успеха!

Граф П. А. Шувалов, с которым мы шли сегодня пешком по набережной, сказал мне, что он желал бы быть членом департамента законов, так как только члены департамента законов Государственного совета могут принимать деятельное участие в обсуждении дел. Общее собрание самостоятельного значения не имеет и разрешает собственно лишь разногласия, возникающие в департаментах. Такому заявлению Шувалова я очень обрадовался и просил позволения доложить о нем великому князю.

13 октября

Из сенаторов, производивших ревизию губерний, чуть ли не наиболее обстоятельно и толково произвел ее И. И. Шамшин. Он привез подробные записки по всем частям данной сенаторам программы.

Записки эти очень обдуманнны и делают Ивану Ивановичу, по моему мнению, большую честь. Основная мысль всех записок заключается в том, что мы страдаем прежде всего бездеятельностью и неумелостью, которые могут отозваться очень нехорошо. По всем частям управления Шамшиным указаны необходимые в них изменения. Все это при особом всеподданнейшем докладе (весьма толковом, но не щеголеватом и эффектном) было представлено им государю. По прочтении этого доклада Его Величество написал на нем: «Картина не отрадная, но и не новая. Заключение подлежит всестороннему заключению всех министров и касается весьма существенных и важных вопросов, которые и без того занимают в настоящее время правительство. Отдельные записки должны быть представлены в те министерства, до которых они касаются».

Шамшин, очень самолюбивый и рассчитывавший на большой успех добросовестного своего труда, совершенно поражен высочайшей резолюцией. На мои глаза, он неправ. В холодности государя Иван Иванович винит Игнатьева, вероятно, на него жаловавшегося.

14 октября

Желание Шувалова быть членом департамента законов очень обрадовало великого князя, который доложил о том государю, Его Величество изъявил согласие.

17 октября

М. Е. Ковалевский, по просьбе моей, сообщил мне копию с своего всеподданнейшего доклада о ревизии губерний Оренбургской и Уфимской. Доклад этот касается исключительно злоупотреблений по раздаче земель. Написан он превосходно, с очевидною ясностью указывая на то, как управления не только местное, но и центральное бесцеремонно обходились с преподанными правилами. Из этих правил они руководствовались только тем, что казенные

земли могут быть раздаваемы частным лицам; все же остальное, именно кому, как и на каких условиях, оставлялось без внимания и заменялось произволом к выгоде лиц, получавших земли.

20 октября

Великий князь Михаил Николаевич доброты и снисходительности чрезвычайной, но при этом, странное дело, он очень обидчив. Сегодня он спросил меня, были ли у меня эксперты, приглашенные в Государственный совет по делу о понижении выкупных платежей. Я отвечал, что были. «А меня они не удостоили своим посещением», — сказал великий князь, видимо, недовольный. Я старался успокоить его, что если эксперты не были еще у его высочества, то, вероятно, только потому, что не считали возможным явиться без предварительного доклада или представления. «Так они могли хоть записаться», — сказал великий князь. Тогда я позволил себе прямо возразить ему, что нельзя объяснить в дурную сторону поступки людей, которых мы даже не знаем, к тому же нельзя предполагать, чтобы эксперты имели какое-либо основание не желать представляться его высочеству. Для них, напротив, это не только честь, но и удовольствие, потому что всем известно, как ласково и любезно принимает великий князь всех представляющихся ему. По всей вероятности, эксперты будут просить министра внутренних дел, чтобы он их представил. Великий князь не отвечал ничего, но я видел, что подозрения его не совсем еще рассеялись. В бывшем затем заседании я намекнул экспертам, чтобы они просили графа Игнатьева о представлении их великому князю.

21 октября

О замеченной мною обидчивости его высочества рассказал я графу Шувалову, близко знающему его с детства. Он вполне подтвердил мое мнение и советовал принять это к сведению. В особенности Шувалов со-

ветовал мне быть очень осторожным с великой княгиней, так как она нрава неровного. В доказательство этого граф Петр Андреевич рассказал мне случай, бывший с ним самим.

С великим князем Шувалов, можно сказать, дружил с тех пор, как себя помнит. Когда Михаил Николаевич вступал в брак, он представил его нареченной своей невесте как одного из наиболее близких ему людей. После свадьбы Шувалов очень часто бывал у них в самом интимном обществе и всегда пользовался расположением великой княгини, несмотря на то, что позволял себе иногда говорить ей, — конечно, шуткою, — правду в глаза; между прочим, он рассказал ей за обедом, что с нею необходимо быть очень осторожным, потому что она... иногда капризна.

«Вот уж неправда, — отвечала великая княгиня, вся вспыхнув, — если я когда-нибудь буду капризна, то позволяю вам сказать мне это при всех, и я поблагодарю вас за указание». В этот раз разговор на этом и кончился.

Затем великий князь был вскоре назначен наместником Кавказа, и за отъездом великокняжеской четы частые сношения Шувалова с нею прекратились.

Раз как-то, через несколько времени, приехал с Кавказа приятель Шувалова, адъютант великого князя, кажется, князь Трубецкой. Расспросам про все, естественно, не было конца. Про Михаила Николаевича Трубецкой сообщил, что все его чрезвычайно любят и что он, в свою очередь, полюбил край и, конечно, принесет ему пользу; про великую княгиню Трубецкой отозвался, что она по-прежнему капризна; при этом он рассказал случай, бывший в Тифлисе, в один из больших праздников. Великий князь просил Ольгу Федоровну, чтобы она в этот день приняла после обедни поздравление тифлисского общества. Ее высочество согласилась. Великий князь был чрезвычайно доволен. Весь сколько-нибудь образованный Тифлис был приглашен к выходу и после того к завтраку. Все были в восторге.

В день праздника великая княгиня спокойно отслушала обедню в церкви и по окончании вышла под

руку с великим князем к собравшемуся обществу. Михаил Николаевич подходил с нею к наиболее почтенным дамам, причем великая княгиня была с первой из них очень любезна, со второю менее, третьей сказала сухо два слова, а подойдя к четвертой, обратилась к великому князю со словами: «Ich kann es nicht mehr ausstehen...»* и бегом возвратилась в свои покои. Можно себе представить положение великого князя и всех присутствовавших.

Приблизительно через год после этого рассказа великий князь и великая княгиня прибыли на некоторое время в Петербург, и Шувалов снова был приглашен к ним совершенно интимно. Раз за обедом великая княгиня, в разговоре с Петром Андреевичем, напомнила ему, что он, несколько лет тому назад, называл ее капризною, что она дала ему тогда позволение указать на какой-либо каприз с ее стороны, если бы такой случился, и что с тех пор он ни на что указать не мог; значит, обвинение было несправедливо, и он, как клеветник, заслуживает примерной кары.

Тогда Шувалов самым мягким тоном и с самою любезною улыбкою, — а он и на то и на другое удивительный мастер, — сказал ее высочеству: «Не торопитесь еще наказывать меня; я могу указать на один случай, отчасти подтверждающий справедливость моего обвинения».

«Et bien, voyons»**, — сказала, смеясь, Ольга Федоровна.

«Souvenez-vous, madame, — продолжал Шувалов, — d'une certaine reception a Tiflis et de ces paroles: Ich kann es nicht mehr ausstehen...»***.

Только что он произнес эти слова, как великая княгиня покраснела, зарыдала, бросила салфетку на стол и убежала к себе. Великий князь вышел вслед

* «Я не могу больше этого выдержать» (нем.). — Прим. ред.

** «Ну, хорошо, посмотрим» (фр.). — Прим. ред.

*** «Вспомните, ваше высочество, об известном приеме в Тифлисе и вот эти слова: „Я не могу больше этого выдержать“» (фр., нем.). — Прим. ред.

за нею и, возвратясь через несколько минут, сказал Шувалову:

«Зачем ты напомнил об этой несчастной сцене? С великой княгиней ничего не поделаешь. Она такая нервная. Как ни старался я теперь ее успокоить, ничего я достигнуть не мог. Она не выйдет... А все-таки я могу сказать, что я с Ольгой Федоровной счастлив: она прекрасная жена и отличная мать».

Некоторое время после этого случая Петра Андреевича не приглашали, но затем опала была снята, и он теперь по-прежнему свой человек у великого князя.

В заключение Шувалов возобновил мне совет быть осторожным с великой княгиней. «До сих пор она к вам благоволит, но какую-нибудь неосторожностью можно все испортить».

23 октября

Великий князь сообщил мне сегодня очень оригинальный отзыв о Н. К. Гирсе. «Своей уступчивостью западным державам он избавил Россию от войны». Трудно решить, порицание ли это или похвала.

24 октября

Абаза вернулся из отпуска. Я имел с ним короткий разговор. Кажется, ему очень хотелось бы деятельности; но он не знает, как отнесутся к нему. Он намерен присматриваться.

25 октября

Желая ближе ознакомиться с государственным архивом и с порядками, там соблюдаемыми, я поехал сегодня туда, обошел все помещение, потребовал несколько дел из разных эпох законодательной деятельности и, к удовольствию своему, убедился, что дело ведется очень хорошо. Только самое помещение из рук вон плохо. Оно не только чрезвычайно тесно и темно,

но даже небезопасно от огня: находясь в здании Сената, оно отделяется простою деревянною переборкою от квартиры смотрителя этого здания. Надеюсь, что мне удастся, наконец, получить необходимую сумму на постройку отдельного архива, в которой, по случаю военных обстоятельств, несколько раз отказывали моему предместнику.

В числе наиболее замечательных бумаг, хранящихся в архиве, мне показали довольно много рукописей императрицы Екатерины II, известное завещание императора Александра I, массу бумаг, писанных рукою Сперанского, разные записки Кочубея и т. п. Но более всего поразило меня то, что начиная с 1816 года и до конца царствования императора Александра I Павловича на так называемых мемориях Государственного совета* нет собственноручных резолюций императора. Они писаны от имени Его Величества рукою Аракчеева, причем резолюции не всегда утвердительные: иногда принимается мнение меньшинства, а иногда делаются изменения даже в единогласных постановлениях Государственного совета.

Это обстоятельство, до сих пор мне неизвестное, очень беспокоило меня ввиду неоднократно доходивших до меня слухов о том, что нынешний государь несколько тяготеет чтением пространных наших меморий. Об этом говорил мне граф Э. Т. Баранов, временно исправлявший должность председателя Государственного совета, а потом говорил и великий князь Михаил Николаевич. Хотя я принял меры к возможно сокращенному изложению меморий, но это достижимо по делам неважным; по проектам же серьезным, особенно когда в Государственном совете произойдет

* Мемории эти имеют чрезвычайно важное значение, потому что [по] ним разрешаются государем все советские дела. В мемориях излагаются извлечения как из соображений министра, внесшего дело, и из отзывов других министров, если такие были, так и из суждений департаментов и общего собрания Государственного совета. В случае разногласия в общем собрании происшедшие разные мнения излагаются в мемориях сполна.

разногласие, мемория не может быть коротка. Это навело меня на мысль о необходимости приискать такой способ, при котором не было бы для государя надобности прибегать для разрешения советских дел к помощи постороннего лица. Избави нас Бог от нового Аракчеева!

27 октября

Рассказал великому князю о виденном мною в архиве и просил доложить государю или, правильнее, спросить Его Величество, не следует ли мне в тех случаях, когда мемории наши будут очень обширны, прилагать особую докладную записку с указанием в ней дел и соображений, заслуживающих внимания.

29 октября

Великий князь сказал мне, что докладывал вчера государю о возбуждаемом мною вопросе насчет меморий. Его Величество отвечал, что мемории наши действительно бывают иногда очень объемисты, несмотря на то, что не содержат в себе особенно существенных дел. Поэтому государь был бы рад, если бы чтение меморий ему было бы облегчено.

3 ноября

Ввиду таких слов государя я приготовил для великого князя к следующему докладу коротенькую записку, в которой доложил, что на будущее время мы будем стараться излагать дела несущественные по возможности сжато, с соблюдением, однако, того необходимого условия, чтобы монарх мог иметь точное понятие о каждом подносимом к его утверждению законодательном деле.

При этом я буду прилагать к каждой мемории особую всеподданнейшую докладную записку с кратким означением всех изложенных в мемории дел и с указанием страниц, на которых они изложены;

засим, если государю императору благоугодно будет разрешить мне это, я буду означать, какие из этих дел заслуживают особого внимания. Во избежание огласки записки эти я буду составлять и переписывать собственноручно. В тех же видах желательно было бы, чтобы такие записки не были возвращаемы через собственную канцелярию Его Величества, но разрывались бы государем императором по прочтении или же возвращались бы мне, по приказанию его, в запечатанном пакете на мое имя.

В заключение я просил снисхождения к тому, что дозволил себе войти во все эти подробности. Они вызываются исключительно желанием предотвратить могущие возникнуть по настоящему предмету превратные толки.

6 ноября

На докладе моем великий князь написал, что государь изволил одобрить все мои предположения. При свидании же великий князь сказал мне, что Его Величество будет уничтожать мои записки.

8 ноября

По случаю именин великого князя Михаила Николаевича был у него большой прием с завтраком. Великий князь был со мною, по обыкновению, сердечен; великая же княгиня несколько холодна, как будто недовольна. Вероятно, кто-нибудь влияет на нее недружелюбно в отношении ко мне. Посмотрим, что будет далее.

9 ноября

Был по делам у великого князя. Между прочим его высочество сообщил мне о припадке, бывшем вчера с братом его, великим князем Николаем Николаевичем: он внезапно упал навзничь без чувств и некоторое время не мог прийти в себя. Михаил Николаевич

предполагает, что это есть последствия все еще продолжающейся связи с Числовой, очевидно, ослабляющей великого князя. К этому Михаил Николаевич прибавил: «Благодарю Бога за то, что он уберег меня. В жизни своей не имел ни одной посторонней связи».

Великий князь Константин Николаевич желал узнать в Гатчине, не будет ли неприятен приезд его к коронованию. Об этом Михаил Николаевич спросил государя при императрице, которая, услышав вопрос, поспешила сказать: «*Mon Dieu, il n'est donc pas bauni!*»*.

Вслед за тем и Его Величество ответил, что не видит никаких препятствий к приезду дяди.

16 ноября

Великий князь Михаил Николаевич сказал мне сегодня, что государь совершенно доволен составленным мною извлечением из мемории Государственного совета. Самую меморию Его Величество не читал, а только местами перелистывал.

Оказывается, что и управляющий делами Комитета министров представляет государю интимные работы. Все губернаторские отчеты отсылаются к нему для предварительного прочтения, причем он обязан отмечать те места, которые заслуживают внимания.

Князь С. Н. Урусов болен и, кажется, серьезно. У него нарыв на нижней челюсти, от которого он очень страдает. Была консультация, и решено было сделать операцию. Опасаются рака.

17 ноября

Обедал у великого князя. Ничего особенного.

Граф Игнатьев издал циркуляр губернаторам, который, по содержанию своему и направлению, точно так же мог быть подписан и Лорис-Меликовым. Победоносцев рвет на себе волосы. Я всегда говорил,

* «Боже мой, ведь он же не в ссылке!» (фр.). — Прим. ред.

что Игнатъев — тот же Лорис, только не черноволосый, а русский.

Получил вечером от государя обратно меморию. На ней уже не было прежней обычной подписи: «Читал». Замечательная честность.

А. В. Головнин сообщил мне письмо к нему великого князя Константина Николаевича из Парижа. Он живет там совершенно частным человеком, занимая небольшую квартиру; кушанье готовит кухарка; нет даже экипажа, в случае же надобности нанимается une voiture de remise*. Препровождением своим великий князь доволен, так как видит много ученых и художников и вообще находит обильную пищу уму.

22 ноября

Бедному Урусову, у которого действительно оказался рак, выпилили часть челюсти. Если он и поправится, то все-таки не в состоянии будет занимать трудную должность председателя департамента законов. Докладывая сегодня об этом великому князю Михаилу Николаевичу в присутствии великого князя Владимира Александровича, который зашел к нему в это время, я сказал, между прочим, что нужно нам подумать о том, кого просить у государя в председатели. На мой взгляд, лучше всех был бы Сольский — как по уму и образованию, так и по опытности своей в делах законодательных, наконец, и по умению жить с людьми. Но едва ли пожелает он оставить нынешний свой пост государственного контролера; по крайней мере несколько времени тому назад, когда по случаю назначения Абазы министром финансов ему предлагали пост председателя департамента государственной экономии, он от него отказался.

Великий князь Михаил Николаевич молчал, великий же князь Владимир Александрович сказал: «Да, Сольский был бы хорош... Но отчего бы не взять Ковалевского? Он — человек умный, честный и све-

* Наемная карета (фр.). — Прим. ред.

жий; кроме того, очень важно то, что он пользуется доверием государя. Его Величество остался весьма доволен произведенною им ревизиею».

Оба великих князя посмотрели вопросительно на меня. Я отвечал, что если бы мы были в несколько иных обстоятельствах, то я, не колеблясь, тотчас же примкнул бы к мысли его высочества. Я с давних пор близок с М. Е. Ковалевским и глубоко его уважаю; лучшее тому доказательство, что мною был он предложен к назначению в члены Государственного совета. Его высочество великий князь Михаил Николаевич это, вероятно, помнит (его высочество сделал утвердительный знак головою). Но со времени его назначения не прошло и года, он — младший из членов департамента законов, в числе которых есть лица очень почтенные: граф П. А. Шувалов, И. Д. Делянов, Е. И. Бреверн, К. К. Грот, Н. И. Стояновский; в общем же собрании Совета Ковалевский даже почти неизвестен. Сколько помню, он не говорил в нем ни разу. Поэтому в случае назначения Михаила Евграфовича члены департамента законов были бы несколько обижены, а в общем собрании он не имел бы необходимого авторитета. Между тем великому князю Михаилу Николаевичу, так недавно занимающему должность председателя Государственного совета, нужна в общем собрании опора. Его высочество должен иметь близ себя человека, который бы знал наши обычаи и с которым можно было бы посоветоваться в важных вопросах. Ковалевский же, при всех своих качествах, новичок в советских делах. Для моего самолюбия назначение Ковалевского было бы, конечно, очень приятно, потому что личное мое значение очень бы возросло, но оттого-то я и не желаю, так как и без того говорят, что я имею слишком большое влияние на дела Совета. Думаю, что упрек этот несправедлив, тем не менее я не желал бы подавать повода к новым нареканиям.

По моему мнению, великий князь Михаил Николаевич хорошо бы сделал, предложив на должность председателя департамента законов такое лицо, кото-

рое, соединяя в себе и другие качества, было бы хорошо известно в Государственном совете и близко знакомо с соблюдаемыми в нем порядками.

Выслушав меня, оба великих князя нашли, что я прав. Затем Михаил Николаевич спросил меня, не могу ли я указать на кого-нибудь. Я отвечал, что в настоящую минуту, кроме Сольского, не имею никого; нужно подумать. Тогда великий князь сказал: «Сольский был бы мне очень симпатичен, переговорите с ним... Если же он не согласится, то мне приятнее всех был бы барон Николаи, я близко знаю его по Кавказу и глубоко уважаю его». После этого я откланялся. На набережной встретился мне граф Шувалов и предложил мне проводить меня домой. Дорогой он сообщил мне, что граф Игнатьев везде и всюду бранит меня, что ему, вероятно, вторят многие его друзья, в том числе и Победоносцев, и Островский; нашли даже путь к великой княгине Ольге Федоровне, которая сама сообщила Шувалову о начинающейся против меня травле. «*Ce pauvre Péretz, décidément on ne veut pas le laisser en repos*»*, — сказала она. Я очень поблагодарил Шувалова за доброе его участие, прибавив, что обезоружить Игнатьева и К^о не в моей власти. Пока государь и великий князь мне доверяют, я буду спокойно оставаться на своем месте и исполнять обязанности свои по совести. Если же я увижу, что доверие ко мне поколеблено, буду просить об увольнении.

Надеюсь, что мне не откажут тогда в назначении членом Государственного совета, как не отказывали в том всем бывшим государственным секретарям.

Затем разговор перешел к самому Шувалову и к его дебюту в департаменте законов. Я очень боялся, не метит ли граф Петр Андреевич в преемники князя Урусова. К счастью, оказалось, что нет. Он сам заговорил о болезни князя Урусова и спросил меня, предполагается ли заменить князя теперь же. Я отвечал, что это было бы неудобно до наступле-

* «Бедный Перетц, его положительно не хотят оставить в покое» (фр.). — *Прим. ред.*

ния нового года, когда по учреждению Государственного совета делается распределение председателей и членов по департаментам. До этого срока остается лишь месяц с небольшим, и я не думаю, чтобы великий князь стал ходатайствовать теперь о назначении нового председателя, тем более что Урусов не просил об увольнении.

«А кто имеется в виду? — спросил Шувалов. — Не бойтесь, я не буду искать этого места. Я сознаю вполне, что не гожусь в председатели департамента законов, так как не приготовлен вовсе к этой должности, требующей большой опытности законодательной и познаний юридических, которых я не имею».

«Великий князь желал бы назначения Сольского, но едва ли он согласится на это». — «Жаль будет, если он не пойдет, — сказал Шувалов, — Сольский был бы настоящий председатель департамента законов».

24 ноября

Князь С. Н. Урусов прислал сегодня утром ко мне, убедительно прося навестить его, когда мне будет можно, для переговоров по очень важному делу. Само собой разумеется, что я отправился почти вслед за получением извещения.

Застал я князя, естественно, в постели. Верхняя часть лица его худа и бледна, но черты не изменились; нижняя же часть лица несколько обезображена операциею.

Голос Урусова довольно твердый, но произношение его, к сожалению, далеко не так внятно и явственно, как было прежде. В течение нашей беседы мне не раз приходилось просить князя повторить сказанное.

Он начал с извинений в том, что потревожил меня. Затем он сказал, что, не чувствуя себя в силах продолжать трудиться, он намерен просить государя, через посредство великого князя Михаила Николаевича, об увольнении от всех занимаемых им должностей, сопряженных с деятельною службою. Я счел обязанно-

стью просить князя не торопиться этим решением, так как, по всей вероятности, силы его возвратятся. Он покачал головой и отвечал: «Нет, они не могут вернуться. Решение мое окончательное». Я возразил тогда, что, по словам докторов, он скоро поправится. На что князь сказал: «Доктора судят о моем здоровье и силах по тому, что они выслушивают здесь (он указал на грудь); но они не знают того, что происходит тут (он приложил палец ко лбу). Без головы нельзя быть председателем и главноуправляющим. Нет, я все это обдумал зрело и решился... Мне говорили, что я могу иметь заместителей. С этим я не согласен. Je ne suis ni un roi d'Espagne, ni le prince Pierre d'Oldenbourg pour avoir des lieutenants. Philippe II etait represente aux Pays-Bas par le due d'Albe et le prince Pierre avait pour lieutenant au departement civil*, Д. Н. Замятнин. Очень прошу вас, передайте его высочеству следующие мои просьбы. Если вам угодно будет записать их, то вот карандаш и бумага». И князь произнес с расстановкою следующее:

«Усердно прошу его императорское высочество, нашего председателя, повергнуть государю императору мое ходатайство:

1) об освобождении меня от обязанностей председателя департамента законов, но не лишать меня звания члена Государственного совета, прочих званий и получаемого мною содержания;

2) уволить меня от должности главноуправляющего II отделением, причем смею предложить, чтобы окончание материалов биографии покойного Николая Павловича было поручено директору императорской Публичной библиотеки (И. Д. Делянову), так как ныне этим делом занимаются чиновники библиотеки;

3) при затруднительности устных объяснений после операции и утомлении нравственных сил мне трудно было бы подносить всеподданнейшие докла-

* Я — не король Испании и не принц Петр Ольденбургский, чтобы иметь заместителей. Филиппа II представлял в Нидерландах герцог Альба, а у принца Петра был заместитель в гражданском департаменте, Д. Н. Замятнин (*фр.*). — *Прим. ред.*

ды по императорскому Человеколюбивому обществу. Если б государь благоволил поручить эту обязанность такому же члену общества, как и я, помощнику митрополита генерал-лейтенанту Гедеонову, то это возвысило бы его положение и принесло бы пользу, так как он — единственный ответственный распорядитель по делам этого ведомства. Наконец:

4) прошу не останавливаться обсуждением вопроса о дальнейших судьбах II отделения, так как неопределенное его положение продолжаться не может».

Изложением этим князь Сергей Николаевич был видимо утомлен, и потому я поспешил его оставить, тем более что доктор, встретивший меня, когда я приехал к больному, просил меня не оставаться долее десяти минут.

Прощаясь со мной, Урусов просил меня не разглашать о нашем свидании, так как он не может никого принимать.

От Урусова поехал я прямо к великому князю и доложил ему обо всем. Его высочество просил меня обстоятельно изложить о свидании с князем на письме, для доклада государю.

25 ноября

Был у Сольского. Он очень не желает председательствовать в департаменте законов, так как пришлось бы покинуть пост государственного контролера, на котором чувствует себя совершенно на месте. Он просил меня даже сделать все, от меня зависящее, чтобы чаша миновала его. Затем Дмитрий Мартынович сообщил мне, что великая княгиня Ольга Федоровна, которую осаждают обвинениями против меня, несколько встревожена и собирает обо мне справки у людей беспристрастных, даже у дам. До сих пор отзывы были для меня благоприятные. Все это Сольский знает от жены своей Марии Александровны, которая постоянно во дворцах и в большом свете.

Заехал к Рейтерну, чтобы посоветоваться с ним о разных вопросах. Между прочим, он рассказал мне

анекдот из прежних времен. Когда в начале прошлого царствования возбужден был вопрос об освобождении крестьян, причем князю Орлову, тогдашнему председателю Государственного совета, поручено было председательствовать в особом секретном комитете по этому делу, — князь Орлов сказал своим единомышленникам, что не боится исхода: «Из этого ничего не выйдет. Володя все устроит». Володя этот — Бутков, к способностям и преданности которого Орлов питал неограниченное доверие. На деле вышло — иначе.

28 ноября

Великий князь сообщил мне при свидании, что просьба князя Урусова очень озабочивала государя. Его Величество не желал бы уволить Сергея Николаевича от деятельной службы, так как питает к нему большое доверие. Государь готов облегчить эту службу, освободив князя от управления II отделением и от трудов по истории царствования Николая Павловича; попросить его остаться председателем департамента законов и докладчиком по делам Человеколюбивого общества. Его Величество готов и по этим двум обязанностям дать Урусову время для отдыха и поправления сил. Государь поручил его высочеству лично передать все это от его имени князю Урусову.

3 декабря

На днях будет 50-летний юбилей службы члена Государственного совета Корнилова. По принятому порядку, представлена была государю памятная об этом записка с тою целью, не благоугодно ли будет Его Величеству пожаловать юбиляру какую-либо награду. Государь заметил по этому случаю, что Корнилов недавно получил чин действительного тайного советника. Поэтому Его Величество не признал возможным дать ему следующую награду (бриллиантовые знаки на орден св. Александра Невского). Вообще го-

сударь против раздачи массы наград: в прошлое царствование эксплуатировали в этом отношении, как и во многих других, доброту покойного императора.

Ввиду такого решения великий князь сказал Его Величеству, что в день юбилея не следует ли ему поехать к Корнилову и поздравить его от имени государя, а также поблагодарить от Его Величества за 50-летнюю верную службу. Государь разрешил это. Замечательный такт у великого князя Михаила Николаевича.

19 декабря

К новому году бывают обыкновенно назначения новых членов Государственного совета. Как предместник мой Сольский, так и я считали своей обязанностью приискивать и представлять на благоусмотрение великого князя председателя полезных кандидатов для освежения наших сил.

При нежелательности пополнять Государственный совет преимущественно и почти исключительно отставными министрами и послами, из которых первые уже устали и не могут работать, а вторые во все не знают внутреннего строя России, или же высокопоставленными придворными и военными чинами, так как и те, и другие не особенно сведущи в делах законодательных, — обыкновенным источником, из которого черпали мы новых членов, был Сенат. Нет сомнения, что в числе сенаторов есть люди очень умные и образованные и притом трудолюбивые; но таких лиц в Сенате, как и везде, не особенно много, а между тем не следует чересчур ослаблять и Сенат, которому также очень нужны дельные и свежие силы. С другой стороны, в числе членов Государственного совета наряду с опытными администраторами и судьями, проводившими почти весь век в деятельности кабинетной, очень желательно было бы иметь и людей, практически знающих русскую жизнь в губерниях и уездах.

Все это навело меня на мысль, нельзя ли предложить к назначению в члены Государственного со-

вета кого-либо из сведущих людей, заседающих теперь в Петербурге в особых комиссиях при министерствах внутренних дел и финансов по вопросам о крестьянских переселениях и о преобразовании питетной системы. Сведущие люди эти — большею частью предводители дворянства, губернские и уездные, председатели земских управ, городские головы и т. п. выборные должностные лица. Трудность привлечения их в состав высшего государственного учреждения заключалась бы в том, что Государственный совет состоит исключительно из лиц, весьма высокопоставленных в служебной иерархии, причем назначение в их среду человека, имеющего положение весьма скромное, могло быть несколько оскорбительным для сановников, а потому и было бы встречено ими враждебно. При таком же настроении успех предполагаемого освежения Совета был бы заранее скомпрометирован.

По счастью, в числе экспертов есть лица высокопоставленные — Г. П. Галаган и князь Щербатов. Первый из них — прилуцкий предводитель дворянства (Полтавской губернии), второй — московский городской голова; оба они люди весьма достойные и принадлежащие к лучшему обществу. На первый раз мне казалось желательным начать с одного только лица, именно с Галагана, который уже тайный советник и имеет несколько звезд; следовательно, со стороны собственно чиновной препятствий не было. Затем, жена его — рожденная Кочубей и потому сродни всему высшему свету; наконец, Галаган имеет очень хорошее состояние, а это никогда не мешает. В отношении нравственном трудно было бы приискать лицо, более подходящее.

Репутация Галагана безупречная. При возбуждении вопроса об освобождении крестьян он был членом полтавского губернского комитета, а потом и центральной редакционной комиссии; и здесь, и там он горячо стоял за наделение крестьян землею, несмотря на то, что это должно было неблагоприятно отозваться на собственном его состоянии. По обнару-

довании закона 19 февраля 1861 года он пошел в мировые посредники и остался в этой должности все горячее время; затем, с тех пор и до настоящей поры, т. е. около двадцати лет, он был уездным предводителем дворянства и много способствовал хорошей постановке земских учреждений в своей местности.

Кроме того, Галаган известен и с точки зрения благотворительной. По смерти единственного сына, 16-летнего юноши, он учредил в память его так называемую коллегию Павла Галагана — учебное заведение в Киеве, на правах гимназий, устройство и содержание которого стоило и стоит ежегодно больших денег. Наконец, Г. П. Галаганом пожертвовано еще большое имение для устройства в нем ремесленного училища для крестьянских детей.

Когда прошедшею осенью созвано было в Петербурге совещание сведущих людей для обсуждения указанных мною выше двух важных вопросов (переселенческого и питейного), Григорий Павлович был признаваем одним из столпов этого совещания, и при открытии заседаний он почти единогласно избран был товарищами в председатели совещания по переселенческому вопросу.

Ввиду этого мне казалось, что в настоящем случае Галаган — человек вполне подходящий. Посоветовавшись с Сольским, который очень одобрил как основную мысль, так и выбор Галагана, я доложил обо всем, с полною откровенностью, великому князю Михаилу Николаевичу, несколько опасаясь, что предполагаемое мною новшество будет ему не совсем по душе. К великой моей радости, его высочество не только не встретил никаких затруднений, но даже вполне усвоил себе мысль о желательности освежения Государственного совета посредством назначения нескольких членов не из чиновников и старых генералов. Тогда я попросил у великого князя разрешение, предварительно доклада им этого вопроса государю, переговорить с графом Игнатьевым, так как он мог бы оскорбиться тем, что мы без его ведома отнимем его эксперта, приглашенного по его инициативе.

Вежливость и осторожность с Игнатьевым тем более необходима, что отношения наши натянуты. Великий князь очень хорошо понял это.

Был у Игнатьева. Он в восторге от нашего предположения (это понятно, так как оно придает огромное значение совещанию сведущих людей) и наговорил мне массу любезностей. Со стороны можно было бы подумать, что мы сердечные друзья. Игнатьев предложил мне доложить государю о желательности назначения Галагана членом Государственного совета, но я поблагодарил его и сказал, что так как мысль о сем принадлежит великому князю, то желательно оставить за ним и почин в этом деле.

В случае же каких-либо сомнений со стороны государя, его высочество сошлется на графа Николая Павловича, и тогда он может помочь нам. На этом мы и остановились.

23 декабря

Государь принял предположение о назначении Галагана очень милостиво. Великий князь этим чрезвычайно доволен. Зато вышла неприятность по отношению к Шувалову.

Хотя Его Величество, согласно данному уже прежде разрешению, и не встретил препятствий к назначению его в состав департамента законов, но сказал при этом, что пользы от Шувалова не ожидает, так как он собственно не русский, а космополит. Великий князь полагает, что Игнатьев оказал Шувалову дружескую услугу, очернив его в глазах государя.

1882 год

3 января

Все это время был очень занят и мало кого видел. Назначение Галагана, опубликованное третьего дня, произвело большое впечатление, — в общем благоприятное.

Говорят, Игнатъев присваивает эту мысль себе. Бог с ним!

Победоносцев, с которым встретился сегодня, как будто бы тоже доволен этим назначением, по крайней мере, отнесся к Галагану скорей с похвалой, чем с горечью. Свидание наше не обошлось, однако, без некоторой неприятности.

«Нехорошо, Егор Абрамович, — сказал он, — что государственная канцелярия переполняется журналистами. Нельзя в Государственном совете сказать задушевного искреннего слова без того, чтобы оно тотчас же сделалось всем известным. Государственный совет есть совет государя, не учреждение гласное, вроде новых судебных мест или земских учреждений.

...Благодаря этим журналистам, в газетах постоянно печатается, какие дела слушаются в Совете и что по ним решено...»

«Обвинение ваше едва ли справедливо, — отвечал я. — Никакими журналистами государственной канцелярии я не переполнял. Будьте так добры, назовите их».

«Помилуйте, да их масса: Краевский, Семевский, Пятковский...»

«Позвольте мне, Константин Петрович, ответить о каждом из них отдельно.

Краевский — не журналист, а только сын журналиста и притом не имеющий с отцом ничего общего. Не только он не участвует в редакции „Голоса“, но даже нелюбим отцом, и в доме его почти не бывает.

Притом Краевский определен не мною, а лет двадцать тому назад покойным В. П. Бутковым, потом служил при государственных секретарях князе Урусове и Сольском, наконец, при мне, и всегда считался очень хорошим, скромным чиновником. Занимался он всегда по сметной собственно части, а не по делам законодательным».

«Ну, положим, Краевский, а Семевский и Пятковский?».

«Семевский тоже не может быть признаваем журналистом: он издает, правда, „Русскую старину“, но дел современных, а следовательно, и суждений Государственного совета он не касается. С самого учреждения Главного комитета о сельском состоянии, т. е. тоже со времен бутковских, он служил в канцелярии этого Комитета и считался там очень полезным своими историческими познаниями. Впрочем, говорить о нем нечего, потому что с закрытием Главного комитета в прошедшем году Семевский уволен вместе с большею частью чинов комитетской канцелярии...»

«Знаю, знаю...» — сказал с некоторым неудовольствием Победоносцев.

«Наконец, Пятковский, никогда прежде журнальным делом не занимавшийся; когда же он задумал издавать „Наблюдателя“, то я объявил ему, что в качестве редактора ежедневного издания ему нельзя оставаться в государственной канцелярии. Он очень хорошо понял это и покинул нас».

«Так скажите на милость, как же проникает в газеты все происходящее в Государственном совете? Верно, другие служащие имеют с газетчиками связи?»

«Не думаю, большинство служащих в государственной канцелярии — люди очень порядочные, и едва ли станут они нарушать основное, постоянно внушаемое им правило о неразглашении происходя-

щего в стенах Совета. По всей вероятности, рассказывают о наших заседаниях сами члены; по субботам, т. е. вслед за заседанием соединенных департаментов, многие из них ездят в английский клуб и, конечно, говорят о том, что происходило в Совете. Это очень естественно, и уберечься от этого нельзя».

Победоносцев не возражал, но он, видимо, не убедился моими ответами. Я уверен, что при первом удобном случае он будет жаловаться всем власть имущим, начиная с самого государя, что государственная канцелярия переполняется журналистами и что в Совете нельзя сказать ни одного задушевного искреннего слова.

11 января

Адмирал Шестаков назначен управляющим Морским министерством. Говорят, государь очень доверяет ему. Сблизил Шестакова с Его Величеством граф Воронцов-Дашков.

А. В. Головнин сообщил мне письмо к нему великого князя Константина Николаевича, который чрезвычайно доволен назначением Галагана и спрашивает, каким путем состоялось такое необычайное назначение. Я отвечал, разумеется, что почин в этом вопросе принадлежит великому князю Михаилу Николаевичу, но что предварительно доклада государю его высочество поручил мне переговорить с графом Игнатьевым, который и с своей стороны выразил этой мысли полное сочувствие.

По случаю назначения Шестакова Головнин рассказал мне, что он был долгое время адъютантом и даже любимцем великого князя Константина Николаевича, но что потом был отчислен по случаю серьезных неудовольствий с управляющим Морским министерством Н. К. Краббе. Александр Васильевич считает Шестакова очень способным, но несколько заносчивым, и характера очень тяжелого.

Головнин передал мне также, что великая княгиня Александра Иосифовна спрашивала про меня

и недовольна тем, что редко у ней бываю. Советовал поехать в одно из ближайших воскресений в Мраморный дворец к обедне.

12 января

С конца декабря были у нас совещания о дальнейших судьбах II отделения Собственной Его Величества канцелярии. Князь С. Н. Урусов до болезни своей внес представление о присоединении его к государственной канцелярии. При рассмотрении этого представления в особом совещании под председательством великого князя Михаила Николаевича (участвовали: Рейтерн, гр. Баранов, Сольский, Набоков, Старицкий, товарищ князя Урусова сенатор Маркус и я) я восстал всеми силами против такого присоединения, так как государственному секретарю и без того довольно дела. Между тем кодификация имеет большую важность, и желательно издать, наконец, свод законов, очищенный от всего того, чем переполнился он со времени Сперанского. Меня поддержал Сольский. Все присутствовавшие согласились с таким взглядом. Поэтому признано нужным назначить в кодификационный отдел особого начальника из членов Государственного совета; найдено также необходимым освободить отдел от консультативной деятельности по законодательным вопросам, на которую уходит большая часть времени служащих в нынешнем II отделении. Таким образом, в будущем оно должно сосредоточить все свои силы на возможном усовершенствовании свода законов.

13 января

Был у меня сегодня с официальным визитом новый управляющий Морским министерством адмирал Шестаков. Он просидел у меня довольно долго, и разговор, естественно, коснулся великого князя Константина Николаевича. Шестаков с жаром

говорил про великого князя, восхищаясь его чрезвычайно многосторонним умом, замечательным образованием и желанием добра. «Пока великий князь сам занимался морским ведомством, он сделал очень много хорошего; но затем, когда его высочество послан был наместником в Царство Польское, а потом был назначен председателем Государственного совета, — все переменилось. Номинально всем заведовал по-прежнему великий князь, в качестве генерал-адмирала, а в действительности все делалось по распоряжениям управляющего министерством Краббе, человека пронырливого и сумевшего вкратиться в доверенность Константина Николаевича. Этот Краббе, — заключил Шестаков, — был злым гением великого князя, он развратил наш флот, он же и уничтожил его... Будучи адъютантом его высочества, я позволял себе откровенно высказывать мое мнение о Краббе; но понятно, что одолел не я, и меня спустили».

13 января³²

На должность главноуправляющего кодификационным отделом предполагается Е. П. Старицкий, человек очень умный и заявивший себя с лучшей стороны в Государственном совете при рассмотрении многих серьезных дел. Кроме того, он обладает чрезвычайным трудолюбием. Благодаря ему приведены в ясность в высшей степени запутанные расчеты с подрядчиками во время минувшей войны. Вследствие того сбережено казне от 15 до 20 миллионов рублей. Подрядчики подъезжали, конечно, через третьих лиц, как к самому Старицкому, так и к жене его, предлагая им до двух миллионов; но понятно, что это не подкупило высококачественного человека. Заслуги Старицкого очень ценятся государем. Его Величеству угодно было пожертвовать Егору Павловичу за труды по комиссии пожизненную пенсию в размере четырех тысяч рублей.

15 января

Дело о злоупотреблениях по раздаче земель в Оренбургском крае окончательно решено.

Валуев, по собственной его просьбе уволенный от должности председателя Комитета министров, оставлен в нынешнем его положении, т. е. членом Государственного совета. Генерал-губернатор Крыжановский уволен от должности без прошения, а князю Ливену государь приказал подать прошение об увольнении от звания члена Государственного совета. На мою долю выпала неприятная обязанность пригласить его для объяснений по этому предмету к великому князю. Ливен был очень сконфужен и старался выпытать у меня, что именно сообщает его высочество. Я не считал себя вправе посвящать его в какие-либо подробности и ограничился предварением, что объяснение будет касаться пожалования ему земли в Оренбургском крае.

16 января

Был у обедни в Мраморном дворце. Великая княгиня Александра Иосифовна была очень милостива и оставила завтракать. Разговор шел преимущественно о великом князе, которого великая княгиня, несмотря на связь его с Кузнецовой, по-прежнему горячо любит. Она интересуется малейшими подробностями, касающимися ее супруга, и превозносит его таланты.

18 января

По случаю назначения Галагана газеты исполнены восторженными статьями. Статьи эти внушены главным образом желанием, чтобы, по примеру Галагана, в Государственный совет привлечены были и другие общественные деятели, между прочим, литераторы и журналисты; указываются даже имена Тургенева, Островского и Каткова. Так как в газетном этом

перезвоне руководящим органом явилось «Новое время», вдохновляемое графом Игнатьевым, то должно думать, что статьям этим он сочувствовал.

К. К. Грот, почти самостоятельно заведующий тюремною частью, оставшеюся, однако, в Министерстве внутренних дел, очень жалуется на графа Игнатьева. По его словам, последний, не имея времени вникать в суть объясняемых ему серьезных вопросов, только смеется и шутит и, как угорь, ускользает от обстоятельных суждений; а затем просит оставить у него самое дело и, в конце концов, дает ему направление, во все несогласное с мыслями настоящего хозяина, т. е. Грота. «Всею виною человеческого властолюбие», — повторял он мне несколько раз. Не думаю, чтобы Грот остался в этом странном, двусмысленном положении: он человек с характером.

20 января

Опять статья «Нового времени» о назначении Каткова членом Государственного совета. Между тем Катков, с обычною ему страстностью и резкостью, написал обвинительную статью против министра народного просвещения барона Николаи и, через Победоносцева, представил ее государю. Его Величество передал эту статью барону для представления объяснений. Николаи очень этим обижен и говорит, что министру не подобает оправдываться от нападок журналистов. По всей вероятности, он будет просить об увольнении.

Станный человек Победоносцев. Давно ли рекомендовал он государю Николаи и упрашивал последнего принять пост министра, которого барон вовсе не желал? Теперь тот же Победоносцев, помимо Николаи, представляет государю чуть не донос на него.

По докладу графа Игнатьева и Набокова, посылается в Прибалтийский край сенаторская ревизия. Ревизирующим сенатором назначен Н. А. Манассеин, ненавидящий баронов. Ревизия эта будет иметь, по всей вероятности, серьезные последствия для края.

24 января

Катков, по представлению графа Игнатьева, даже без ведома министра просвещения, произведен в тайные советники за заслуги по народному образованию. Замечательная бесцеремонность!

Не менее бесцеремонно действует Игнатьев по части иностранной политики. В «Правительственном вестнике», издаваемом при Министерстве внутренних дел, помещена статья, оскорбительная для Австрии. Гире в отчаянии. В «Новом времени» помещена заметка о том, что Каткову предложено было звание члена Государственного совета, но что он отказался. Вероятно, опять шашни Игнатьева. Заметка эта произвела в Государственном совете очень неблагоприятное впечатление.

25 января

Был поутру у великого князя и обратил его внимание на заметку «Нового времени» о Каткове, доложив при этом, что многие члены Государственного совета оскорбляются ею: до сих пор звание члена высшего этого учреждения давалось в награду за долголетнюю полезную службу на том или другом государственном поприще, и вдруг этим званием пренебрегает журналист, конечно, очень талантливый, но которому высокого звания этого никто и не думал предлагать. Его высочество принял такое нахальство очень к сердцу, недоумевая, однако, можно ли что-нибудь сделать.

Я предложил доложить государю о необходимости напечатать опровержение в «Правительственном вестнике». Великий князь согласился.

В Совете было, под председательством его высочества, довольно неприятное совещание из министра юстиции, Победоносцева, князя Долгорукого и меня, по случаю испрошенного Долгоруким высочайшего повеления о пересмотре в Сенате недавно состоявшегося в нем мнения по одному гражданскому делу. Долгорукий, всегда резкий и неприятный, при

деловых объяснениях был чрезвычайно упрям и отстаивал право статс-секретаря у принятия прошений представлять подобные доклады Его Величеству. Все остальные члены совещания были иного мнения. Вопрос тут не только в достоинстве Государственного совета, но и в ограждении прав частных лиц. После нескончаемых мытарств спорное дело доходит до Сената и обсуждается в одном из его департаментов, а в случае разногласия — в общем собрании Сената, из которого в исключительных случаях переносится в Государственный совет. Казалось бы, что решение его, подносимое на высочайшее утверждение, должно быть окончательным, и вдруг все это может быть ниспровергнуто по докладу статс-секретаря, за спиною которого действует какой-нибудь делопроизводитель, может быть, пристрастный к той или другой стороне. Решено представить спорный вопрос на благоусмотрение Его Величества. Думается мне, что князь Долгорукий сломит себе шею, тем более что в последнее время он уже не раз делал разноречивые сумасбродные промахи.

27 января

Обедал у Сольского. В сущности, он одобряет настойчивость мою по отношению к Игнатьеву, но говорит при этом, что я могу за нее поплатиться, так как Игнатьев в большой милости и, по всей вероятности, будет наговаривать на меня государю.

По возвращении домой, нашел извещение от великого князя о том, что государю угодно было разрешить напечатание в «Правительственном вестнике» опровержения о Каткове, причем Его Величеством одобрен и самый текст опровержения.

28 января

Зная Игнатьева, я принял всевозможные меры предосторожности при сообщении ему высочайшей воли о напечатании опровержения: собственноручно напи-

сал и запечатал бумагу, записал ее в рассылную книгу и поручил доставление пакета самому толковому из наших курьеров, приказав ему, чтобы он вручил пакет самому министру и привез мне его расписку в книге; если же ему скажут, что графа нет дома или что он не принимает, — то оставался бы у него в передней хотя бы до поздней ночи.

Курьер, отправленный утром, возвратился только в восьмом часу вечера с распискою графа Игнатьева. По словам курьера, министр не хотел сначала принимать пакета, а принял его только тогда, когда ему было доложено, что курьер не смеет уехать.

29 января

Не найдя нашего опровержения в сегодняшнем номере «Правительственного вестника», я думал, что, может быть, оно будет напечатано завтра; вдруг, часов около 2-х, получаю я официальное извещение от графа Игнатьева о том, что опровержение не может быть напечатано по многим причинам: во-первых, текст его, приложенный к моему сообщению, хотя и написанный мною собственноручно, не подписан мною; во-вторых, в тексте этом есть различные пробелы, даже неточности, так, например, не указан номер «Нового времени», в котором заметка была напечатана, а Катков назван редактором «Московских ведомостей», тогда как, с разрешения его, министра внутренних дел, он освобожден от этого звания.

С письмом этим я немедленно поехал к великому князю. Его высочество был поражен им очень неприятно; тем не менее он сказал, что, делать нечего, надобно исправить неточности, указываемые Игнатьевым. Я отвечал, что, конечно, поступлю так, как угодно будет его высочеству, но что, по моему мнению, едва ли следует уступать Игнатьеву, потому собственно, что выражения его — чистая придирка, не имеющая смысла.

«Согласен с вами, — сказал великий князь, — но ссориться с Игнатьевым очень неприятно; он пользует-

ется чрезвычайным доверием у государя. Это чуть не Аракчеев». Тогда я заметил, что, строго говоря, мы даже не вправе изменять текста, утвержденного Его Величеством, — сам же Игнатъев будет обвинять нас в свое время, а представлять вновь редакцию, из-за таких мелочей, на усмотрение государя было бы чрезвычайно неудобно.

Великий князь нашел мои замечания правильными и, подумав немного, сказал: «Сделайте одолжение, съездите сами к Игнатьеву и переговорите с ним; может быть, вы его убедите. Знаю, что поездка эта вам будет неприятна, но, для избежания новых дразг, не откажите мне в этой услуге».

Делать было нечего, я поехал. Игнатъев принял меня сухо, более чем официально.

«Ваше превосходительство, вероятно, желаете объясниться со мной насчет сегодняшнего моего письма», — сказал он.

Я отвечал, что действительно так. Затем я прибавил, что так как высочайшее повеление о напечатании опровержения было испрошено его высочеством председателем Государственного совета, то я счел долгом представить великому князю о затруднениях, встречаемых графом. Его высочество поручил мне объясниться с ним.

«К сожалению, ничего нового я не могу вам сказать. Как я писал вам, опровержение в нынешнем его виде не может быть напечатано: в нем не указан номер «Нового времени», затем Катков назван редактором «Московских ведомостей», тогда как на прошлой неделе он освобожден мною от редакции; наконец, текст опровержения никем не подписан, и я не имею уверенности, что это тот самый текст, который одобрен Его Величеством».

Меня корбило, но я сдерживался. Когда Игнатъев кончил, я сказал довольно спокойным тоном, что мне неизвестно, чтобы существовало правило об указании номера повременного издания, статья которого опровергается, и мы постоянно читаем в «Правительственном вестнике» опровержения без по-

добного указания. С какой же стати требовать его в настоящем случае? Далее, если Катков и освобожден от редакторства, то это никому не известно, так как об этом опубликовано не было, между тем газетная заметка, против которой мы возражаем, говорила о Каткове вовсе не как о газетном человеке, а именно как о даровитом редакторе одного из наиболее распространенных изданий. Наконец, если текст высочайше одобренной редакции мною и не подписан, то едва ли нужно это, потому что и редакция, и письмо, при котором она была сообщена, писаны мною собственноручно, и не может быть никакого сомнения в том, что это та самая редакция, о которой говорится в письме.

«Нет, извините меня,— сказал Игнатъев,— сомнение очень возможно. Одно приложение всегда может быть заменено другим, и коль скоро оно не подписано, нельзя знать, которое настоящее».

«Извините меня, граф,— сказал я взволнованно,— мне кажется, что подобные предположения недостойны порядочных людей».

«О порядочности тут нет и речи. Вопрос идет исключительно о деловом вопросе, а в вопросах этого рода нужно быть осмотрительным. Ну, что, если я напечатаю ваше опровержение, а вы вдруг потом от него откажетесь?...»

Меня это взорвало. Я вскочил с своего кресла и, направляясь к двери, произнес:

«После этого мне трудно продолжать объяснения, для которых я приехал. Скажу только одно: я не имею привычки лгать и отрекаться от своих слов».

Игнатъев тоже встал и, быстро подойдя ко мне, взял меня за руку. «Какой же вы горячий,— сказал он.— Я вовсе не имел намерения вас обидеть. Пожалуйста, не сердитесь и поговоримте спокойно».

Как ни было мне это неприятно, но я вернулся к своему месту. «Будемте говорить совершенно откровенно,— продолжал Игнатъев.— Вы желаете моего содействия в настоящем вопросе, а между тем вы сами на каждом шагу делаете мне неприятности. Вы посто-

янно противодействуете мне в Государственном совете. Это говорят мне с разных сторон, и в этом я сам убедился. Вы нам, — т. е. мне и моим друзьям, — во всем помеха».

«Слишком много для меня чести. Я вовсе не имею такого значения. Но позвольте спросить вас, граф, в чем же проявляется мое противодействие? Я просто исполняю свои обязанности. Если некоторые из моих действий и были вам неприятны, то вы сами вызывали их нарушением прав Государственного совета, которые я должен отстаивать. Напротив того, в некоторых других случаях я помогал вам. Вспомните, например, дело о понижении выкупных платежей; вспомните столь недавнее назначение Галагана, за которое вы тогда так меня благодарили...».

«Все это прекрасно, — прервал Игнатъев. — А назначение Шувалова в департамент законов? Разве вы не знаете, что с Шуваловым мы искони политические враги. Наши взгляды и убеждения совершенно различны, и никакого примирения между нами быть не может. И вдруг вы сажаете его в департамент законов, где рассматривается большая часть моих представлений. Понятно, что они часто проваливаются».

«Извините меня, некоторые представления ваши не проходят в Государственном совете вовсе не потому, что в департаменте законов заседает граф Шувалов. Очень часто они бывают составлены наскоро и недостаточно разработаны. Решает дела не один Шувалов, а целая коллегия, на которую он не имеет, да и не может иметь подавляющего влияния. В департаменте законов сидят люди знающие и самостоятельные... К тому же не я назначал Шувалова. Назначал его государь император по докладу великого князя. Правда, что великому князю доложил я о желании графа Петра Андреевича быть членом департамента законов. Но мог ли я не сделать этого? Согласитесь, что граф Шувалов прежде всего умный человек, затем он имеет некоторую опытность, так как долгое время был в центре дел. Теперь он сидел, сложа руки, и желал работать. Неужели же мы так богаты людьми, чтобы пре-

небрегать подобными силами? Вы жалуетесь, граф, что представления ваши часто не проходят; а между тем вы сами редко ездите в Совет и посылаете вместо себя своего товарища Готовцева, который, между нами будь сказано, часто не знает дел. Если вы придаете значение какому-либо представлению, то приезжайте сами...»

«Не ездил и не буду ездить... скажу вам более, — я не буду даже вносить представления в Государственный совет, а буду вносить их в Комитет министров. Вы скажете, что это незаконно... Может быть. А все-таки, в случае надобности, можно прибегать к Комитету, испрашивая утверждения временных только правил...» И Игнатьев расхохотался.

«В этом я препятствовать вам не могу. Это ваше дело, граф. Скажу только, что Бог весть еще, будет ли Комитет утверждать все ваши временные правила... Но, как мне кажется, — сказал я, вставая, — мы несколько уклонились от предмета, для которого я приехал. Сколько я мог понять, вы признаете необходимым, чтобы текст опровержения о Каткове был подписан мною. Как это ни странно для меня, но я готов исполнить ваше желание. Не позднее, как через час, много через два, вы получите другой экземпляр текста, подписанный мною и с означением на том же листе, что текст этот удостоился высочайшего утверждения. Прежний же экземпляр вы благоволите мне возвратить».

«Возвращу непременно, — сказал Игнатьев. — За присылку же подписанного текста буду очень вам благодарен. Мне нужен документ... не для себя, а для Гатчины... Вы Гатчины не знаете: сегодня там так, а завтра иначе... Когда опровержение будет напечатано, Катков озлится, прискачет сюда, начнет жаловаться всюду, начиная с Победоносцева, а пожалуй пробьется и к самому государю... Тогда спросят меня, а я спокоен, — у меня до-ку-мен-тец». И Игнатьев опять расхохотался.

Я не отвечал ничего; только поклонился, желая уезжать.

«Да куда же вы торопитесь, милейший Егор Абрамович, — сказал Игнатьев, удерживая меня. — Поси-

дите еще минутку. Мне нужно побеседовать с вами... Скажите на милость, что вам в этом Каткове? Ну, какой он член Государственного совета?.. Он — мальчик, и больше ничего. Велика важность, что газеты пишут о его назначении. Можно ли верить газетам, и кто им верит? Скажите, пожалуйста, отчего вы так привязались к этому Каткову? Ведь не о нем одном говорили, что он назначается в Государственный совет. Говорили об Островском, брате моего приятеля, о Тургеневе».

«На это я отвечу вам охотно, граф. Между Катковым и другими двумя названными вами лицами — огромная разница: об них писали, что они назначаются членами Государственного совета, а о Каткове было сказано, что ему предложено было это звание и что он от него отказался. Это последнее обстоятельство оскорбительно для Государственного совета и для его членов. Вот почему мы и настаиваем на опровержении».

«Теперь я понимаю, — сказал Игнатъев. — Вы совершенно правы. Опровержение необходимо, и оно будет напечатано в завтрашнем же номере «Правительственного вестника». Положитесь на меня. Только, пожалуйста, пришлите мне другой экземпляр текста, за вашею подписью. Мне нужен документец...»

И опять хохот.

От Игнатьева я поехал в государственную канцелярию и, отправив к нему желаемую им бумагу, явился к великому князю. После свидания с Игнатьевым я был так расстроен, что едва был в силах рассказать его высочеству последовательно и подробно весь наш разговор. Когда я кончил, со мной сделался от волнения нервный припадок. Великий князь испугался, уговорил меня лечь на диван, побежал к великой княгине, принес от нее воды с *fleur d'orange*³³ и всячески успокаивал меня, убеждая не принимать к сердцу всех этих дрызг.

Оправившись, я доложил великому князю, что далеко не уверен в том, что завтра опровержение будет напечатано.

«Не может быть, — сказал его высочество. — Это было бы просто подло. Ведь он же сам признал наше опровержение необходимым и обещал вам напечатать его».

«Действительно так. Но ведь у графа Игнатьева приемы своеобразные».

«Ну, если в завтрашнем номере опровержения не будет, я тотчас же поеду в Гатчину и расскажу все государю».

Я откланялся и уехал домой.

30 января

Предчувствие меня не обмануло. В «Правительственном вестнике» опровержения нет. Взявши затем «Новое время», я ахнул от удивления. На видном месте помещено в нем письмо Каткова, в котором [он] выражает сожаление по поводу распущенных на его счет слухов, не имеющих ни малейшего основания: звание члена Государственного совета никогда не было ему предлагаемо, а потому он и не имел возможности отказать от столь высокой чести.

Теперь мне ясно все. Игнатьев надул меня гениально. Выведав от меня, в чем именно заключается главная причина нашего неудовольствия, он написал это письмо от имени Каткова в редакцию «Нового времени», может быть, снесшись по телеграфу с Катковым.

Сам же Катков не имел физической возможности в столь короткое время прислать письмо из Москвы.

Таким образом Игнатьев достиг своего — опровержение уже не нужно. Ввиду этого я немедленно отправил «Новое время», отчеркнув в нем письмо Каткова, к великому князю; но посланный мой не застал уже его высочества, так как Михаил Николаевич уехал в Гатчину.

Мы почти проиграли сражение. Думается мне, однако, что и Игнатьев не может считать себя победителем. Ему не удалось провести Каткова в члены Государственного совета. Что такова была его цель, — более чем вероятно. Иначе к чему было производить

его почти тайком в тайные советники, а в особенности к чему было снимать с него, тоже тайком, редакторство «Московских ведомостей», когда в действительности он оставался их редактором?

31 января

Великий князь рассказал мне подробно о поездке своей. Прибыв в Гатчину и будучи приглашен в кабинет государя, его высочество уже застал там Игнатьева (он прибыл с первым поездом).

Его Величество, поздоровавшись с великим князем, сказал ему, что министр внутренних дел только что докладывал, что опровержение, о котором просил великий князь, едва ли уже нужно, так как сам Катков опроверг распускавшиеся слухи. При этом государь указал в «Новом времени» письмо Каткова.

Положение великого князя было очень трудное. Не настаивая на прежнем опровержении, он сказал, однако, что его удивляет образ действий министра внутренних дел, который в течение двух суток противился исполнению высочайшей воли, и что, по мнению его высочества, полезно было бы все-таки поместить в «Правительственном вестнике» опровержение в том смысле, что все печатавшиеся в последнее время предположения о назначении новых членов Государственного совета не имеют основания. Игнатьев хотел возражать, но государь остановил его, сказав, что находит это полезным и поручает Игнатьеву исполнить.

Затем он был отпущен, а великий князь остался завтракать.

Был у М. Х. Рейтерна и, рассказав ему сцену мою с Игнатьевым, предварил о намерении последнего вносить законодательные дела под видом правил временных в Комитет министров.

«Будьте спокойны, — отвечал Михаил Христофорович, — этого я не допущу. Из Комитета министров все подобные дела будут передаваться в Государственный совет».

1 февраля

Игнатъев был вчера у великого князя для объяснения по поводу нашего столкновения. Начал он очень развязно, но великий князь дал ему почувствовать неприличие его поступков, и хотя очень знаком с ним с детства (они детьми играли вместе, и Михаил Николаевич говорил ему вследствие того «ты»), его высочество стал титуловать его «ваше сиятельство» и «вы, милостивый государь». Тогда Игнатъев переменил тон, заявляя, что одного желанья великого князя было бы достаточно, и даже без доклада государю все было бы улажено. «Во всем виноват государственный секретарь, — прибавил он. — Вместо того чтобы дружески переговорить со мною, Егор Абрамович поднял целую историю и так у меня распетушился, что я не знал, что с ним делать».

«Я слишком хорошо знаю Егора Абрамовича, чтобы этому верить, — ответил великий князь. — Он всегда предпочитает дружеские объяснения, но вы не хотели дружить с нами».

Игнатъев на минуту смутился и сказал, что ему больно, что великий князь так мало ему доверяет, что он, с своей стороны, был всегда предан его высочеству и всегда готов доказать это на деле. При этом Игнатъев поцеловал великого князя в плечо.

«Тогда я смягчился, — продолжал великий князь, — и, взяв его за руку, сказал ему дружески: „Любезный Игнатъев, ты играешь в плохую игру. Ты идешь еще несравненно далее, чем Лорис-Меликов. Ты воображаешь себя новым Аракчеевым. Это дурная система — ты раздражаешь всех. Конечно, ты считаешь себя сильным. Очень может быть. Но предупреждаю тебя, что поссорить племянника с дядей тебе не удастся... Поверь мне, что, действуя как теперь, ты плохо кончишь».

Знаю, что ты умен и ловок; но не забывай евангельского изречения: „Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби“». Затем его высочество подал Игнатъеву руку и простился с ним.

* * *

Игнатьеву решительно не везет. В Комитете министров дошло почти до скандала. Островский и Игнатьев требовали, чтобы в заключение Комитета было внесено что-то такое, чего раньше не было. Рейтерн, в качестве председателя, объявил, что этого он допустить не может. Игнатьев настаивал. Тогда Рейтерн сказал, что включение в журнал того, что решено не было и что даже не обсуждали, было бы подлогом, на который он считает себя неспособным... Общее молчание, и Рейтерн закрыл заседание.

Дондуков-Корсаков называет Игнатьева шулером, у которого всегда в кармане крапленые карты. Шувалов же говорит, что он такой акробат, который пройдет по слабо натянутому канату без балансира.

В общем собрании Государственного совета скончался скоропостижно князь А. А. Суворов. Его все чрезвычайно любили как доброго, ко всем приветливого и рыцарски честного человека. В отношении же государственном утрата невелика. Суворов был всегда под влиянием лиц, его окружавших. Будучи генерал-губернатором Прибалтийского края и пользуясь полным доверием императора Николая Павловича, он был в то же время слепым орудием баронов, и вследствие того край совершенно онемечился. Если бы не слабость Суворова в прежние времена, то не было бы надобности в тех крутых мерах, которые многими предлагаются теперь по отношению к Остзейским губерниям и которые, по всей вероятности, приведутся в исполнение.

Начался решительный поход против барона Николаи: Катков, Победоносцев, Игнатьев, Островский.

8 февраля

Речь Скобелева к парижским студентам, произнесенная против Германии, волнует петербургское общество³⁴.

13 февраля

Великий князь сообщил мне сегодня, что Скобелев вызван сюда. По поводу его речи император германский сказал: «Mon neveu n'a plus d'armée!»*.

Игнатъев старается смягчить поступок Скобелева в глазах государя. Великий князь объясняет влияние Игнатъева кроме больших его ума и ловкости тем, что государь мало кого видит, а потому до Его Величества не доходит многое из того, что всем нам известно. В этом отношении общество имеет благодетельное значение. Другое средство к ознакомлению монарха с истинным положением дел — это Совет министров, в котором высказываются самые разнообразные мнения. Впрочем, замечательно, продолжал великий князь, что покойный государь, учредивший Совет министров, в конце своего царствования почти не собирал его. Он говорил, что в Совете министров от высказанных иногда диаметрально противоположных взглядов предмет нередко не только не выясняется, а еще более запутывается. Подождемте, сказал его высочество в заключение, когда нынешний государь приобретет более опытности, тогда дело пойдет иначе, и нелегко будет влиять на него. У него много прямоты и характера, а намерения его все наилучшие.

Великий князь Константин Николаевич недоволен всем совершающимся, смотрит на все мрачно и не желает возвращаться.

15 февраля

Сольский сообщил мне, что бывший у него на днях Игнатъев очень жалуется на меня. По его словам, с великим князем дело уже идет на лад, но он опасается моего противодействия и дал понять Сольскому, что желательно было бы расположить меня в его пользу. Дмитрий Мартынович не подал вида, что понимает цель посещения Игнатъева, но, обдумав все хо-

* «У моего племянника нет больше армии!» (фр.). — Прим. ред.

рошенько, решился поговорить со мной в видах моей собственной пользы. «Что вам за охота постоянно воевать с Игнатьевым; это может кончиться для вас очень дурно. Игнатьев наговорит на вас государю Бог знает что, и вы не будете иметь средств оправдаться».

«Конечно, это будет для меня чрезвычайно при-
скорбно. Но что же мне делать? Не могу же я дей-
ствовать против совести. И в конце концов, что же
сделают со мной в случае совершенного разрыва
с Игнатьевым? Меня уволят от должности государ-
ственного секретаря и назначат членом Государствен-
ного совета».

«Бог весть, за это никак нельзя поручиться. Иг-
натьев и К^о могут навсегда погубить вас в глазах го-
сударя. Подумайте и о себе, и о той пользе, которую
вы можете еще принести. Лучше не раздражать этих
господ... Ведь, собственно говоря, политическое на-
правление Игнатьева вовсе не дурное. Приемы его,
правда, несимпатичны...»

«Несимпатичны до такой степени, что человек себя
уважающий не может дружить с ним... Навязывать-
ся на новые ссоры я, конечно, не буду. Но не могу же
я закрывать глаза на его проделки и потакать ему...
Он желает теперь примирения. Положим, что и я по-
шел бы на это... Но кто отвечает вам, что недели че-
рез две, через месяц, не выкинет он какой-либо новой
штуки, которая неминуемо поведет к новому разры-
ву?.. Нет, лучше буду я оставаться по-прежнему сво-
бодным, не связывая себе руки. А там будь что будет».

«Вы совершенно правы, — сказал Сольский. — Я ду-
маю, что поступил бы точно так же на вашем месте.
Я хотел только предостеречь вас от излишнего пыла».

18 февраля

Великий князь сообщил мне, что государь очень до-
волен моими извлечениями из меморий. «Я ограни-
чиваюсь чтением их», — сказал Его Величество.

Меня это чрезвычайно порадовало: значит,
нет против меня неудовольствия, нет и недоверия.

В том же убеждает меня и утверждение государем всех представлений моих по государственной канцелярии.

20 февраля

Великий князь желал переговорить с государем о Скобелеве, но не решился, выжидая, не заговорит ли о нем сам государь. Несмотря на то что они гуляли по парку около полутора часов, вопрос о Скобелеве так и не был затронут.

28 февраля

В Царском Селе беседовал с Шестаковым, который не нахвалится на своего генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича, который, по его словам, обладает замечательным здравым смыслом; при этом его высочество отлично знает морскую службу, так как много плавал и всегда интересовался морским делом. В подробности управления великий князь не входит, предоставляя это управляющему министерством.

Говорил с Ванновским о Скобелеве. Отдавая полную справедливость его талантам, он считает Скобелева человеком несколько опасным. «Нельзя доверять ему корпус на западной границе, сейчас возникнут столкновения с Германией и Австрией, — может быть, он даже сам постарается вызвать их. Настоящее место Скобелева подальше, например, в Туркестане.

С другой стороны, Скобелева надо поставить самостоятельно. Главнокомандующий был бы он отличный; если же подчинить его кому-нибудь, то нельзя поздравить то лицо, которому он будет подчинен: жалобам и интригам не будет конца.

Государь любит Скобелева, — продолжал Ванновский, — и сочувствует истинно национальному его направлению. Очень поддерживает Скобелева Игнатьев.

Против него же Гире и Бунге, очень опасющиеся, чтобы из-за выходок белого генерала, желающе-

го быть фельдмаршалом, не вышло политических осложнений, а может быть, и войны. При здравом смысле и твердости государя, искренно желающего мира, Бог даст, все обойдется».

3 марта

Спор наш с Долгоруким разрешен в нашу пользу.

18 марта

Барон Николаи уволен, и преемником ему назначен Делянов.

19 марта

Барон Николаи, бывший у меня сегодня, рассказал мне, что положение его давно было затруднительным по случаю прений с Победоносцевым и Игнатьевым, поддерживающим Каткова, который постоянно нападал на него в «Московских ведомостях» и разных записках.

Последняя капля, преисполнившая чашу неудовольствий, был вопрос о Любимове, профессоре Московского университета, писавшем в «Московских ведомостях» обличительные статьи против университета и его профессоров. В 1877 году истек Любимову 25-летний срок профессорской службы, причем, по уставу, для продолжения своей деятельности в университете он [должен] был подлежать баллотировке в совете университета. Бывший тогда министром народного просвещения граф Толстой, зная наверное, что совет, возбужденный против Любимова, забаллотирует его, а между тем находя ученую его деятельность полезною, испросил разрешения покойного государя на оставление Любимова профессором.

С тех пор прошло пять лет, т. е. срок, на который баллотируются заслуженные профессора. В университете возник вопрос, следует ли применять этот

срок к Любимову, и попечитель московского учебного округа граф Капнист приехал с этим вопросом к Николаи, докладывая в то же время, что Любимова в университете ненавидят. Барон сообразил этот вопрос как со всеподданнейшим докладом графа Толстого, в котором ничего не было сказано о бессрочности назначения, так и с университетским уставом, по которому оставление профессора на занимаемой им кафедре допускается только на пять лет, причем обсуждается каждый раз, достаточно ли свеж профессор для успешного продолжения своей деятельности. По этим основаниям Николаи счел долгом представить на высочайшее воззрение о необходимости разъяснить, что оставление Любимова в должности должно быть понимаемо в смысле срочном, а не на неопределенное время.

Как только это стало известно в Москве, Любимов пришел в ярость, приехал тотчас же в Петербург и, не обращаясь к Николаи, пустился к Победоносцеву и Делянову. Через посредство первого из них он представил министра нарушителем высочайшей воли, а также врагом порядка и монархии. Жалоба эта была выслана государем с резолюцией: «Оставить Любимова профессором, за силою повеления покойного императора».

Барон Николаи был этим поражен и тотчас же отправил к Его Величеству собственноручный всеподданнейший доклад, в котором разъяснил, что оставление Любимова профессором на неопределенный срок было бы, по мнению его, несогласно с законом. Затем он счел себя вправе обратить внимание Его Величества на употребленные Любимовым более чем укоризненные по отношению к нему выражения. В обыкновенных обстоятельствах выражения эти он сам оставил бы без всякого внимания, но коль скоро на прошении последовала высочайшая резолюция, придававшая веру взводимым против него обвинениям, то ему остается только горестное убеждение в том, что, несмотря на 42-летнюю службу свою, он лишен высшего для каждого

русского блага — доверия своего государя. Поэтому он просит об увольнении от должности министра. Через два дня явился к Николаи Победоносцев, заявляя от имени Его Величества, что государь вовсе не имел намерения выразить барону свое недоверие, что он просто счел нужным и справедливым сохранить за Любимовым то, что предоставлено ему было покойным императором. Вместе с тем Победоносцев, опять-таки от имени Его Величества, предложил Николаи поменяться должностями с Деляновым, т.е. уступить Делянову пост министра народного просвещения и быть самому назначенным главноуправляющим учреждениями императрицы Марии, должность которого исправлял Делянов с кончины покойного принца Ольденбургского. Николаи не принял этого предложения, ссылаясь на нездоровье и на то, что у него единственная дочь на Кавказе, которую он желал бы навестить на несколько продолжительное время.

По словам Николаи, Победоносцев пользуется чрезвычайно большим доверием. Игнатьев тоже еще в силе, но кажется, что доверие к нему несколько уже поколебалось. Делянов — добрейший человек, но будет в руках у Каткова, Любимова, Георгиевского с *tutti quanti**.

Ко мне Николаи приехал собственно для того, чтобы посоветоваться, как и когда лучше просить ему об увольнении в продолжительный отпуск.

Государь, которому надоели выходки Долгорукого, решил присоединить канцелярию прошений к Главной своей квартире; этою последнею заведует О. Г. Рихтер, пользующийся полным доверием Его Величества. Он человек добрый, мягкий и чрезвычайно обходительный. Судебных дел он не должен касаться; для разбора их будет особая комиссия. Основная мысль эта должна быть еще разработана.

* Все прочие (*ит.*). — *Прим. ред.*

27 марта

По докладу Игнатьева, государю угодно было упразднить генерал-губернаторство Западной Сибири, и министр внутренних дел объявил о том Сенату высочайшее повеление для обнародования. Первый департамент Сената не признал этого возможным, так как объявляемыми высочайшими повелениями не могут быть изменяемы законы. Игнатьев бесится... Честь и слава Сенату, что он имеет мужество исполнять свою обязанность.

14 апреля

Ввиду предстоящего рассмотрения в Государственном совете проекта нового питейного устава, выработанного совещанием сведущих лиц, Сольский пригласил к себе вечером, для предварительной беседы по этому делу, нескольких министров, членов Государственного совета, а также и меня.

Проект отвергается всеми, но относительно того, что надо сделать, — страшное разномыслие. Ясно только одно — что проект требует еще новой разработки.

20 апреля

В Комитете министров, как я слышал от нескольких членов Комитета, было весьма интересное заседание по вопросу об ограничении прав евреев. Нет сомнения, что у нас евреи составляют в некоторых частях государства тяжкое бремя, даже язву. Поэтому правильное разрешение еврейского вопроса могло бы доставить великую честь министру, по почину которого вопрос был бы разрешен. Такие лавры пожелал пожать граф Игнатьев, поддерживаемый в этом деле ближайшими своими союзниками Победоносцевым и Островским.

Но, вместо тщательного изучения вопроса и всестороннего его обсуждения, эти господа, в особенно-

сти же сам Игнатъев, признали возможным просто разругать его. Тяп-ляп — корабль.

Учреждена была комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Готовцева, человека неглупого, но страшно ленивого, составленная исключительно из юдофобов. Решено было просто задушить евреев, лишив их всяких гражданских прав. Выработанный комиссией проект, по одобрении его названными выше союзниками, Игнатъев, согласно сказанному им мне при объяснениях по катковскому вопросу, внес не в Государственный совет, а в Комитет министров, в виде проекта временных правил.

Проект этот возбудил общее неудовольствие. Главным противником его выступил министр финансов Н. Х. Бунге, произнесший по этому случаю пространную и весьма замечательную речь. Суть ее заключается приблизительно в следующем.

Предлагаемые правила могут иметь самое гибельное значение для наших финансов. Принятыми, к сожалению, в последнее время отдельными мерами, между прочим, по отношению к евреям, кредит наш уже и без того потрясен. Как известно, Ротшильд объявил недавно во всеуслышание, что он не покупает русских государственных бумаг; такие слова Ротшильда имеют на всех европейских биржах чрезвычайный вес, и последствием их был необыкновенный упадок как бумаг наших, так и самого курса.

В самое последнее время один молодой воинственный генерал (вероятно, намек на Скобелева) заявил, правда, тоже во всеуслышание, что капиталов нам не нужно и что нечего церемониться с капиталистами. Но министр финансов так рассуждать не может; не может так смотреть на дело и Комитет министров. От государственных финансов и от неразрывно связанного с ними государственного кредита зависит благосостояние страны и ее величие. Потребности наши весьма велики. Нам нужны средства для внутреннего развития сравнительно молодой еще России, нуждающейся и в просвещении, и в путях сообщения, и в правильно устроенной юстиции, и в хо-

рошо оплачиваемых должностных лицах по другим отраслям управления. На все это нужны большие деньги... Не менее крупные суммы нужны на удовлетворение потребностей внешних — на устройство крепостей и на содержание и на вооружение нашей армии, которая должна с честью соперничать с армиями других держав. Откуда же будет Министерство финансов черпать средства для удовлетворения всех этих необходимых расходов? При неимении в государственном казначействе наличных запасов приходится иногда, для покрытия расходов чрезвычайных, прибегать и к кредиту. Если же кредит наш, к крайнему прискорбию, отчасти потрясен принимавшимися в последнее время мерами, то несравненно более грустных последствий следует ожидать от утверждения проектированных по отношению к многомиллионному еврейскому населению крайне стеснительных правил, при действии которых евреям остается только одно — выселиться из России. Это было бы своего рода изгнанием мавров из Испании. Не уподобляя вполне евреев маврам, стоявшим, конечно, несравненно выше по нравственным своим качествам, нельзя, однако, не предвидеть от выселения евреев чрезвычайных замешательств в экономическом нашем быту.

С другой стороны, нужно иметь в виду и справедливость. Нельзя ограничивать права, чьи бы то ни было, посредством временных правил, обсуждаемых не в общем законодательном порядке, а наскоро, в Комитете министров.

Наша беда заключается, между прочим, в том, что у нас в весьма важных делах нет устойчивости, нет системы.

Один министр предлагает иногда временную меру одного рода, а другой, через год или два, предлагает временную же меру совершенно иного направления. И обе они действуют, взаимно парализуя одна другую. На меры временные, которые должны бы собственно вызываться лишь скоропреходящими обстоятельствами, смотрят вообще легко и потому их легко утверждают. Между тем в действительности мерами

временными определяются нередко предметы весьма серьезные, и, независимо от смешения и запутанности в законодательстве, они приводят нередко к потрясению благосостояния не только отдельных лиц, но и целых классов населения.

Нет сомнения, что евреи дозволяют себе разные злоупотребления, особенно чувствительные в тех частях империи, где еврейское население скучено; но ведь и в действующих законах есть многие ограничительные для них правила, которые, однако, часто не исполняются. Нужно начать с того, чтобы действующий закон был исполняем. Затем, если он окажется недостаточным, то следует его развить и дополнить, но не какими-нибудь временными правилами, а новым положительным законом, тщательно обдуманном и зрело обсужденным в Государственном совете.

По выслушании этой речи, произведшей большое впечатление, граф Игнатьев, несколько сконфуженный, сказал, что общий пересмотр законов об евреях потребовал [бы] значительного времени, тогда как злоупотребления евреев, которых можно назвать пиявками, сосущими кровь честного трудящегося населения, требуют безотлагательного принятия некоторых мер, дополняющих существующие законы. Особенно настоятельно — воспрещение евреям покупать и арендовать имения в уездах; тут они являются настоящими кровопийцами.

По выслушании этих кратких объяснений министра внутренних дел попросил слова Д. М. Сольский. Он начал с того, что во всем почти безусловно согласен с Н. Х. Бунге. В дополнение к высказанным им соображениям он считает нужным обратить внимание на то, что по отношению к евреям правительство в настоящее время едва ли действует правильно. Некоторые органы печати, составляющие отголосок появившихся в обществе нашем крайне односторонних взглядов, положительно травят евреев. Естественным последствием этого явились в южных и западных губерниях так называемые еврейские погромы, при

которых истребляется еврейское имущество в общей сложности на миллионы рублей, при которых и очень часто гибнут и сами евреи. И все это совершается если не с разрешения, то по крайней мере с ведома правительства, так как Министерство внутренних дел, заведующее и делами печати, и общюю безопасностью, остается простым зрителем этих беспорядков: сколько известно, не было дано ни одного предостережения за возбуждающие статьи против евреев «Нового времени» и других журналов; не было и никаких мер взыскания с полицейских чинов, допускающих еврейские погромы. Между тем бездействие полиции бывает иногда возмутительно. Все читали, без сомнения, корреспонденцию о последнем погроме, помещенную в «Голосе»...

Игнатъев прервал тут словами: «Можно ли ссылаться на пустую газетную статью?» Сольский ответил: «Нет, корреспонденция „Голоса“ не пустая газетная статья. Независимо от подробного описания этого крайне прискорбного происшествия, корреспондент указывает на свидетелей, называя их поименно. Во всяком случае, дело так важно, что оно требует исследования. Если корреспондент неправ, то можно его привлечь к ответственности и опровергнуть в „Правительственном вестнике“ сообщенное им известие; если же он написал правду, то нужно принять строгие меры по отношению к виновным в бездействии власти административным и полицейским чинам. Евреи — такие же русские подданные, как все остальные, и власти правительственные обязаны охранять их от преступных посягательств на их жизнь и собственность».

Граф Игнатъев заявил тогда, что по его распоряжению было уже дознание по этому делу и что виновным в бездействии он посоветовал на некоторое время [...] отпуском, пока умы успокоятся.

Это объяснение возбудило общие возгласы неодобрения. Посреди их Сольский произнес громко: «Этого далеко не достаточно. Нужно наказать виновных и объявить во всеобщее сведение, что правительство не будет терпеть подобных беззаконий».

Наступило общее молчание. Тогда Рейтерн, резюмируя прения, заявил, что никто не защищал мысли о необходимости издания всех проектированных министром внутренних дел правил, тогда как, напротив того, были приведены весьма существенные против этого возражения. Поэтому следует понять, что Комитет министров приходит к заключению о невозможности утверждения проекта и о необходимости как исполнения действующих законов, так и дополнения их, в случае надобности, но не иначе, как в порядке законодательном, через Государственный совет. Министр внутренних дел, с своей стороны, продолжал Рейтерн, признавал безотлагательно необходимым воспретить евреям покупать и продавать имения в уездах, где они, по выражению графа Игнатьева, являются настоящими кровопийцами. Но подобное воспрещение есть дело чисто законодательное. Комитет министров мог бы только представить на высочайшее благоусмотрение о необходимости, в виде временной меры, приостановить совершение купчих и арендных контрактов впредь до разрешения важного этого вопроса. Вот все, что можно сделать.

Затем нельзя оставить без внимания заявление, сделанное Д. М. Сольским. Действительно, правительственные власти бездействуют при виде явной травли евреев. Этого нельзя допускать. Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам, которые нравственно суть те же евреи, только христианского православного вероисповедания, — потом может очередь дойти до купцов и помещиков. Одним словом, при подобном бездействии властей возможно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма. Для предупреждения этого нужно решительно объявить, что правительство не будет допускать еврейских погромов, а напротив того — строго наказывать как виновных в них, так и тех должностных лиц, которые будут бездействовать в случае подобных преступных посягательств.

Против такого резюме не было никаких возражений. Игнатъев молчал; молчали и его союзники, — тем дело и кончилось.

Вечером Игнатъев, говорят, рассказывал у себя дома, что хотя и сделал некоторые уступки по еврейскому вопросу, но, в сущности, достиг всего, что было нужно. Членов Комитета министров он называл редакторами «Голоса».

26 апреля

Приехал Лорис-Меликов. Говорят, он будет жить в окрестностях Петербурга, т. е., иными словами, — сидеть у моря и ждать погоды.

3 мая

В общем собрании Государственного совета рассматривалось представление Бунге о постепенной отмене подушной подати.

Вопрос о совершенной отмене ее составлял мечту всех бывших в последние годы министров финансов: Рейтерна, Грейга, Абазы и наконец — Бунге. Грейг испросил даже соизволение покойного императора на сложение подушной подати и на замену ее другими налогами. Об учреждении с этою целью особой комиссии под председательством самого Грейга было даже объявлено во всеобщее сведение. Но скорое затем падение Грейга, а еще более трудность одновременного установления новых налогов на 60 миллионов рублей заставили отказаться от этого предположения³⁵. По совещании с Абазою и Сольским, Бунге внес недавно в Государственный совет представление о постепенной отмене подушной подати в течение нескольких лет. Соединенными департаментами мысль эта была принята с большим сочувствием. В общем же собрании Совета возникли возражения двоякого смысла: Победоносцев и Мансуров оспаривали необходимость отмены подушных сборов, напротив того, Грейг — не постепенной,

а единовременной и полной отмены их. После довольно продолжительных прений огромное большинство высказалось за проект министра финансов. Отмена подушной подати важна не только в смысле снятия с беднейшей части населения довольно значительной тяготы, но также и потому, что с отменой подушной подати может быть отменена и круговая порука, столь стеснительная для крестьян, а затем может быть отменено и получение ими паспортов на отлучки.

13 мая

Лорис-Меликов, посетивший меня сегодня, рассказал мне, что государь принял его приветливо, но о делах не сказал ни одного слова. Значит, нечего ждать погоды.

Лорис собирается провести зиму в Ницце и заняться продолжением своих записок, часть которых уже написана. По его словам, у него масса подлинных документов, подтверждающих все им рассказываемое. Записки эти должны быть очень интересны.

Лорис спрашивал про великих князей Константина и Михаила Николаевичей. Про первого он сказал: «Очень жаль, что не сумел сойтись с государем, много мог бы он принести пользы».

Великий же князь Михаил Николаевич, по его мнению, «обидчив и неискренен». «Обидчив, это справедливо, — сказал я, — но едва ли вы правы, считая великого князя неискренним. По крайней мере, со мной он был всегда откровенен. Между тем бывали случаи, в которых его высочество мог бы и не распахиваться».

«Счастье ваше, — отвечал Лорис, — видно, вы сумели внушить ему особое доверие».

«Никакого особенного старания не прилагал я в сношениях с великим князем. Я был с ним, как и со всеми, естествен и откровенен».

Лорису это не совсем понравилось.

14 мая

К. К. Грот, по рекомендации баронессы Э. Ф. Раден*, имеющей большое влияние на императрицу, назначен главноуправляющим Собственною Его Величества канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. В прежние времена должность эту занимал покойный принц П. Г. Ольденбургский.

18 мая

Великий князь, переехавший на днях в Михайловское (близ Петергофа) и прибывший оттуда сегодня в первый раз в город, в восторге от дачной жизни: воздух в Михайловском прекрасный, зелень прелестна, поют соловьи. Очень симпатична в великом князе любовь к природе; приятно слушать, когда он рассказывает про Кавказ.

После объяснений по нашим делам я показал его высочеству в *Revue des deux mondes* статью Leroу Beau-lieu о нашем Государственном совете, про который он говорит между прочим: «Au lieu d'élaborer des lois, cette assamblée se contente d'enrégistrer des décrets»**..

Хотя это обвинение и несправедливо, потому что Государственный совет очень часто представляет весьма серьезные возражения против вносимых министрами проектов, делая в них существенные изменения, а иногда отвергая их, — тем не менее в приведенном отзыве есть значительная доля правды, в том собственно отношении, что борьба с министрами для Государственного совета чрезвычайно трудна и что поэтому приходится иногда соглашаться и с такими их представлениями, которые лучше было бы не утверждать. Решение дела в том и другом смысле зависит не от большинства Совета, а от государя, согла-

* Очень умная женщина; была любимою фрейлиною великой княгини Елены Павловны.

** «Вместо того чтобы составлять законы, это собрание удовлетворяется тем, что регистрирует указы» (фр.). — Прим. ред.

шающегося с тем или другим из представленных ему мнений. Между тем министры видят Его Величество большею частью еженедельно, с глаза на глаз, а при докладах своих имеют возможность склонять государя в пользу своего мнения, представляя дело не всегда в истинном освещении. Члены же Государственного совета видят государя только в торжественных собраниях, на которых разговоров о делах не бывает.

Когда я высказал все это великому князю, его высочество сказал, что, по его мнению, Государственный совет должен быть оплотом самодержавия, разъясняя императору истинный смысл каждого из представляемых на его разрешение вопросов, дабы самодержец мог изъявлять волю свою вполне сознательно. С этой точки зрения Государственный совет должен быть оплотом самодержавия и против министров, часто злоупотребляющих своим положением. «Но что же можем мы сделать, — прибавил великий князь, — для возвращения Государственному совету того значения, которое ему подобает?»

«Прежде всего, ваше высочество, — отвечал я, — нужно, чтобы члены Совета были люди дельные и самостоятельные, которые не поддавались бы влиянию министров. Между тем, к крайнему сожалению, часто сажают в Государственный совет старых генералов, почти ничего не понимающих в законодательных вопросах. Еще недавно назначен Гильденштуббе и князь Леван Меликов; но ни тот, ни другой самостоятельного мнения не имеют...»

Великий князь поморщился. Особенно неприятно подействовало на него имя князя Меликова, долго служившего на Кавказе и, кажется, назначенного в Совет по ходатайству его высочества.

«Да ведь оба они — люди вполне порядочные». — «Одной порядочности мало, ваше высочество, нужно также понимание, самостоятельность».

«Но что же могу я против назначения заслуженных генералов? Вы знаете, что и покойный государь, и нынешний император всегда чрезвычайно ревниво оберегали свои права по назначению членов Совета».

«Ваше высочество, пользуясь близостью своею к государю и доверием его к вам, вы можете разъяснить этот вопрос Его Величеству. Кроме того, при отдельных назначениях можно иногда возражать против того или другого лица. Так, например, покойный государь, увольняя Потапова от должности шефа жандармов, хотел назначить его, по принятому порядку, членом Государственного совета. Против этого восстал великий князь Константин Николаевич, который доложил Его Величеству, что у Потапова чуть не размягчение мозга и что таких людей в Совет сажать нельзя».

«Покойный император нашел это возражение справедливым: Потапов не был назначен. По всей вероятности, и нынешний государь выслушивал бы справедливые возражения».

«Простите меня, ваше высочество, но мне кажется, что вам, как председателю Государственного совета, следовало бы также предостеречь Его Величество от наговоров со стороны министров, а в иных случаях и самим доложить о каком-либо важном деле. Покойный государь держался того основного правила, что коль скоро дело внесено в Государственный совет, министр уже не должен докладывать о нем. Конечно, правило это не всегда соблюдалось, но все же министры были несравненно осторожнее... Желательно, чтобы было то же и теперь».

«Легко вам говорить», — сказал великий князь и переменял разговор.

Я думал сначала, что Михаил Николаевич рассердился. Но, к великой чести его высочества, я должен сказать, что он не принял откровенности моей к сердцу. Когда я собирался уйти, великий князь очень дружелюбно просил меня остаться позавтракать с ним и во время завтрака был любезен и совершенно естествен.

19 мая

К. К. Грот рассказал мне, как состоялось его назначение. Императрица пригласила его к себе и проси-

ла принять должность главноуправляющего Ведомством императрицы Марии. Константин Карлович сказал, что глубоко тронут доверием Ее Величества и был бы счастлив оправдать его, но что не может принять предлагаемой должности, потому что дал себе слово не занимать никакого самостоятельного поста, пока в правительственных делах будет преобладать граф Игнатьев.

«Совершенно вас понимаю, — сказала государыня, — я ему тоже не сочувствую. Но ведь та должность, которую я вам предлагаю, находится в стороне от общей администрации. Управляя Ведомством императрицы Марии, вы не будете иметь ничего общего ни с Игнатьевым, ни с другими министрами; вы будете иметь дело исключительно со мной и с государем. Я очень прошу вас. Пожалуйста, не отказывайте».

«Коль скоро Ваше Величество изволите так милостиво относиться ко мне, — сказал Грот, — я не смею упорствовать. Но позвольте мне доложить вам, что в случае назначения меня вы, вероятно, скоро раскаетесь. Сколько мне известно, в Ведомстве императрицы Марии нужны большие перемены. Им долго заведовал покойный принц П. Г. Ольденбургский, который, при прекраснейших душевных качествах и лучших намерениях, имел один недостаток: принц был слишком добр, и добротой его злоупотребляли... Новому главноуправляющему придется преследовать многое такое, что прежде допускалось и даже вошло в обычай. Поэтому жалобам Вашему Величеству не будет конца; это надоест вам».

«Я вам доверяю и не буду слушать никаких жалоб».

«Но как относится к моему назначению государь император?»

«Государь тоже будет рад вашему согласию. Он вполне одобряет мой выбор».

«В таком случае, Ваше Величество, мне остается только с благодарностью принять милостивое ваше предложение».

Императрица была чрезвычайно довольна и очень благодарила Константина Карловича. Затем она по-

вела его к государю, который принял его весьма любезно. О пререканиях с Игнатьевым по тюремной части не было сказано ни слова.

*19 мая*³⁶

Был у князя Урусова. Он весьма слаб и очень страдает. Тяжкое положение свое переносит он с христианским смирением.

20 мая

К великой радости, узнал я, что влияние графа Игнатьева совершенно упало. Он выкинул такую штуку, которой никто не ожидал. Рассчитывая на безусловное доверие у государя, он представил Его Величеству записку о необходимости созвать к предстоящему коронованию земский собор. Несмотря на то что Игнатьев просил о сохранении этого предположения в совершенной тайне, государь передал записку Игнатьева Победоносцеву, который, разумеется, был возмущен и упросил Его Величество созвать совещание для обсуждения записки.

21 мая

Слух об игнатьевской записке подтверждается. Сегодня у графини М. Э. Клейнмихель граф Нессельроде, вообще хорошо извещенный, рассказывал почти то же самое, что слышал я вчера, с небольшим только вариантом или дополнением. Издание манифеста о созыве земского собора предполагалось в день рождения цесаревича, самый же созыв ко времени коронования.

24 мая

Странное дело, великий князь не знал ничего об игнатьевских предположениях. Когда я рассказал ему сегодня утром все, что знал по этому предмету, его

высочество был изумлен, а затем сказал мне, что, по всей вероятности, цель Игнатьева — противодействие анархистам, которые больше всего опасаются либеральных правительственных мер и в восторге от всякой крутой меры, возбуждающей недовольство.

25 мая

Граф П. А. Шувалов сообщил мне, что совещание у государя по поводу игнатьевской записки было 6 мая. В нем участвовали кроме Игнатьева Победоносцев, Островский, Рейтерн и Делянов. Возражения были единогласные, причем не обошлось и без неприятных сцен между Победоносцевым и Островским, с одной стороны, и Игнатьевым — с другой. Первые два упрекали бывшего своего союзника в том, что он пошел вразрез с теми началами, которых при низвержении Лорис-Меликова он сам признавал нужным держаться. Игнатьев защищался плохо и лгал без зазрения совести. Государь, видимо, был им недоволен.

28 мая

Сольский подтвердил мне все рассказанное Шуваловым. Но к этому он прибавил еще одно весьма важное известие: Игнатьев увольняется, а преемником ему назначается граф Д. А. Толстой. Рекомендовал его Победоносцев. Замечательно, что государь не любил Толстого, когда он был министром народного просвещения.

31 мая

Великий князь и до сих пор не знал ничего обстоятельно по совершающемуся событию. Вчера его высочество обедал у государя, который был очень любезен с Михаилом Николаевичем и много беседовал с ним, но об увольнении Игнатьева не сказал ничего. Императрица же за столом улыбалась и указала украдкой на великого князя Павла Александровича. Тогда

Павел Александрович сказал Михаилу Николаевичу на ухо: «Игнатьев увольняется; впрочем, точно ничего не знаю. Кажется, будет Толстой».

1 июня

Шувалов, с давних пор находящийся с Толстым в дружеских отношениях, сообщил мне, что, будучи приглашен к государю, граф Дмитрий Андреевич был очень счастлив оказываемым ему доверием; но прежде чем принять предложенный ему пост, Толстой счел долгом предварить Его Величество о том, что он чрезвычайно непопулярен.

«Знаю,— ответил государь.— Но этим я не стесняюсь. Я назначаю министрами людей, которым доверяю и от которых ожидаю пользы для России; на популярность же я не смотрю».

10 июня

Назначением Толстого в городе очень недовольны. Его обвиняют прежде всего в страстности и в упрямстве, высказанных им при введении у нас системы классического образования. Как известно, система эта была им доведена почти до чудовищности, с явным в то же время угнетением образования реального. Затем многие считают Толстого не только ультраконсерваторм, но даже ретроградом и врагом преобразований минувшего царствования.

19 июня

Получил письмо от великого князя Константина Николаевича, в котором его высочество между прочим одобряет назначение графа Толстого, бывшего своего подчиненного по морскому ведомству. При этом великий князь выражает надежду, что Толстой будет настолько умен и ловок, и тверд в своих убеждениях, что не поддастся слепо тлетворному влиянию всяких Катковых, Победоносцевых и т. п. личностей.

Константин Николаевич прибавил затем, что, на его взгляд, и теперь уже ощущается некоторая «détente»*.

2 октября

Лето провел у себя в имении и не видел почти никого. Вернулся в город две недели тому назад. На Большой Морской встретился сегодня с графом Толстым. Он подошел ко мне очень приветливо, и мы пошли вместе. Положением своим он очень доволен. Планов у него пока никаких. По его словам, прежде всего нужно дать всем успокоиться от бесконечных тревог, бывших со времени Лориса и Игнатьева. Их обоих, а в особенности последнего, Толстой ненавидит.

В разговоре я сообщил графу о письме, полученном мною от великого князя Константина Николаевича, в котором он выражает удовольствие по случаю его назначения. Толстой был этим польщен, вспомнив при этом, что первоначальным своим возвышением обязан был великому князю. Он считает Константина Николаевича чрезвычайно даровитым и вообще имеющим большие качества; к сожалению, однако, по мнению графа, великий князь легко поддается влиянию окружающих его лиц. Влияние Сольского и мое Толстой признает полезным, — так, по крайней мере, заявил он мне из вежливости, — вредным же считает влияние Головнина, часто возбуждавшего и раздражавшего великого князя, которого, напротив того, нужно сдерживать и успокаивать: «Он — настоящий паровик».

Замечание это совершенно верно.

5 октября

Великий князь Михаил Николаевич возвратился, и я был у его высочества. Ничего особенного он мне не сообщил.

* Буквально — спускание (курка). Ослабление (*фр.*). — Прим. ред.

20 октября

Графиня Клейнмихель сообщила мне некоторые подробности жизни великого князя Константина Николаевича в Орианде. Кузнецова, постоянно живущая с ним и чрезвычайно ему преданная, намерена с ним разъехаться из-за ложного положения детей, которых великий князь очень балует. Старший из них сказал недавно: «Странно, папа — великий князь, а мама — не великая княгиня». Эти слова очень подействовали на Кузнецову.

30 октября

Шувалов рассказал мне, что Островский, посетивший великого князя Константина Николаевича в Орианде, поддакивал его высочеству в критике многих распоряжений нынешнего царствования. Об этом узнали здесь и недовольны.

По словам Шувалова, Толстой обо мне хорошего мнения; вчера сказал он в гостиной жене во всеуслышание, будто бы я веду дела Совета с тактом и твердостью, а это нелегко при мягком и неопытном нынешнем председателе Совета.

Затем Шувалов мне советовал воспользоваться добрым мнением графа Толстого и постараться сблизиться с ним.

Для этого лучшее средство — дать место помощника статс-секретаря служащему в государственной канцелярии сверх штата зятю Толстого графу Толю.

Такое внимание с моей стороны было бы очень приятно графу Дмитрию Андреевичу.

Предложение это меня поразило очень неприятно. Я отвечал, что при всем желании быть в добрых отношениях с первым министром я не могу сделать в угоду ему прямой несправедливости.

Граф Толь поступил в государственную канцелярию очень недавно и притом с положительным условием, что он не будет домогаться содержания. Пользы от него никакой. И вдруг, вместо повыше-

ния к[ак]ого-либо достойного и нуждающегося труженика, я предпочту ему Толя, рыскающего по гостинным и имеющего по жене большое состояние!

Шувалов пожал плечами и сказал: «Настаивать я не смею. Но очень жаль. С Толстым не мешает быть в хороших отношениях».

Ходатайство это мне очень неприятно. Интересно бы знать, от себя ли хлопотал Шувалов за Толя, или же его просил о том Толстой. Понятны, в таком случае, громогласные похвалы мне в гостинной графини. Расспрашивать Шувалова я не счел удобным.

1 ноября

Обедал у великого князя и сидел за столом подле великой княгини. Во время обеда ее высочество была в очень хорошем расположении духа и беседовала со мною о вышедших новых книгах. Читает она много. Рассказывала также разные анекдоты про деятельность на Кавказе Дондукова — про лживость его. Великая княгиня считает Дондукова Игнатьевым вторым.

3 ноября

Был у меня Лорис-Меликов. Кажется, им потеряна надежда на возвращение к власти. Он просил меня доложить великому князю о желании его быть полезным в Государственном совете; лучше всего было бы, по мнению Лориса, назначение его членом департамента законов. Я понял это в том смысле, что ему хочется быть председателем этого департамента. На мой взгляд, это было бы неудобно. С одной стороны, у него нет необходимой подготовки, а с другой — недоверие к нему государя распространилось бы и на суждения департамента законов.

5 ноября

Шувалов, как умный человек, понял, что и его не назначат председателем департамента. Ввиду этого он просил и великого князя, и меня о том, нельзя ли теперь же, т. е. до возбуждения вопроса о новом председателе, уволить его из состава департамента законов. Желание его исполнено.

6 ноября

Великий князь сообщил мне сегодня, что навестил больного Урусова, который ему очень обрадовался. Урусов сказал его высочеству, что все перебирает в уме людей, подходящих на должность председателя департамента законов. Более всего нравится ему Е. П. Старицкий; но жаль было бы оторвать его от кодификационного отдела, в котором он может принести большую пользу. Тогда великий князь спросил, что думал бы Сергей Николаевич о бароне Николаи. Урусов отвечал, что он тоже был бы хорош.

8 ноября

Был у великого князя по случаю его тезоименитства. Поздравляющих была масса. Меня его высочество принял отдельно в кабинете и был очень любезен.

15 ноября

М. Н. Любоцинский сообщил мне за положительный факт, что Победоносцев всячески убеждает Набокова в необходимости коренного изменения судебных уставов и, между прочим, отмены суда присяжных и несменяемости судей. Когда Набоков возразил, что это невозможно не только по существу, но даже и в том отношении, что подобное представление никогда не прошло бы в Государственном совете, Победоносцев сказал, что подобных вопросов в Государственный совет и вносить не надо, а нужно просто

представить их на непосредственное разрешение государя всеподаннейшим докладом.

16 ноября

Шувалов рассказал мне, что Толстой очень убеждает его принять на себя председательствование в комиссии о евреях. Шувалов упорно отказывается. Предложение Толстого меня радует. Так как Шувалов смотрит на еврейский вопрос вообще благоразумно, то из этого я вывожу, что Толстой, с своей стороны, не желает чуть не поголовного истребления евреев, как предлагал Игнатьев и как желали бы и теперь многие.

29 ноября

Очень озабочивает великого князя и меня накопление дел в департаменте экономии Государственного совета. Вследствие строгого применения сметных правил и неоднократных высочайших повелений о непроизводстве новых расходов без рассмотрения подобных вопросов в департаменте экономии деятельность этого департамента чрезвычайно расширилась. В истекшем 1881 году из общего числа внесенных в Совет 1229 дел на долю департамента экономии пришлось 989 дел (или 80% общего числа), на долю департамента законов — 141 дело (12%) и на долю гражданского департамента — 99 дел (8%).

Хотя дела департамента законов вообще сложнее дел департамента экономии, тем не менее масса представлений, поступающих в этот последний, так велика, что своевременное обсуждение их оказывается затруднительным. Кроме того, в конце года, когда департамент экономии занимается рассмотрением смет, он почти не может принимать участия в суждениях по делам департамента законов, сопряженным с расходами из казны; таким образом, замедляется также и деятельность департамента законов.

Ввиду этого нам казалось необходимым принять меры к более правильному распределению дел между

департаментами Государственного совета. К достижению этого представляется два способа: или разделение департамента экономии на два департамента, из которых один рассматривал бы сметы и все вообще дела о расходах, а другой занимался бы обсуждением законодательных предположений по финансовой части, или же передать эти последние дела из нынешнего департамента экономии в департамент законов, облегчив в то же время этот департамент передачею из него в департамент гражданский всех законодательных дел по судебной части и по народному образованию. Это было бы тем более возможно, что число рассматриваемых ныне гражданским департаментом судебных дел, поступающих из Сената и Комиссии прошений, в последнее время значительно уменьшилось. С принятием как того, так и другого способа, которые, конечно, нужно было бы еще сообразить ближайшим образом, можно было бы рассчитывать на более успешное, чем теперь, движение дел в Государственном совете.

С разрешения великого князя я переговорил о всем этом с председателем департамента экономии графом Э. Т. Барановым. К сожалению, он принял эти предложения недружелюбно, считая их направленными к уменьшению его значения и влияния. Несмотря на все мои убеждения, — а с графом Эдуардом Трофимовичем мы с давних пор были в очень хороших отношениях, — он стоял непреклонно на своем.

Я доложил об этом его высочеству, и великий князь, несмотря на то, что очень любит графа Баранова, признал тем не менее необходимым представить о затруднительном положении департамента экономии на усмотрение государя. При этом, в случае разделения департамента экономии на два отдельных департамента, в председатели того, в котором будут сосредоточены законодательные финансовые дела, Михаил Николаевич хотел предложить А. А. Абазу.

2 декабря

О занимающем нас вопросе великий князь доложил вчера. Государя поразили цифры распределения по департаментам дел, внесенных в Совет, и Его Величество признал необходимым принять одну из предлагаемых мер по обсуждении их. Насчет привлечения Абазы к председательствованию в одном из департаментов, имеющих заменить нынешний департамент экономии, государь сказал, что не имеет ничего против Абазы в качестве председателя нового департамента, но не желает ухода графа Баранова. Затем великий князь перешел к вопросу о председательствовании в департаменте законов (на место умирающего князя Урусова). Государь не согласился на назначение барона Николаи, очень рекомендованного Михаилом Николаевичем. Отказ свой Его Величество объяснил словами: «Он — друг Головнина, который во все суется». Председателем департамента законов государь полагает назначить Тимашева. По мнению Его Величества, в пользу этого выбора говорят следующие обстоятельства: во-первых, Тимашев безусловно предан монархическим началам; во-вторых, он томится бездействием и, в-третьих, пользуется уважением в обществе.

Рассказом об этом великого князя я был совершенно поражен. А. Е. Тимашев, действительно, умный и очень милый человек, но он вовсе не деловой. Будучи министром внутренних дел, Тимашев занимался немного, предоставляя почти все директорам департаментов; сам же он выезжал в свет, гулял по Большой Морской и лепил прелестные статуэтки. С другой стороны, научной и отчасти юридической подготовки, необходимой по многим делам, обсуждаемым в департаменте законов, у Тимашева вовсе нет. Какой же был бы он председатель?

Но кроме существа вопроса меня поразили и мотивы, приведенные Его Величеством. Последние два, конечно, совершенно второстепенные; решающее же значение имеет, без сомнения, первое соображение,

что Тимашев безусловно предан монархическим началам.

Но разве другие им не преданы столь же безусловно? Разве кто-нибудь из нас может быть заподозреваем в стремлениях антимонархических? Если бы это было так, то это было бы ужасно... Очевидно, не сам государь, всегда справедливый и благодушный, имеет подозрения подобного рода; они внушаются Его Величеству другими, принимающими, таким образом, на душу свою тяжкий грех. Думается мне, что наговаривает в этом смысле граф Толстой, который и в прежние времена выставлял в глазах покойного императора чуть не анархистами тех, которые справедливо восставали против крайнего увлечения ультраклассицизмом.

В предположении этом убеждает меня отчасти и то, что о преданности Тимашева монархическим началам государь сказал вслед за отказом назначить барона Николаи, собственно потому, что он — друг Головнина. Толстой и Головнин — враги с давних пор; поэтому понятно, что граф Дмитрий Андреевич не желал назначения председателем департамента законов человека, состоящего в дружбе с его врагом. Но чернить по этому поводу в глазах государя честнейшего и благороднейшего барона Николаи, косвенно набрасывая на него подозрение в недостаточной приверженности монархическим началам, — просто преступно.

Я откровенно высказал все это великому князю. Его высочество согласился со мной и обещал попытаться представить государю, при первой возможности, о неудобстве назначения Тимашева. Тогда я предложил составить справку о лицах, бывших до сих пор председателями департамента законов; большей частью, это были действительно государственные люди, как, например, Кочубей, Лопухин, Сперанский, Блудов и т. п.

6 декабря

Великий князь был сегодня у Его Величества и доложил о сомнениях насчет Тимашева. Государь рассмотрел список прежних председателей и задумался. То-

гда великий князь сказал, что не настаивает на бароне Николаи, а просит о назначении вместо Тимашева — Старицкого. Его Величество не отвечал ничего положительного, сказав только, что отлагает разрешение вопроса впредь до доклада великого князя о департаменте экономии.

Затем, в дальнейшей беседе государь сказал Михаилу Николаевичу, что, может быть, как относительно назначения председателей в департаменты Государственного совета, так и вообще по вопросам, касающимся Совета, не следует слишком придерживаться соблюдавшегося прежде порядка и преданий. Бог весть еще, хороши ли они.

Его Величество не только теперь, но даже смолodu слышал с разных сторон, что Государственный совет приносит нередко более вреда, чем пользы, так как вносимые в Совет дела сначала рассылаются из него по разным министерствам, где лежат чуть не годами, а затем рассматриваются и в самом Совете нескончаемо долгое время; ввиду этого Государственный совет считается многими тормозом, препятствующим осуществлению разных полезных мер.

Великий князь отвечал, что посылаются на заключение других министров такие собственно проекты, которые требуют общего соображения различных ведомств, и что вообще дела законодательные не могут двигаться очень быстро. Поспешность их рассмотрения всегда в ущерб основательности.

Министры, продолжал Михаил Николаевич, не любят Совета, который препятствует осуществлению многих их предложений. Если поэтому Совет называют тормозом, то наименование это очень почетное: спускаясь с горы без тормоза, можно очутиться в пропасти.

Для государя Государственный совет — не только полезный тормоз, но даже якорь спасения. Каждый новый министр обыкновенно хочет перекраивать Россию по-своему. Неужели же они должны делать это беспрепятственно? Несравненно предпочтительнее обсудить их проекты в собрании лю-

дей опытных, умных и беспристрастных. Если министры не согласны с возражениями членов Совета, то он [?] может изложить свое особое мнение. От Его Величества будет зависеть, принять заключение Совета или мнение министра; но в последнем случае государь изъявит волю свою сознательно, а не по доверию только к тому или другому лицу. Кроме того, чрезвычайно важно, что ввиду подробного обсуждения дел в Совете министр действует осторожнее и обдуманнее.

Государь выслушал все это спокойно и не возразил ничего.

11 декабря

Был Совет министров в Аничковом дворце. Заседание происходило в очень симпатичной библиотечной зале. Рассматривался вопрос о том, вносить ли или не вносить в Государственный совет предложения Министерства внутренних дел о некоторых облегчениях раскольникам. Это дело — то самое, которым я начал действительную свою служебную деятельность, при графе Блудове, в 1859 году; с тех пор прошло 23 года.

Теперь пришлось мне выступить защитником его, если и не по самому существу дела, то по крайней мере по вопросу, имеющему первостепенное значение.

Государь расположен благосклонно к раскольникам, между прочим, потому, что некоторые казаки-конвойные — раскольники прекрасно показали себя в злополучный день 1 марта 1881 года. Но всяким серьезным облегчениям противится К. П. Победоносцев.

В заседании многие говорили в пользу раскольников, в особенности управляющий Морским министерством И. А. Шестаков; к сожалению, речь его, хотя и убежденная, была по аргументации своей слаба в сравнении с тем, что говорил Победоносцев и гр. Толстой. Ввиду решительной с их стороны оппозиции к предоставлению раскольникам полной, по возможности, религиозной свободы, вопрос сузился: пе-

решили к рассмотрению по статьям более скромных предположений Министерства внутренних дел. При этом, вследствие замечания Е. П. Старицкого, поддержанного Д. М. Сольским, возникло сомнение о том, следует ли в новом законе постановлять правило о разделении раскольников на более и на менее вредных, особенно ввиду того, что разделение это основано не на степени действительного вреда от тех или других сект в отношении к государству, — как, например, скопцов или хлыстов, — а на степени удаления их от православия. По заслушании этих замечаний и возражений на них со стороны Победоносцева, граф Толстой доложил государю, что он готов не настаивать на сохранении этого правила в рассматриваемом проекте, если только впоследствии, по обсуждении дела в Государственном совете, в журнале его сказано будет, что нынешнее разделение сект на более и менее вредные — не отменяется. С своей стороны, великий князь Михаил Николаевич обратился к государю с вопросом: как угодно будет Его Величеству повелеть?

Положение было критическое и для раскольников, и для Государственного совета. Ввиду этого я просил слова для разъяснения вопроса и произнес, не без волнения, приблизительно следующее: «Ваше Величество, высочайшая воля ваша для нас, без сомнения, священна.

Коль скоро Вашему Величеству угодно, чтобы разделение сект на более и менее вредные было сохранено, то все мы должны преклониться пред таким решением. Тем не менее, в качестве государственного секретаря, я считаю обязанностью всеподданнейше обратить внимание Вашего Величества на то, что если дело это, как предполагалось до сих пор, будет внесено на обсуждение Государственного совета, то едва ли возможно постановлять здесь, что именно должен сказать Совет по тому или другому вопросу. Государственный совет, при рассмотрении вносимых на его уважение дел, руководствуется своим учреждением, в котором сказано, между прочим, что Совет пользуется полною свободой мнений».

Наступило общее молчание. Подумав немного, государь сказал: «Государственный секретарь прав. Действительно, если дело будет внесено на рассмотрение Государственного совета, то не следует ничего предрешать...». Затем, обращаясь к министру внутренних дел, Его Величество прибавил: «Граф Дмитрий Андреевич, внести дело в Государственный совет, в обыкновенном порядке, без всяких указаний с моей стороны».

Тем дело и кончилось. После заседания я подошел к великому князю Михаилу Николаевичу и извинился в том, что был в некотором разноречии с ним. Великий князь отвечал, что отнюдь на меня не претендует и, напротив того, благодарит за ограждение чести и прав Совета.

15 декабря

Ввиду решительного несогласия графа Баранова, с которым великий князь вновь говорил о разделении департамента экономии, его высочество отказался от этой мысли.

Вследствие того нужно было обратиться к другому из предлагавшихся нами способов к облегчению департамента экономии, т.е. к передаче из него в департамент законов законодательной финансовой деятельности, а из этого последнего в департамент гражданский — дел юридических и по народному просвещению. Нужно было также приискать двух толковых председателей. По указанию великого князя, мною составлен следующий список кандидатов в председатели:

По д-ту законов (дела о законах финансовых, промышленных, земских, городских и вообще хозяйственных):

Тимашев (указанный самим государем),

По д-ту гражданских и духовных дел (дела о законах гражданских и уголовных и по народному просвещению):

Старицкий,
Бар. Николай,

Граф Шувалов,
Абаза,
Сольский.

Стояновский,
Любощинский,
Ковалевский.

Затем были у нас и кандидаты в члены Государственного совета: Фриш и Шумахер, предложенные мною, и барон Велио, за которого очень ходатайствовал граф Баранов.

Ввиду особого доверия государя и самого великого князя к опытности князя Урусова, я предложил его высочеству показать наш список князю Сергею Николаевичу и узнать его мнение о внесенных в них кандидатах.

20 декабря

Побывав сегодня у князя Урусова и переговорив с ним, я представил его высочеству подробный письменный отчет об этом свидании. Вот оно дословно: «Князь Урусов был чрезвычайно обрадован знаком доверия вашего императорского высочества. „Рад сослужить последнюю службу... скоро умру“, — сказал он, склоняясь к моему уху.

Беседа с князем очень трудна. Нужно просить его иногда по два и по три раза повторять сказанное, иногда же он должен прибегать к мимике и карандашу.

Чтобы получить обстоятельные на все ответы, я просидел у него более часа.

В конце нашей беседы князь был чрезвычайно утомлен.

Князь Урусов совершенно согласен с тем, что нынешний департамент экономии слишком обременен и что от этого страдает ход дела в Государственном совете.

Всего лучше было бы разделить его на два департамента; но ввиду оппозиции гр. Баранова, которого оскорблять нежелательно, нужно передать законодательную финансовую часть в департамент законов, а из этого департамента дела юридические и по народному образованию — в департамент гражданский.

Когда мною представлен был князю составленный по указаниям вашего высочества список лиц, могущих быть назначенными в председатели обоих департаментов (законов и гражданского), он рассмотрел его весьма внимательно, видимо, интересуясь делом. Вот отзывы князя о внесенных в список лицах:

Тимашев — не годится. Вовсе не знает законодательства. Трудиться не умеет, а без этого нельзя.

Гр. Шувалов — очень умен, но тоже мало приготовлен.

Абаза — настоящий председатель. Хотя он и независим, но нравственно честен. Будет хороший помощник великому князю и последует его указаниям. Назначение Абазы было бы важно при нынешних финансовых затруднениях.

Сольский — прекрасный председатель любого департамента. Редко способный и благородный человек. Но жаль взять его из состава министров, — он был бы отличным министром финансов.

Старицкий — очень хорош по части юридической. Замечательно сведущ и добросовестен. Но нужен для кодификаций. Соединить ее с председательством — весьма трудно. Знаю это по опыту.

Барон Николай — весьма хороший председатель, трудящийся, опытный, просвещенный. Одна беда — многоглаголив; все же хороший председатель.

Стояновский — трудолюбив и знает дело. За неимением других, мог бы быть назначен. Барон Николай гораздо выше его.

Любошинский — сведущ и опытен, но не имеет авторитета.

Ковалевский — во всех отношениях очень хорош, но для председателя немного молод.

Резюмируя свои выводы, князь Урусов указал окончательно на список: для департамента законов — Абазу и Сольского, а для гражданского департамента — барона Николаи и Стояновского.

По окончании беседы о председателях князь Урусов спросил, не будет ли новых членов. Я отвечал, что ваше высочество намерены ходатайствовать о назна-

чении Фриша, Шумахера и барона Велио. При первых двух именах он одобрительно закивал головой и сказал: „Дельные люди“, а при последнем сделал гримасу, прибавив: „Неудачный выбор“».

23 декабря

Кандидатские списки председателей и новых членов, с отзывом о тех и других князя Урусова, великий князь сегодня представил государю. Его Величество хотя и отказался от мысли о Тимашеве, но неохотно. Относительно же Абазы сказал, что не встретил бы препятствий назначить его председателем в законодательный отдел департамента экономии, общий же департамент законов — дело другое. Надо подумать.

Тогда великий князь сказал, что не настаивает на назначении Абазы, помирился бы на Старицком.

Государь ответил: «Подумаю и о решении моем напишу».

В отношении к предполагаемым новым членам Его Величество сказал, что на назначение Фриша согласен, о других же двух сомневается.

25 декабря

Сегодня утром великий князь прислал мне возвращенные к нему государем бумаги о председателях и новых членах, при следующей своей записке:

«Спешу возвратить прилагаемые бумаги. Записку государя сообщаю только для личного вашего сведения и прошу ее мне возвратить.

Я уже рад тому, что о Тимашеве нет более речи.

Последняя фраза высочайшей записки меня удивляет. Г. Старицкого прошу пригласить ко мне на завтра, воскресенье, в час».

Вот записка государя:

«24 декабря 1882 г.

Гатчина

На назначение Старицкого председателем департамента законов я согласен, то же и на назначение

Фриша членом Государственного совета. Насчет же Шумахера и Велио думаю, что они вовсе не подходят быть членами Совета. До сих пор еще никого не имею в виду назначить в Совет, если же найду людей подходящих, то пришлю тебе их имена.

О разделении департамента экономии и передаче дел из одного департамента в другой я еще с тобой переговорю, но вовсе не убежден в пользе подобной перетасовки.

Саша»

Последняя фраза государя поразила и меня. Очевидно, Его Величество предположениями нашими недоволен. По всей вероятности, государь советовался с графом Толстым, для которого назначение в председатели департамента законов Абазы, друга Лорис-Меликова, было неприятно.

Неудовольствия на великого князя у государя быть не может, так как Его Величество очень любит Михаила Николаевича. В отношении ко мне — дело другое. Все представленные бумаги были написаны мною собственноручно, и очень может быть, что Толстой возбудил государя против меня. Это навело меня на мысль, не следует ли мне уйти с должности государственного секретаря прежде, чем пожелают меня уволить.

Старицкий, которому я написал о желании великого князя видеть его завтра, приехал ко мне, чтобы узнать, зачем зовет его Михаил Николаевич. Я не скрыл от него предстоящего ему лестного назначения. Егор Павлович был обрадован доверием государя и в то же время несколько смущен трудностью задачи. Я старался его успокоить, говоря, что дело пойдет у него отлично.

Тогда Старицкий заходил в волнении по моему кабинету из угла в угол и минуты через две, остановясь передо мною, сказал, что во всяком случае не считает возможным совместить в своем лице председательство с должностью главноуправляющего кодификационным отделом и предлагает мне взять эту должность. Я поблагодарил за доверие и доброе расположение, но отвечал, что нужно подумать.

Нынешняя моя должность меня более интересует... Бог весть, однако, не следует ли с нее уйти?.. И я рассказал Старицкому все происшедшее. Выслушав меня, Егор Павлович был того мнения, что действительно лучше уйти и что самым подходящим для меня местом [будет] должность главноуправляющего кодификационным отделом. В заключение Старицкий сказал, что предложит меня завтра же великому князю в кандидаты на эту должность.

26 декабря

Будучи озабочен и запискою государя, и предложением Старицкого, я поехал сегодня к Сольскому, чтобы посоветоваться с ним. Он думает тоже, что лучше уйти самому при благоприятных обстоятельствах, чем дожидаться немилости. Во всяком случае, по мнению Сольского, нужно разъяснить положение.

27 декабря

Великий князь пригласил меня сегодня утром к себе и сказал, что государь назначает членом Государственного совета Н. П. Мансурова! Очевидно, это — кандидат Толстого.

Потом его высочество, сообщив мне, что Старицкий рекомендует меня в главноуправляющие кодификационным отделом, спросил, желаю ли я этой должности.

Я отвечал, что готов принять ее, если это нужно, хотя остался бы охотнее государственным секретарем. К этому я прибавил, что положение мое представляется мне несколько сомнительным и что желательно разъяснить его.

Великий князь сказал мне, что уход мой с должности государственного секретаря был бы для него большою потерей, но что, во всяком случае, не хочет быть эгоистом.

По просьбе моей его высочество разрешил мне представить ему для доклада государю конфиденци-

альную записку. Я написал ее вечером и отправил ее на следующее утро. Вот она:

«По возбужденному Е. П. Старицким вопросу о назначении меня в преемники ему, позволяю себе почтительнейше возобновить в памяти вашего императорского высочества то, о чем я имел честь докладывать вчера.

Если бы государь император изволил найти меня достойным и способным к занятию должности главноуправляющего кодификационным отделом, то я принял бы ее с радостью и приложил бы все старания и все силы свои к возможно лучшему исполнению возложенных на кодификационный отдел важных трудов, отчасти мне знакомых.

Затем, если бы Его Величество изволил бы признать меня нужным на настоящей моей должности, не выражая при этом недоверия или неудовольствия ко мне, то я почел бы себя вполне счастливым оставаться по-прежнему ближайшим сотрудником вашего высочества.

Но если бы я имел великое несчастье возбудить чем-либо, конечно, невольно, неблаговоление ко мне государя императора, то, несмотря на то что я весьма ценю свое положение и, смею надеяться, по опытности своей в делах Государственного совета, приношу некоторую пользу, наконец, несмотря на столь драгоценные для меня постоянно близкие отношения к вам, я тем не менее считал бы, с своей стороны, долгом совести, долгом верноподданного просить об увольнении: государственным секретарем, на котором лежит изложение суждений Государственного совета по всем законодательным делам и другим вопросам, представляемым на окончательное разрешение верховной власти, не может быть лицо, не пользующееся доверием своего государя.

Как ни тяжело было бы для меня проявление этого недоверия в той или другой форме, но — если бы оно существовало — я осмелился бы всеподданнейше просить, даже умолять о произнесении рокового слова. В подобных настоящему жизненных вопросах нет большего мучения, как неизвестность, которая, в от-

ношении ко мне, постоянно поддерживается нескончаемыми в течение полутора лет настойчивыми городскими слухами о предстоящем будто бы моем смещении.

На случай, если бы государю угодно было бы меня уволить с должности государственного секретаря, я рекомендовал великому князю на свое место трех лиц: Э. В. Фриша, И. И. Шамшина, П. А. Маркова».

29 декабря

Вечером великий князь пригласил меня к себе, и, когда я вошел в кабинет, его высочество сказал мне: «Поздравляю вас членом Государственного совета с производством в действительные тайные советники».

Затем великий князь обнял меня и сердечно поблагодарил за оказанную в течение полутора лет деятельную помощь.

Поблагодарив, в свою очередь, за всегдашнее милостивое ко мне расположение его высочества, я позволил себе спросить о том, как все произошло.

Великий князь отдал мне мою записку со словами: «Не тревожьтесь, оскорбительного для вас ничего не было. По прочтении вашей записки, государь сказал: „Я никогда бы не возбудил вопроса об его увольнении с настоящей должности. Я знаю, что он человек умный, честный и опытный, одним словом, совершенно на своем месте. Но если Перетц сам возбуждает вопрос, то я должен сказать по совести, что удерживать его не буду. Он напоминает мне такое время, которое мне несимпатично. Они с дядей Костей при покойном государе хозяйничали в Государственном совете и вели дела не так, как бы желал я. Я согласен на назначение его членом Совета и на награждение его чином действительного тайного советника. Что же касается кодификационного отдела, то думаю, что и там он был бы на своем месте; но я лучше бы желал, чтобы Старицкий там [?] пока не убедится на опыте, что не может соединить обеих должностей, которые занимал князь Урусов“».

Сообщив мне все это, великий князь прибавил: «Значит, вопрос о кодификационном отделе тоже почти решен в вашу пользу; придется вам только обождать месяц-другой». Затем я спросил о моем преемнике. «Из указанных вами трех лиц государь выбрал Фриша, — сказал великий князь. — Его Величество вполне ему доверяет. Шамшина Его Величество называл непоседою, так как он часто меняет места. Про Маркова же, — что Лорис-Меликов рекомендовал его дураку Сабурову для проведения либеральных идей и что Делянов был в восторге, когда Набоков взял Маркова товарищем министра юстиции».

Только что великий князь окончил этот рассказ, как доложили о приезде Фриша.

Когда он вошел, великий князь сказал ему:

«Я пригласил вас к себе, чтобы сообщить волю государя императора. Первоначально Его Величеству угодно было назначить вас к 1 января членом Государственного совета. Но сегодня государь изменил свое намерение. По случаю назначения Егора Абрамовича членом Государственного совета, мы должны приискать нового государственного секретаря, и выбор Его Величества остановился на вас».

Фриш поклонился и сказал, что чувствует себя счастливым по случаю оказываемого ему доверия.

«Значит, вы принимаете должность государственного секретаря?»

«Если государю императору и вашему высочеству угодно мое назначение, — отвечал Фриш, — то я не смею отказываться, хотя и не уверен, что буду на месте».

«Бог даст, все пойдет хорошо, — сказал великий князь и, обращаясь ко мне, прибавил: — Пожалуйста, Егор Абрамович, озаботьтесь заготовлением всех необходимых указов... Еще раз благодарю вас». И великий князь с чувством пожал мне руку.

Домой приехал я, странно сказать, и огорченный, и в то же время довольный. Огорчало меня недоверие ко мне. Доволен же я был тем, что недоверие это (если великий князь не слишком смягчил сказанное государем) облечено было в мягкую, не оскорбитель-

ную для меня форму. К тому же я утомлен бесконечными тревогами последних двух лет...

Возвратясь домой, я немедленно написал управляющему отделением дел государственного секретаря Н. М. Рембелинскому, прося его приехать ко мне и выписать ко мне же одного из лучших переписчиков.

Рембелинский явился через полчаса и был поражен сообщенной мне вестью. Я думаю, что сожаление его о моем уходе было искренне. Мы принялись за составление указов, и, когда их отдали в переписку, раздался вдруг звонок, и мне доложили о приезде Э. В. Фриша. Он вошел скорыми шагами, насупленный и, почти не здороваясь, стал повторять: «Это ужасно, это ужасно».

«Что такое ужасно, любезный Эдуард Васильевич?» — сказал я, взяв его за руку.

«Ужасно то, — отвечал он, — что меня назначают на должность, на которую я не гожусь... До сих пор я исполнял свои обязанности добросовестно, и все находили меня полезным... а теперь я пропаду ни за что».

«Полноте, успокойтесь. Отчего же вы пропадете? Я уверен, что у вас все пойдет прекрасно».

«Ошибаетесь, я лучше себя знаю. Начиная с того, что я вовсе не редактор, а человек, не обладающий хорошим пером, не годится в государственные секретари».

«Это еще не такая беда, — сказал я. — Вы будете уметь направить, а напишут другие. Все статс-секретари Государственного совета мастера на это, и вообще они будут вам отличными помощниками».

«Вот в том и беда, — сказал Фриш, — что мне, прослужившему весь век, так сказать, в армии, придется командовать гвардейцами. Это ужасно. Я просто пропаду».

«Но в таком случае зачем же вы приняли должность? Вы могли отказаться, когда великий князь говорил с вами».

«Действительно, так бы следовало мне поступить. Но на меня нашел какой-то столбняк... Притом я был поражен милостивым доверием государя».

«Жаль, что вы не заявили тогда своих сомнений. А теперь у нас уже указ написан о вашем назначении. Завтра он должен идти к подписанию Его Величества».

Как только сказал я это, Фриш опять заговорил: «Это ужасно, это ужасно», и заходил по комнате.

Мне стало жаль его, и я предложил поехать завтра поутру к великому князю и рассказать ему о сомнениях Фриша. По всей вероятности, все устроится. Нельзя же назначать кого-либо на должность вопреки желанию назначаемого.

Фриш просиял.

Затем я объяснил, что главная трудность будет заключаться в приискании подходящего кандидата, так как Шамшин и Марков забракованы государем.

«Я думал об этом, — сказал Фриш, — нельзя ли предложить сенатора Голубева?»

«Голубева я знаю. Человек он, действительно, умный и отличный юрист. Но, прежде всего, Голубев во все неизвестен ни государю, ни великому князю; он тоже неизвестен и в высших правительственных сферах. Затем, как я слышал, он вовсе не распорядителен и тяготился даже должностью директора департамента Министерства юстиции».

«Действительно так», — сказал Фриш.

«В таком случае, при всех своих качествах, Голубев не годится в государственные секретари. Выйдет то, что мы лишим Сенат отличного сенатора, а настоящего государственного секретаря иметь не будем».

Несмотря на неимение нами подходящего кандидата, я обещал Эдуарду Васильевичу поехать утром к его высочеству и постараться избавить его от неприятного ему назначения.

30 декабря

Приехав сегодня утром к великому князю, я узнал, что только [что] вошел в кабинет А. А. Половцов. Поэтому мне пришлось обождать, впрочем, очень недолго. Почти вслед за докладом обо мне Половцов вышел, и мы поздоровались с ним на ходу.

Его высочеству отказ Фриша был очень неприятен, но он понял, что принуждать его нельзя, точно так же невозможным считал его высочество предлагать снова государю Шамшина или Маркова: отказ со стороны Его Величества был слишком решительный.

«В таком случае, что же нам делать?» — сказал я.

«Не просить ли государя о назначении Рембелинского?» — спросил великий князь. — Я познакомился с ним, когда он исправлял вашу должность минувшим летом, и он мне очень понравился».

«Я был убежден в этом заранее, ваше высочество, — отвечал я, — Рембелинский, действительно, прекрасный человек, отличный работник и [...] у него очень приятные. Но, по моим понятиям, — мне тяжело сказать это про человека, которого я люблю, — в государственные секретари Рембелинский не годится; к нему можно применить известный французский стих: «*Tel brille au second rang, qui s'eclipse au premier*»*. Летом не было заседаний Государственного совета, и потому не возбуждалось никаких особенных вопросов. Для дел обычных, налаженных Рембелинский отличен; если же возникает что-нибудь новое, неожиданное, то он не всегда найдется. К тому же назначение Рембелинского было бы едва ли политично. Он выведен мною и очень мне предан; поэтому в случае назначения его все стали бы говорить, что государственною канцеляриею заправляю по-прежнему я. Это могло бы поставить ваше высочество в положение неудобное в отношении к государю.

«Но как же быть?» — сказал великий князь. — У нас нет никого?»

«Ваше высочество, — сказал я, — позвольте спросить вас: знаете ли вы близко Половцова, который только что от вас вышел?»

«Нет, я знаю его очень мало. Он приглашает меня иногда на балы и на охоты. Сейчас был он с приглашением на бал. Почему вы спрашиваете это?»

* Иной из блистающих на вторых ролях теряет весь свой блеск, переходя на первые (*фр.*). — *Прим. ред.*

«Я спрашиваю потому, что Половцов слывет за умного человека. Еще недавно говорил мне Лорис-Меликов, что его очень ценит Абаза. А Абаза понимает людей. Сам я знаю Половцова немного. Знаю только, что он считается хорошим и распорядительным обер-прокурором I департамента, затем, в качестве сенатора, он ревизовал Киевскую губернию. Наконец, благодаря чрезвычайному богатству жены он имеет положение совершенно независимое. Рекомендовать его я не смею; но, может быть, Половцов и оказался бы хорошим государственным секретарем. Прежде всего, надо собрать о нем справки...»

«Вы совершенно правы, — сказал великий князь. — При неимении других подходящих кандидатов, нельзя пренебрегать Половцовым. Окажите мне последнюю услугу — соберите о нем справки».

«С удовольствием, ваше высочество. Но у кого именно?..»

«Прежде всего у министра юстиции, так как Половцов — сенатор; затем у Сольского, который, вероятно, знает его».

«Не спросить ли также Фриша, который, как мне кажется, товарищ с Половцовым по училищу правоведения? А быть у него я должен во всяком случае, так как нужно порадовать его тем, что ваше высочество беретесь ходатайствовать об освобождении его от должности государственного секретаря».

«Прекрасно, спросите и Фриша».

Министр юстиции Набоков оказался вовсе к Половцову не расположенным. Он отрицал в нем всякого рода качества и видел лишь напыщенность, самомнение и т. п. дурные его стороны. Когда я сказал, что Половцов был, однако, хорошим обер-прокурором I департамента Сената, Набоков возразил, что нынешний обер-прокурор Евреинов гораздо лучше, и советовал взять скорее его.

Не отрицая хороших сторон Евреинова как добросовестного и честного труженика, я отвечал, что едва ли подходит он к тому, что требуется от государственного секретаря. Евреинов, в сущности, хоро-

ший чиновник; такие есть и в государственной канцелярии.

Фриш, чрезвычайно обрадованный тем, что чаша минует его самого, отзывался о Половцове с лучшей стороны: он считает его умным, ловким и умеющим выбирать людей. Не утомляя себя самого работою, Половцов сумеет заставить других трудиться усердно и хорошо. В I департаменте Сената он оставил по себе добрую память, между прочим — тем, что образовал прекрасный состав канцелярии. По мнению Эдуарда Васильевича, должности государственного секретаря Половцов не только не уронит, но придаст ей новое значение. Министры будут его побаиваться.

Сольский не разделял ни враждебных взглядов Набокова, ни восторженных отзывов Фриша. По мнению Дмитрия Мартыновича, у Половцова есть положительные качества: здравый ум, ловкость и репутация хорошего администратора.

Есть у него и недостатки: не говоря уже о напыщенности, непомерное честолюбие, а в то же время неохота трудиться и, что хуже всего, некоторое двуличие. Если бы руки у нас были свободны, то Дмитрий Мартынович не предложил бы Половцова в государственные секретари; но так как выбора нет, то, делать нечего, приходится мириться с ним. По уму Половцов несравненно выше Рембелинского.

В первом часу был я уже у великого князя и доложил ему почти буквально все мною слышанное. Его высочество отправился тотчас в Гатчину.

После обеда великий князь послал за мною и рассказал, что государь хотя и сожалеет об отказе Фриша, но не настаивает на назначении его государственным секретарем. Таким образом Эдуард Васильевич, согласно первоначальному предположению, будет членом Государственного совета.

На должность государственного секретаря великий князь предложил двух кандидатов: Половцова и Рембелинского, последнего в качестве исправляющего должность, впредь до приискания другого лица

или же до утверждения его самого, если бы государь был им доволен.

Про Половцова Его Величество сказал, что отчасти знает его по Историческому обществу, что он — человек вообще способный, но иногда увлекается; в таких случаях урезонивает его Победоносцев. Может быть, Половцов и будет годиться; нужно, однако, посоветоваться с Толстым, который его знает ближе.

Великий князь испугался такого привлечения Толстого к разрешению чисто советских вопросов и просил государя, если Его Величество не решается назначить Половцова, возложить управление государственною канцеляриею на Рембелинского, который имеет многие качества и, может быть, справится с должностью. Государь согласился.

Его высочество, тотчас по возвращении из Гатчины, послал за Рембелинским и сообщил радостную для него новость. Рембелинский был в восторге. Вечером он приехал ко мне.

31 декабря

В сегодняшнем общем собрании рассматривались сметы на будущий год. Заседание было бесцветное. Зато много было разговоров о моем уходе и о назначении Рембелинского. Выбор этот никем почти не одобрялся, так как Рембелинского считают чиновником.

После заседания великий князь позвал меня к себе в кабинет, снова горячо благодарил за совместную нашу деятельность и опять обнял меня. Я был совершенно растроган.

По отъезде великого князя я занялся меморией о государственной смете, которую нужно было представить государю сегодня же. Вдруг, в пятом часу, прибегает фельдъегерь великого князя и просит немедленно к нему. Когда я явился во дворец, его высочество показал мне только что полученную им от государя телеграмму о представлении к подписанию Его Величеству указа о назначении Половцова государственным секретарем.

По всей вероятности, государь говорил о нем с Толстым, бывшим сегодня в Гатчине, и Толстой одобрил этот выбор.

Великий князь был несколько смущен. Между прочим, досадно было ему за Рембелинского, которого в Совете все поздравляли с назначением. Я доложил его высочеству, что для утешения Рембелинского следовало бы испросить ему звание статс-секретаря Его Величества. Великий князь нашел, и с своей стороны, справедливым и обещал просить о нем государя.

1883 год

1 января

После выхода представлялся государю и благодарил за назначение. Его Величество был благосклонен и расспрашивал меня про наши советские дела, как будто бы я был еще государственным секретарем. Члены Совета относятся ко мне хорошо.

Рембелинскому пожаловано звание статс-секретаря.

12 января

Граф П. А. Шувалов рассказал мне о разговоре своем с Толстым, которого просил разъяснить, почему я уволен и почему мне преемником назначен Половцов.

Относительно меня Толстой сказал, что я уволен за комбинацию, благодаря которой вернулись бы к власти Абаза, Лорис-Меликов и вся их компания. Если такова была действительная причина моего увольнения (т. е. наговор Толстого на меня государю), то я уволен напрасно.

Не отрицаю, что я очень желал возвращения к делам Абазы, финансовые таланты которого всегда ценились и Его Величеством. Но я вовсе не желал возвращения Лорис-Меликова; лучшее тому доказательство, что я не способствовал осуществлению его желания быть назначенным в состав департамента законов.

Затем, в отношении к Половцову, Толстой сообщил следующее.

Государь рассказал ему, что в числе кандидатов на должность государственного секретаря великий

князь называл и Половцова, но что Его Величество не решился его назначить, не будучи вполне уверен в нем. Тогда Толстой выразил сожаление о неназначении Половцова, так как он человек очень богатый и потому будет способствовать ограждению прав собственности, которые в последнее время не раз нарушались.

По всей вероятности, такова была мысль Толстого: не думаю, однако, чтобы он высказал ее государю в такой грубой форме. Он просто представил Половцова человеком способным и притом консерватором...

26 января

Был порадован вчера вечером письмом от великого князя Константина Николаевича. Вот оно:

«20 января 1883 г. Париж (1 февраля)

Искренне благодарю вас, любезнейший Егор Абрамович, за ваше письмо от 7 января и поздравляю вас с новым назначением. Но, признаюсь, я сам себя спрашиваю, радоваться ему или нет? Вы еще так молоды, в вас, слава Богу, столько еще энергии, что как-то жалко мне радоваться тому, что вы уже теперь переходите на сравнительный покой. Государственные секретари обыкновенно удерживались на их многотрудной должности лет по десяти и более. Стоит для этого вспомнить Корфа, Бахтина, Буткова, Сольского. Вас уже спустили после четырех лет, и я об этом более сожалею, чем радуюсь. Не удивляйтесь этому и не сердитесь на меня. Я это говорю, думая о брате Михаиле, думая о деле. И для брата, и для дела это в моих глазах большая потеря, и жалко мне, что они (брат и дело) лишаются вашего содействия, вашей пользы, вашей деятельности, которые еще столько лет могли бы быть им полезны. Разумеется, что и в качестве члена Совета и члена департамента вы будете дело делать, потому что не можете сидеть сложа руки, но это будет то, да не то.

Уже не будет так непосредственно от вас зависеть держать высоко знамя Государственного совета (ваше собственное выражение), что теперь может быть более необходимым, чем когда-либо. Ко всему этому присоединяется и некоторое эгоистическое чувство. В вашей службе в качестве государственного секретаря, в вашем состоянии при брате я видел как бы продолжение и сохранение преданий, образовавшихся во время моего 16-летнего председательствования. Сохранятся ли они и впредь при новом государственном секретаре — я не знаю и предвидеть не могу. Половцова я совсем не знаю с деловой стороны, желаю ему полного успеха на этой важной должности; но не могу не опасаться, что для брата разница будет очень чувствительная в отношении помощи в делах, которую он в нем может найти. Половцов для государственной канцелярии человек совершенно новый, и нелегко ему будет войти в нить преданий, и придется много самому учиться, чтобы встать на высоту своей новой роли. Вот причина, почему я несколько скромен в радости о вашем назначении, — не удивляйтесь этому. Для вас же лично я не могу, разумеется, не радоваться, потому что вы будете иметь сравнительный покой и будете менее подвергаться опасности от разных интриг и сплетен, головоломность которых вы испытали в течение прошлого года. Осенью, когда брат жил в Крыму, мы с ним часто виделись и говорили про вас, и я с сердечным удовольствием видел, как он вас ценит, привязался к вам, как он сам убедился, что все то, что я ему про вас говорил еще 1881 году, была правда. Засим желаю вам впредь всякого благополучия и успеха в тех занятиях, которые теперь вам предстоят, и прошу вас сохранить ко мне вашу прежнюю привязанность, ваши старые чувства, которые я так давно привык ценить.

Искренне вас любящий
Константин»

Приложения

Предисловие к изданию 1927 года³⁷

Автор дневника — Егор Абрамович Перетц (род. 1833, ум. 1899) — был самым младшим из сыновей известного откупщика и еврейского общественного деятеля Абрама Израилевича Перетца и, подобно братьям — декабристу Григорию (по имени которого и назван), видному деятелю горного ведомства Александру и инженеру-технологу, б. директору Технологического института, Николаю³⁸, — получил европейское образование и стал по вероисповеданию лютеранином. Деловитый чиновник с солидным юридическим образованием (юридический факультет Петербургского университета и заграничная командировка в 1862 г. для изучения уголовного судопроизводства), Е.А. Перетц сделал большую карьеру, начав службу во II отделении Собственной Его Величества канцелярии; он был активным участником работ по судебной реформе и по разработке проектов городского самоуправления, с 1871 г. — статс-секретарем, в 1878–1883 гг. — государственным секретарем и закончил служебную деятельность членом Государственного совета и председателем попечительного совета Ведомства учреждений имп. Марии.

Издаваемый дневник Е.А. Перетца относится к годам, когда он, в качестве государственного секретаря, стоял всего ближе к правительственным верхам и был не только близким свидетелем, но и участником разьедавшей эти верхи борьбы различных тенденций и группировок. Поэтому его дневник за 1880–1883 гг. — существенный источник для изучения истории этих лет: исхода царствования Александра II и перехода

власти к Александру III, отразившихся в нем не менее показательно, чем в дневниках вел. кн. Константина Николаевича и гр. П. А. Валуева или в письмах К. П. Победоносцева к Александру III³⁹.

Е. А. Перетц — типичный представитель той «либеральной» бюрократии шестидесятых-семидесятых годов, которая отстаивала проведение в жизнь «освободительных» реформ, начатых отменой крепостного права, введением земских учреждений и новых судебных уставов, и будущую Россию представляла себе буржуазной монархией, управляемой деятельным бюрократическим аппаратом, с сильным развитием промышленности, торговли и просвещения, с обеспеченным бытом крестьянства как класса мелких земельных собственников и с надежной опорой правительственной власти в интересах крупной и мелкой буржуазии, наподобие Франции «второй империи»⁴⁰. Либерализм этой бюрократии определялся стремлением к утверждению формальной законности в делах управления и суда, равенства граждан в обеспечении личных и имущественных прав, свободы печати и общественной самодеятельности — в пределах существующего строя. Готовый всемерно обслуживать интересы новой буржуазной общественности, этот бюрократический либерализм не был, однако, склонен заходить сколько-нибудь далеко в сторону преобразования политического строя на конституционных началах. Властное влияние землевладельческого дворянства, сохранившего значение господствующего класса, сказалось слишком сильно в урезке и коренном искажении «освободительных» реформ, определило их половинчатость и питало нарастающую реакцию. Истекавшее двадцатилетие «эпохи реформ» ставило на очередь вопросы о завершении выкупной операции — обязательным осуществлением выкупа и ее хотя бы относительным облегчением в понижении выкупных платежей, ликвидацией подушной подати, наконец — пересмотром ее общих итогов, которые выявились в трудах валуевских комиссий семидесятых годов как принесшие крестьян-

ству разорение и новые формы закрепления, а государству — такой строй местных отношений, который «нельзя признать сколько-нибудь удовлетворяющим потребностям народа». В поисках выхода из создавшегося крайне тяжелого положения буржуазно-либеральные элементы высшей бюрократии, продолжатели милютинских традиций, группировавшиеся вокруг председателя Государственного совета вел. кн. Константина Николаевича, рассчитывали на силу центральной правительственной власти и ее бюрократического аппарата и мечтали о планомерной законодательной работе Государственного совета для завершения и углубления преобразования.

Но, с другой стороны, рост революционного движения и явное бессилие правительства в борьбе с ним побуждали искать опоры в благоразумных элементах населения — тех, на которых Валуев указывал как на «природно-охранительные», — т. е. в дворянстве и купечестве, однако без ослабления полицейско-бюрократической власти в центре и на местах, а напротив, с усилением ее организации и дееспособности. Необходимость считаться с настроением господствующих в стране общественных элементов толкала на уступки их настроениям и требованиям, в частности — с земским конституционным движением, поскольку оно сказывалось в ходатайствах, заявлениях и адресах губернских земских собраний. Максимум этих уступок, на какой готова была идти либеральная бюрократия, нашел себе выражение в проекте организации при Государственном совете собрания гласных, представителей губернских земств и городских дум, с предоставлением им совещательного голоса при обсуждении тех дел, которые «требовали ближайшего соображения с местными потребностями». Такой проект был выработан Е. А. Перетцом летом 1880 г. по поручению вел. кн. Константина Николаевича. С аналогичным, и даже более широким, проектом созыва «съезда государственных гласных» выступал еще в 1863 г. Валуев, который предлагал предоставить представителям «съезда» 16 решающих голосов

по делам, рассмотренным на съезде, тогда как по проекту Перетца в заседания Государственного совета допускался только один докладчик по данному вопросу. Но общая тенденция Валуева состояла в организации влияния наиболее консервативных элементов с прямым признанием землевладельческого дворянства основной государственной силой, а группа Константина Николаевича не доверяла этой силе и не только не была сколько-нибудь популярна в среде дворянства, но пользовалась репутацией «красной» и навлекла на себя укоризну зараз и в «поклонении петровской палке», и в связях с террористами. Проект 1880 г., как видно из дневника Перетца, стал тем зерном, из которого выросла, путем еще большей урезки его и без того более чем скудного политического содержания, пресловутая «конституция» Лорис-Меликова.

Вел. кн. Константин Николаевич был подготовлен к роли лидера и покровителя либеральной бюрократии своей связью с морским ведомством, в качестве генерал-адмирала, и с интересами торгового мореплавания — по участию в почине организации, после уничтожения военного флота на Черном море, Русского общества пароходства и торговли; его окружали люди, поведшие дело изучения производительных сил России ради изыскания «новых и притом колоссальных источников народного богатства» и работу над раскрепощением трудовых сил населения; в вел. кн. Константине либеральная бюрократия нашла себе опору в «высших сферах» — правительственных и династических. А в ту же пору — в шестидесятых годах — определилась и другая группировка в тех же «сферах» — сторонников «охранительных начал» и националистического консерватизма, дворянских классовых интересов и дореформенных традиций николаевского самодержавия — вокруг наследника-цесаревича Александра Александровича. Будущего императора Александра III окружали люди, враждебные Константину и его советникам и сотрудникам. Антагонизм был явный и почти не прикрывался внешними формами корректных отношений.

Вступление на престол Александра III ликвидировало влияние вел. кн. Константина и его группы: новый император не скрывал, что «не может видеть» дядю Константина, а при отставке Перетца из государственных секретарей отозвался так: «Он напоминает мне такое время, которое мне несимпатично».

Вся «эпоха реформ» и все царствование Александра II прошли в постоянных колебаниях правительственной политики между этими двумя направлениями — буржуазно-либеральным и дворянско-реакционным, в непрерывном шатании мысли и действия и в тщетных исканиях компромисса противоборствующих интересов и тенденций. В реформах, поскольку они проводились, возобладала, по выражению Валуева, «идея отступного торга», в общей политике — «цели самосохранения самодержавной власти». А закончилось царствование это характернейшей попыткой воссоздать единство в организации и действиях расшатанной правительственной машины так называемой диктатурой Лорис-Меликова и его «конституцией», о которой сложилась либеральная легенда, весьма мало похожая на подлинно бывшую действительность. Дневник Перетца пополняет рядом своих сообщений данные для более подлинной истории этих лет.

Мы имеем дневник Перетца только с конца сентября 1880 года⁴¹. К этому времени особо обострилась двойственность правительственных приемов и усилилась расшатанность всего административного строя. При сознании, что необходима органическая законодательная работа, на деле утвердились практика проведения мероприятий по важнейшим вопросам путем «временных правил», циркуляров и негласных распоряжений; и упорный антагонизм администрации с земскими учреждениями и «независимым» судом. Потребность в «утверждении законности» и непомерное развитие безответственных генерал-губернаторских полномочий; бессилие высших центральных учреждений сколько-нибудь планомерно вести управление страной, разбитой на ряд автономных

генерал-губернаторств, — все эти черты государственного строя империи ставили на очередь задачу восстановления единства правительственной власти. Разрешение этой задачи и было целью учреждения Верховной распорядительной комиссии, которой были предоставлены чрезвычайные административно-полицейские полномочия. Проект этого учреждения был выработан гр. Лорис-Меликовым, который и стал во главе Верховной комиссии, а проведен в жизнь при активной поддержке цесаревича Александра. Основной мотив программы Лорис-Меликова — объединение всех административных и судебных сил в борьбе с революционным движением и привлечение к этой борьбе всех землевладельческих и капиталистических сил общества: «Подавить крамолу в дерзких ее проявлениях и тем доказать силу правительственной власти и отторгнуть от революции колеблющихся». Правящим верхам грозила опасность объединения земского конституционного движения с революционным-народническим в буржуазной революции, перед которой окажется бессильным дезорганизованное самодержавие. Предотвратить эту опасность казалось возможным концентрацией правительственных сил, с одной стороны, а с другой — рядом умеренных частичных уступок наиболее настойчивым требованиям буржуазной общественности, в среде которой желательно было восстановить сильно расшатанное доверие к правительству.

«Диктатура» Верховной комиссии была весьма не продолжительной — с марта по август 1880 г. — и послужила Лорис-Меликову только переходом к тому, что он называл «возвращением от чрезвычайных мер к законному течению дел». В августе упразднены Верховная комиссия и III отделение Собственной Е. И. В. канцелярии с передачей их дел Министерству внутренних дел, расширенные полномочия которого перешли в руки министра — Лорис-Меликова. Лорис-Меликов планомерно стремился к значению «первого министра» в объединенном правительстве. С этого момента и начинается дневник Перетца. Автор днев-

ника сообщает, как Лорис-Меликов на другой день после 1 марта 1881 г. поднял при первом же своем докладе новому императору вопрос о своем увольнении, ссылаясь на то, что «обстоятельства изменились: на престол взошел государь молодой, свежий, энергичный, имеющий возможность сосредоточить непосредственно в своих руках все распоряжения по главным предметам государственного управления», а когда Александр III, еще не определивший своей линии поведения, отставки не принял, Лорис-Меликов сделал попытку провести мысль о том, что для сильного правительства необходимо единство министерства, действующего по согласованной программе и подготовляющего доклады по всем общим вопросам в своих совещаниях. Александр III уклонился от учреждения чего-либо вроде «кабинета» и признал только пользу предварительных «частных» совещаний министров, никак не оформленных: «Чем меньше будет формальностей, тем лучше». Мысль о едином министерстве была сорвана. Такая же судьба постигла и другую мысль Лорис-Меликова — об организованном сотрудничестве правительства с обществом.

При вступлении своем в должность главного начальника Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликов опубликовал в «Правительственном вестнике» нечто вроде манифеста, где заявил: «На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению течения государственной жизни, от перерыва которого наиболее страдают интересы самого общества». И он не ошибся в своем призыве: популярность он приобрел чрезвычайную, что нашло себе выражение в ряде приветственных адресов от земских и городских собраний. Лорис-Меликов мечтал о воссоздании сильного правительства, которое подавит революционное движение и затем приступит к умеренным реформам по хорошо знакомой позднейшей формуле: «Сперва успокоение, потом реформы»⁴². Он рассчитывал быстро достигнуть своей цели. В том же августе

1880 г., когда Лорис-Меликов ликвидировал Верховную распорядительную комиссию, он провел назначения сенаторских ревизий по нескольким губерниям — с широкой программой, — для выяснения назревших «нужд страны» и задач очередных реформ. Данные, собранные этими ревизиями, должны были послужить материалом для планомерной законодательной работы. Для всестороннего обсуждения новых законопроектов Лорис-Меликов предложил образовать редакционные комиссии по примеру тех, которые подготовили Положение 19 февраля 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, «с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергнуты рассмотрению с участием представителей от земств и некоторых значительнейших городов». Состав подготовительных комиссий определялся назначением правительственной властью сведущих по данной части служащих и неслужащих лиц, но окончательное обсуждение, до представления законопроектов в Государственный совет, предполагалось поручить общей комиссии из председателей и членов подготовительных комиссий с призывом к этому обсуждению по два выборных от каждого губернского земства и от городских дум некоторых более крупных городов, а от губерний неземских — из местных людей по указанию губернаторов. Лорис-Меликов полагал, что такое «призвание общества к участию в разработке необходимых мероприятий... необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой».

Этот проект встретил сочувствие со стороны вел. кн. Константина Николаевича и людей его кружка и решительную оппозицию сторонников неукоснительного самодержавия, которые усмотрели в призыве «выборных» первый шаг к конституционному ограничению верховной власти. Однако, на первых порах, проект получил движение. Александр II поручил его предварительное обсуждение Особому совещанию под председательством Валуева, при участии двух великих князей — цесаревича Александра и Константина Николаевича, Лорис-Меликова, ми-

нистра финансов Абазы и государственного контролера Сольского. Совещание одобрило проект; Александр II утвердил журнал совещания с тем, чтобы дело было окончательно обсуждено в Совете министров; составлен был и проект правительственного сообщения о созыве «общей комиссии», одобренный императором утром 1 марта; окончательное обсуждение проекта в Совете министров было назначено на 4 марта. Эти-то распоряжения Александра II и называют утверждением «конституции Лорис-Меликова» в последний день жизни царствования Александра. На деле тут не было ни конституции, ни ее утверждения.

Личная роль Александра II во всех этих опытах налаживания правительственной машины и ее связи с «обществом» — пассивна; как было и в «эпоху реформ», он стоит между борющимися течениями безличный и безвольный⁴³. Лорис-Меликов имел успех, хотя бы временный, поскольку сумел втянуть в свои предположения не только разные элементы бюрократии, преимущественно ее «либерального» крыла, но и цесаревича Александра, которого привлек идеей восстановления единства сильной власти, подавления «крамолы» и преодоления общественной оппозиции. И создававшаяся конъюнктура отношений, для него благоприятная, не была сразу разрушена событием 1 марта, передавшим верховную власть в руки Александра III. Заседание Совета министров для обсуждения его проекта состоялось 8 марта. Дневник Перетца дает наиболее отчетливую запись о ходе прений, какую имеем; опытный секретарь, он стал записывать по свежей памяти, что слышал в заседании, в тот же день, а подробное изложение заготовил в ближайшие два вечера. Разногласия выступили с такой резкостью, что прения приняли почти характер политических дебатов. Победоносцев грозил гибелью России от этой «фальши по иноземному образцу»; Абаза говорил о том, что правительство «не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников». Сторонники проекта, которых довольно

неожиданно поддержал и вел. кн. Владимир Александрович, свели итог совещания к передаче вопроса на более тщательную проработку в особую комиссию. Тем дело и кончилось. Такая комиссия и не собиралась: предположения Лориса, его мнимая конституция, «канули, — по выражению Перетца, — в воду». Но бесследно они не прошли: утвердилась практика призывать к обсуждению важнейших законопроектов «экспертов из наиболее известных и сведущих практических деятелей»; данные сенаторских ревизий легли в основу бесплодных трудов «Кахановской» комиссии для составления проектов местного управления (1881–1885), в которой роль «местных сведущих людей» играли предводители дворянства, председатели земских управ и даже... губернаторы.

Впрочем, Лорис-Меликов не считал себя побежденным и после заседания 8 марта; он делает попытку удержаться при власти, поднимая, как выше упомянуто, вопрос об организации единства правящих верхов. Полусогласие Александра III, которое было, по существу, срывом всего замысла, было даже понято сторонниками Лорис-Меликова как его победа над враждебными ему влияниями, особенно Победоносцева. Эти люди не понимали, что идет процесс самоопределения нового правительства, идущего им на смену. Только неожиданное и для «первого» министра, и для остальных его коллег появление манифеста 29 апреля 1881 года с заявлением о непоколебимой вере «в силу и истину» самодержавной власти и об обязательстве ее «охранять для блага народного от всяких на нее поползновений» раскрыло им глаза. Лорис-Меликов и Абаза подали в отставку и навлекли на себя укоризну Александра III за то, что «не могли найти другого повода к уходу, как издание манифеста».

Этим эпизодом закончился первый период в процессе образования правительства Александра III. Но им еще не закончились колебания еще не вполне себя определившей новой власти. Вторым периодом этих колебаний можно назвать министерство

гр. Н. П. Игнатьева — с мая 1881 г. по май 1882 г. С Игнатьевым приходило к власти «истинно-русское» дворянство, враждебное буржуазному либерализму, хотя бы в его ослабленной бюрократической форме. Но в этой среде был свой «либерализм» — тот, который еще Иван Аксаков охарактеризовал как «либерализм озлобившихся помещиков»⁴⁴ и который сводился к враждебному отношению землевладельческого дворянства, отстаивавшего свое господство в стране, к властвованию бюрократических учреждений. Новый министр внутренних дел сразу выступил с программным циркуляром, в котором резко осуждал бюрократию, а своей задачей объявлял содействие «живому участию местных деятелей в исполнении высочайших предначертаний». Немудрено, что Перетц записал в дневнике: «Циркуляр этот вовсе не согласен с видами Победоносцева, очень хорош и производит на всех самое лучшее впечатление», как записал затем и про другой игнатьевский циркуляр губернаторам, что он «по содержанию своему и направлению точно также мог бы быть подписан и Лорис-Меликовым». Перетц уже порешил, что «Игнатьев и по направлению своему, и по приемам — тот же Лорис». С точки зрения государственного секретаря, юриста, блюстителя законных форм, — оба они грешили одним и тем же: проводить, опираясь на власть самодержца, свои «законодательные импровизации» помимо Государственного совета. Перетц отмечает в дневнике ряд конфликтов, возникавших на этой почве, которые ему приходилось улаживать, отстаивая законный порядок обсуждения и разработки существеннейших мероприятий.

Игнатьев, действительно, недолго ладил с Победоносцевым и его воспитанником Александром III. По недавно опубликованной переписке Победоносцева можно проследить, как нарастало его раздражение против Игнатьева⁴⁵. Чашу самодержавного терпения Игнатьев переполнил своим проектом созыва ко дню коронации нового императора Земского собора. Через несколько дней после дворцового совещания, осу-

дившего этот проект, Игнатъев был уволен и заменен гр. Д. А. Толстым. К этому времени вел. кн. Константин Николаевич был уже уволен, — характерные перипетии этого увольнения Перетц передает весьма обстоятельно, — а к концу 1882 г. и Перетц перестал быть государственным секретарем. Устранялось от дел ядро либеральной бюрократии. Дмитрий Толстой выразил Перетцу свое удовольствие от замены его в должности государственного секретаря А. А. Половцовым — «так как он человек очень богатый и потому будет способствовать ограждению прав собственности, которые в последнее время не раз нарушались»... К власти в управлении страной поднялись представители интересов дворянского землевладельческого класса, — той группы сановников, которая возражала против отмены подушной подати и против «чрезмерного» понижения выкупных платежей. Александр III дал краткую программу нового правительства в своем наставлении волостным старшинам, которых принял по случаю своей коронации: «Слушайте ваших предводителей дворянства». Колесания кончились. Определился политический курс. Возродились в новой форме тенденции дореформенной России — России Николая I, самодержавной и помещичьей.

На этом и кончается дневник Перетца, отразивший в своих записях последние судороги преобразовательных опытов и борьбы с ними нараставшей реакции.

А. Е. Пресняков

Всеподданнейшая записка статс-секретаря П. А. Валуева⁴⁶

Со времени первых революционных событий в Варшаве прошло тяжелых два года⁴⁷. Все испытано для улучшения дел в Царстве, — перемена лиц, изменение системы, полная отдельность местного управления, широкие реформы, передача гражданской администрации в руки поляка, назначение наместником члена императорского дома, наконец, сила оружия, — и все испытано безуспешно. Мы теперь далее от цели, чем, может быть, были в феврале месяце 1861 г. Между тем мятеж охватил, хотя доселе только в разбойничьих формах, западную окраину империи; искусственно возбуждаемые симпатии к Польше возрастают; крики клеветников России раздаются все громче и выше; наконец, европейские державы вмешиваются в дело. Нам предстоит на первый раз дипломатические объяснения, а затем война или уступки. Если мы до сих пор не покончили с Царством, то можем ли мы надеяться на скорый успех, когда на его сторону станут новые и громадные силы. Если поляки продолжали упорствовать при безмолвии и бездействии Европы, то можно ли ожидать покорности в то время, когда они увидели, что польский вопрос делается европейским и что у них не только есть ходатаи, но и будут союзники.

Не малодушие приводит к этим сомнениям, но хладнокровная оценка нашего положения. Мы опасаемся новой войны не столько потому, что западные державы сильны, сколько потому, что мы в последнее время чувствовали себя внутренне слабыми. Мы не можем быстро подавить мятеж, потому что мы проливаем кровь бережливо, а на это береж-

ливое пролитие крови поляки решились. Их упорство очевидно и систематически направлено к тому, чтобы протянуть дело до европейского вмешательства. Это вмешательство, в свою очередь, неизбежно, если дело протянется. Мы даже не знаем достоверно, не замедлилось ли оно, между прочим, ожиданием того времени года, когда с открытием навигации оно может обнаружиться быстрее и решительнее. Между тем каждый день стоит нам значительных пожертвований, поддерживает опасное брожение в Западном крае, теснее связывает западный вопрос с вопросом польским и через то увеличивает предстоящие нам затруднения. Если после всего того, что Вашим Величеством уже даровано Царству, после всех жертв, принесенных терпением и человеколюбием Вашего Величества делу охранения владычества России над Польшей, нужны уступки, то в чем могут заключаться они, если не в том самом, чего западные державы будут домогаться для Царства. Если мы уступим теперь, ввиду вооружающегося вмешательства иностранцев, нам трудно будет с достоинством отвечать на вопрос, почему мы не уступали ранее, и мы обрадуем наших клеветников и завистников, позволив им усвоить России вид коршуна, которого Европа спугнула с его добычи. Если же мы не уступим, — перед нами война, война, к которой мы исподволь не приготавливались, и вместе с этой войной — необходимость быстро скрепить поколебавшиеся основы нашего могущества и найти в нас самих источник нужных нам сил. Смею думать, что пробудившийся наконец после двухгодового сна русский патриотизм указывает на этот источник.

Два года патриотические чувства в русских безмолвствовали. Ни польские крамолы, ни клевета иностранцев, ни лживое искажение наших летописей не могли поколебать этого безмолвия. Ныне оно прекратилось. Долговременный сон нарушен. Голос, к звуку коего давно с нетерпением прислушивались вернопреданные слуги Вашего Императорского Величества, наконец, раздался, и не только раздает-

ся в разных концах России, но отовсюду возносится к престолу Вашего Величества. Там, где присущи чувства, о которых этот голос свидетельствует, — есть путь единения, есть основа могущества, есть источник сил, а с ними есть и залог победы.

Знаменательно пробуждение этих чувств. Оно вызвано не одною всеподданнейшею преданностью Вашему Величеству, не одним ощущением оскорбленного национального достоинства и не одною заботою об охранении всецелости государства. Тревожная, тяжкая мысль, что при быстром ходе событий Вашему Величеству могла бы представиться надобность в даровании Польше таких льгот или преимуществ, которые не были бы предоставлены коренным русским областям, содействовала к возбуждению в высших слоях русского народа полного и живого сознания его настоящего верноподданнического и патриотического долга. Эта мысль просвечивает также в тексте подносимых Вашему Величеству адресов; но выражение ее еще слышнее в общем говоре масс и в самых благонамеренных органах нашей прессы. Вот почему на сей раз патриотические чувства менее торопливо заявляются в тех частях империи, которые не принадлежат к русской народности, например в прибалтийских губерниях. Вместе с выражением нелицемерной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякие жертвования, к престолу Вашего Величества возносится полугласная мольба об оказании доверия к Вашему народу, о признании его способным оправдать это доверие, о даровании ему возможности доказать, что он его достоин.

Всемиловитейший государь. Даруйте любезно-верной Вам и Вам вернопреданной России политическое первенство перед крамольною Польшей. Дайте России, на пути развития государственных учреждений, шаг вперед перед Польшей. Вы тогда еще теснее сдвинете вокруг себя всех Ваших верных подданных. Вы действительно будете, по выражению московского дворянства, «могущественнее Ваших предшествен-

ников». Вы окончательно укрепите за Россией возвращенное ей и омытое кровью целых поколений западное родовое ее достояние. Вы заставите Западный край, наконец, обратиться лицом к Москве и стать тылом к Варшаве. Тогда западный вопрос будет решен навсегда, и польское дело навсегда проиграно.

Я позволил себе сказать, что мы опасаемся войны потому, что в последнее время чувствовали себя внутренне слабыми. Надлежит всмотреться в причины этой слабости. Финансовые язвы прежних лет еще не исцелены; пути сообщения не устроены; предпринятые Вашим Величеством великие и необходимые преобразования не приведены к окончанию; разрозненность в направлениях и действиях разных правительственных ведомств не вполне устранена; все прежние связи внутреннего государственного строя поколеблены, а новые не установились на твердой почве; материальные интересы страдают; умы в волнении; между тем революционная пропаганда, пользуясь обстоятельствами, усиливается подкопать самые основания гражданского порядка. Но смею думать, что во всем этом еще не заключается главной причины той слабости, которую мы доселе ощущали. Доколь чувства верноподданнической преданности Вашему Величеству и теплой любви к отечеству не поколеблены в массах и сохраняют прежнюю силу в огромном большинстве высших классов населения, — в этих самых чувствах заключаются твердая опора и неиссякаемый источник сил. Главная опасность состояла в том, что в последнее время приложение этих чувств к делу в среде разных явлений гражданской жизни как будто парализовалось влиянием неблагоприятных обстоятельств и разнородных, большею частью неопределенных стремлений и ожиданий, направленных к перемене общих условий нашего нынешнего быта. Насчет размеров частных видов и подробностей этой перемены, конечно, не было согласия мнений; но насчет ее необходимости почти не было разномыслия. Между державною особою Вашего Величества и Вашим правительством как будто установилось разли-

чие. Вам лично все были преданы, но системе правительственных распоряжений как будто никто вполне не сочувствовал. Даже великие реформы, как, например, судебная, оценивались односторонне или рассматривались как начало или задаток других, еще более существенных преобразований. Одна мысль, очевидно, обуяла умы. Она проявлялась различно и усваивала себе различные наименования, то в постановлениях сословных собраний, то в произведениях печати, то под видом «самоуправления» или «децентрализации», то в систематическом противопоставлении правительства «обществу» или «народу», то в форме доктрины о «земстве» и панегириков прежним земским соборам. Но в сущности эта мысль всегда и везде одна и та же. Она заключается в том, что во всех европейских государствах разным сословиям предоставлена некоторая доля участия в делах законодательства или общего государственного управления и что если так везде, то так должно сбыться и у нас. Установление начал сего участия считается признаком политического совершеннолетия, и эта мысль, постоянно возбуждаемая в огромном числе русских путешественников зрелищем того, что им представляется за границу, и в еще большем числе русских читателей не только русскою прессою, но и всеми произведениями печати на всех известных языках, — не может не иметь сильного и ежедневно возрастающего влияния. Этим влиянием искусно пользуются революционные агитаторы. Они увлекают весьма многих и увлекают их весьма далеко, преимущественно потому, что этим многим не дозволено двинуться к той цели, которой они сами желали бы достигнуть. К счастью, эта цель, в понятиях и стремлениях огромного большинства, не постановляется вне пределов верно-подданнического долга. Мысль о некотором участии в делах законодательства и общего государственного хозяйства не включает в себе посягательства на верховные права самодержавной власти Вашего Величества. В стремлении к этому участию выражается как бы желание приблизиться к престолу Вашего Ве-

личества, занять место в ряду учреждений, коим непосредственно объявляется Ваша Высочайшая воля, принести Вам непосредственную дань гражданского труда и верноподданнической покорности. Просьбы о том уже возникали и впредь будут несомненно повторяться. Предложение царскосельского председателя Платонова⁴⁸, отсроченное, но одобренное последним губернским дворянским съездом в столице Вашего Величества, будет вслед за тем принято не только С.-Петербургским, но и другими дворянскими собраниями, и не только этими собраниями, но и будущими съездами представителей земства каждой губернии, призываемого к новой деятельности, на основании начал, высочайше Вами одобренных для устройства земско-хозяйственных учреждений. Трудно будет постоянно отклонять подобные просьбы. Если же трудно их отклонить окончательно, то не лучше ли предупредить. В этих видах было уже повергаемо на Высочайшее благоусмотрение Вашего Величества предположение о призвании в Государственный совет, для совещательного участия при обсуждении подведомых ему дел, известного числа представителей дворянского и городских сословий и нескольких членов высшего православного духовенства.

В настоящее время обстоятельства с новою силою указывают на пользу подобной меры. С одной стороны, пробудившиеся после долгого усыпления патриотические чувства особенно благоприятствуют ее принятию и вместе с тем как бы нуждаются в ней, для полного развития и для опоры при предстоящих им испытаниях. Верноподданные Вашего Величества уже ныне теснее сдвигаются вокруг Вас. Всякая Высочайшая милость, всякий знак монаршего доверия будут приняты с сугубою, горячей признательностью. С другой стороны, при введении в действие земско-хозяйственных учреждений настанет потребность в противодействии тем стремлениям к провинциальному сепаратизму, которые уже обнаружались в некоторых частях империи. Это противодействие

может быть оказываемо с надлежащим успехом только центральным учреждением, в котором частные интересы разных местностей были бы сопоставлены, в лице их представителей, с интересами других местностей и которое само в себе изображало бы единство Государства и охраняло его всецелость.

Но со времени первоначального предположения о призыве в Государственный совет сословных представителей обстоятельства несколько изменились. Общее стремление к тому участию в делах государственных, о котором выше сего упоминалось, обнаружилось с большею силою. После недавних С.-Петербургских выборов и записки Платонова нельзя ограничиться тем числом представителей и тем способом их призыва, которые первоначально имелись в виду. Для сохранения последовательности в общем ходе предпринимаемых по указаниям Вашего Величества преобразований кажется необходимым связать дело нового устройства Государственного совета с делом устройства новых земско-хозяйственных учреждений. Из сего следует, что призываемые в Государственный совет представители земства должны быть выборные от местных земских учреждений. Далее следует, что представители и тех частей империи, на которые не распространяется устройство означенных учреждений, например от Сибири, Кавказского края и прибалтийских губерний, равным образом должны быть назначаемы по выбору. При сем возникает вопрос, не следует ли допустить особых выборных от дворянских сословных собраний, доколе они сохраняют отдельное существование, — хотя, впрочем, потребность в этих особых выборных сомнительна. Наконец, по случаю значительного числа лиц, которые были бы призваны к участию в делах Совета, представляется еще другой вопрос: возможно ли учредить из всех его членов одно общее собрание или же следует разделить его на два собрания, и если разделить, то на каких именно основаниях. Подробности и даже существенные частности столь важного дела, конечно, не могут быть взвешены и опре-

делены с первого раза в тот краткий срок, который Вашим Величеством мне дарован для представления настоящих соображений. Но если Вашему Величеству благоугодно будет удостоить одобрением их основную мысль, если Вы окончательно соизволите на приведение в исполнение этой мысли и если Вы изволите признать удобным и полезным объявить о том 17 числа сего месяца, — то надлежит по крайней мере установить главные начала предполагаемой меры и разрешить особый вопрос о порядке оглашения состоявшегося по сему предмету монаршего благоизволения Вашего Величества.

Коренные начала, на основании коих было бы допущено, в известных пределах, участие представителей разных сословий в делах общего государственного управления, могли бы, по моему крайнему разумению, быть следующие.

1. Означенное участие должно быть только совещательное.

2. Собрание представителей должно быть приурочено к Государственному совету потому именно, что и он имеет только совещательное участие в разрешении подведомых ему дел.

3. Участие сословных или земских представителей обнимает вопросы законодательные и распространяется на главные вопросы по части государственного хозяйства, как то: на рассмотрение государственной прихода-расходной сметы и на установление новых налогов.

4. Представители земства или сословий призываются из всех частей империи, кроме Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

5. В тех частях империи, где имеют быть введены в действие земско-хозяйственные учреждения, представители избираются местными земскими собраниями. В прочих областях для их выбора устанавливаются особые правила.

6. Призыв представителей в Государственный совет совершается не прежде, как по введении в действие новых земско-хозяйственных учреждений.

7. Число представителей должно быть по возможности ограничено. Не предстоит надобности в отдельных представителях от городов. При определении числа их для каждой области Государства (примерно от 2 до 4 на губернию) может быть установлено известное соотношение между выборными от уездов и выборными от городов.

Изъятие может быть допущено для столиц и для значительнейших торговых или губернских городов, каковы Одесса, Рига, Киев.

8. Представители не получают никакого денежного вознаграждения от казны.

9. Их участие в делах Государственного совета ограничивается в течение каждого года известным сроком. Сообразно с сим распределяются и дела Совета на два разряда: на дела, которые обсуждаются только при участии представителей, и на дела, которые могут быть разрешаемы без одного или только при содействии нескольких из них.

10. Порядок делопроизводства устанавливается с принятием надлежащих предосторожностей на тот конец⁴⁹, чтобы за членами Совета по назначению от правительства была сохранена надлежащая доля влияния на ход дел и на составляемые по оным постановления. Формы представления дел на Высочайшее разрешение Вашего Величества и Высочайшего утверждения постановлений Совета должны остаться по возможности без изменения.

11. В состав Государственного совета призываются в одно время с представителями от земства или сословий, но по непосредственному Высочайшему избранию, некоторые члены высшего духовенства.

В отношении к порядку обнародования Высочайшей воли Вашего Величества представляется несколько отдельных вопросов.

1. Благоугодно ли будет Вашему Величеству объявить о всех главных началах будущего участия, предоставляемого сословным или земским представителям в делах государственного управления, — или же ограничиться кратким заявлением основной мысли

об этом участии, кратким указанием на предметы, коих оно должно касаться, — и общию оговоркою, что подробности дела имеют быть определены впоследствии. Последнее кажется более удобным.

II. Благоугодно ли будет Вашему Величеству объявить, что призыву представителей должно предшествовать устройство земско-хозяйственных учреждений. Это кажется необходимым. При сем можно бы заявить Высочайшую волю, чтобы приступлено было без замедления к рассмотрению в Государственном совете проекта об означенных учреждениях, а затем к введению оных в действие.

III. Благоугодно ли будет повелеть заранее упомянуть о некоторых мерах, которые подлежали бы внесению на рассмотрение преобразованного Совета, в новом его составе, например, о пересмотре постановлений, относящихся до иноверных исповеданий. Подобное заявление имеет свои неудобства, но и представляет некоторые выгоды, между прочим, именно в отношении к Западному краю, к его латинскому населению и к общему впечатлению, которое это заявление произвело бы в Европе.

IV. Благоугодно ли будет Вашему Величеству придать официальному акту обнародования Вашей воли больший или меньший характер торжественности. В первом случае надлежало бы дать означенному акту форму манифеста. Во втором, что казалось бы более удобным, можно ограничиться Высочайшим указом или рескриптом, данным председателю Государственного совета или министру внутренних дел, ибо они оба, по их званию, призываются к непосредственному и ближайшему в этом деле участию. Форма указа кажется более удобною, чем форма рескрипта.

До проектирования самого текста рескрипта, указа или манифеста необходимо получить Высочайшие по всем сим вопросам Вашего Императорского Величества указания.

Объяснительная записка П. А. Валуева к проекту нового учреждения Государственного совета⁵⁰

1. Надлежало соблюсти вполне неприкосновенность верховных прав самодержавной власти. Это исполнено при составлении проекта в такой мере, что не представилось даже надобности в какой-либо оговорке или пояснении, или подтверждении насчет неприкосновенности означенных прав.

2. Надлежало согласовать новое устройство Государственного совета с нынешним, по мере крайней к тому возможности, дабы тем решительнее устранить всякое предположение, будто бы права и власть Государственного совета существенно расширяются проектируемым преобразованием.

3. Надлежало принять меры к тому, чтобы новый элемент, вводимый в круг деятельности Государственного совета, не приобрел в нем преобладающего влияния. Совещательное свойство участия в обсуждении дел, этому элементу предоставляемого, должно было остаться в полной силе, не только в отношении к верховной правительственной власти, но и в отношении к самому Государственному совету в его нынешнем виде. Здесь надлежало устранить затруднение, проистекающее от значительности числа тех представителей разных местностей, которым открывался доступ в Государственный совет. Если бы они составляли с ним одно собрание, то очевидно, что преобладание голосов было бы всегда на их стороне. Если же наоборот, из них было бы составлено совершенно отдельное собрание, то образовались бы две совещательные палаты, и единство учреждения было бы

утрачено. Для избежания этих неудобств в проекте установлена особая комбинация. Представители, применяясь к терминологии положения о земских учреждениях, наименованы «государственными гласными». Из них образован особый съезд, приуроченный к Государственному совету как бы на правах департамента, но с тем различием, что в общее собрание призываются не все члены съезда, подобно всем членам департаментов, но только определенное число гласных, для сего по каждому делу избираемых. Это число ограничено 16-ю, так что в общем собрании большинство более чем вдвое на стороне членов Совета. Таким образом мнения присутствующих гласных были бы услышаны и затем доведены до Высочайшего сведения, а заключения всего съезда были бы в виду совета в форме, согласной с формами журналов департаментов, и затем могли бы восходить на Высочайшее усмотрение. Засим предположено, что съезд гласных имеет срочные заседания, что отсутствие съезда не останавливает хода дел в Совете и что предметы ведомства сего последнего разделяются на два рода дел, из коих одни рассматриваются без участия гласных, а другие при их участии.

4. Надлежало принять меры предосторожности против односторонних увлечений съезда и для сего вверить общее направление его занятий лицу, облеченному доверием правительства. Для сего предположено, что в нем председательствует один из членов Государственного совета, по Высочайшему назначению. Таким образом председатель съезда сравнивается с председателями департаментов совета, и аналогия между департаментами и съездом соблюдается. В помощь председателю даются два выборных вице-председателя. Канцелярия съезда также не отделяется от Государственной канцелярии. При нем предположен особый статс-секретарь; но выборное начало и здесь вводится в лице трех выборных секретарей, особые обязанности коих определены в проекте.

Надлежало озаботиться обеспечением некоторой доли правительственного влияния в составе съезда.

Для сего предположено, кроме выборных гласных, иметь известное число оных по назначению от Правительства. Они заключали бы в себе так называемую *categorie des capacités*⁵¹. Число их, конечно, следовало ограничить, и посему оно предположено не свыше $\frac{1}{5}$ части общего числа выборных гласных.

5. Наконец, надлежало, не вдаваясь в подробную регламентацию, тем не менее установить главные правила делопроизводства на съезде гласных. Эти правила введены в текст проекта.

Письмо Е. А. Перетца о высочайшем выходе⁵²

Конфиденциально
Государственный секретарь
1 января 1880 г.
Его высокопревосходительству
Ф. П. Корнилову

Милостивый государь,
Федор Петрович.

Государь император, при высочайшем выходе сего числа из внутренних апартаментов, с неудовольствием изволил заметить, что к началу выхода съехались лишь весьма немногие члены Государственного совета. Вследствие того, призвав меня по окончании выхода, Его Величество высочайшие повелеть мне изволил: сообщить о сем членам Совета, объявив им высочайшую волю Его Величества, чтобы на будущее время они, подавая пример другим, неуклонно соблюдали указываемые в повестках от высочайшего двора часы приезда во дворец в дни высочайших выходов.

О вышеизложенном, в исполнение высочайшего повеления государя императора, считаю долгом довести до сведения г. г. членов Государственного совета.

Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Е. Перетц

Письмо Е. А. Перетца о присяге Александру III⁵³

Получено 25 марта 1881 г.
Государственный секретарь
24 марта 1881 г.
Его высокопревосходительству
Ф. П. Корнилову

Милостивый государь,
Федор Петрович.

По распоряжению его императорского высочества председателя Государственного совета составлено описание чрезвычайного собрания Совета 2 марта 1881 г., принесения им присяги государю императору Александру Александровичу и всемилостивейшего приема Государственного совета Его Величеством.

Описание это, по предварительном рассмотрении оною государем императором, напечатано с высочайшего разрешения для г. г. членов Государственного совета и высших чинов Государственной канцелярии.

Экземпляр означенного описания, по поручению его высочества председателя Государственного совета, я имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству, для личного сведения.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Е. Перетц

Государь император Александр Николаевич скончался 1 марта 1881 года в 3 часа и 35 минут пополудни. Вступивший на всероссийский престол государь император Александр Александрович вечером того же дня изволил, через министра Императорского двора, известить его императорское высочество предсе-

дателя Государственного совета, что Его Величеству угодно принять Совет на другой день, 2 марта, после имеющего быть сего числа высочайшего выхода, в Малахитовой комнате Зимнего дворца.

По распоряжению его высочества председателя Государственного совета члены оного приглашены были предварительно, на 2 же марта, в 12 часов дня, в Чрезвычайное собрание в зале обычных заседаний Совета. В этом Собрании государственным секретарем прочитан был высочайший манифест 1 марта о кончине императора Александра Николаевича и о вступлении на престол императора Александра Александровича.

Выслушав манифест с глубоким благоговением и умилением, Государственный совет положил: принести присягу на верность подданства Его Величеству государю императору Александру Александровичу и наследнику его, его императорскому высочеству государю цесаревичу великому князю Николаю Александровичу.

Засим, по приглашению его императорского высочества председателя, Государственный совет, в полном составе наличных членов, с государственным секретарем и статс-секретарями Совета, перешел в Концертный зал Зимнего дворца. По выходе Их Императорских Величеств и членов августейшего семейства Совет последовал за ними в придворный собор.

В соборе, после прочтения министром юстиции в высочайшем присутствии Их Императорских Величеств высочайшего манифеста 1 марта, духовник Их Величеств, протопресвитер Бажанов, прочитал в общее услышание присягу на верность подданства государю императору и его наследнику цесаревичу великому князю Николаю Александровичу.

По произнесении сей присяги вместе со всеми прочими находившимися в соборе особами и по окончании бывшего затем молебствия Государственный совет удалился из церкви и собрался в указанной государем императором для приема Совета Малахитовой комнате.

Его Величество изволил выйти к Совету в 2 часа. Подойдя прежде всего к его императорскому высочеству председателю Государственного совета и обняв его высочество, государь император изволил произнести взволнованным голосом следующее:

«Господа!

Душевно сожалею, что я лишен возможности передать вам, по поручению самого покойного государя, его благодарность. Смерть постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам от его имени благодарности за честную и усердную службу, которую вы в продолжение стольких лет оправдывали доверие незабвенного императора.

Я до сих пор не имел еще возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесете на меня те чувства, которые вы питали к моему родителю, что я буду достоин их и, трудясь вместе с вами, сумею принести пользу России. Да поможет нам Бог!

Еще раз благодарю вас всех от имени моего батюшки».

Затем, обняв его императорское высочество государя великого князя Михаила Николаевича и удостоив рукопожатия его императорское высочество принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а также некоторых других старейших членов Государственного совета, государь император изволил удалиться во внутренние покои.

По удалении Его Величества Государственным советом были подписаны как присяжные листы, так и журнал Чрезвычайного собрания.

Ввиду важности описанного события его императорское высочество председатель Государственного совета приказал хранить настоящее описание, предварительно удостоенное прочтения государя императора, при делах Государственного совета.

Всеподданнейший доклад М. Т. Лорис-Меликова 6 марта 1881 года⁵⁴

На копии рукою гр. Лорис-Меликова написано:

«Всеподданнейший доклад этот был представлен мною в виде проекта Его Величеству 6 марта 1881 года. Проект был возвращен мне в тот же день с высочайшею резолюцией: „Проект составлен весьма хорошо“ и с повелением созвать на 8 марта Совет министров. Результаты Совета известны. — За опубликование и в пользу проекта были: 1. Великий князь Константин Николаевич. 2. Гр. Валуев. 3. Набоков. 4. Сольский. 5. Гр. Милютин. 6. Сабуров. 7. Абаза. 8. Гр. Лорис-Меликов. Против опубликования и вообще против самого проекта: 1. Гр. Строганов. 2. Победоносцев. 3. Маков. 4. Кн. Ливен. 5. Посьет.

Мнения от остальных в Совет не отбирались. — В конце заседания государь и вел. кн. Владимир Александрович выразили предположение о возможности назначения новой комиссии или Особого совещания для обсуждения вопроса, как по существу, так и относительно опубликования его в «Правительственном вестнике». — Председателем совещания предполагался Владимир Александрович, а мне было предложено составить список лиц, могущих принять участие в совещании. — Списка этого я не представил и затем никаких напоминаний относительно составления списка мне сделано не было.

Ясно было видно, что само предположение о назначении нового совещания предлагалось, так сказать, из вежливости, в утешение мне, и в виде золотенной пилюли. — Время покажет, кто был прав».

28 минувшего января министр внутренних дел всеподданнейше докладывал в бозе почившему государю императору некоторые соображения свои относи-

тельно дальнейших правительственных мероприятий по высочайше предуказанному пути в дела возвращения государственной жизни к правильному и законному ее течению, нарушенному беспрерывно повторяющимися, в течение целого ряда лет, покушениями дерзких злоумышленников против государственного порядка и общественного спокойствия в России. Министр внутренних дел свидетельствовал при этом, что расследование степени распространения анаarchических лжеучений, приостановивших было пагубными проявлениями своими спокойное развитие преобразований, предпринятых на благо России с первых же дней восшествия императора Александра II на прародительский престол, приводит к уверенности в том, что лжеучения эти выражались в прискорбных уклонениях отдельных личностей от священных обязанностей верноподданных сынов Отечества, не успели однако проникнуть в глубь русского общества и русского народа, представляющих надежные опоры государственному порядку в России. По заявлению министра внутренних дел, во всех случаях обращения его к содействию общественных сил такое обращение было встречемо полнейшею готовностью служить целям порядка и завершения великих преобразований. Вместе с тем министр внутренних дел всеподданнейше докладывал, что если производимые ныне в нескольких губерниях разных полос империи сенаторские ревизии и внесут богатый вклад в имеющиеся уже в центральном управлении материалы по многим подлежащим разрешению вопросам и обновят их свежими местными данными, то тем не менее материалы эти, при окончательной их разработке, должны быть пополнены практическими указаниями людей, ближе знакомых с местными условиями и потребностями.

По своему ведомству министр внутренних дел представил на высочайшее благовоззрение следующие, стоящие между прочим на очереди вопросы:

а) преобразование местных управлений в губерниях, в видах точного определения объема прав и обязанностей оных, и приведение административных

учреждений в надлежащее соответствие с учреждениями судебными и общественными, и потребностями управлений;

б) дополнение, по указаниям опыта, *положений 19 февраля 1861 года* и последующих по крестьянскому делу указаний, соответственно выяснившимся потребностям крестьянского населения;

в) пересмотр положений земского и городского, в видах пополнения и исправления их по указаниям прошедшего времени;

г) организация продовольственных запасов и вообще системы народного продовольствия.

В бозе почивший государь император, следуя влечению своего любвеобильного сердца и желая явить новый знак монаршего доверия к своим верноподданным, по рассмотрению соображений министра внутренних дел в двух бывших заседаниях из высочайше назначенных к тому лиц, всемилостивейше соизволил одобрить основную мысль относительно пользы и своевременности привлечения местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральными учреждениями законопроектов по тем вопросам, которые признаны будут высочайшею волею подлежащими ныне разрешению, в видах развития и усовершенствования высочайшие предначертанных преобразований. Для практического осуществления всемилостивейшей воли, относительно скрепления указанным путем плодотворной связи между правительством и лучшими силами общественными, в бозе почивший император изволил избрать порядок, испытанный уже по высочайшим указаниям при разработке крестьянской реформы, с применением одного к потребностям и задачам настоящего времени. Приемля во внимание, что на местах уже имеются ныне постоянные и при том всесословные учреждения, способные представлять сведения и заключения по вопросам, подлежащим обсуждению высшего правительства, в бозе почивший император соизволил остановиться на учреждении в С.-Петербурге *временных Подготовительных комиссий* с тем, чтобы работы этих комиссий, предва-

нительно внесения⁵⁵ их на обсуждения Государственного совета, в установленном законом порядке были подвергаемы совещательному рассмотрению в *Общей комиссии* с участием представителей от земства и некоторых значительнейших городов.

В видах установления главнейших положений по сему делу в бозе почившему императору благоугодно было в 17-й день минувшего февраля высочайше повелеть:

1. Сделать ныне же распоряжение, чтобы находящиеся в разных министерствах и других центральных учреждениях материалы, имеющие отношение к перечисленным министром внутренних дел вопросам, были собраны, сгруппированы по однородным предметам и приведены в такой порядок, в каком, по усмотрению подлежащего министра, они могли бы с удобством быть подвергнуты соображению подготовительных комиссий;

2. На окончание этих работ назначить срок, совпадающий с окончанием сенаторских ревизий. По представлении же сенаторами добытых из ревизий данных дополнить ими собранные в центральных учреждениях материалы и установить те вопросы и предположения, которые в течение осени могли бы быть внесены в подготовительные комиссии;

3. Подготовительные комиссии учреждать из чинов правительственных ведомств и приглашенных, с высочайшего соизволения, сведущих, служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по разным отраслям государственного управления или народной жизни. На обязанность сих комиссий возложить составление законопроектов в тех пределах, которые будут указаны высочайшею волею;

4. Составленные подготовительными комиссиями законопроекты, предварительно внесения, установленным порядком в Государственный совет, передавать, по высочайшему повелению, на обсуждение Общей комиссии, учреждаемой на нижеследующих основаниях;

5. Общая комиссия под председательством лица, непосредственно избранного высочайшею властью, составляется: а) из назначенных, по высочайшему повелению к постоянному присутствованию в оной лиц, принимавших участие в работах подготовительных комиссий; б) из выбранных от губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, и от некоторых значительнейших городов; и в) из назначенных особым порядком членов от тех местностей, в коих положение о земских учреждениях не действует;

6. От губерний, в коих введено положение о земских учреждениях, избирается в состав Общей комиссии по одному или по два члена, соображаясь с населением губернии. Избрание предоставляется губернским земским собраниям;

7. Члены от значительнейших городов избираются городскими думами: в столицах по два, в прочих городах по одному;

8. Губернским земским собраниям и городским думам предоставляется избирать членов Общей комиссии как из среды гласных, так и из других лиц, принадлежащих к населению губернии или города;

9. Порядок и условие назначения в Общую комиссию представителей от местностей, в коих положение о земских учреждениях не действует, имеют быть определены особо;

10. Члены подготовительных комиссий, не назначенные к постоянному участию в занятиях Общей комиссии, присутствуют в ней с правом голоса, при обсуждении тех законопроектов, в составлении которых они участвовали;

11. Для занятий Общей комиссии назначается определенный срок;

12. Работы Общей комиссии имеют значение совещательное. Учреждением ее не изменяется существующей ныне порядок возбуждения законодательных вопросов и окончательного их обсуждения. Рассмотренные Общею комиссиею законопроекты вносятся установленным порядком в Государствен-

ный совет подлежащими министрами с изложением из собственного заключения министра.

За установлением сих главных положений предстояло согласно высочайшим указаниям определить в ближайшем будущем требуемые означенным повелением подробности, касательно состава, созыва и порядка действий, предложенных Комиссией, а между тем центральные учреждения обязывались немедленно приступить к собранию и разработке материалов по вопросам, кои будут подлежать обсуждению в подготовленных Комиссиях. В тот же 17-й день февраля в бозе почивший государь император высочайше повелеть соизволил министру внутренних дел изготовить в виде правительственного сообщения для напечатания в «Правительственном вестнике» оповещение во всеобщие сведения о принятом всемилоостивейшем решении.

Проект оповещения был изготовлен и, по предварительном одобрении, возвращен в бозе почившим императором министру внутренних дел 1 марта в 12½ часов пополудни, при объявлении высочайшей воли, чтобы проект до его напечатания был заслушан в заседании Совета министров в среду, 4 марта.

Но судьбы Божии неисповедимы, и через два часа после этого многозначительного повеления император Александр II, посвятивший все дни свои на благо Богом вверенных ему народов, окончил свой царственный подвиг, смертельно пораженный святотатственными убийцами.

Вступив на прародительский престол, преемник державного мученика, император Александр III, обрел завещанной⁵⁶ ему предками любви к народному благу, великую решимость твердо следовать по пути, предуказанному в бозе почившим незабвенным родителем.

Усматривая в нелицемерных проявлениях всенародной скорби вящее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда, по воле предвечного, соединившей в России государя с его поданными и всегда проявлявшейся с особою силою в тяжкие годы испы-

таний, государь император Александр III, при указании на необходимость неуклонного преследования дерзких покусителей на государственный порядок и общественное спокойствие, всемилостивейше соизволил выразить, что гнусные злодеяния преступной горсти безумных отверженцев русской земли не в силах побороть в его сердце решимости исполнить в точности родительский завет любви на благо вверенной ему Богом империи.

Руководясь такими решениями, Его Императорское Величество высочайше соизволил повелеть принять к точному исполнению изложенную выше священную волю своего державного родителя, как достойное всей его жизни прощение его со своим народом.

При этом Его Величеству благоугодно было указать министру внутренних дел, чтобы самый порядок опубликования во всеобщее сведение высочайшего по сему предмету повеления был тот же, какой предуказан в бозе почившим императором Александром II.

Подлинное подписал генерал-адъютант граф Лорис-Меликов.

6 марта 1881 г.

Выдержки из дневника Д. А. Милютина⁵⁷

1881 год

1 марта. Воскресенье

Беру перо под тяжелым впечатлением постигшего Россию сегодня утром великого несчастья — страшной, мученической кончины нашего царя-освободителя. Картина, которую представлял кабинет императора Александра II в последние минуты его жизни, оставит навсегда потрясающее воспоминание. Я был в числе свидетелей агонии его: он лежал с раздробленными ногами на походной кровати в бессознательном состоянии, окруженный врачами и многочисленным семейством. Он едва дышал; для поддержания дыхания ему вдували кислород, пока хирурги бинтовали раздробленные члены; княгиня Юрьевская и наследник цесаревич (теперь уже император) держали голову страдальца. Несмотря на все усилия продлить его жизнь, дыхание совсем прекратилось в 3 часа 35 минут. <...>

Трагическая кончина императора Александра II производит тем сильнее впечатление, что совершилась совсем неожиданно, в такое время, когда преступная крамола казалась подавленной, когда начали изглаживаться из памяти прежние злодейские покушения на цареубийство. Два дня тому назад были арестованы два человека из числа главных злодеев, которых давно уже разыскивали⁵⁸. Еще вчера государь говорил мне об этом с довольным видом и сегодня утром был особенно в хорошем расположении духа. Я видел его на разводе: он подозвал меня к себе для передачи какого-то приказания и в последний раз подал мне руку; любезно разговаривал с посла-

ми, не исключая на сей раз и турецкого. С развода он уехал в карете вместе с великим князем Михаилом Николаевичем к великой княгине Екатерине Михайловне, а от нее поехал уже один в Зимний дворец. Было около 2½ часов, когда карета, окруженная конвойными казаками, быстро проезжала вдоль Екатерининского канала от Михайловской улицы к Тройному мосту и когда раздался первый взрыв подброшенного под карету снаряда. Карета, поврежденная не очень сильно этим взрывом, остановилась; государь вышел из нее и пошел пешком к тому месту, где лежал раненый казак, которого поднимали сбегавшиеся люди. В то время как государь подходил к этой кучке, под его ноги подброшен был второй снаряд. Государь был страшно изувечен; его подняли, положили на сани и тихо повезли ко дворцу. Сначала он сохранял еще сознание и произнес: «Скорее домой»; но когда внесли его во дворец, он уже был без чувств. <...>

2 марта. Понедельник

В 10 часов утра поехал я в Аничков дворец и имел первый доклад у нового императора. Прием его был очень любезный, можно сказать, душевный. Сначала мы оба прослезились, вспоминая покойного государя; потом я представил на утверждение заготовленные на нынешнее число высочайшие приказы; получил приказание на первое время не изменять прежнего порядка докладов, а по окончании доклада государь очень ласково высказал мне уверенность, что я буду и ему служить так же усердно и честно, как почившему родителю его. На это я ответил, что всею душою готов служить ему верою и правдой до тех пор, пока Его Величество будет признавать мою службу действительно полезною, «но, — прибавил я, — откровенно доложу, что чувствую себя уже устаревшим и потому убедительно прошу, нимало не стесняясь, отпустить меня на отдых, лишь только Ваше Величество будете иметь в виду другое лицо для замеще-

ния меня; поверьте, государь, что приму увольнение от должности за великую милость». Государь повторил еще раз, что признает мою службу полезною и желает, чтобы я продолжал свою деятельность. <...>

3 марта. Вторник

Сегодня доклад был назначен мне в 11 часов. <...>

Доклад мой был прерван входом в кабинет молодой императрицы с детьми. Они уже были совсем готовы ехать в Зимний дворец на панихиду. <...>

В сенях дворца встретил графа Лорис-Меликова, который сообщил мне о новых важных арестациях и захвате в прошлую ночь самой лаборатории, где изготовлялись взрывчатые снаряды. Захваченные при этом злоумышленники пробовали защищаться; один из них сам застрелился; но захватили бывшую с ними женщину и пришедшего потом человека. Оказывается, что арестованные 27 февраля две личности (один из них по имени Тригони) были главными деятелями, подготовившими преступление 1 марта. Граф Лорис-Меликов рассказал мне между прочим, что он еще в субботу убеждал покойного государя, в присутствии нынешнего императора, не выезжать из дворца в продолжение четырех дней. К несчастью, совет его не был уважен. Теперь Лорис хлопочет, чтоб и новый император не подвергал себя напрасно риску, и намерен уговорить его переселиться в Зимний дворец, чтобы не кататься по несколько раз в день вдоль всего Невского проспекта по одной и той же дороге. Слышно еще, что Победоносцев подал государю какую-то записку; граф Лорис-Меликов очень опасается тлетворного влияния этого советника царского. Также и граф Валуйев обратился письменно к графу Лорис-Меликову с советом, чтобы новый государь ныне же позаботился о завещании на случай какого-либо с ним несчастья, подразумевая назначение состава регентства на время малолетства нынешнего наследника престола. Граф Лорис-Меликов докладывал об этом государю, который, выслушав спокой-

но совет нашего председателя Комитета министров, сказал только, что пером Валуева водил, без сомнения, «дядя Костя». <...>

4 марта. Среда

<...> Государь не поддается на убеждения графа Лорис-Меликова о переселении своем в Зимний дворец. Между тем сегодня открыли новую адскую проделку злодеев: в Малой Садовой, по которой обыкновенно проезжал покойный государь к разводу, устроен был подкоп из одного дома, где нанято было неизвестными людьми помещение для лавочки. Говорят, что уже прежде возникло подозрение на этих жильцов; но при осмотре помещения ничего замечено не было. После же удавшегося злодеяния 1-го числа обитатели подозрительной лавочки, мужчина и женщина, покинули свое жилье и не возвращались. Исчезновение их подало повод к новому, более тщательному осмотру, и тогда открыли отверстие подкопа; но пока не нашли еще самого заряда.

Признания арестованных и сделанные в последние дни новые открытия, имеющие непосредственную связь со злодеянием 1 марта, усложняют предстоящее судебное производство по этому делу. Поэтому предполагавшееся еще вчера заседание военно-окружного суда отложено, а может быть, и совсем не состоится. Еще вчера вечером я высказал министру юстиции мое мнение, что было бы во многих отношениях неудобно и неблагоприятно совершить столь важное государственное дело второпях, почти втихомолку, в простом заседании военно-окружного суда. Сегодня же Набоков докладывал об этом государю и объяснялся с графом Лорис-Меликовым. Предполагается завтра совещание по этому вопросу. Полагаю, что было бы прилично в подобном важном случае подвергнуть злодеев суду Сената. В таком деле не столько важна поспешность расправы со злодеями, сколько соблюдение необходимого декорума и всех условий строгого юридического порядка. <...>

8 марта. Воскресенье

Сегодня, ровно неделю спустя после катастрофы 1 марта, в 2 часа пополудни назначено было заседание Совета министров под личным председательством нового императора. Тогда только, когда мы съехались в Зимний дворец, узнал я цель совещания. Предстояло обсудить окончательно представленное еще покойному Государю и предварительно одобренное им заключение секретной комиссии, состоявшей под председательством бывшего наследника цесаревича, нынешнего императора, по представленной министром внутренних дел графом Лорис-Меликовым обширной программе новых законодательных вопросов, разработку которых имелось в виду возложить на Особую комиссию, с участием призванных из губерний представителей земства. В означенной секретной комиссии участвовали, кроме самого графа Лорис-Меликова, Валуев, князь С. Н. Урусов, Абаза, Набоков и, кажется, еще несколько лиц. Дело велось в строгой тайне; но частным образом было известно, что в секретной комиссии предположения графа Лорис-Меликова были одобрены и что составленный в этом смысле журнал последнего заседания был утвержден покойным императором утром рокового дня 1 марта, за несколько часов до ужасного события. Для окончательного же решения такого важного дела предполагалось собрать в среду 4 марта Совет министров. Заседанию этому не суждено было состояться, и вот оно осуществилось только теперь, уже под председательством нового императора.

В числе собравшихся лиц в зале заседания увидели мы не без некоторого недоумения сверх обычных членов Совета министров еще двух новых лиц: генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова и генерал-адъютанта графа Эдуарда Трофимовича Баранова. Были также трое великих князей: Константин и Михаил Николаевичи и Владимир Александрович. (Замечательно отсутствие великого князя Николая Николаевича.) Когда все уселись за длинный

стол, государь объявил нам о предмете совещания и приказал графу Лорис-Меликову прочесть журнал бывшей секретной комиссии. Только выслушав это чтение, большинство членов совета узнало сущность дела, подлежавшего нашему обсуждению. Первоначально казалось, что заседание наше будет одною формальностью, так как дело получило уже высочайшее одобрение как почившего царя, так и ныне царствующего государя, председательствовавшего в секретной комиссии и подписавшего ее заключение. Однако ж вышло совсем иное, совершенно неожиданное для многих из нас.

Первым, к кому обратился государь с предложением высказать свое мнение, был граф Строганов. С первых слов его разрешилось наше недоумение относительно цели его присутствия в нашей среде: стало ясным, что в лице его появляется авторитетный представитель оппозиции против мнимого либерализма проводимых Лорис-Меликовым государственных мероприятий. Нежданно-негаданно услышали мы, что в предложенной программе мирных законодательных работ прозреваются призраки революции, конституции и всяких бед. Выслушав с заметным сочувствием ультраконсервативную речь старого реакционера, государь обратился к Валуеву, который произнес красноречивую речь, конечно, в пользу обсуждаемых предположений. Как участник бывшей секретной комиссии, не мог он говорить иначе. Затем пришла моя очередь. Находя невозможным входить в обсуждение дела по существу, я высказал лишь убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора. Что касается до самого порядка предположенного ведения работ при содействии представителей земства, то я напомнил, что почти все прежние реформы разрабатывались также с участием представителей местных интересов, и никаких неудобств от того не замечалось. В заключение высказано мною, что в настоящий момент более чем когда-либо своевре-

менно возвестить предположенную программу законодательной деятельности, вслед за сделанным заявлением о направлении международной политики. Заявление это уже произвело весьма благоприятное впечатление в Европе; теперь Россия ждет такого же благотворного возвещения царской воли по внутреннему благоустройству государства. Оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем предложенный призыв к совету земских людей.

После меня говорил Маков в обратном смысле; он вторил графу Строганову, пугал последствиями предпринимаемой меры; причем употребил даже выражение «ограничение самодержавной власти»; но закончил пошлым выводом о необходимости зрелого и осторожного обсуждения предлагаемой меры во всех ее деталях.

Тогда министр финансов Абаза произнес прекрасную речь, в которой, опровергнув намеки Макова на покушение ограничить самодержавную власть, объяснил, что, напротив того, призыв к деятельности представителей от земства укрепит и поддержит авторитет правительства. Абаза привел в пример предстоящую и совершенно необходимую податную реформу, которую решительно невозможно совершить без содействия представителей от всех классов общества. Несмотря на убедительные доводы Абазы, говоривший после него министр путей сообщения Посьет подал голос против предположенных мероприятий как несвоевременных и закончил пошлыми нападками вообще на так называемый «прогресс». Но все сказанное Строгановым, Маковым и Посьетом было бледно и ничтожно сравнительно с длинною иезуитскою речью, произнесенною Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было

отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера.

Абаза первый поднял голос против опасных инсинуаций Победоносцева. Если все сделанное до сих пор в видах улучшения в устройстве и благосостоянии России есть грубая и преступная ошибка, то надобно немедленно сменить всех настоящих министров, и затем какую же новую программу предложат порицатели всего совершившегося в славное царствование Александра II?

Затем говорили один за другим князь Урусов, Набоков, Андр[ей] Сабуров, Сольский, князь Ливен — все в пользу предложенных мер. Сольский высказал смелую мысль, что армия чиновников составляет менее твердую опору самодержавия, чем представители всех сословий населения. Сабуров указывал на то, что все начавшиеся более 13 лет назад преступные покушения наших нигилистов имели то прискорбное влияние, что останавливали движение на пути реформ и парализовали благие намерения государя, а чрез это само правительство как бы действовало в руку нигилистам, которых ближайшей целью и было производить неудовольствие и смуту в обществе, недоверие и охлаждение к правительству в народе. Что касается до князя Урусова, то он сумел и в настоящем случае подлить воды и смягчить резкую постановку вопроса: он говорил о необходимости спокойного обсуждения предположенных законодательных работ с устранением политического характера и с призывом к участию не представителей земств, а *лучших* людей.

Таким образом, князь Урусов, став в число защитников обсуждаемой меры, пришел к одному заключению с ярым противником ее — Маковым. Это открыло государю удобный выход из затруднительного положения, в которое он был поставлен между двумя противоположными воззрениями; между сочувствием к предположению большинства министров и запугиваниями графа Строганова и Победоносцева.

Прежде окончательного решения государь обратился еще к своим дядям и брату. Великий князь Константин Николаевич, как и следовало ожидать, высказался совершенно в пользу предлагаемой меры; а великие князья Владимир Александрович и Михаил Николаевич, не входя в существо дела, ограничились заявлением о необходимости сделать «что-нибудь», не оставлять Россию в недоумении. Особенно настойчиво высказался в этом смысле великий князь Владимир Александрович, который, как видно по всему, призван к заметной роли в направлении нового царствования.

Итак, государь решил снова пересмотреть предложение графа Лорис-Меликова, сперва в особом немногочисленном совещании (председательство в этом совещании предложено было графу Строганову; но он уклонился от этой роли, сославшись на свои преклонные годы, и согласился принять только участие в числе членов), а потом и в Комитете министров. Такой исход дела показался нам довольно успокоительным после испугавшей нас громовой речи Победоносцева. Тем не менее мы вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа и нервном раздражении. Государь позвал к себе в кабинет одного Лорис-Меликова. Вслед за ним вошел туда и великий князь Владимир Александрович. <...>

16 марта. Понедельник

Утром, пред заседанием Государственного совета, заехал ко мне граф Лорис-Меликов, чтобы потолковать глаз на глаз о настоящем положении дел. Он высказывает серьезные опасения со стороны реакционной партии, которая начинает образовываться около Победоносцева. К нему льнут всякие личности, желающие всплыть по новому течению. В числе таких, к удивлению, является и граф Ник[олай] Павл[ович] Игнатьев. Другая партия, по словам Лорис-Меликова, группируется около графа Петра Шувалова. Новый градоначальник (изгнанный из морской службы)

Баранов прилагает всю свою изворотливость, чтобы занять влиятельное положение. Вреднее всех может оказаться Победоносцев, который, злоупотребляя авторитетом старого учителя пред бывшими учениками, подносит молодому царю одну записку за другою со своими фарисейскими поучениями и иезуитскими советами. Однако ж до сих пор государь, как кажется, относится сдержанно к внушениям с разных сторон: к Лорис-Меликову продолжает пока показывать доверие.

Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны еще некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей будет выбран императором. Сообразно с этим выбором должны быть подобраны и деятели для нового царствования. Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и компании. Также и многие другие из лучших наших товарищей должны будут сойти со сцены. Какие же люди займут их места? Какая будет их программа? Реакция под маской народности и православия!

После нашей беседы отправились мы в Государственный совет. Великий князь — председатель (с которым я сижу рядом) заговорил со мной вполголоса на ту же самую тему, которую мы только что обсуждали с Лорис-Меликовым. Великий князь высказал прямо, что и он сам, если дело пойдет далее тем же путем, каким идет теперь, должен будет сойти со сцены. <...>

26 марта. Четверг

В первый раз случилось мне присутствовать в судебном заседании. Сегодня в Особом присутствии Сената начался суд над злодеями, участвовавшими в преступлении 1 марта. Отправившись туда после доклада (у государя), я застал конец чтения обвинительно-

го акта и затем прослушал речи всех шести привлеченных к делу подсудимых: Желябова, Кибальчича, Рысакова, Михайлова, Перовской и еврейки Гельфман. По окончании последней речи Желябова, когда начался допрос свидетелей, я должен был уехать из суда. Весьма занимательно было выслушать этих несчастных фанатиков, спокойно и почти с хвастовством рассказывавших о своих злодейских проделках, как будто о каких-нибудь подвигах и заслугах. Более всех рисовался Желябов; это — личность выдающаяся. Он прочел нам целую лекцию об организации социалистических кружков и развил бы всю теорию социалистов, если б председатель (сенатор Фукс) дал ему волю говорить. Желябов не отпирался в своем руководящем участии в покушениях на царевубийство: и в 1879 году под Александровом, и в подкопе в Малой Садовой, и, наконец, 1 марта, на Екатерининском канале. Перовская также выставляла себя с цинизмом деятельною участницей в целом ряде преступных действий; настойчивость и жестокосердие, с которыми она действовала, поражали противоположностью с ее тщедушным и почти скромным видом. Хотя ей 26 лет, но она имеет вид неразвившейся еще девочки. Затем Кибальчич говорил складно, с энергией, и обрисовал свою роль в организации заговора — специалиста-техника. Он прямо объявил, что по своему характеру не считает себя способным [ни] к активной роли, ни к убийству, но, сочувствуя цели социалистов-революционеров, принял на себя изготовление составов и снарядов, нужных для приведения в исполнение их замыслов. Михайлов имел вид простого мастерового и выставлял себя борцом за освобождение рабочего люда от тяжкого гнета капиталистов, покровительствуемых правительством. Еврейка Гельфман говорила бесцветно; она не принимала непосредственного участия в преступлении 1 марта. Наконец, Рысаков, на вид мальчишка, говорил, как школьник на экзамене. Очевидно было, что он поддался соблазну по легкомыслию и был послушным исполнителем распоряжений Желябова и Пе-

ровской. Замечательно, что все подсудимые говорили прилично и очень складно; особенно же речист и самоуверен Желябов. Но вместе с тем из всего слышанного выводиться заключение, что пред нами на скамье подсудимых сидят пятеро случайно захваченных полицией и оказавшихся более или менее прикосновенными к преступным покушениям на цареубийство, но вовсе не главные виновники катастрофы 1 марта. Кроме Желябова и Перовской были, несомненно, многие другие, не менее виновные и даже имеющие гораздо более важное значение в революционной деятельности⁵⁹. И все они на свободе, остаются неизвестными, продолжают действовать в самом Петербурге. <...>

28 марта. Суббота

<...> Утром в суде, во время перерыва заседания, разговорился я с государственным секретарем Перетцем, который подтвердил мне слухи, ходившие об удалении великого князя Константина Николаевича как от морского ведомства, так и председательства в Государственном совете. Оказывается, что дело шло при посредничестве великого князя Владимира Александровича и что решение вопроса отсрочено. Между дядей и племянником пока не было никаких резких объяснений. Перетц говорил мне о затруднительности выбора преемника великому князю Константину Николаевичу и уверял меня, так же как вчера Игнатьев, что меня считают наиболее вероятным кандидатом. Я отвечал, что не могу и не должен принять такое назначение, если б мне и предложили.

29 марта. Воскресенье

В 6 часов утра постановлен приговор суда о шести преступниках 1 марта. Конечно, все они приговорены к повешению; но в городской публике возбуждены, по недоразумению, толки о том, зачем приговор

об одной Перовской подвергнут отдельно высочайшему решению. В этом изъятии видят как бы намерение избавить подсудимую от смертной казни; немногим известно, что по существующим общим законам постановление суда о лишении дворянства не может быть приведено в исполнение без высочайшего на то соизволения и что одним этим обстоятельством мотивирована оговорка суда относительно Перовской. <...>

31 марта. Вторник

<...> В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. и проч. Дворец представляет вид тюрьмы; никого не пропускают без билета с фотографическим на обороте изображением предъявителя. Гатчина и без того носит мрачный, подавляющий отпечаток; теперь же она производит удручающее впечатление. Их Величества живут в совершенном уединении. Объявлено, что государь будет принимать представляющихся лиц только по средам и пятницам.

3 апреля. Пятница

Утром, в 9-м часу, на Семеновском плацу совершилась казнь пяти из числа шести преступников 1 марта, т. е. за исключением еврейки Гельфман, которая оказалась беременною, почему казнь ее отсрочена. Даже и повесить не сумели: Михайлов два раза сорвался с виселицы. <...>

15 апреля. Среда

Пользуясь свободным от служебных обязанностей праздничным днем, я навестил больного графа Баранцова и потом заехал к Александру Аггеевичу Абазе, с которым имел продолжительный разговор о настоя-

щем положении дел. Он сознает всю ненормальность теперешнего порядка вещей, но считает нужным еще выждать некоторое время, прежде чем решаться сойти со сцены, в чем и я с ним согласен. Победоносцев, несмотря на свое влияние во дворце, чувствует, по-видимому, неловкость своего положения, он приезжал к графу Лорис-Меликову с объяснениями, уверяя, что его речь в пресловутом совещании 8 марта понята в превратном смысле.

17 апреля. Пятница

Утром был у меня граф Лорис-Меликов. Весьма продолжительный и любопытный разговор: он объявил мне, что во вторник, после моего доклада, будет у государя совещание, в котором примут участие великий князь Владимир Александрович, граф Лорис-Меликов, Абаза, Игнатьев, барон Николаи, Победоносцев и я. Государь положительно отказал Лорис-Меликову пригласить Валуева и князя Урусова. Предположенное совещание вызвано весьма серьезными объяснениями Лорис-Меликова с государем о необходимости так или иначе выйти, наконец, из настоящей неизвестности и замкнутости. Лорис-Меликов уговорил государя показаться в Петербурге, чтобы по крайней мере прекратить разные нелепые толки в народе, как, например, будто царь содержится в плену, что он ранен и т. п. Курьезные вещи рассказывал Лорис-Меликов о великом князе Константине Николаевиче, который уже помышлял о немедленном оставлении своих обоих постов и отъезде на юг, в Крым. Наконец, Лорис-Меликов предупредил меня, что, по всем вероятиям, будет сделано мне предложение занять место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Известие это заставляет меня сильно призадуматься: должен ли я или нет отклонить от себя эту чашу?

Сегодня 50-летний юбилей графа Валуева; но я не знал об этом прежде и потому не поздравил юбиляра.

18 апреля. Суббота

Утром заехал к графу Валуюеву, чтобы поздравить его со вчерашним юбилеем. Разговорились о теперешнем положении дел: те же сетования на инерцию высшего правительства, на зловредное влияние Победоносцева и т. д. <...>

20 апреля. Понедельник

<...> Вечером граф Лорис-Меликов и я съехались у Ал[ександра] Агг[еевича] Абазы, чтобы предварительно обменяться мыслями насчет завтрашнего совещания. Граф Лорис-Меликов очень разочарован; не предвидит ничего хорошего. Абаза советует завтра не вдаваться в обсуждение каких-либо частных вопросов, а стараться на первый раз установить правильное положение и круг деятельности министров, приняв за основание то убеждение, что сильная власть, столь необходимая при настоящих обстоятельствах, может быть проявлена единственно при том условии, если государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие и чрез которых мог бы действовать без всякого посредствующего влияния. Очевидно, здесь подразумевается зловредное вмешательство во все дела Победоносцева и других закулисных личностей. Я, со своей стороны, добавил, что кроме личного доверия государя необходимо еще другое условие: чтобы министерство было однородное, чтобы все министры действовали в одном смысле, а не противодействовали один другому. Но все эти соображения наши могут разлететься в прах, если совещание получит иное направление и затронуты будут какие-либо частные вопросы дня. Впрочем, я и не вижу в том невыгоды. Лучше сразу вывести дело на чистоту, чтобы разъяснить, наконец, можем ли мы, с нашими понятиями и убеждениями, еще долее тянуть лямку, не зная, куда тянем.

21 апреля. Вторник

По случаю назначенного в Гатчине совещания мы, все приглашенные министры, отправились вместе с 9-часовым поездом: граф Лорис-Меликов, Абаза, граф Игнатьев, барон Николаи, Набоков, Победоносцев и я. По окончании моего доклада началось совещание. В нем участвовал и великий князь Владимир Александрович. Государь открыл совещание заявлением своего желания выслушать мнения наши о том, какие меры следует принять теперь же и какую программу для дальнейших действий. Прежде всего он обратился к графу Лорис-Меликову, который весьма толково и ловко изложил свое мнение о необходимости дальнейшего развития и довершения начатых в прошлое царствование реформ. После него была моя очередь: я подтвердил соображения графа Лорис-Меликова и развил их, указав притом, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но, напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев. После меня государь обратился к графу Игнатьеву, который говорил почти в том же смысле, подтвердив общую мысль частными примерами. Затем Ал[ександр] Аг[геевич] Абаза мастерски свел речь на те именно соображения, которые он выразил во вчерашней нашей предварительной беседе: он доказывал весьма смело и категорично, что действительная сила правительства выражается не «в кулаках», не в полицейском произволе, а в единстве и сплоченности министерства, в твердости плана его действий, в доверии государя к своим ближайшим советникам и органам. При этом Абаза прямо задел Победоносцева и его вредное закулисное влияние. Затем барон Николаи довольно долго и скучно развивал тему о необходимости действий систематических, без увлечений и без произвола. Министр юстиции Набоков также говорил о предстоящих по судебной части улучшениях и необходимости продолжения реформ. Таким образом, все говорившие 6 министров

высказались почти в одинаковом смысле. Оставалось последнее слово за Победоносцевым, и мы, конечно, с любопытством ждали, что же на сей раз будет прорицать этот авгур. К удивлению нашему, он заговорил совсем иным языком, чем в достопамятном совещании 8 марта; он даже начал было с того, что разделяет высказанные всеми прочими мнения о необходимости дальнейших улучшений в государственном строе; но вслед за тем сбился на свои нравоучения и прочел проповедь о правде, честности, ответственности и т. д. Эти теоретические, пустозвонные фразы вызвали снова возражения и со стороны графа Лорис-Меликова, и с моей, а главное — от Ал[ександра] Аг[геевича] Абазы, который очень резко и категорично поставил снова вопрос о солидарности министерства, о бесполезности отвлеченных теоретических афоризмов и необходимости соглашения на практической почве. Тут было несколько раз упомянуто о пользе совещаний, подобных настоящему, в присутствии самого государя, о предварительных совещаниях между министрами, независимо от Комитета министров и проч. Государь во все время только изредка прерывал речи отрывочными фразами; пробовал свести суждения к поставленному первоначально вопросу о том, что следует предпринять теперь же неотлагательно. Но высказавшееся совершенно неожиданно для нас самих единодушие в речах всех призванных министров отклонило совещание от предполагавшейся задачи. Под конец, однако же, великий князь Владимир Александрович выступил с подготовленным письменным предложением об учреждении центральной следственной комиссии по всем делам о государственных преступлениях. Записка эта, неизвестно кем сочиненная, была тут же прочитана вслух графом Лорис-Меликовым, который возражал против заявленной мысли, доложив, что у него уже приготовлен доклад относительно дальнейшего ведения следственных дел, а потому вопрос отложен до другого раза. В заключение государь выразил свое желание, чтобы министры собира-

лись по мере надобности для предварительных между собою совещаний по вопросам общего государственного интереса, дабы тем достигнуть желаемого единства в действиях; на первый же раз Его Величество предложил нам совместно обсудить те меры, которые признаются наиболее неотложными при настоящих обстоятельствах и для окончательного обсуждения которых будет назначено вторичное совещание в высочайшем присутствии.

Таким образом, сегодняшнее совещание оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем выказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров; даже Победоносцев — и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделивший его от всех прочих коллег. Не знаю, долго ли удержится эта гармония; подержится ли единство, когда действительно приступим к совещаниям по каждому конкретному вопросу. Во всяком случае, можно надеяться, что нынешнее совещание повлияет благотворно на направление мыслей молодого императора. <...>

28 апреля. Вторник

Утром ездил в Гатчину вместе с Гирсом и после доклада представлял государю выпущенных из Академии Генерального штаба 50 офицеров. Я ожидал, что при докладе государь заговорит о моем назначении на Кавказ, как предварял меня граф Лорис-Меликов; опасался также не совсем удобных объяснений по поводу некоторых предположенных государем неудачных назначений, но и на сей раз не было ни слова о чем-либо, выходящем из круга текущих дел.

В 9 часов вечера назначено было совещание у графа Лорис-Меликова. Собрались те же самые лица, которые участвовали в прошлый вторник в совещании в Гатчине, в том числе и великий князь Владимир Александрович. Нам прислана была предварительно программа совещания, состоявшая из 4 пунктов. Сначала были продолжительные суждения

по записке, поданной в прошлый вторник великим князем Владимиром Александровичем, об учреждении Высшей центральной следственной комиссии по государственным преступлениям. Предположение это было совершенно разбито объяснениями графа Лорис-Меликова и Набокова; оба они указывали на прискорбные результаты подобных комиссий, которые неоднократно учреждались и в прежние времена и которые ныне сделались совсем ненужными при настоящем объединении прежних разнородных полицейских учреждений и прекращении прежнего антагонизма между полицейскими и судебными учреждениями. Ни Победоносцев, ни великий князь не могли почти ничего сказать для поддержания предложенной мысли. Совещание обратилось к другим, предложенным графом Лорис-Меликовым, частным мерам по ведомству государственной полиции, и после довольно продолжительных разглагольствований все эти меры были одобрены с некоторыми только оговорками. Самые же продолжительные и горячие прения возникли по двум последним пунктам программы нашего совещания, касавшимся земства. Это такая почва, на которой всего более разнообразны взгляды. Однако ж и тут удалось, наконец, достигнуть согласия, как относительно предложенного Лорис-Меликовым пересмотра некоторых статей Положения о земских и городских учреждениях, так и прежней его мысли о законодательной разработке возбужденных уже земствами вопросов о мерах к улучшению благосостояния крестьянского населения. Даже щекотливый вопрос о привлечении земцев к этой законодательной работе, как представителей местных интересов, был одобрен всеми присутствовавшими, за исключением одного лишь Победоносцева, который опять поднял общий вопрос о значении земства; обычным своим докторальным, широкоречивым тоном опять начал доказывать вред выборного начала вообще, опасность привлечения «местных сил» и допускал только разве вызов экспертов, по назначению самого правительства. Мнение

это так резко отделялось от общего убеждения всех прочих членов совещания, что великий князь Владимир Александрович предложил в виде компромисса *на первый раз* ограничиться призывом из губерний небольшого числа известных правительству дельных и вполне благонадежных людей, собственно только для предварительного обсуждения самого вопроса о порядке призыва представителей земства к обработке известных законопроектов в тех случаях, когда правительство признает это полезным. На этом предложении и остановилось совещание. Немыслимо было продолжать спор после того, что рассказал нам великий князь: в самое утро злополучного дня 1 марта покойный император, утвердив своею подписью представленный доклад секретной комиссии и выждав выхода Лорис-Меликова из кабинета, обратился к присутствовавшим великим князьям с такими словами: «Я дал свое согласие на это представление, хотя и не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции». Затрудняюсь объяснить, что именно в предположениях Лорис-Меликова могло показаться царю зародышем конституции; но понятно, что произнесенные им незадолго до мученической кончины вещи слова должны были глубоко запасть в мысли обоих молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и компании.

Совещание окончилось в первом часу ночи; великий князь Владимир Александрович уехал; но тут только вдруг узнаем мы с удивлением от министра юстиции, что на завтрашний день приготовлен высочайший манифест, который он и показал в печатном оттиске. Такая неожиданная новость поразила нас, как громом: какой манифест? Кем он изготовлен? С кем советовался государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера; что вчера государь призвал его в Гатчину и приказал сочинить манифест с тем, чтобы сегодня он был напечатан, а завтра, по прибытии государя в Петербург, обнародован. Заявление это было *un coup de*

théâtre*. Как? После бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного государем желания, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, и вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт, как манифест царский! Граф Лорис-Меликов и А. А. Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению. Набоков, Игнатьев и барон Николаи, хотя сдержаннее, также высказали свое удивление. Победоносцев, бледный, смущенный, молчал, стоя как подсудимый пред судьями. Расстались мы в сильном волнении.

Помимо формальной стороны появления нового манифеста поразило нас и самое содержание его. Под оболочкою тяжелой риторической фразеологии ясно проглядывает главная цель — провозгласить торжественно, чтобы не ждали от самодержавной власти никаких уступок. Появление такого манифеста было бы еще понятно на другой день вступления на престол, вслед за ужасною катастрофою 1 марта, но что вызывает его теперь, по прошествии двух месяцев?

29 апреля. Среда

<...> Пресловутый манифест явился в прибавлении к «Правительственному вестнику». Говорят, он всех озадачил: толпа спрашивает — в чем дело? К чему и о чем манифест? Другие говорят, будто срывали даже манифест со стен. Граф Лорис-Меликов сказал мне на параде, что решился сегодня же послать письмо государю с просьбой об увольнении от должности и намерен завтра не ехать в Гатчину. Вечером же

* Гром среди ясного неба (*фр.*). — *Прим. ред.*

приехал ко мне Абаза и передал свой разговор с великим князем Владимиром Александровичем, который уже знал, что вчера, после его отъезда из совещания, что-то произошло между нами. Абаза высказал ему, как мы все были поражены и оскорблены процедурой с манифестом. Великий князь уговаривал не слишком принимать к сердцу. Но Абаза намерен поступить одинаково с графом Лорис-Меликовым: не ехать в пятницу с докладом, а послать завтра письмо к государю с просьбой об увольнении.

1 мая. Пятница

После обычного посещения некоторых из военно-учебных заведений заехал я к Абазе и графу Лорис-Меликову. Оба они объявили мне, что прошения их об увольнении от должностей приняты государем, но полученные ими ответы были выражены не в одинаковой форме. Графу Лорис-Меликову государь ответил собственноручным письмом, в благосклонном тоне, с выражением благодарности за оказанные услуги; напротив того, Абазе возвращено его письмо с надписью карандашом, в которой выражался довольно резко укор, что поводом к удалению его от должности выставляется им заявленное в манифесте твердое намерение государя оберегать свои самодержавные права. От Лорис-Меликова я узнал, что сегодня вызваны в Гатчину великий князь Владимир Александрович и генерал Игнатьев. Можно заключить из этого, что преемником графа Лорис-Меликова будет Игнатьев, что, конечно, произведет не очень благоприятное впечатление в Европе. Уже и теперь получают сведения о падении нашего курса; а что будет, когда сделается известным удаление графа Лорис-Меликова и Абазы. Оба они пользовались хорошей репутацией и доверием, чего нельзя сказать о других министрах. Я решаюсь также оставить свой пост, но, по совету друзей, мне было бы неуместно связать свое удаление с инцидентом манифеста. Поневоле я должен несколько еще выждать; быть

может, представится благовидный случай проситься на отдых, например, если мне предложено будет место на Кавказе.

Из разговоров с Абазой и Лорис-Меликовым я узнал о некоторых новых обстоятельствах. В истории манифеста принял, по-видимому, деятельное участие Катков, прискакавший в Петербург по вызову Победоносцева. Отовсюду слышно, что этот злополучный манифест производит самое невыгодное впечатление. Он даст обильную пищу заграничным врагам России, нигилисты наши воспользуются им как материалом для своей подпольной литературы. <...>

4 мая. Понедельник

После обычного моего приема в канцелярии Военного министерства отправился я в Государственный совет. Абаза присутствовал еще в этом заседании; об увольнении же графа Лорис-Меликова и назначении на его место Игнатьева указ уже подписан. Государь приезжал на панихиду по скончавшемуся принце Ольденбургском.

5 мая. Вторник

Сегодня я поехал в Гатчину с твердым намерением заговорить с государем об увольнении меня от должности. Ехал я туда в обществе с Гирсом, Игнатьевым и Островским. Последние двое представлялись в первый раз в своих новых званиях. Игнатьев не мог не заметить перемены в моем обращении с ним; едва приехали мы в Гатчину, он пришел ко мне с объяснениями, уверяя, что он старался всеми силами отклонить от себя новое назначение, и при этом наговорил целый короб всякой лжи. Я отвечал откровенно, что дело не в назначении его, а в слухах, дошедших до меня, будто он заодно с Победоносцевым вел дело о злополучном манифесте и, стало быть, участвовал в прискорбной интриге против Лорис-Меликова. Игнатьев опровергал это подозрение.

По окончании доклада государю о текущих делах я завел речь о предполагавшемся назначении графа Гейдена в Финляндию и ходатайствовал о назначении его вместе с тем членом Государственного совета. Разговор этот навел государя на те объяснения, которых давно уже я ожидал: мне предложено было место наместника и главнокомандующего на Кавказе. Согласно принятому мною решению, я положительно отклонил это назначение, сославшись на свои лета, утомление физическое и нравственное, и просил уволить меня от настоящей должности военного министра. Государь говорит, что затрудняется в выборе лица для замещения великого князя Михаила Николаевича на Кавказе, что в случае моего туда назначения предполагает сохранить за мной и звание наместника. Однако же я настоял на своей просьбе отпустить меня на отдых после 20-летнего управления министерством. Государь, выслушав меня, кротко и спокойно закончил разговор словами: «Дайте мне подумать и переговорить с Михаилом Николаевичем».

После того я оставался еще при докладе Гирса, и затем государь простился со мной совершенно любезно и без малейшего знака неудовольствия. По всему видно, что заявление мое не было для него неожиданностью.

6 мая. Среда

<...> Заезжал ко мне граф Лорис-Меликов. Он уже очистил казенную квартиру и готовится к отъезду за границу; старается казаться веселым и довольным своею свободой; но беспрестанно проглядывают чувства негодования и скорби о теперешнем обороте дел. Действительно, с каждым днем узнаешь новые странные факты, не обещающие ничего доброго в будущем. В «Правительственном вестнике» напечатан сегодня циркуляр нового министра внутренних дел, сочиненный, как говорят, вчера же в Гатчине. Простодушные люди говорили мне об этом новом документе с похвалой; я же нашел в нем одну риторiku,

только фразы, уместные более в проповеди, чем в министерском циркуляре. Граф Лорис-Меликов, между прочим, сказал мне, что Бунге получил от государя повеление неотлагательно вступить в управление Министерством финансов; надобно полагать, что насчет Абазы что-нибудь насплетничали. Сплетни и интриги процветают. <...>

8 мая. Пятница

<...> Граф Лорис-Меликов передал мне свой последний разговор с государем, которому он вчера отклонивался. В разговоре этом Его Величество упоминал и обо мне, ставя меня заодно с графом Лорис-Меликовым и Абазой в число представителей воображаемой либеральной партии, не сочувствующей принципу самодержавия. Государь весьма откровенно высказал, что в настоящий момент, когда вся задача состоит именно «в укреплении самодержавной власти», мы трое непригодны ему, но что впоследствии, когда настанет время приступить опять к государственным реформам, тогда и мы можем быть снова призваны к деятельности (!?). Кроме того, государь говорил Лорис-Меликову о моем отказе от предложенной должности на Кавказе, не упомянув, однако ж, что я вместе с тем просил увольнения от должности военного министра, а между тем упоминал о необходимости каких-то значительных преобразований в военном ведомстве, на которые я, конечно, не могу согласиться. Не имея повода усомниться в верности переданных мне Лорис-Меликовым разговоров, крайне удивляюсь, что государь не понял моих настойчивых просьб дать мне полный отдых. В том же смысле и великий князь Михаил Николаевич передавал мне свой разговор с государем обо мне. Стало быть, тут явное недоразумение, которое постараюсь скорее разъяснить. Все переданное мне графом Лорис-Меликовым окончательно укрепляет мое решение оставить совершенно служебную деятельность. Но как прискорбно знать вперед, что с уходом

моим начнется в Военном министерстве ломка здания, стоившего двадцатилетних непрерывных трудов. В чем бы ни заключались замышляемые переделки в нашем военном устройстве, во всяком случае, теперешнее стройное здание будет расшатано на десятки лет. <...>

11 мая. Понедельник

Сегодня последнее заседание настоящей сессии Государственного совета. Приехав туда, я заметил, что между некоторыми членами и статс-секретарями происходило какое-то шушукание, и вскоре узнал, что речь шла о неожиданном решении государя по делу об уменьшении выкупных платежей с бывших помещичьих крестьян: Государь решил согласно с мнением трех членов соединенных департаментов (Игнатьева, Островского и Победоносцева) против большинства и вопреки единогласного мнения общего собрания! Такое решение произвело общее смущение и удивление: председатель Совета, великий князь Константин Николаевич, сказал мне, что затрудняется даже формулировать высочайшую резолюцию, так как разногласие в департаментах по одной части дела не нашло даже себе места в окончательном постановлении общего собрания. Дело в том, что в этом собрании говорил против законопроекта (и то лишь по одной частности) только граф Шувалов, который при отобрании голосов не был никем поддержан; Игнатьев же и Островский даже не раскрывали рта, а Победоносцев вовсе не присутствовал в заседании, но именно в этот самый понедельник он занимался в Гатчине сочинением пресловутого манифеста. По всем вероятностям, он и воспользовался случаем, чтобы растолковать дело по-своему. Таким образом, внушения одного интригана переиначивают работу целой комиссии специалистов, прошедшую чрез соединенные департаменты и единогласно одобренную общим собранием Государственного совета! Стоит ли после того рассуждать и спорить в заседаниях! <...>

12 мая. Вторник

Сегодня при докладе моем государь был разговорчивее обыкновенного и обходительнее, несмотря на то, что мне пришлось по нескольким докладам, возвращенным от него вчера с отказами в разрешении, объяснить ему неправильность его резолюций и просить об изменении их. Довольно долго государь говорил о предположениях своих относительно перемен в форме обмундирования, и так как все эти предположения вообще клонятся к облегчению и упрощению военного костюма, то я и не мог иначе выражать свое мнение, как в смысле полного сочувствия. Но после всего я решился снова навести речь на свою просьбу об увольнении от должности. Государь, видимо, ожидал моего вопроса и сказал мне:

— Я очень сожалею, что должен лишиться вашей опытности; но что же делать? Не считаю себя вправе удерживать вас и понимаю, что вам нужно отдохнуть и поправить свои силы, истощенные 20-летним трудом.

— Могу ли я рассчитывать, что увольнение мое последует в скором времени?

— А как вы желали бы?

— Как только изволите признать возможным.

— Но кому же вы могли бы передать временно управление министерством?

— Обыкновенно при временных отлучках передавал я большую часть своих обязанностей графу Гейдену, но в настоящее время граф Гейден сам просит об увольнении его, о чем я уже ходатайствовал пред Вашим Величеством.

— Да, на это я уже и согласился, я имею в виду назначить графа Гейдена членом Государственного совета, а потом — генерал-губернатором финляндским, но кто же старший после графа Гейдена?

— Всех старше, и даже старше самого графа Гейдена, граф Баранцов, а затем Исаков и Кауфман; но позвольте доложить Вашему Величеству, что я нахожу крайне неудобным для хода дел передавать мини-

стерство кому-нибудь на короткое время; было бы гораздо лучше, если б Ваше Величество прямо назначили мне преемника, который и вступил бы во все права и обязанности министра.

— Но в настоящее время я не остановился еще ни на ком.

Несколько секунд молчания. Я был несколько удивлен после того, что слышал о готовившемся уже в течение нескольких недель замещении меня. Я решился прямо поставить вопрос:

— В городе много говорят об Альбединском.

— Да, я знаю; но мне кажется, что он не совсем годится на такую важную, обширную и сложную должность. Боюсь, что он несколько легко смотрит на дела.

— Однако ж позвольте доложить Вашему Величеству, что Виленский округ был при нем образцовым округом: нигде войска не были доведены до такого совершенства в тактическом образовании; администрация ведена была примерно; Альбединский лично во все вникает и обо всем заботится.

— Это справедливо, войска Виленского округа были очень хороши, но Альбединский нужен и в Варшаве; кем же его там заменить? А я думал о другом — о Ванновском.

— Конечно, Ванновский дельный и умный генерал, но он моложе в чине весьма многих из начальствующих лиц в министерстве.

— Но ведь и вы сами при назначении министром были моложе многих, даже чуть ли не были еще генерал-майором?

— Нет, я был уже несколько лет в чине генерал-лейтенанта, и старше меня в министерстве были только барон Ливен, занимавший тогда должность генерал-квартирмейстера, и Баранцов, который, впрочем, был тогда не прямым моим подчиненным в качестве начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера. Барон Ливен вскоре после моего назначения и был отчислен от должности с назначением в Государственный совет, а Баранцов и до сих пор остается моим

подчиненным, хотя и старше меня. Но мы с ним всегда были на товарищеской и дружеской ноге.

— Полагаю, что Баранцов во всяком случае не пожелает остаться на своем месте, кто бы ни был назначен министром. Он уже очень устарел и слаб.

— Затем остаются еще полные генералы: Исаков и Кауфман.

— Да, это просто беда, что у нас так много полных генералов: все генерал-губернаторы, начальники военных округов. Но ведь Исаков занимает совершенно самостоятельную должность.

— Нет, государь, он точно так же подчинен прямо министру, как и все другие начальники главных управлений. Скажу даже, что я лично весьма много входил в дела военно-учебных заведений и с любовью занимался этою частию. Я должен сказать, что сам имел виды на генерала Ванновского именно для замещения, на случай надобности, Исакова.

— Это правда. Ванновский был некогда начальником военного училища. Но он годился бы на всякое место.

— Первое и самое важное условие при выборе лица на должность военного министра, конечно, заключается в том, чтобы лицо это пользовалось полным доверием Вашего Величества.

— В этом-то отношении Ванновский вполне подходит; я близко узнал его, когда он был моим начальником штаба в Руцукском отряде. Тогда его упрекали только в одном, что он тяжел для подчиненных. Но это, пожалуй, и не худо, а притом говорили, например, в свое время и о Дрентельне, будто он слишком строг и даже груб; а теперь находят его слишком добродушным и мягким.

— Если выбор Вашего Величества остановится окончательно на Ванновском, то я буду об одном убедительно просить — обратить милостивое ваше внимание на моих ближайших сотрудников, которые не могут остаться на теперешних своих местах. Позвольте надеяться, что Ваше Величество всех их пристроите достойным образом; все они усердно, полезно и мно-

го потрудились вместе со мною и, точно так же как и я, нуждаются в отдыхе. Притом нельзя не сознаться, что для пользы службы даже нежелательно, чтобы должность была занята слишком долго одним лицом; необходимо по временам освежать персонал. Я сам на себе чувствую, что есть известный предел, долее которого человеку не следует оставаться на своем месте. Вот это и дает мне смелость настаивать на моем увольнении.

— Да, вы долго и много трудились; но вы имеете утешение в собственном сознании, что эти 20 лет не прошли без пользы; все отдадут справедливость тому, что сделано в эти 20 лет. Армия наша и администрация совсем уже не те, какие были 20 лет назад. Последняя война вполне это выказала. Осуждали, конечно, интендантскую часть, но вся беда была от несчастного этого товарищества⁶⁰, в котором Военное министерство совершенно неповинно; у меня в Рушукском отряде все шло прекрасно, потому что товарищество было устранено. Все же, что зависело от Военного министерства, оказалось вполне удовлетворительным.

— Мне отрадно слышать такую оценку; искренно желаю, чтобы все то, чего не успел я сделать, было исполнено моим преемником.

— Надобно мне подумать, сообразить. Спишусь с Ванновским.

— Буду ожидать окончательных приказаний Вашего Величества.

На этом разговор прервался; государь позвонил и пригласил Гирса. Я не мог прийти в себя от изумления. Все, что я слышал теперь от государя, не клеилось с тем, что слышал до сих пор, и, в особенности, с теми словами его, которые передавал мне граф Лорис-Меликов. Как согласовать такие противоречия: с одной стороны, признается необходимым мое удаление с занимаемого поста, дабы предпринять какие-то коренные преобразования по военной части; с другой же — все сделанное мною для лучшего устройства этой части восхваляется и выражается сожаление о моем удалении! <...>

13 мая. Среда

<...> Сегодня утром уехал за границу А.А.Абаза. Мне не удалось проститься с ним и узнать подробности последнего его свидания с государем. Но он поручил сестре своей Вере Аггеевне передать мне некоторые сведения. Государь старался быть любезным, объяснял необходимость манифеста и, в оправдание своего решения помимо министров, сваливал вину на графа Лорис-Меликова, который будто бы сопротивлялся всякому подобному заявлению высочайшей воли. Это обвинение прежде уже доходило до Лорис-Меликова, который уверял, что никогда не было речи о каком-либо манифесте. <...>

19 мая. Вторник

Главным предметом моего доклада сегодня были новые назначения и увольнения от должностей: я испросил окончательные повеления относительно объявления в приказе как о себе самом, так и графе Гейдене, графе Адлерберге, генерале Ванновском. При этом случае я представил Его Величеству доклад обо всех моих ближайших сотрудниках, чтобы вперед обеспечить почетное оставление ими занимаемых ныне должностей. Государь был весьма любезен и по окончании моего доклада сказал мне, что просил бы меня, уходя из министерства, изложить мои мнения о том, какие было бы возможно сделать сокращения в военных расходах. Я объяснил государю, что в течение 20 лет много раз поднимался этот вопрос, и если б я видел какое-либо средство к разрешению задачи, то, конечно, давно привел бы в исполнение. Затем объяснил, что значительное уменьшение военной сметы не иначе возможно, как чрез значительное сокращение вооруженных наших сил; сокращение наличного в мирное время состава их неизбежно ведет и к пропорциональному уменьшению сил в военное время; затем я спросил самого государя, в таком ли положении европейская политика, чтобы

мы могли без опасений ослабить нашу военную силу, ввиду все возрастающих и совершенствуемых сил наших западных соседей и всех других европейских государств. Государь не нашел никаких возражений, и разговор прекратился без всякого результата.

После моего доклада я присутствовал по обыкновению при докладе Гирса. Это *последний* мой доклад у государя. Засим мне остается только приехать еще раз в парадной форме, чтобы откланяться Их Величествам. <...>

22 мая. Пятница

Генерал Ванновский приехал ко мне в 10 часов утра и вручил высочайший рескрипт, при котором пожалован мне знак с двойным портретом императоров Александра II и Александра III. Самый знак еще не изготовлен, но рескрипт отредактирован в самых лестных для меня выражениях. Мы с Ванновским переговорили о порядке передачи дел, о представлении нашем Их Величествам и т. д. и т. д.

Выдержки из дневника П. А. Валуева⁶¹

1877 год

11 февраля

Вчера вечером получил от государя записку, при которой он мне прислал, для прочтения, записку военного министра, бывшую уже предметом обсуждения в обычном политическом конвенте (Его Императорское Величество; два великих князя, цесаревич и Владимир; кн. Горчаков, министр двора, военный и финансов и ген. Игнатьев.) В записке значилось, что другое совещание назначено на завтра и что государь желал, чтобы я в нем участвовал. Прочитал и возвратил записку. В ней собственно две части и вторая из двух половин. В первой части значит, что сделано по мобилизации и какие военные силы наготове. Во второй, в первой половине говорится ясно, отчетливо, кратко и сильно, что война — бедствие, что мы без союзников и что нам угрожает коалиция, если мы начнем войну. Во второй половине значит, что мы все-таки должны вести войну, если нам Турция не покорится. Мотивы — общие фразы: Россия, слова государя в Москве, традиции в восточной политике и пр. Думаю, что эта половина, а быть может, и обе второй части — дело кн. Черкасского.

Сегодня утром государь прислал за мною. Он желал переговорить о записке военного министра и начал с того, что он разделяет его мнение. Я попросил дозволения мыслить вслух и, начав с того, что если бы собрать в каком-нибудь иностранном посольстве всех явных или полуявных недругов России и спросить их, желают ли они, чтобы государь решился на войну, — то они ответили бы утверди-

тельно, — а если бы затем собрать где-нибудь корреспондентов «Набата» и «Вперед», — и спросить их о том же, — то и они дали бы такой ответ. Затем я старался изложить один за другим все аргументы в смысле необъявления ультиматума и войны, которые мне казались наиболее убедительными, — от двуличия германских держав до вопроса, мог ли государь решиться из-за подданных султана объявить войну и решиться принести в жертву, быть может, 50 тысяч человек из своей армии? Разговор почти все время происходил на французском языке, потому что государь на этом языке его начал. Мне казалось, что он подавался; по крайней мере, он меня весьма терпеливо выслушивал. <...>

1880 год

15 февраля

<...> Днем был у великого князя генерал-адмирала. Конференция избранников для обсуждения текста адреса Государственного совета государю на 19-е число. Избранниками оказались принц Ольденбургский, — «Петр Егорович», как «als stehender Witz»*, говорит августейший председатель, — генерал Тимашев, граф Пален, князь Урусов, Победоносцев, Абаза, Головин, Сольский и я. Редактором-докладчиком — Перетц. Некоторые неудобные и даже неприличные места исключены или изменены в первоначальном, разосланном нам тексте. Теперь адрес или, точнее, журнал Государственного совета более или менее пригоден. Но сколько фальши в деле по существу! Какой фальшивый звук во всех восхвалениях, когда результатом двадцатипятилетия — диктатура графа Лорис-Меликова! Какое странное противоречие между текстом и окружающим карету государя конвоем казаков! Эта карета выезжала из ворот Мраморного дворца в ту самую минуту, как я выезжал. Какая внутренняя ложь

* «В качестве постоянной шутки» (нем.). — Прим. ред.

в дифирамбическом соучастии членов совещания! Какое подтверждение формулы — в самом факте этого совещания! Мне внутренне было стыдно. Неужели другие не ощущали стыда? Перетц читает «*ore rotundo*»*, с пафосом в голосе и закатывая по временам глаза. *Barbiere di Seviglia; don Basilio!*** Вся Россия рисуется ликующею на 19 февраля. Какая обстановка ликования!

Сегодня, комплиментируя графа Лорис-Меликова («*le pauvre Loris!*»*** — как говорит Е. Н. Нелидова), «Голос» напечатал, что граф знает, что «сила в любви» и что он прежде был мелким офицером и служил в глухой армии (*sic!*). Гродненский гусар — мелкий офицер! Кавказские герои — глухая армия! И эти дворники-грамотеи — русская печать и русское общественное мнение!

16 февраля

Утром, у министра внутренних дел, предварительное совещание с ним, графом Лорис-Меликовым и шефом жандармов. Тяжело. Точки отправления, цели, самоотношение к делу и целям — все различно. Трудно регулировать колеса в часовом механизме, когда пружина не действует или действует с промежутками. Граф Лорис-Меликов видит в себе преобразователя; Маков видит в генерал-губернаторах князя Долгорукова; генерал Дрентельн видит III отделение, но многого другого не видит. В особенности неприятно было мне ощущение, что в новом полудиктаторе не проявлялось никакой силы. Что же будет далее? <...>

22 мая

Императрица Мария Александровна скончалась сегодня, в седьмом часу утра, и как до сих пор кажет-

* Складно (лат.). — Прим. ред.

** Севильский цирюльник. Дон Базилио! (ит.). — Прим. ред.

*** «Бедный Лорис!» (фр.). — Прим. ред.

ся, одна и без сознания. Утром ее уже не было в живых, когда пришел или когда призван был доктор Алышевский. Дали знать в Царское Село. Государь приехал, съехались члены семьи, и весть разнеслась по городу. В 6 ч. вечера вышло прибавление к «Правительственному вестнику», с кратким о том извещением. Показались на улицах траурные ливреи, и в домах заговорили о предстоящих церемониях.

До сего дня едва ли какая-либо венценосная жена умерла так бесшумно, так бессознательно и случайно, так одиноко. Все предшествовавшие обстоятельства, вся современная обстановка, — даже до вчерашнего присутствия на Елагинской стрелке всей царской семьи, за исключением государя, — беспримерны...

Недостатка в фразах не будет, но слез будет мало. Пустоты не ощутится, потому что уже при жизни почившей вокруг нее стало пусто, и она сама ничего собою не наполняла. Как мать — с благоговением почтут ее память дети... <...>.

24 июня

Комитет министров. Тяжелое заседание. Гр. Лорис-Меликов, насвистанный, вероятно, г. г. Фадеевым и К^о, настаивал на даче обещания земствам «не строить железных дорог, не спросясь их мнения» о направлении путей. Он уверял, что таким образом мы приобретем содействие «лучших людей» и т. п. в стиле «Голоса» и К^о. Я, конечно, отстаивал и отстаивал прерогативы и достоинство правительства. Некоторые члены меня поддерживали, но слабо, нерешительно. Очевидно, полудиктатор им импонировал. Они даже не заметили, по-видимому, бессознательной или наивной грубости, высказанной гр. Лорис-Меликовым, принимавшим за доказанный факт, что мы, т. е. Комитет министров, отклонением рассудительные ходатайства земств, ошибаемся в выборе направлений дорог и т. д. И это правительство!! <...>

22 июля

Маков сообщил разговор с гр. Лорис-Меликовым. Из сообщения видно, во-первых, что его положение порядочно ударило ему в голову, и, во-вторых, что он теперь сам не знает в точности, чего хочет, и только размышляет о способе укрепить за собою известное личное положение, но покончить с формами нынешней Верховной комиссии. Он сознает (?)⁶², что новым преобразователем России по всем направлениям одним разом быть нельзя, хотя и высказал, довольно характеристично, что у него есть такие «резолюции» на его докладах и записках, что если бы он ими захотел пользоваться, то и Государственный совет, и Комитет министров «полетели бы к черту» (sic). Из другого разговора, переданного мне Грейгом, видно, что теперь исходом представляется учреждение министерства «полиции», с популярным упразднением III отделения. Этот исход возможен. <...>

6 сентября

<...> Видел графа Лорис-Меликова. Не искренен со мною. Я, со своей стороны, играю флегматика. Язык газет невозможен; но клеветет Абаза и сам ближний боярин их не унимают, хотя последний сегодня мне говорил о прочитанной им редакторам нотации. Ему возносятся самые неприличные похвалы на счет всех министров двадцатипятилетия. «Голос» напечатал сегодня, что он *первый* (курсивом) сказал государю, что не вся Россия крамольна. Третьего дня тот же «Голос» заговорил об упразднении Комитета министров, якобы учреждения вроде III отделения. Il est même de mauvais goût de se laisser flagorner ainsi*. Скоро, пожалуй, о графе Лорис-Меликове можно будет сказать, как венецианский посол о Кромвеле,

* У него все же дурной вкус, раз он позволяет себе так угождать (*фр.*). — Прим. ред.

что благодаря газетам он один говорит и один лжет. Vediam*. <...>

10 сентября

Вчера Комитет министров. Видел там графа Лорис-Мелкова. In high spirits** — словно именинник. Медовый месяц министерствования еще в полнолунии. Изумительно! И за что он ни берется! Выписал было известного Катакази для политической заграничной агентуры, но дело, по-видимому, не уладилось. Хочет вверить барону Велио дела по заграничной прессе, теперь отчасти состоящие в моем ведении. Но по существенным предметам внутренней администрации — ничего кроме frou-frou***. Видно, что не только на них не останавливается внимание, но даже и нет первых признаков понимания их сущности и значения. Повторяю: изумительно!

Сегодня заезжал к Победоносцеву, которому смертельно хочется попасть в члены Комитета министров, но который притворяется, будто он о том не помышляет. Поехал, чтобы прямо ему сказать, что я слышал о его желании от Мансурова и решительно в пользу исполнения этого желания, но предоставляю ему самому уладить дело с инициатором нововведений, графом Лорис-Меликовым, или выждать, чтобы я с ним это наладил и уладил. Каждодневный опыт ведет к одному: ко все большей уверенности в неискренности людей, а эта уверенность ведет к все большему к ним пренебрежению. <...>

20 сентября

Из сегодняшних газет видно, что гр. Лорис-Меликов, при объяснении с редакторами главных газет, счел

* Очевидная опечатка. По-видимому, должно быть videam (лат.) — посмотрим, увидим. — *Прим. ред.*

** В возбуждении (англ.). — *Прим. ред.*

*** Шуршание (фр.). — *Прим. ред.*

нужным и счел себя уполномоченным, — развить правительственную программу на время от пяти до семи лет. Здесь нужен словарь «Figaro»⁶³: *c'est raide!** <...>

3 октября

<...> Вечером, по желанию графа Лорис-Меликова — у него, с 9 до $\frac{3}{4}$ 10-го часа. Он завтра едет в Ливадию с цесаревичем. Три или четыре недели он без всякой надобности лицемерил: разрешение ехать уже тогда было испрошено и получено через цесаревича, а еще в прошлый вторник он меня уверял, — хотя, конечно, не уверил, — что он не едет.

Впечатления сегодня не только прискорбные, но жалкие. И победитель Карса выходит в Хлестаковы. Невообразим сумбур в речах и понятиях, и все переплетено придворною стрункою. На столе разбросаны телеграммы от высочайших особ; он их прочитывает, вам на них указывает; забалтывается до того, что говорит: «Вот, я сейчас при вас получу; они обыкновенно в этот час приходят» (*textuel***), и т. п. От одного предмета — непрерывные и беспорядочные скачки к другому. Все время видно, что он играет роль, рисуется, принаряжается маскарадным нарядом. И это победитель Карса! Человек с действительными качествами и достоинствами! Человек, бывший военным и сохраняющий военные чувства! Что из него сделал дворцовый воздух! Не выдержал придворных любезностей и фимиама пошлых льстецов или эксплуататоров его влияния!

Я не могу забыть зрелища, которым он меня подарил. В течение $\frac{3}{4}$ часа речь о всем возможном, — и ни одного толкового, и ни одного *правдивого* слова. <...>

* Это сильно! (*фр.*). — Прим. ред.

** Дословно (*фр.*). — Прим. ред.

20 октября

Вчера граф Лорис-Меликов был у меня. Смесь «амбарраса»⁶⁴ и развязности. Передал от государя поручение спешить [с] вопросом о печати и назначить Победоносцева членом Комитета министров. <...>

31 декабря

Вчера — Комитет министров. Пустое заседание. Сильный мороз.

Нет никаких признаков сознания нынешнего, почти беспримерного положения! История напишет странную главу о министерстве гр. Лорис-Меликова. Не желалось бы ощущать то, что он должен ощущать уже теперь, а в особенности ощутить то, что он неизбежно ощутит позже, когда увидит последствия! <...>

1881 год

13 января

Вчера в Государственном совете. Заседание *in fiasco** по случаю назначения великого князя Алексея членом Совета. — Если в Библии значится, что всяк человек ложь, — то какая ложь наш Государственный совет. <...>

3 февраля

Третьего дня ко мне заезжал Michel 1-er⁶⁵. Особенно любезен... Должно было что-нибудь значить. И точно: оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовал в совещании, которое должно состояться у Его Величества относительно представленной гр. Лорис-Меликовым записки. Ближний боярин⁶⁶ мне ее вчера прислал. Монумент посредственности умственной

* Спусти рукава (*ит.*). — Прим. ред.

и нравственной. При наивно-циническом самовосхвалении, при грубом каждении государю и грубом изложении разной лжи,—прежняя мысль о каких-то редакционных комиссиях из призывных экспертов.

5 февраля

Вчера совещание у государя. Цесаревич, генерал-адмирал, гр. Адлерберг, гр. Лорис-Меликов, кн. Урусов, Абаза, Набоков и я. Читалась, самим графом Лорис-Меликовым, его записка. Затем обсуждалась. Нельзя было вчера ставить себе вопрос: *qui donc trompe-t-on ici**? Ответ давался заранее. Нельзя было также не заметить, до какой степени *desipri placet***.

Дело кончилось всеобщим одобрением предположений министра внутренних дел, с обычными неопределенными оговорками насчет «предосторожностей», «деталей» и пр. и поручением рассмотреть эти детали и установить эти предосторожности в совещании из тех же лиц, кроме государя, под моим председательством. Michel 1-г спросил меня, вполголоса, нельзя ли прибавить Сольского как редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой труд сократится. Так и состоялось.

Во время нашего сеанса генерал-адмирал и Абаза до неприличия льстили гр. Лорис-Меликову, что привело, конечно, к комплиментарно благодарной фразе государя, а затем и к облобызанию руки Его Величества графом умиротворителем... С моей стороны, весьма кратко упомянув о сходстве предположений 1863 и 1879 годов с нынешними, я только оговорился насчет различия между двумя видами ожидавшихся результатов... не признавая важности pseudo-местных сведений и будто бы практического света, который будет пролит на дела. <...>

* Кого же здесь обманывают? (*фр.*).—Прим. ред.

** Пожалуйста, обманывайтесь (*лат.*).—Прим. ред.

18 февраля

<...> Продолжаю ожидать нечаянного. Не может быть, чтобы совершающееся на моих глазах совершалось бесцельно и безрезультатно. Невозможно — так быть жалким и не поплатиться. <...>

2 марта

Вчера, в 3-м часу пополудни роковое событие совершилось. Цареубийцы достигли своей цели. Подробности не повторяю. На то газеты.

Утром государь прислал за мной, чтобы передать проект объявления, составленный в Министерстве внутренних дел, с поручением сказать о нем мое мнение и, если я не буду иметь возражений, созвать Совет министров на среду 4-го числа.

Я давно, очень давно не видел государя в таком добром духе и даже на вид так здоровым и добрым. В 3-м часу я был у гр. Лорис-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратил проект государю без замечаний) — когда раздались роковые взрывы. Я сказал: *attentat possible**. «Невозможно», — сказал гр. Лорис-Меликов. Через пять минут все сомнения были устранены. Гр. Лорис-Меликов уехал во дворец в саниях градоначальника. Я поехал туда же, по Миллионной. Там тотчас узнал, что надежды уже не было. Государь истекал кровью и был без сознания. Члены его семейства прибывали одни за другими. Коридор наполнился разным людом. Генералы, министры, офицеры, дамы. Смятение и горе общие. Но ясной мысли и соответствующей обстоятельствам воли я ни в ком не видал. Гр. Лорис-Меликов не растерялся наружно, но оказался бессодержательным внутренне. Он должен был распоряжаться, но распоряжался как будто апатично, нерешительно, даже советуясь со мною или поддаваясь моим намерениям. В первую минуту можно было ожидать улич-

* Возможно покушение (фр.). — Прим. ред.

ных волнений; нужно было опереться на войско для охранения порядка. Я на том настаивал; но как будто не было командующих и штабов... К счастью, все обошлось благополучно в этом отношении. Улицы были полны народа до 10 час. вечера; но потом опустело. Когда я поехал в Аничковский дворец в 11-м часу, с проектом манифеста, Невский был похож на обыкновенный Невский в эти часы. Мне было поручено написать манифест. Исполнил это при сотрудничестве Набокова, кн. Урусова и Сольского. Переписал Набоков, и он же, по званию министра юстиции, поехал со мною в Аничков и после подписания манифеста взял его с собою для дальнейших распоряжений. Государь и императрица (еще непривычно их так называть!) были вдвоем. Впечатление *homely**, — доброе, семейное. Я читал проект; он подписан. Сегодня выход воцарения. Весь город. Государь в слезах. В Николаевском зале он сказал несколько слов генералам и офицерам. В ответ прекрасное дружное, долго не умолкавшее и затем чрез все залы государя провожавшее ура!!! Я видел слезы почти на всех глазах. Войско у нас еще здорово. Все прочее, увы! — гниль! Однако слезы были и не на военных лицах, в том числе на дамских. Но слезы — чувство, а не сила. Добрые силы только в войске.

Жалки наши государственные фарисеи, — даже и более умные, как Абаза и Сольский. Впрочем, им не под стать событие 1 марта (Мартовские иды!) Оно вразрез всей лживой теории успокоения, задабривания, прихорашивания и даже прямого лганья! Не хорошо, думаю я, спалось ближнему боярину! После хвастливой фразеологии его доклада о комиссиях — какое громовое опровержение. По-настоящему все эти господа — полуучастники царевубийства.

Не могу забыть лица графини Лорис-Меликовой, когда ее муж уезжал во дворец. Она стояла на лестнице, как статуя, как жена Лотова⁶⁷, без краски, без движения, без голоса, даже без подвижности в устах

* Домашнее (англ.). — Прим. ред.

и взгляде. Она чувствовала и сознавала, — смутно, — но более, чем он.

Какая судьба покойных государя и императрицы! Оба скончались как бы внезапно и как бы одиноко! Она буквально так; он почти так, потому что, смертельно раненый, он был без речи и полного сознания! <...>

4 марта

<...> Обыски и аресты производятся, кажется, с успехом. В ночь открыта лаборатория метательных снарядов. Из арестованных один застрелился, другой ранил трех городских. Это все признаки успокоения и принесенной новыми веяниями пользы. <...>

6 марта

Третьего дня открыта под Садовой улицей мина, которая не только могла иметь то же смертельное действие, как и снаряды 1-го числа, но, вероятно, не оставила бы и останков покойного венценосца. Аресты и открытия продолжаются; но отсутствие мысли, способной воли и даже умелой руки на каждом шагу чувствуется и во всем видно. Наши хвастливые правители озадачены и смущены. Вот и все. <...>

8 марта

<...> Получил приказание созвать на завтра Совет министров по делу о комиссиях, т. е. о публикации и комиссиях.

9 марта

Вчера, в Зимнем дворце, заседание Совета министров с 2¼ до 4¾ ч. Ночью был на дежурстве в крепости с 2-х до 4-х утра.

О заседании совета можно было бы написать целую книгу. Но досуга нет. Дело шло, конечно, о тех

комиссиях, которые были изобретены министром внутренних дел для венчания своего здания. Событие 1 марта стало поперек журналу Особого совещания и тексту проектированной публикации. Этот текст был изменен для приурочения к событию. Но министр внутренних дел, по-видимому, настаивал на движении дела, потому что без этого не было бы назначено на воскресенье, — и до погребения почившего государя, — заседание Совета.

Заседание началось с чтения журнала Особого совещания и проекта публикации. Непостижимо для меня и для оценки государственных способностей графа Лорис-Меликова достаточно, что он допустил чтение журнала и даже сам читал его. Те первые страницы самовосхваления, о которых, кажется, я уже упоминал, звучали убийственно в нашем междупанихидном заседании. К нему были приглашены, по особому приказанию государя: граф С. Г. Строганов и Победоносцев. Из великих князей были генерал-адмирал, Владимир и Михаил.

Государь просил всех присутствовавших высказаться вполне «правдиво», ничем не стесняясь и даже не считая дела по существу предпрешенным.

Граф Строганов первый высказался против предложенной меры, говоря, что она не соответствует самодержавному принципу, не будет понята народом и будет превратно истолкована теми, кто ее поймет. При этом гр. Строганов упоминает о призыве редакторов русских газет к министру внутренних дел и о данном им указании на некоторое время помолчать об органических преобразованиях. Неловко стало гр. Лорис-Меликову. Он заметил, что никого не призывал, — это было правдой, — но что призывал начальник управления печати, чтобы объяснить, что в случае неуместных суждений газеты будут прекращены, — что было неправдой. — Затем государь обратился ко мне. Я изложил мое отношение к делу довольно подробно, в неразрывной связи 1881 года с 1880, 1879 и 1863 и, по существу оставаясь при моем взгляде, сказал, что относительно своевременности публикации, — если

она должна будет состояться, — решение вопроса могло зависеть исключительно от усмотрения самого государя. Мне было весьма неприятно высказываться в данный момент подробно и категорично; но мне казалось, что я был и обязан прямо говорить мою личную правду, и даже более обеспечен ею, чем всякою попыткою уклониться на этот раз от категорического *profession de foi**. — В смысле предположений министра внутренних дел по существу (потому что вопрос о своевременности, ввиду явного колебания государя по этому существу, немедленно улетучился), — высказались министр финансов, министр юстиции, военный министр и генерал-адмирал. Министр почт, напротив того, прямо назвал проектированную меру ограничением самодержавия и резко заметил, что первоначальный мотив — продолжение системы умиротворения — рухнул и рухнул безвозвратно. Обер-прокурор Синода сказал невозможную речь, в которой назвал все предложенное и все европейское (*sic!*) — величайшею фальшью, нанизал обычные фразы о народе, о связи с народом, о единении царя с народом (подразумевая всегда т. н. черный) и весьма патетично кончил заявлением, что 1 марта для нас всех — позор и упрек. Государь при этом заметил, весьма естественно, будучи тронут, что мы все в известной доле виноваты. — Абаза, как ножом в сердце пораженный речами Макова и Победоносцева, не без горячности старался оправдать взгляд министра внутренних дел; но сам министр внутренних дел — *incredible dictum*** — не нашел у себя в запасе ни одного довода в пользу своих предположений, ни одного аргумента против своих оппонентов, но ограничился несколькими общими местами о своих убеждениях и оговоркой, что «через три месяца будет, может быть, поздно сделать» и то, что им теперь предлагалось!!! Какую уничтожающую реплику ему можно было дать! Но я смолчал: ее нельзя было дать без прямого нападения, — и кроме

* Исповедание веры (*фр.*). — *Прим. ред.*

** Это невероятно (*лат.*). — *Прим. ред.*

того, без нападения на весь последний год царствования того, кто во время нашего заседания еще покоился на катафалке против окон дворца, где мы заседали.

Кн. Урусов предложил возвратить дело для нового обсуждения в Комитет министров. Сам государь заметил, что можно его вновь обсудить и в каком-нибудь специальном совещании. Эту мысль поддерживал Сольский. Государь спросил гр. Строганова, примет ли он на себя председательство в таком совещании. Гр. Строганов уклонился от председательства, но предложил быть членом. Окончательного повеления о совещании и его составе — не состоялось, — и заседание кончилось, следовательно, *pas même en queue de poisson**.

Такой полный *fiasco* министра внутренних дел, в таком деле и при всех усиливающих значение *fiasco* обстоятельствах, решает совершенно, на мой взгляд, вопрос о его дальнейшем значении и влиянии. Но другие обстоятельства, о которых пока умалчиваю, приводят меня в большое и тяжкое недоумение насчет нашей ближайшей будущности. Относительно прочих участников совещания ограничиваюсь краткими отметками. Великий князь генерал-адмирал был себе верен, — т. е. и думал, и говорил полуправду или неправду. Посыет был против предложения министра внутренних дел; Сабуров произнес полуидиотическую речь за это предложение и даже глядел полуидиотом во все время заседания, он как-то совершенно невозможно отозвался о событии 1 марта, *aura désinvolture***.

Великий князь Владимир довольно складно и с приятным выражением лица сказал несколько слов о том, что он не имеет установившегося мнения о разных частностях совершенно нового для него вопроса; но что, во всяком случае, мы не можем далее управлять, как доселе управляли. Великий князь Михаил к нему присоединился. Принц Ольденбургский произнес несколько привычных слов о мире, сокращении расходов и т. п. Наконец, князь Ливен

* Даже хуже, чем отсутствие результата (*фр.*). — Прим. ред.

** Атмосфера бесцеремонности (*фр.*). — Прим. ред.

пытался развить мнение *sui generis** о лучшем устройстве «местных управлений». Гр. Баранов и гр. Адлерберг молчали**. <...>

23 марта

Эрратический ход дел продолжается и из драмы порою переходит в комедию. Окапываются дворцы; запрягают ходить по их панелям; временный совет при градоначальнике воображает, что он призван управлять полицией и самим градоначальником; министр внутренних дел стушевался и даже не обнаруживает никакого участия в делах охранения или восстановления общественного порядка в столице; патриотическое балагурство Москвы продолжается под лад призывания туда центральной власти и аксаковского лозунга «Пора домой», т. е. в Китай-город; одним словом, нигде настоящего правительства не видно и ни в чем направляющая и объединяющая правительственная идея не обнаруживается. Быстро катится шар по наклонной плоскости и надтрескивается...

25 марта

<...> Возмездие расточается свыше. Маков поплатился за униатов⁶⁸; кн. Ливен — за порядочно гнусное себя-

* Единственный в своем роде (лат.). — Прим. ред.

** Хотя государь и предоставил всем высказаться, сам не высказываясь, но явно было, что его личное мнение уже установилось на точке зрения Победоносцева, заранее объяснившего и согласившегося с гр. Строгановым. Если и в отношении к хромым предположениям аничковского совещания государь был так настроен, то он еще менее мог сочувствовать моим, гораздо более определительным и полным предположениям 1863 г., недавно вновь бывшим предметом обсуждения под председательством генерал-адмирала. Но я не мог не упомянуть о них и на них не сослаться, потому что должен был остаться самому себе верным и стоять отдельно от клики гр. Лорис-Меликова. С этого дня моя роль председателя Комитета министров сохранилась по форме, но прекратилась по существу, вне стен комитета (СПб., II. IX. 82).

любие и, могу сказать, — порядочно гнусную неблагодарность; Сабуров — за то, что при недалежном уме думал выехать на новых веяниях. Великий князь генерал-адмирал также будет спущен на днях — сперва в отпуск, а там и радикально. Ему поделом — за разновидное, по всем частям причиненное зло и за низость преклонения перед бессодержательным временщиком...

На днях государь переезжает в Гатчину. Мера о двух цветах.

Между тем наложен тормоз на некоторые проявления самодурства нового градоначальника. Отменен кавалерийский кордон вокруг столицы. Но ген. Баранов еще силен в Аничковском, и Абаза мне еще вчера говорил: «Il faut laisser passer le tourbillon»*. <...>

18 апреля

<...> Вчера я оказался юбиляром за 50 лет службы. <...> Я вытерпел, с 9½ ч. утра до 5½ пополудни (8 часов сряду), пытку разных посещений... Государем прислан рескрипт, заурядный, без всякой припис-

* В течение всего периода царствования, с 8 марта по 29 апреля, противоположные течения скрещивались около государя, и на первый взгляд могло казаться, что то одно, то другое брало верх. Гр. Лорис-Меликов продолжал, так сказать, наружно, играть прежнюю роль; но, в сущности, он утратил свое руководящее или решающее значение. Беспрерывно обнаруживались отрывочные влияния Победоносцева и гр. Воронцова, преимущественно по части личных назначений и аномальной независимости действий, предоставлявшейся разным лицам. Градоначальник Баранов был самым резким выражением того и другого. Ни гр. Лорис-Меликов, ни его вдохновитель Абаза не решались бороться с этими вспышками прямого самодержавия. Они думали, как выразился Абаза, что пора таких вспышек пройдет, и они успеют окончательно утвердиться на своей почве и утвердить за собою прочное влияние. Последствия показали, что они ошибались. Между тем рядом с ними и с Победоносцевым с гр. Воронцовым начинало упрочиваться еще другое влияние в лице гр. Игнатьева (СПб., 12.IX.82). [Il faut laisser passer le tourbillon (*фр.*). — Нужно, чтобы буря улеглась. — *Прим. ред.*]

ки и даже переделанный, — кажется, при содействии Победоносцева, — чтобы его сделать позауряднее против проектированного государственным секретарем Перетцем. <...>

24 апреля

По словам Абазы, в Гатчине происходило следующее. Речь шла о том, что сильное правительство должно быть единодушным, и, следовательно, нужно нечто вроде «кабинета»; нужно, чтобы министры прямо докладывали государю только по предметам своего специального ведения, а по всем общим вопросам предварительно между собою совещались и соглашались, а в случае несогласия испрашивали высочайшего указания. Далее нужно, чтобы министры, по своим убеждениям несогласные с внесенными мероприятиями, уходили, а в случае неухода были увольняемы. Одним словом, говорил мне Абаза, «*Tout a été fortement souligné et le résultat a dépassé l'attente*»*. Между прочим, Абаза прямо говорил о невозможности писать и ссылаться на какие-нибудь газеты каким-нибудь министрам за спиною своих товарищей, — прямое указание на Победоносцева и «Московские ведомости». Вообще Абаза понимает результат в смысле победы над Победоносцевым. Государь, по словам Абазы, *d'un air grave, mais calme***, подался на все это, но сказал, что «не нужно особого председателя», что «они» должны собираться у «кого-нибудь» и что их «совещания» должны происходить помимо обычных дел Комитета министров.

Затем, в конце совещания оказалось, что к г. г. министрам наличным присоединился *tacite**** великий князь Владимир. Сие оказалось во фразе с его стороны с местоимением «мы». Налицо были: граф Ло-

* «Все очень сильно педалировалось, и результат превзошел ожидания» (фр.). — Прим. ред.

** Серьезен, но спокоен (фр.). — Прим. ред.

*** Негласно (фр.). — Прим. ред.

рис-Меликов, Абаза, граф Игнатъев, Набоков, барон Николай, Победоносцев и граф Милютин. Им предложено приглашать и министра путей сообщения, когда сочтут нужным, и государственного контролера. — Князь Урусов и принц Ольденбургский (главноначальствующие) признаны не из нужных. В конце концов, граф Лорис-Меликов и Абаза чрезвычайно довольны.

Из всего этого оказывается, по моему мнению, что мы только вступили в новый круг недоразумений.

1. Государь не имеет ясного понятия о том, что желалось и что решено. Он, между прочим, сказал: «Вы соберетесь раза два на неделе, а потом я вас вновь соберу». Ergo, — предполагалось, с его стороны, что какой-нибудь *arsanum** будет найден *in continenti***. Между тем члены совещания имели преимущественно в виду нечто вроде нового постоянного устройства в механизме дел.

2. Государь отделял Комитет министров от «Кабинета»; между тем они весьма мало помышляли об отдельности комитета.

3. Государь счел председателя «Кабинета» ненужным и придал ему великого князя Владимира, — а члены совещания били на председателя и не помышляли о великом князе.

4. Кроме того, в совещании была речь о будущем участии «земских людей» и надобности или ненадобности какого-нибудь манифеста и т. п., но все эти вопросы остались пока неразрешенными. Одним словом, кроме мысли об особом, так сказать, руководящем или привилегированно-доверенном отделе министра, составленном из излюбленных людей, никакая другая мысль не установилась. Далее видно, что граф Лорис-Меликов несколько отдельно от Абазы бил на роль *premier*'а, — но пока цели не достиг. <...>

* Тайна (лат.). — Прим. ред.

** Немедленно (лат.). — Прим. ред.

30 апреля

Вчера два события. 1. Наконец, парад войскам, — то-ропливый, но все-таки парад, где войска видели государя. 2. Манифест, подписанный якобы вчера, — чтобы не быть гатчинским, — а то бы нельзя угадать почему. Манифест, сам по себе, в комментариях не нуждается. Этот первый акт du «cabinet homogène»* сохранит навсегда историческое значение.

1 мая

Imbroglío** до того обостряется, что я ничего не могу понять в происходящем. Говорят, что манифест издан без ведома гр. Лорис-Меликова, Абазы и графа Игнатьева. Последнему решительно не везло.

2 мая

Ход дела был следующий. Во вторник вечером, накануне парада, «гомогенный» кабинет собрался при великом князе Владимире у гр. Лорис-Меликова. Министр юстиции приехал поздно и молчал. Около полуночи великий князь уехал. Тогда Набоков заявил о манифесте. — Какой манифест? Общее изумление. Набоков предъявляет бумагу. — Откуда? — От Победоносцева. Печатается. Завтра будет разослан. Затем, перекрестные вопросы и бурная сцена, в которой, как говорят, министр финансов совершенно выходил из себя, предлагал всем коллективно подать в отставку, с экстренным поездом ехать в Гатчину и пр., и пр. Гр. Игнатьев оказался более чем сомнительным. Он стоял разными ногами в разных лагерях. Гр. Милютин относился к делу хладнокровно, а Победоносцеву пришлось выслушать неприятные речи. В среду, в день парада, министр внутренних дел написал к государю письмо, прося увольнения по болезни.

* Единого кабинета (фр.). — Прим. ред.

** Неразбериха (англ.). — Прим. ред.

Согласие последовало, по версии одних — с выражением сожаления и признательности, — по версии других — с отметкою: «С Богом — в трудное время больному неудобно быть министром».

В тот же день резкое объяснение Абазы с великим князем Владимиром, в котором Абаза сказал (по его словам): «*Qu'un homme qui se respecte ne peut pas être le laquais de M. Pobédonostzeff*»*.

В четверг министр финансов отправил просьбу об увольнении, написанную с достоинством и мотивированную несогласием между министрами, обнаруженным манифестом. Просьба возвратилась с отметкой: «Сожалею», — далее с указанием на то, что поводом было заявление государя о неприкосновенности самодержавия (т. е. поводом к манифесту) и с заключительными словами: «Сожалею, что вы не нашли более приличного повода». Я видел письмо и отметку.

Вчера вместо Абазы поехал с докладом Бунге (как товарищ). Государь поручил сказать Абазе, что он его просит остаться до вакансий Государственного совета (недели две). Вчера же был в Гатчине гр. Игнатъев. Он, по-видимому, будет министром внутренних дел. Вчера же там были для представления Грейс, Мансуров и другие. Государь был особенно в духе и любезен. Говорят, что и гр. Милютин будет просить увольнения.

...Dessous de cartes** следующий: Победоносцев написал себе на помощь из Москвы Каткова. Манифест написан ими. Заодно с ними были градоначальник Баранов и Островский, *который очень доволен манифестом*. (Гр. Игнатъев, по-видимому, участвовал за кулисами.) <...>

16 июля

Великий князь Константин Николаевич уволен от начальства над морским ведомством и от председатель-

* «Уважающий себя человек не может быть лакеем Победоносцева» (фр.). — Прим. ред.

** Тайная сторона дела, подоплека (фр.). — Прим. ред.

ства в Государственном совете и других учреждениях. Государь как будто поторопился перед отъездом. *Fait accompli**; на всякий случай. <...>

30 июля

<...> Иногда мне кажется, что у нас временное правительство, наскоро сколоченное, из обер-офицеров, салонных политических *dilettanti*, небоевых генералов, неумелых сановников и нескольких мудрецов из московского Китай-города, с придачею пономаря Победоносцева...

15 августа

<...> Кажется, я дождался. Вчера Мансуров мне говорил, что по ревизии Ковалевского на меня взваливается ответственность за «хищения участков в Оренбургском крае». Министр юстиции будто бы уже докладывал государю о моих пренебрежениях и о злоупотреблениях директора Климова и генерал-губернатора Крыжановского — и будто бы уже есть, в лице Рейтерна, кандидат на председательство в комитете. <...>

27 сентября

<...> Вчера написал письмо к государю, прося увольнения от моих председательств. Но числа не выставил. Оно будет отправлено по завершении уфимского эпизода⁶⁹.

30 сентября

Письмо отправлено вчера (через великого князя Михаила Николаевича, по званию председателя Государственного совета). Далее медлить нельзя было ввиду настроения и приемов членов комиссии по уфимскому делу. <...>

* Свершившийся факт (*фр.*). — *Прим. ред.*

6 октября

Был у великого князя откланиваться или представляться (по званию члена Государственного совета) и благодарить за визит. <...>

22 октября

<...> Просьба о моем увольнении не без нетерпения ожидалась.

Граф М. Т. Лорис-Меликов⁷⁰ (по воспоминаниям А. Ф. Кони)

25 декабря прошлого года исполнилось 33 года со смерти графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. Люди, близко знакомые с кипучей деятельностью этого выдающегося человека в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, не находили возможным поделить свои воспоминания о нем с русским обществом. <...>

Поэтому людям поколения, вступившего в общественную жизнь с начала девятисотых годов, имя Лорис-Меликова ничего или почти ничего не говорит, и упоминание о нем подчас вызывает вопросительный или равнодушный взгляд, прикрывающий почти полное неведение. А между тем среди людей, игравших в русской жизни последних десятилетий крупную и влиятельную роль, одно из ярких и в то же время трагических мест занимает граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Искусный военачальник и тактичный местный администратор на Кавказе и в Терской области, он был внезапно выдвинут судьбою на самый видный пост в России, облечен чрезвычайною властью, сосредоточил на себе внимание всего мира и, пролетев как метеор, умер, сопровождаемый злобным шипением многочисленных врагов и сердечною скорбью горсточки друзей. Мое знакомство с ним было непродолжительно, свидания наши происходили после долгих перерывов, но все-таки оставили во мне неизгладимое воспоминание. Он и теперь, более чем через 30 лет после нашей последней встречи, ярко вспоминается мне как живой, с блестящим взором умных и добрых глаз, с милою и как бы застенчивою улыбкой под густыми усами, с живым

жестом и горячей речью, пересыпаемой поговорками и освещаемой вспышками добродушного юмора.

Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880⁷¹ года вызвал общее сознание необходимости сильной власти, единой по направлению в своих разветвлениях и обеспечивающей общественный порядок, но в то же время чуждой старой бюрократической рутины, заботившейся, в своей близорукой самоуверенности, лишь о показном порядке и благополучии и допустившей развиться тому своекорыстию, которое в 1881 году вызвало гневный призыв императора Александра III на борьбу с хищениями. По указанию графа Дмитрия Алексеевича Милютина выбор государя остановился на харьковском генерал-губернаторе, генерал-адъютанте графе Лорис-Меликове, который выгодно отличался от других, носивших то же звание, своим умением действовать примирительно и твердо, находчиво и решительно, что было блестящим образом подтверждено энергическим локализованием ветлянской чумы, на борьбу с которой он был посылаем. В воспоминаниях Скальковского приведен ряд эпизодов из деятельности Лорис-Меликова по борьбе с этим бедствием, грозившим вскоре принять все-народные размеры, — эпизодов, характеризующих его энергию, находчивость и полное забвение об элементарных личных удобствах в борьбе с антисанитарными и вопиющими культурными неустройствами, почти без всяких материальных средств и сведущих помощников. В роли харьковского генерал-губернатора, которому была выделена обширная область, он пользовался своими совершенно исключительными правами с особым тактом и пониманием истинных потребностей населения, с которыми шли вразрез практиковавшиеся приемы водворения порядка путем обречения «обывателей» на произвол и бесправие. Известно, как неудачно было, в этом отношении, управление Одессой знаменитого со времен Севастополя генерала Тотлебена, им самим прямодушно признанное впоследствии. В обширном районе, подчиненном Лорис-Меликову, дела приняли

совсем другой оборот благодаря его вдумчивости, уважению к общественным деятелям и готовности сделать свою большую власть, по удачному выражению князя П. А. Вяземского, «сильною, но не досадливою».

Обращение его, как председателя Верховной распорядительной комиссии, к населению Петербурга и к русскому обществу вообще произвело необычностью своего тона крайне благоприятное впечатление. С первых его шагов стало ясно, что он не намерен идти избитым путем бездушных и рутинных мероприятий, выработанных канцелярским способом; что он понимает невозможность держать общество в положении безучастного зрителя политической борьбы, не прислушиваясь к его упованиям, не опираясь на его доверие и не вглядываясь любовно и пытливым в его нужды. Закипевшая затем вокруг него работа по устранению вопиющих злоупотреблений окружила его миссию общим доверием всех порядочных людей. Облегчение цензурного гнета, тщательный пересмотр предпринятых с поспешной неразборчивостью административных мероприятий, доступность самого Лорис-Меликова действовали живительным образом на общество, совсем утратившее веру в фактическое осуществление тех начал, которые были вложены в реформы шестидесятых годов! Казалось, что в душную комнату со спертым воздухом отворили форточку, — и многие почувствовали в своей груди свежую струю. Печать заговорила более свободно и смело, в различных ведомствах почувствовались единство и определенная программа действий, а упразднение знаменитого III отделения было встречено общим сочувствием.

Летом 1880 года Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел и, пользуясь неограниченным доверием государя, принялся за осуществление своей программы, которая состояла в посылке внутрь России сенаторских ревизий и в обсуждении добытых ими данных вместе с созванными со всей страны сведущими людьми для выработки оснований для дальнейшего законодательства. Хотя Валуев в своем

дневнике, столь строгий к «нашим государственным фарисеям», к которым, однако, во многих отношениях принадлежал он сам, и находил мысль «ближнего боярина Мишеля I» (так он ядовито называл ненавидимого им Лорис-Меликова) о каких-то редакционных комиссиях из призывных экспертов «монументом нравственной и умственной посредственности», но далеко не все разделяли его взгляд. За всем этим многим чуялись задатки представительных учреждений, которые должны были завершить великие преобразования первых лет царствования и, дав исход пожеланиям истинной свободы, сплотить на общей работе во имя правового порядка всех его истинных друзей. Впереди виднелось давно желанное окончание изжитой роли самодержавия и призыв общества, постепенно и систематически подготовленного, — без смуты и кровавых потрясений, к участию в законодательной деятельности. Роковой день — 1 марта 1881 г. — отодвинул мирное осуществление этого призыва на целую четверть века... Все робкое в обществе шарахнулось в сторону реакции, и на внутреннем политическом горизонте обрисовались зловещие фигуры Победоносцева и графа Д. А. Толстого. Проект созыва сведущих людей, уже принятый, был оставлен — и Лорис вышел в отставку. Потянулись серые, бесцветные дни наружного спокойствия и кажущейся прочности отжившего порядка.

Находясь в апогее своей власти и влияния, Лорис-Меликов очень дорожил советами сенатора Михаила Евграфовича Ковалевского, первоприсутствующего в уголовном кассационном департаменте Сената, и часто виделся с профессором А. Д. Градовским, с которым меня связывали старая дружба и единство взглядов на многие вопросы. Глубокий и многосторонний ученый, последний исходною точкою и целью всех своих научных трудов считал личность в ее правовых условиях, ту личность, о которой так часто забывает современное государство, опираясь лишь на свои права и подавляя отдельного человека, которому предоставляется лишь исполнение обязанно-

стей. Такое умаление личности, одинаково свойственное, хотя и по разным основаниям, и абсолютизму, и социал-демократическому строю, не раз отмечалось Градовским. Вот почему не образ правления, а задачи и способы управления преимущественно привлекали к себе его внимание. Он настаивал на необходимости политического воспитания личности и, следовательно, целого общества. Отсюда его горячее отношение к внутреннему смыслу реформ Александра II.

Видя в Лорис-Меликове человека, желавшего на практике осуществлять его идеалы, Градовский относился к нему с величайшим сочувствием и, заходя ко мне или встречаясь со мною, рассказывал о нем с восторгом, передавая мне содержание своих с ним бесед. При этом не раз и настойчиво повторял он мне, что Лорис расспрашивает его обо мне и нередко упоминает мое имя в своих беседах. Однажды, после такого рассказа, Градовский на мой вопрос: «К чему ты мне об этом постоянно говоришь?» — воскликнул: «Боже мой! Да неужели ты не понимаешь, что ему, очевидно, хочется ближе с тобой познакомиться и что тебе следовало бы пойти к нему?» Я объяснил моему увлекавшемуся другу, что последнее сделать невозможно: Лорис-Меликов, как его называют, — «полномочный диктатор», а я — судья, деятельность которого постоянно подвергается суровой и односторонней служебной критике и упорным нападкам со стороны влиятельного московского публициста. Все это, а также и достоинство носимого мною звания делают немыслимым личный почин с моей стороны в нашем знакомстве. Мой приход к Лорису может быть истолкован как желание достигнуть, путем личного знакомства со «всемогущим», по общим отзывам, министром, повышения или других «великих и богатых» милостей. Но судья, подобно жене Цезаря — *ne doit pas être soupçonné**. Наконец, Лорис может, если желает, пригласить меня к себе и — в силу данной ему

* Должен быть выше подозрений (*фр.*). — Прим. ред.

власти — даже вызвать официально к себе. «Это ему неловко по разным причинам, — сказал мне Градовский, — да и ты, пожалуй, будучи в дурном настроении, спросишь его: „Что вам от меня нужно?“ — а он человек впечатлительный и обидчивый». — «Но ведь тот же вопрос он может задать и мне», — отвечал я, — и тем наш разговор окончился.

Осенью 1882 года я встретил Лорис-Меликова на вечере у К. К. Грота, который нас и познакомил. «А! — сказал уже находившийся не у дел Лорис, шутливо грозя мне пальцем, — не хотел ко мне прийти!» — «Не мог», — ответил я. — «А почему?» Я повторил ему сказанное Градовскому. Умное лицо Лорис-Меликова осветилось мягкой улыбкой, и он, горячо протянув мне руку, воскликнул: «Душа моя! Правильно! Чудесно! Так и следовало! Ну, а теперь ко мне придется?» На другой день мы разменялись визитами, не застав друг друга. Прошел еще год с лишком. Я проводил лето 1884 года в Висбадене, больной и нервный, живя в водолечебнице *Dietenmuhle*, в двадцати минутах ходьбы от центра города. Узнав, что туда же, на *Nicolaistrasse*, в дом № 7, в весьма скромную квартиру, переехал Лорис-Меликов, семья которого жила в Швальбахе, я зашел навестить его, и с этого времени между нами завязались самые дружеские отношения. Общительного по натуре Лорис-Меликова не могли удовлетворять разные немцы из русских чиновников, жившие на свои пенсии в Висбадене, и случайные проезжие из России, мало интересные уже потому, что Висбаден стоит в стороне от торной дороги в Париж, Швейцарию и Италию. В своих письмах ко мне не раз жаловался он на скуку, наводимую их посещениями. Во мне нашел он отзывчивого и внимательного слушателя и собеседника. Мне мог он открывать свою наболевшую душу и свое уязвленное сердце, уверенный в моем сочувствии и понимании. Мои рассказы из области житейского и служебного опыта очень интересовали его, освещая иногда перед ним людей, которых он знал мало, и события, о которых он не имел верного представления, про-

жив долгие годы на Кавказе. Почти каждый вечер он ждал меня с нетерпением, и мы проводили два-три часа в оживленной беседе, в душевной комнате с затворенными окнами (он очень боялся простуды и постоянно чувствовал себя озябшим), среди облаков дыма, иногда за стаканом тяжелого кахетинского вина. Теплый летний вечер смотрел в окна и манил на воздух, но Лорис-Меликов так тревожно следил за каждым моим движением, обличавшим желание уйти, и так иногда трогательно просил «еще посидеть», что приходилось уступить и лишь при бое башенных часов, возвещавших о трех четвертях одиннадцатого, беглым шагом стремиться через парк домой, где лечебное заведение запиралось, безусловно, в 11 часов.

Человек воспитанный и изящный в своей внешности, Лорис был очень деликатен в отношениях, умея оказывать самое любезное, но не назойливое гостеприимство. Но, по мере постепенного сближения с человеком, он чувствовал потребность чем-нибудь выразить свое доверие и нежность. Вот почему, обычно корректный в разговоре, он, в некоторые минуты, вдруг переходил на *ты*, звучавшее вовсе не фамильярно, а лишь сердечно.

Если я не был у него два вечера подряд, то на третий день уже доставлялось письмо Лориса с тревожным запросом о моем здоровье или в моем отдаленном уголке Висбадена появлялось закрытое со всех сторон ландо, привозившее Лорис-Меликова справиться обо мне. Эти приезды производили большую сенсацию среди чинолюбивых немцев, населявших лечебницу, так как большинство из них знало и то, что Лорис-Меликов был, по их представлению, «первым министром», и то, что его посещают коронованные особы. Так, я встретил у него однажды старого датского короля, а в другой раз при мне пришел к нему с визитом жизнерадостный и красивый принц Уэльский, впоследствии король Эдуард VII.

Чем ближе узнавал я Лориса, тем симпатичнее представлялся он мне и тем больше видел я в нем совсем другого человека, чем тот, которого рисовала

стоустая молва недоброжелателей и лживых друзей. Вместо «хитрого и лукавого царедворца» я видел перед собой доверчивого, даже слишком доверчивого человека, относившегося с простодушной откровенностью к людям, нередко совершенно того не стоившим и начинавшим тотчас же за порогом его дома свои клеветнические вариации на темы, данные «лукавым хитрецом», чему я сам не раз был возмущенным свидетелем. <...>

Кратковременные почитатели графа Лорис-Меликова в то время, когда он был у власти, с восторженною искательностью провозглашали его замечательным государственным человеком, но это его свойство было так же недостоверно, как и его лукавство. Это был просто очень хороший, доброжелательный человек, чуждый узкого себялюбия и корыстолюбивого эгоизма и одаренный здравым смыслом, способным, однако, к девиациям под влиянием темперамента и настроений. Для государственной деятельности в истинном смысле этого слова у него, как он и сам признавал, не доставало знания России, а я прибавлю, что не доставало и знания людей, а подчас и некоторых существенных сведений о государственном устройстве. Его письма ко мне содержат в последнем отношении немало явных примеров. Сам сознавая недостаточное знакомство с теорией государственного управления и устройства, он начал учиться этому, уже сойдя с широкой правительственной арены. Я не раз заставлял его в Висбадене за чтением сочинений по финансовому и административному праву, причем он очень интересовался прогрессивным *подходящим* налогом, находя в нем практически близкое и справедливое, по его мнению, разрешение острых сторон социального вопроса. Он увлекался чтением французских парламентских отчетов, часто задавая вопросы о коренных началах конституции, причем мне раз даже пришлось объяснять ему, по его просьбе, разницу между строго парламентским и конституционным управлением. Но при этом надо заметить, что он был одарен чрезвычайной

понятливостью и быстрой сообразительностью, так что с двух-трех слов схватывал существо вопроса и затем уже твердо владел им.

Россию он знал по русскому солдату, с которым так много имел дела. Но о крестьянстве и о среднем сословии составлял себе понятие по кавказским туземцам или по теоретическим взглядам, почерпнутым из чтения. Отсюда его готовность оперировать *in anima vili** в предположении, что народная жизнь с ее обычаями и особенностями легко уложится в предвзятые схемы. Отсюда его несколько высокомерное и вследствие того недостаточно вдумчивое отношение к развитию революционной деятельности, которую он считал наносным явлением, долженствующим сложить оружие при первых же шагах правительства по либеральному пути. Отсюда его взгляд на периодическую печать того времени как на могущественную силу, имеющую всенародное влияние, и его отношение к некоторым деятелям прессы как к представителям твердого и неуклонного политического направления, тогда как эти господа при первой же его неудаче отвернулись от него, не брезгая возможностью поливать его имя помоями или насмешливо именуя его «диктатором сердца».

Отсутствие *знакомства* с людьми было третьим его недостатком и весьма важным, ибо истинный государственный человек должен не только знать людей вообще, но быть знаком и с личностями. Все было ново для бедного Лорис-Меликова в Петербурге. Ему приходилось смотреть на своих возможных сотрудников чрез узкую призму приближенного к нему образцового бюрократа Каханова, вечно стремившегося к какому-нибудь министерскому портфелю, или через одностороннюю оценку одного из влиятельных лиц судебного ведомства. <...>

Но если при ближайшем знакомстве Лорис-Меликов оказывался не подходящим к идеалу госу-

* На живом организме (лат.). — Прим. ред.

дарственного деятеля, каким последнего привыкли представлять себе на Западе, то это же знакомство заставляло ценить встречу и близость с ним просто как с человеком. От него веяло теплом чуткого и нежного сердца, в нем было много трогательного простодушия, а ум его, яркий и своеобразный, как я уже говорил, отражался в метких определениях и в милом и тонком юморе. Даже обычная речь его, с любимыми им словечками и обращениями вроде: «Отец родной!», «Вот он какой пистолет!», «Тара-бара — крута гора», «Кончал базар!» и т. п., была привлекательна по тому внутреннему огню, которым была проникнута. Я ни разу не слышал Лорис-Меликова говорящим о чем-либо равнодушно или просто для того, чтобы что-нибудь сказать. В последнем случае он предпочитал молчать, слегка улыбаясь, в то время как умные и «горячие» глаза его смотрели с едва уловимой насмешкой. И слушать он умел превосходно — внимательно и не перебивая, — понимая наслаждение не только содержанием, но и самую структурой рассказа. В этом отношении он был в полном смысле воспитанным по-европейски человеком.

Проводя во время моего первого пребывания в Висбадене почти каждый вечер с Лорис-Меликовым и возвращаясь нередко под впечатлением его рассказов, я, на свежую память, записывал существенные из них его подлинными словами. Привожу некоторые из них, исключив те, которые по отношению к упоминаемым в них лицам имели интимный характер.

Вот моя история: мой отец был человек полудикий, едва умел подписать свою фамилию по-армянски, а по-русски ничего не знал. Я рос привольно, но без всякого воспитания. На одиннадцатом году меня отвезли в Москву, в Лазаревский институт. Мне хотелось в университет, но там произошла какая-то история, и я очутился в Петербурге, в большой конюшне, как я называю юнкерское кавалерийское училище. Окончил и попал на Кавказ, адъютантом к Воронцову. Ему я обязан всем. Эти

десять лет при нем были для меня школой жизни. Карьера пошла удивительно быстро. Явились мечты. Думалось: если б дойти до того, чем был для Кавказа Вельяминов, Фрейтаг и др. Приходилось бывать в обществе, не хотелось быть хуже других. Стал учиться, читать, думать, — не забывал и своего специального дела. А тут — эта война, Карс... Зовут затем «усмирять чуму». Я Поволжья вовсе не знаю. Нет! Поезжай. А там — вдруг сатрапом на 12 миллионов в Харькове. Делай, что хочешь: судью застрели, губернатора сошли, директора гимназии повесь!! Едва успел оглядеться, вдуматься, научиться, вдруг — бац! — иди управлять уже всем государством. Я имел полномочия объявлять по личному усмотрению высочайшие повеления. Ни один временщик — ни Меншиков, ни Бирон, ни Аракчеев — никогда не имели такой всеобъемлющей власти. А тут еще этот *дурень* Млодецкий сумел меня не убить, стреляя в упор. Это еще закрепило мое положение. А людей в Петербурге я вовсе не знал. Я ведь человек окраины. Стал присматриваться, прислушиваться. Увидел прежде всего глубочайшее недовольство и причину его, всеми одинаково признаваемую, — Толстого. С него и надо было начать. Пять недель я пробовал. Не поддается государь. Все уклоняется, все отходит. На шестую я решился: говорю друзьям, Милютину и Абазе (они во многом были чужды друг другу, да я запрягся в корень, а их взял на пристяжку — да и повез телегу): «Если не уволит, буду сам просить увольнения». — Представил ему все подробно. Говорю: «Дурно, если родители против правительства, но можно опереться на молодое поколение; хуже, если молодое поколение против, все поголовно, — но можно не быть в разладе с родителями; но нельзя ничего путного сделать, когда и родители, и дети, вся семья против». — Послушался. «Кто твой кандидат?» — «Никого не знаю». — «Так я тебе рекомендую двоих: Делянова и Сабурова». — «Первого нельзя, — говорю я. — Я — армянин; если его назначить, будут говорить, что у нас армянское правительство, что я подбираю своих». — «Я знал, что ты это мне скажешь, — говорит, улыбаясь, государь. — Так Сабуров?!» — «Я его не знаю». — На дру-

гой день и Толстой, знавший его как попечителя в Дерпте, указал на него же. Так он был назначен. Ему не удалось, однако, долго пробыть в должности министра, нужны были решительные меры, чтобы исправить наделанное Толстым, а это у него, несмотря на добрые и благородные намерения, не спорилось. А тут подошла грубая демонстрация на Университетском акте⁷². Но отставку свою он принял почти весело. Это тяжелая обязанность — объявлять об отставке, да еще с обидою для Танеева, мимо которого все делалось. Государь принял методу писать мне: «Потрудитесь объявить такому-то, что он уволен, и сделать распоряжение об объявлении, что на его место назначается такой-то»... Не застав Сабурова, я просил его заехать вечером и не без труда объявил ему об его увольнении. Он улыбнулся и сказал: «Я очень рад, мне в Сенате будет лучше» — и даже не спросил о жалованье. Иначе держал себя министр государственных имуществ князь Ливен. Он, когда я ему объявил об отставке, пришел в отчаяние, как малый ребенок, потом стал расспрашивать о том, получит ли он другое назначение, и опять поплакал и снова стал интересоваться своею дальнейшею службою!..

Когда я стал диктатором, градоначальник Зуров представил мне предварительный список 250 высылаемых из 3000 предназначенных. Список был уже утвержден Гурко. Позвольте, говорю, дайте оглядеться, проверить. Ведь у них есть семьи — нельзя сразу создавать массу недовольных! Зуров делал в списке такие отметки: «Опасный человек» и больше ничего, а Шмидт, начальник III отделения, писал рядом же: «Вполне добросовестный подданный», и наоборот. Были вообще о высылаемых и такие отметки: «В особое одолжение губернатору».

Председателем Общей комиссии сведущих людей предполагался наследник, помощниками его — я и Милютин. У нас, даже между лучшими государственными людьми, распространено нежелание сознаваться в своих ошибках или незнании. Поэтому я боялся кому-либо вверить председательство и хотел фактически быть им сам. Среди тысячи моих недостатков у меня есть одно достоинство: я откры-

венно говорю, когда не знаю или не понимаю, и прошу научить меня. Так делал я и со своими директорами. Хотел я, чтобы дело шло как можно скорее. Важно было начать хотя бы с малого. Срок заседаний Общей комиссии был бы шестинедельный. Вы правы! У меня было и другое в данном случае достоинство: я не был связан ничем с петербургской бюрократией, у меня были свободны руки и ничто в прошлом меня не связывало. Главное было — опубликование общих начал. Это был бы своего рода вексель на будущее. Я точно предчувствовал беду. Вернувшись 1 марта с одобрением и повелением созвать Совет министров на 4-е, я, при Н. С. Абазе⁷³, не входя еще в кабинет, сказал: «Вот, милый! Прочитай!» и, перекрестясь, невольно сказал: «Господи! Сохрани его!»... — А через два часа слышу — трах, трах! Да! Этим было убито политическое развитие России, быть может, на много лет, иначе разве мог бы Катков и consorts* так бесстыдно разевать пасть, точно голова в Руслане, которая орет: «Кто здесь ходит?!» Когда я был *диктатором*, не проходило моего проезда чрез Москву (раз шесть), чтобы он не являлся ко мне на станцию. А через 4 дня после моего падения он печатал, что я «диктатор сердца» и русский Мидхат-паша. Вот он какой пистолет! Вдумываясь в свою судьбу, я не могу не признать, что все-таки, в окончательной моей деятельности, я неудачник, потому что у меня вырвано из рук то, что, по моему мнению, могло составить благо для России. Государь подписал мой проект Общей комиссии очень легко и лишь раз и то с чьих-то чужих слов спросил меня: «А это не будут ли *États généraux*?»** и снова отдался ежедневным заботам, официальным суетам и огромному механическому труду дня, состоящему в бесконечном чтении всяких докладов и делании отметок: «Так!», «И я» и т. п.

Когда пронеслись в 1880 году слухи о каких-то моих конституционных замыслах, император Вильгельм написал письмо государю, очень длинное. Он говорил, что, ввиду этих слухов и своей несомнен-

* Ему подобные (*фр.*). — *Прим. ред.*

** Генеральные штаты (*фр.*). — *Прим. ред.*

ной любви к племяннику, он считает долгом предупредить его и уговорить не давать конституции России, но если уже он зашел так далеко со своими реформами, что вынужден дать ее, то пусть дает, но с изъятиями, которые были изложены на особом листке и состояли, главным образом, в неразрешении палатам обсуждать бюджет и международные вопросы, а также участвовать в личном выборе министров и т. п. Государь ответил ему: «*De mon vivant sa n'aura jamais lieu!*»^{*} и дал письмо мне, несмотря на то, что оно оканчивалось словами, что щекотливость предмета и принятой на себя Вильгельмом роли, не дающая возможности кого-либо посвящать в этот предмет, должна служить ему, Александру II, лучшим доказательством любви к нему Вильгельма. Письмо было мною возвращено. Летом 1881 года в Эмсе Вильгельм пожелал меня видеть за обедом, пригласив прийти получасом раньше. Встретив меня, он всплакнул об ужасной смерти государя, восклицая: «*Armer, armer Sascha!*»^{**} Я его любил, как родного сына!», а затем стал расспрашивать о причинах моего выхода в отставку. При этом он заметил, что сожалеет, что племянник хотел стоять на месте, а не пошел вперед в своих реформах и не создал народного представительства. Тогда я, возмущенный этим лицемерием, упомянул о содержании его письма. Он изменился в лице, вскочил, несколько времени не мог ничего сказать, а затем вскричал: «Как! Он вам дал это письмо!!» и был чрезвычайно сконфужен, а об «*armer Sascha*» уже не было более ни слова.

На другой день манифеста Александра III о непоколебимом намерении укрепить самодержавие я утром написал просьбу об отставке, в виде письма, и послал в Гатчину. На другой день я получил ответ на четырех страницах⁷⁴, в котором он и гневается, и сожалеет. Тогда же послал свое письмо и Абазы. Он получил его назад с надписью: «На увольнение Абазы согласен, но удивляюсь, что он выбирает для своей отставки именно то время, когда я объяв-

^{*} «При моей жизни этого никогда не будет!» (фр.). — Прим. ред.

^{**} «Бедный, бедный Саша!» (нем.). — Прим. ред.

ляю о своем самодержавии». Тогда я поехал к Дмитрию Алексеевичу Милютину и убедил его подождать подавать в отставку хоть две недели, что он и сделал. Утром в день моей отставки у меня был добрейший Долгорукий, московский генерал-губернатор, и спрашивает, когда меня можно видеть. Я говорю: «Часов в 8 вечера». Получив ответ государя, я говорю моему фактотуму Романченке: «Ну, скорей отсюда!» — и тотчас же переехал, а Игнатьев въехал на мое место. Вечером приезжает Долгорукий, видит — все по-старому, спрашивает, дома ли граф, и идет в кабинет, где встречает Игнатьева, дружески с ним беседует и, наконец, спрашивает: «А что, Михаил Тариелович скоро будет?» Тогда все объяснилось. <...>

За исключением стариков, у славянофилов теперь набралась всякая своекорыстная мелочь. Я говорил новому государю: «Под знаменем Москвы вы не соберете всей России; всегда будут обиженные... Разверните штандарт империи, — и всем найдется равное место».

Погромы евреев, цыган и «шелапутов», о которых телеграфируют в немецкие газеты, — предвестники ряда будущих безобразных и диких бунтов. Гораздо, однако, опаснее возможность разложения на составные части России. Прежние государи это понимали и щадили окраины. Современное московское направление все гнет и равняет под одно — и этим только вредит. Я лично люблю Россию в ее целом, во всей ее огромности, такую, какую создавал ее Петр. Но он не дразнил отдельных национальностей, не навязывал им православия. Да и где сознательные бойцы за православие? Один, другой — отец Раевский — и все, а остальные — или невежество, или корыстолюбие. А связь частей в России еще очень слаба. И Поволжье, и Войско Донское очень мало тянут к Москве. Особенно мне жаль Кавказа, если он отпадет. <...>

Мы расстались в 1884 году с искренней приязнью друг к другу, и мне было жаль покидать одинокого старика, сгоравшего одновременно и от неудовлетворенной жажды деятельности, и от душевных ран,

и от подступавшего к нему настойчиво и неотвратимо физического недуга. Он сохранил теплое воспоминание о наших беседах. «По отъезде вашем,— писал он мне,— Висбаден кажется мне еще более тоскливым» (30 июля 1884 г.); «Где бы я ни был, верьте, сохраню к вам неизменно чувство сердечной привязанности...» (31 августа 1884 г.); «Часто вспоминаю я то отрадное время, которое провел я с вами в Висбадене; недели эти, несмотря на тяжелую мою болезнь, пролетели для меня совершенно незаметно, благодаря вашему присутствию и тем дружеским и уютным беседам, которые вели мы в Nicolas Strasse...» (14 февраля 1885 г.). В следующем году он снова поселился в Висбадене и вскоре по приезде извещал меня, что «два раза уже ездил в Dietenmuhle, видел там скамейку в саду, на которой мы беседовали, и вспоминал вас... То было отрадное для меня время! Из письма вашего к Гроту, присланного им мне для прочтения, я узнал, что вы не теряете надежды совершить поездку за границу. В таком случае, конечно, меня не забудете. Не правда ли? Как бы это было хорошо и великодушно с вашей стороны. Надеюсь, вы не посетуете на Константина Карловича за присылку им мне в подлиннике письма Вашего: он ведь знает, что я и люблю, и уважаю Вас» (25 июня 1885 г.).

Я действительно поехал летом 1885 года за границу и в августе посетил Лориса в Висбадене, на Sonnenbergstrasse № 11, где был просто растроган сердечным приемом его. Он встретил меня в гостинной, в кругу своих семейных и знакомых, радостным восклицанием: «А! Вот он! Наконец-то! Наконец!» и при первой возможности увел меня к себе в кабинет. Здесь, однако, он долго молчал и наконец сказал: «Вот! Ждал вас целый год, думал о том, как много и о многом расскажу, когда увидимся, а тут вы приехали, вижу вас и молчу, и не знаю, с чего начать. Это как у новобрачных бывает: жених долго мечтает о том времени, когда, наконец, останется наедине с молодой женою, а как останется — ведет себя дурак-дураком...» И в этот приезд мы вели много задушевных бесед, к сожалению,

прерываемых частыми посетителями семьи Михаила Тариеловича, которые заходили и к нему и которым он, поневоле, должен был *faire les honneurs de la maison**, что его, как видно из его писем ко мне, очень тяготило. Около него, пытливо и притворно-участливо, почти постоянно вертелись некоторые господа и госпожи, переходившие затем «*avec armes et bagages*»** в стан людей, удовлетворявших сладострастием злословия и клеветы свою тайную ненависть к нему и этим умерявших свою боязнь возвращения его к делам. Поэтому воспоминания о днях, проведенных с ним в 1885 году, у меня менее цельные и богатые. Я заметил в нем усиление горечи и бóльший упадок духа, чем в предыдущий год, — он часто стал говорить о своей старости и неспособности к серьезному труду. Очевидно было, что примирение со своею, поистине роковою и трагическою судьбою совершается в нем очень болезненно и, как ржа железо, постепенно съедает его душевные силы. Покинутый и забытый многими из своих поклонников и приверженцев, он чувствовал на себе, по образному выражению Лермонтова, «мечь врагов и клевету друзей». Он стал вместе с тем тревожно относиться к материальной будущности своей семьи. Об этом он писал мне однажды подробно, еще до нашего второго свидания:

Чувствую, — говорит он в своем письме, — что усталые кости мои просятся уже в отставку... Понятно, что отъезд в безвозвратный отпуск не может быть страшен для меня — видевшего и прошедшего в жизни много и многое; но жаль оставить семью. Помните ли стихи:

«Мочи нет, устал я с этим горем биться,
А на свет посмотришь — жалко с ним проститься»⁷⁵.

Жаль мне пятерых детей да жены, имущественное положение которых находится пока далеко не в цве-

* Оказывать гостеприимство (*фр.*). — *Прим. ред.*

** «С оружием и обозом» (*фр.*). — *Прим. ред.*

тущем состоянии, и надо по крайней мере еще пять лет времени, чтобы дело это наладилось как следует. А между тем дети родились и росли в достатке; правда, роскоши не знают, но не знакомы они и с нуждой... Вот причины, по которым мне жаль было бы проститься с светом и хочется протянуть дряблое существование мое еще несколько лет. Как знать, пожелают ли вспомнить после меня о совершенных мною когда-то заслугах, хотя бы в последнюю войну, и, оценив их, обеспечат ли семью мою соответственную пенсией? Вспомнят ли, что из 72 миллионов, израсходованных в Малой Азии на нужды войск, я, по собственной инициативе, не дозволил выпустить в обращение ни одного полуимпериала и протянул всю войну на наших кредитках! Интендантские мудрецы и некоторые начальники отдельных частей, лакомые до приобретений, предсказывали мне тогда ужасы, уверяли, что жители в конце концов не станут ничего продавать нам, указывали на Балканскую армию, где почти половина всего расхода производилась на золото. Слушал я все это, помалкивал да крепился. Мрачные предсказания, однако, не сбылись; начатое дело было доведено до конца блистательным способом, и государственная казна освободилась от расхода по крайней мере в 10 миллионов металлических рублей, которые, за неимением в собственных подвалах, она вынуждена была бы занять вне государства и притом за крайне убыточные проценты...

Содержание приведенного письма нельзя не поставить в связь с воспоминаниями Лорис-Меликова о действиях наших в Малой Азии в восточную войну 1877 года, с которыми он ознакомил меня летом 1884 года по поводу очень занимавшей его книги генерала Кишмишева по истории этой войны⁷⁶ и сущность которых я тогда же записал. Вот они:

Тотчас по объявлении войны, 11 апреля 1877 года, три русских отряда, общей численностью не выше 50 тысяч человек, перешли границу Анатолии и начали наступление, совершаемое с большой энергией и обычной нашей самонадеянностью и высокомер-

ным презрением к противнику. Падение Ардагана и Баязета, вооруженного 90 орудиями новейших систем, произвело громадное впечатление на турок и вызвало среди них крайнее напряжение сил, выразившееся в призыве под знамена Мухтар-паши из самых отдаленных уголков Малой Азии, из Багдада, Дамаска, Алеппо и т. д. всего мужского населения в возрасте от 20 до 60 лет. Благодаря этому же во второй половине июня в Эрзерумской долине были сформированы две турецкие полевые армии, нанешие нам чувствительное поражение под Зевинном и перешедшие в столь внушительное наступление, что мы были вынуждены отступить к своим границам и снять блокаду Карса. Положение воюющих сторон было в это время совсем не равным: наши войска были сосредоточены в трех местах с интервалами в 150 верст между каждым отрядом и имели перед собою Мухтар-пашу, в каждом пункте более чем в полтора раза сильнее русских, а сзади Кавказ, волнующийся и тревожный, где миллионное население Чечни и Дагестана находилось в полном восстании и где симпатии остальных двух миллионов горцев явно склонялись к Турции. Вследствие этого Кавказ не мог двинуть всех своих боевых сил против турок, нуждаясь сам, для сдержания порывов мусульманского населения, по крайней мере в 50 тысячах войска. Таким образом, наше положение было очень тяжелое: перед нами превосходящий численностью неприятель, сзади горячий материал, для которого была нужна лишь искра, лишь единовенная рука, протянутая в интервал русских войск хотя бы в виде двухтысячного отряда кавалерии, чтобы пожар, раздуваемый религиозным фанатизмом, вспыхнул со страшною силою, и нам пришлось бы запереться в собственных крепостях, окруженных слившимися силами внутренних и внешних врагов. Против Мухтар-паши пришлось стоять мне. Надо было удержать его от наступления во что бы то ни стало. И я стал настойчиво и неустанно его тревожить ежедневными рекогносцировками, фланговыми атаками, частичными передвижениями и фальшивыми маршами, не давая ему ни минуты успокоиться и постоянно поддерживая

в нем ложную уверенность, что он или подвергается или не нынче-завтра подвергнется общему нападению русских сил. Так задержал я его в выжидательном положении до тех пор, пока с Волги и из-под Москвы не подошли спешно посланные подкрепления и у меня не оказалось, к 1 сентября, еще 32 свежих батальона, т. е. силы, почти равные турецким. С ними, решительно и уверенно, я вновь перешел в наступление, и за два месяца непрерывных трудов и постоянной опасности полного поражения мы были вознаграждены победою над Мухтаром на Аладже. Падение затем Карса, где я был комендантом еще в Крымскую войну, нанесло решительный удар туркам — и перед нами открылось широкое поле действий. Ночной штурм Карса был подготовлен мною целым рядом приготовлений, направленных на усыпление бдительности турок и на то, чтоб не дать им возможности представить себе, что 20 тысяч русских решатся штурмовать форты, могущие сделать честь любой первоклассной европейской крепости, вооруженные 300 орудиями новейших систем и защищаемые тоже двадцатитысячным гарнизоном. Но я твердо решился, — и мои солдатики вписали в военную историю эпизод, по своей исключительности не могущий служить образцом, но указывающий на разнообразие и новизну приемов войны, в которых проявляется торжество строго обдуманного замысла и точности его выполнения над пассивною материальною силою...

В это же посещение мною Лорис-Меликова я заметил, что атмосфера враждебности, которою продолжало быть окружено его имя в России, повлияла на него в смысле возбуждения в нем крайне тревожной осторожности относительно переписки, что так шло в противоречие с его более чем неосторожной откровенностью в беседах и отзывах. Он рекомендовал своим знакомым особую сдержанность и осмотрительность в письмах, идущих обычным почтовым путем, прося, по возможности, прибегать для доставления писем к услугам едущих за границу саванников. Сам он, однако, сколько мне известно,

не прибегал к этому способу относительно писем, посылаемых им в Россию, очевидно, не будучи уверен, что они неизменно будут доставлены аккуратно, а не попадут в чьи-либо нежелательные, чрезмерно любознательные руки. От этого его письма так полны обещаниями «рассказать при личном свидании» и недомолвками — и проникнуты мелочами повседневной личной жизни, среди сведений о которых лишь изредка прорывается вздох сдержанной боли или заглушаемого негодования. Каждое пропавшее письмо к нему или от него его тревожило и волновало. Благодаря этому личные объяснения его были необходимым дополнением к некоторым местам его писем.

Так, например, еще до вторичного приезда моего в Висбаден он писал мне (26 июля 1885 г.), что провел с одним из своих бывших влиятельных сотрудников и товарищей по отставке целый день во Франкфурте, «умудрившись просидеть на одном диване, не вставая, восемь часов» — и прибавлял: «При свидании передам Вам некоторые подробности». Оказалось, что эти подробности состояли в том, что этот сотрудник, вполне одобрявший в свое время взгляды и намерения «диктатора» и выразивший готовность разделить его служебную судьбу, считая невозможным согласиться с новым курсом безусловного и самодовлеющего самодержавия, намеченным и направляемым Победоносцевым, взял, по зрелом размышлении, «право руля» и, как блудный сын, вернулся на лоно власти и влияния, начав играть значительную, но во все не оппозиционную роль в Государственном совете. И вот, проезжая через Франкфурт, человек, пышущий здоровьем и силами, не дал себе труда заехать к больному Лорису, а избегая возможных намеков на то, к кому и зачем он заезжал в Висбаден, вызвал его к себе, зная, что наголодавшийся отсутствием интересных для него людей Лорис не утерпит и придет... «Он говорил со мною поучительным и покровительственным тоном и выразил некоторое сожаление, что я не у дел», — с горечью сказал мне Лорис.

С благодарным чувством вспоминаю я, что вообще все, что касалось меня, живо интересовало Лориса. Всякая моя работа или служебная со мной перемена вызывали с его стороны сочувственный отклик. «Из полученных сегодня утром русских газет узнаю, что Вы назначены обер-прокурором кассационного департамента, — писал он мне в феврале 1885 года. — Не будучи твердо знаком с табелью о рангах судебного ведомства, я не знаю — следует ли признать назначение это за повышение или же нужно отнести его к простому перемещению на равносильную должность. Иное дело, если бы Вы были назначены сенатором или старшим председателем палаты (sic!) — тогда и сомнениям моим не оставалось бы места». При свидании, когда я ему подробно объяснил значение должности обер-прокурора и круг его деятельности, он чрезвычайно радовался за меня и очень интересовался затем моими кассационными заключениями, за которыми следил по газетам. Особенное его внимание привлекали дела об оскорблениях в печати, по которым пришлось устанавливать новую практику уголовного кассационного суда взамен теории, по которой клеветник в печати признавался безответственным, если утверждал, что полагал, что сообщаемое им не ложно, а соответствует действительности. Уложение о наказаниях говорит о взысканиях за клевету, не определяя этого понятия, и Сенату пришлось в свое время разъяснить, что под клеветою разумеется заведомо ложное обвинение кого-либо в деянии, противном правилам чести. Жизнь показала, однако, что такие обвинения, подчас грозящие самыми тяжкими последствиями невинному и составляющие «поджог его чести», размеров и пределов которого не может предусмотреть и ограничить даже и сам клеветник, очень часто распространяются с бессовестным легкомыслием, с преступною доверчивостью ко всякому слуху, дающему пищу злорадному любопытству. <...>

«Заключение Ваше по делу редактора «Нового времени» (обвиняемого в оклеветании в печати

бывшего военного прокурора Ахшарумова в служебном преступлении), — писал он 8 ноября 1886 г., — как и надо было ожидать, вызвало большую тревогу в нашей прессе, и только «Русские ведомости» № 297, хотя и в коротенькой, но в весьма дельной статье, отнеслись честно и разумно к этому вопросу. Мне кажется, что Вы напали на самое больное место нашей подневной и периодической печати. Вот почему большинство редакций, чуя беду, застонало, как стонет больной, когда оператор, без помощи хлороформа, накладывает нож, чтобы извлечь из тела злокачественный вред или карбункул. Надо надеяться, что судебные учреждения наши станут отныне строго придерживаться выраженных Вами воззрений и одобренных Сенатом. Если надежда эта осуществится, то печать, отбросив широкое практикование клеветы и диффамаций, примется серьезно за разработку многих общественных наших вопросов и участие ее в делах этого рода, как доказано прошлыми примерами, может принести громадную пользу как правительству, так и обществу».

«Надеюсь, что ничто не воспрепятствует Вам, — пишет он 30 сентября 1885 г. по поводу принятого мною на себя обвинения начальника одного из технических главных управлений перед уголовным кассационным департаментом, преданного Государственным советом суду за превышение власти, вызывавшее на местах случаи лихоимства и разных злоупотреблений в ущерб казне, — чтобы достойно покарать этого господина, если он окажется виновным в возводимом на него преступлении. Жалеть этих господ не следует и потому еще более, что они, в свою очередь, любят бешено накидываться и горланить о взяточничестве какого-либо урядника, околоточного надзирателя или маленького и многосемейного чиновника, которому дали 5 или 10 рублей. Вышнему слою надлежит показывать пример бескорыстия — а уж если кто из них проштрафится — пусть и отвечает по заслугам...» Когда я послал ему в 1888 году мои «Судебные речи», он отвечал на эту присылку теплой те-

леграммой, и при свидании, уже близкий к смерти, много говорил об этой книге, которою я, по его словам, «сделал свое дело».

Еще в сентябре 1885 года Лорис-Меликов писал мне, что предвидит необходимость вернуться на родину.

Врач мой Фрахтенштейн, — говорит он, — начинает намекать на необходимость скорейшего отъезда моего на юг, но я откладываю еще эту поездку, желая дожидаться здесь большего разъяснения событий, ныне совершающихся на Балканах. Хотя все серьезные газеты единогласно предвещают бескровный исход Болгарского эпизода, но невозможно ручаться, чтобы какая-либо новая случайность не осложнила дела и не вовлекла нас в вооруженную распрю — крайне нежелательную и несвоевременную. В этом прискорбном для нас случае приличие обяжет меня, не обращая никакого внимания на хилость и запал мой, достигший, с наступившею холодною погодою, до чудовищных размеров, перебраться немедленно из-за границы на наш юг (Киев, Одессу или Крым). Будем, однако, надеяться, что на этот раз гроза минует нас и что Н. К. Гирс сумеет с честью и достоинством выбраться из ловушки, поставленной нам князем Баттенбергом и его учителями.

Но даже помимо приведенных мотивов его начинало тянуть домой.

Заканчивая настоящее письмо, — говорит он в конце сентября 1885 года, — хочу сказать несколько слов по поводу дружески откровенного мнения, выраженного Вами в письме ко мне из Берлина от 7 сентября. — Начну с того, что мнение Ваше возымело уже свое действие, и не далее, как на прошлой неделе, в семейном совещании, мы решили возвратиться в Петербург раннею весною — в первых числах мая. Сообщая Вам об этом, я должен, однако, оговориться, что стремлюсь возвратиться в отечество не для того, чтобы посвятить себя, как Вы указываете, работе по званию члена Государственного сове-

та. — К работе этой едва ли теперь пригоден; хилая старость взяла уже меня в свои объятия, а при такой гостье — немыслим серьезный или усидчивый труд. Вот почему желаю возвратиться на родину — ради самого себя и из эгоистических побуждений; хочу жить вблизи таких, немногих лиц, общение с которыми влияет на меня гораздо благотворнее, чем всевозможные микстуры, порошки и ванны, столь обильно и ретиво прописываемые врачами на всех курортах...

Летом 1886 года Лорис действительно приехал в Петербург, и я навестил его, приехав для этого из Гунгербурга, где я жил в это время. Я застал его очень нервным, похудевшим более, чем прежде, и с заметными признаками одышки при малейшем волнении. Глаза его лихорадочно горели, руки были сухи и горячи.

Отец родной, — начал он, — вы, вероятно, уже слышали, что в Петербурге шипят про меня, что я приехал попытаться опять попасть во власть. Какой вздор! Мне нужен снова долгий отпуск, я убедился, что не могу жить в этом климате даже летом, не имею сил поехать и на Кавказ и перенести все, что там пришлось бы перечувствовать... Ведь я на службе — и как генерал-адъютант, и как член Государственного совета... Но что я пережил, ожидая приема! Отец родной! Ты это можешь себе представить! Ведь меня могли заставить ждать в общей приемной на потеху всем, и сказать мне одно-два слова или и вовсе промолчать. А ведь я отдал России все, что имел: здоровье, душевное спокойствие. Какое было бы ликование, если бы меня так третировали... Но, слава Богу, я избежал нового напрасного оскорбления. Я был принят наедине и, быстро взойдя по винтовой лестнице, так запыхался, что государь с участием спросил меня о здоровье и тотчас же дал разрешение на бессрочный отпуск. При этом он сказал, что дела на Кавказе и внешние отношения находятся во вполне удовлетворительном положении, но о внутренних делах — ни слова... Теперь скорей, скорей из Петербурга. Мне столь многие

здесь противны до невыносимости. Душа моя! Когда я был диктатором, они толклись в моей приемной так, что проходу не было — и мне приходилось видеть их душу, вывороченную наизнанку... Отец родной! Какая это гадость...

И он уехал за границу, откуда ему уже не суждено было возвращаться... Ему ясно дано было понять, что его административный опыт, его несомненные заслуги по долголетнему управлению Терскою областью, его ясный и живой ум не дают ему даже скудного права выслушать из уст монарха что-либо о положении страны, судьбы которой еще так недавно были ему почти бесконтрольно вверены. Не понадобились и его таланты вождя... Война была у многих на устах, но дешевый шовинизм не находил себе отклика в сердце государя.

К этому времени относится одно мое письмо к Лорису, случайно уцелевшее из остальных, уничтоженных после его смерти слишком осторожным и верным его другом, оригинальным, умным и благородным Эзовым, которого Лорис в шутку и ввиду его приземистой, уродливой наружности называл Эзопом. Привожу это письмо, которое в некотором отношении рисует характер нашей переписки, в которой я часто излагал волновавшие меня чувства и мысли. Я писал ему 26 сентября 1886 г. между прочим: «Что здоровье Ваше? Это вопрос, который — увы! — бесплодно задают мне и Арцимович, и А. В. Головнин, который, к слову сказать, очень приободрился физически. Вы оставили в Петербурге всех любящих Вас в тревожном состоянии по поводу Вашего здоровья — и не хотите их из него вывести успокоительным словом. Надеюсь, однако, что живительный климат Ниццы действует на Вас благотворно. Я лелею мечту повидать Вас за границей весною, если не будет войны... Я предвижу большую усталость в конце «учебного» года и потому думаю в марте (в конце) взять отпуск и поехать на два месяца на юг, к морю — и встретить Вас! Конечно, еще может случиться многое множество вещей, которые это все изменят. Прежде всего война,

которая мне представляется неизбежною ввиду наших действий в Болгарии, представляющих собою полное отрицание всех начал государственного и международного права. Сердце поворачивается от негодования при чтении наших газет, с их разнузданностью раба, которому позволили бить по зубам слабого и бесильного. Я всегда находил, что России следует обладать проливом и что ее стремление к Босфору вполне естественно и исторически предопределено. Но разве так оно должно осуществляться?! Ужели нам мало того „славянско-братского“ лицемерия, которое мы написали на нашем знамени в прошлую войну, прикрывая им династические и территориальные стремления, с которыми славяне ничего общего не имеют? Ужели и теперь мы думаем кого-либо обмануть, вступая в союз с восставшими софийскими военными юнкерами для поддержания порядка или разезжая, подобно Каульбарсу, нагло и глупо по стране, чтобы агитировать против признаваемого народом правительства, подстрекая гарнизоны к нарушению дисциплины с целью предотвратить анархию? Быть может, мы выйдем из всего этого победителями — и сомнем Болгарию в наших медвежьих лапах, благодаря слабости одних, трусости других и непредусмотрительности третьих, — но, во всяком случае, страница истории, на которой будет повествоваться об этой победе, будет не из почетных... Разве так приобретают союзников? Разве мыслимо после войны 76–77 гг. звать на помощь против Болгарии Турцию? Разве слыхано что-либо, подобное поведению Каульбарса? Я знаю, что мне здесь ответят: „Неслыханно, — но то-то и хорошо!“

Государя, желающего энергически проявить свою волю в международных делах, конечно, вводят в заблуждение, рисуя в ложном свете положение Болгарии и пользуясь его неприязненным чувством к немецкому искателю приключений. А главное, что действует в высшей степени огорчительно, — это настроение общества. Никогда еще инстинкты произвола и принцип кулака не проявлялись так сильно, так рельефно в нашем обществе. Что говорят в клу-

бах, в гостиных — Вы себе представить не можете! Люди, всю жизнь игравшие в винт и проливавшие кровь лишь посредством геморроя, потрясают воображаемыми саблями и кричат „Война!“, — купцы, в надежде вновь намошенничать на поставках — облизываются, — люди, по-видимому, порядочные, сочиняют теории, в силу коих Россия будто бы должна так поступать — и все вместе галдит, ревет, смотрит подозрительно на несогласных — и готовится „забросать шапками Европу“... В суждениях, в отношениях к чужой личности проявляются такие дикости, что из-за по-европейски причесанного общества выступает татарская „золотая орда“ — или, вернее, „кредитная (ибо золота нет!) орда“... И никто, никто не думает о бедной, нищенской, настоящей России, которая отдает кровь, и труд, и пот своих сынов и у которой нет даже средств воспользоваться теми богатствами, которые в виде бесплодно пропадающих фонтанов нефти посылает ей природа... Это какой-то огромный сумасшедший дом. Больно и тяжело. Вам шлет свой поклон А. Д. Градовский. Вы можете себе представить, как он, автор болгарской конституции, себя чувствует!»

С новым переездом за границу потянулась для него однообразная жизнь, преимущественно в нелюбимой им Ницце, в которую упорно водворяли его врачи. Он постоянно мечтал не возвращаться в эту, как он выражался, «золоченую для него трущобу», мало верил в целебную силу ее климата, хотя не отрицал, что «некоторых немощных действительно исцеляет и согревает тамошнее горячее солнце, в то время когда других нагревает рулетка в Монте-Карло и стая кокоток, составляющих непрменный атрибут этого игорного дома» (письмо от 8 ноября 1886 г.). Посещения разных русских празднолюбцев, ничего не дававшие его впечатлительной душе и жадному уму, не удовлетворяли его. Из замечательных русских людей ему довольно часто одно время приходилось видаться с М. Е. Салтыковым-Щедриным, но раздражительность последнего действовала на его неж-

ную душу тягостно. «Он сильно болен, — пишет он мне про Салтыкова, — осунулся, а вследствие этого стал еще более раздражителен и тяжел. Беседа с ним, признаюсь, не представляет ничего заманчивого или приятного; одна только желчь и огульное порицание всех и каждого. Бесспорно, что господь наделил его мозгами весьма широко; но мозги эти смазаны такою густою темно-желтою краскою, что до светлых цветов и не доберешься. Полагаю, что все сатирики одного склада с Салтыковым»... Не часто и мимолетно появлялись у него интересные люди из чужих. Так, он сообщал мне, что его очень оживило знакомство с поэтом Боденштедтом (Мирза-Шаффи), с бывшим префектом Парижа при Тьере — Леоном Рено и с бывшим губернатором Меца — гр. Генкелем фон Доннерсмарком. Лишь через большие промежутки приходилось ему хоть немного «отводить душу» с наезжавшим из Петербурга преданным другом всей семьи — Эзовым и с проезжавшим через Ниццу доктором Белоголовым, к которому он питал большое доверие и уважение. Но в общем, при все усиливающимся грудном страдании, в котором, под успокоительным именем бронхитов и плевритов, скрывалась злая и непобедимая чахотка, жилось ему тоскливо. «Персонал моих посетителей, — писал он мне, — весьма разнообразен и обширен, даже более, чем было бы желательно, но при всем том я избегаю сближения с кем-либо, а пользуясь массой книг и журналов, зачитываюсь иногда по вечерам почти до одурения»... К этому присоединились и некоторые материальные затруднения. «Беда в том, — говорит он в письме из Ниццы от 19 марта 1887 г., — что при угнетенном состоянии курса нашего рубля трудно живется в дорогих санитарных пунктах и все делаемые сокращения в собственном бюджете мало помогают делу»... Вести же, приходившие из России, были тоже мало для него утешительны. В господствующих общественных кругах как отголосок теорий, развитых в свое время влиятельным московским публицистом Катковым и его последователями, проповедовался своеобраз-

ный и пагубный культ власти как власти, совершенно независимый от ее направления и границ, причем власть рассматривалась не как средство управления, а как самодовлеющая цель. Понятно, что попытка Лорис-Меликова направить работу в смысле продолжения преобразований Александра II громко провозглашалась преступлением против России, — и голоса об этом не могли не доходить до его исстрадавшихся от всяких наветов и клевет ушей... Вместе с тем сходили понемногу со сцены и те люди, в которых он привык видеть справедливых ценителей своей деятельности и личности. Особенно поразила его смерть Александра Васильевича Головнина.

Развернув «Новое время», — писал он мне 8 ноября 1886 года из Ниццы, — я на первой же странице, совершенно неожиданно, прочитал скорбную весть о кончине добрейшего и почтенного А. В. Головнина! Можете судить, какое потрясающее впечатление произвело на меня это известие. Всю ночь провел я, конечно, бессонную, расстроился и только благодаря усиленным приемам брома мог со вчерашнего дня войти в свое нормальное состояние. Застарелая болезнь и иные причины настолько уже развинтили мои нервы, что не всегда бываю уже в силах справиться с ними... Итак, из рядов наших снова выбыл человек, которого даже злейшие враги признавали образцом порядочности и приличия. Торговля убеждениями и привязанностями была немыслима для Головнина. Главная же заслуга Александра Васильевича заключалась в том, что он служил как бы соединительным звеном между людьми хотя и разных профессий, но одинаково и горячо любящих свое отечество и готовых посвятить все свои способности и силы на служение родной земле...

Последнее письмо от Лорис-Меликова я получил в Киссингене в начале июля 1888 года из Веве. «Дней десять тому назад, — писал он, — я имел уже сведения о намерении Вашем навестить меня. Можете себе представить, насколько известие это порадовало меня. Ведь прошло уже почти четыре года с тех

пор, как прекратились наши дружеские беседы; мимолетную встречу нашу в 86 году в Петербурге нельзя признать за свидание. Вот почему мне будет так отраднo провести с Вами несколько вечеров и наговориться досыта. Переезд из Киссингена до Веве потребует около 15 часов времени, но я уверен, что Вы не откажетесь принести мне эту жертву...» В половине августа в Веве, в Hotel Monnet я застал Михаила Тариеловича в постели, с которой он вставал уже редко, снедаемый лихорадкой. Окружающие были удручены его состоянием, Белоголовый⁷⁷ безнадежно качал головою. Три дня провел я с ним, оставляя его лишь для необходимой трапезы. Он как будто сознавал, что уходит, хотя никакого намека на это не делал. Я несколько боялся разговоров и расспросов на «злобу дня», чтобы не волновать его, но он сам касался вопросов русской современности очень поверхностно, а настойчиво обращался к общим темам преимущественно философского и общественного характера. Не раз возбуждал он вопросы о связи духовной и животной природы человека и о роковом влиянии последней на первую, усиленно подчеркивая свои сомнения в самостоятельном существовании души и в возможности ее загробного существования и добродушно подшучивая надо мною, когда я с ним не соглашался. Но в постоянном возвращении к этим вопросам, в желании вызывать меня на опровержения как бы чувствовалось желание услышать перед недалеким концом ободряющее уверение близкого по душе человека, что это конец только видимый, а не действительный. Наконец, пришлось расстаться: служебные дела призывали меня в Петербург. Мы провели целое утро вместе, и он видимо сердился, когда кто-нибудь мешал нам беседовать. Я должен был ехать после обеда, который предстояло разделить с семьей Лорис-Меликова. Перед обедом все домашние зашли за мною. «Идите, идите! — сказал он им, — он сейчас придет... Ну, прощай! Спасибо, друг! Поцелуй меня — и прощай!» — «Да я зайду еще после обеда», — сказал я... «Нет, не нужно, мне слишком

тяжело; я хочу проститься теперь...» — и он притянул меня к себе и обнял, а затем тихонько оттолкнул от себя. «Ну, идите, идите, вас ждут...» Я чувствовал, что мы более не увидимся, и, пересиливая себя, взглянул в последний раз на это милое, исхудалое лицо, на котором уже лежала печать смерти, пощадившая лишь одни глаза, горевшие по-прежнему огнем мысли... Должен сознаться, что я очень опоздал к обеду...

13 декабря того же года, присутствуя в Харьковском технологическом институте на испытании гидравлическим прессом прочности шпал, взятых из-под императорского поезда, потерпевшего 17 октября крушение между Борками и Тарановкою, я услышал, как один из экспертов-инженеров сказал другому: «А Лорис-то-Меликов умер, в Харькове получено об этом известие...».

Из равнодушных уст услышал смерти весть я,
Неравнодушный ей внимал я⁷⁸.

Справочный материал

Государственный совет

О создании Государственного совета было объявлено манифестом «Образование Государственного совета» императора Александра I, изданным 1 (13) января 1810 г. Членов Госсовета назначал и увольнял император. С 1865 по 1905 г. председателями Совета были великие князья (до 1881 г. — Константин Николаевич, потом — Михаил Николаевич).

Полномочия Государственного совета предусматривали рассмотрение:

- новых законов или законодательных предположений, равно как и изменений в уже принятых законах;
- вопросов внутреннего управления, требующих отмены, ограничения, дополнения или разъяснения прежних законов;
- вопросов внутренней и внешней политики в чрезвычайных обстоятельствах;
- ежегодной сметы общегосударственных приходов и расходов (с 1862 г. — государственной росписи доходов и расходов);
- отчетов Государственного контроля по исполнению росписи доходов и расходов (с 1836 г.);
- чрезвычайных финансовых мер и проч.

Государственный совет состоял из общего собрания, Государственной канцелярии, департаментов и постоянных комиссий. Кроме того, при нем действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии.

Все дела поступали в Госсовет только через Государственную канцелярию на имя возглавлявшего ее государственного секретаря. Установив, относится ли данное дело к ведению Госсовета, государственный секретарь распределял его в соответствующее отделение канцелярии, которое готовило его к слушанию в соответствующем департаменте Госсовета*.

Согласно манифесту от 1 января 1810 г. через Государственный совет должны были проходить все принимаемые законы, но на деле это правило соблюдалось не всегда: министры иногда направляли проекты напрямую императору, что временами вызывало недовольство членов Совета. Решение в департаментах и общем собрании принималось большинством голосов, но император мог утвердить и мнение меньшинства Госсовета, если оно более отвечало его взглядам.

Государственный совет как высший законосовещательный орган Российской империи долгое время располагался непосредственно в Зимнем дворце — в здании Большого Эрмитажа, где до сих пор сохранила свое название *Советская лестница*. Его заседания проходили в зале на первом этаже. После взрыва в Зимнем дворце 5 (17) февраля 1880 г. при неудачном покушении на императора Александра II государственный секретарь Е. А. Перетц написал специальную записку об обеспечении безопасности помещений Госсовета или о его переводе в другое здание. Для начала был закрыт доступ в подвал, находившийся под залом заседаний. Перевод в другое здание (Мариинский дворец) состоялся позднее, в 1885 г.

* Понятно, что роль государственного секретаря была весьма значительна — в большой степени он был связующим звеном между Государственным советом и императором. Людям, знакомым с реалиями советского периода, не нужно объяснять, почему позиция секретаря столь важна. Приведем лишь анекдот 1920-х годов: «В истории человечества было три формы правления — матриархат, патриархат и секретариат».

Комитет министров

Учрежден в ходе министерской реформы манифестом от 8 (20) сентября 1802 г. Изначально состоял из министров, их товарищей (заместителей) и государственного казначея. В 1812 г. императорским указом об учреждении Комитета министров были окончательно установлены статус, состав и полномочия органа. В Комитет вошел и государственный секретарь. Председатели Государственного совета входили в Комитет министров с 27 августа 1905 г., однако фактически они присутствовали в Комитете с 1865 г., так как великие князья Константин Николаевич (председатель Государственного совета в 1865–1881 гг.) и Михаил Николаевич (председатель Государственного совета в 1881–1905 гг.) были членами Комитета по особым высочайшим повелениям.

Обер-прокурор Святейшего Синода входил в Комитет с 6 декабря 1904 г., однако обер-прокуроры фактически присутствовали в Комитете с 1865 г., так как занимавший эту должность до апреля 1880 г. граф Д. А. Толстой занимал одновременно и другие министерские посты, а обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг. К. П. Победоносцев был членом Комитета по особому высочайшему повелению.

В период после начала 1860-х годов членами Комитета состояли одновременно от 19 до 24 лиц.

Компетенция Комитета министров имела мало общего с расхожим современным представлением о кабинете министров и его круге функций. Все министры (и главноуправляющие отдельными частями) были независимы друг от друга, отвечали за деятельность своих ведомств единолично и делали независимые доклады императору. Комитет министров же не отвечал ни за деятельность отдельных министерств, ни за согласованность их политики. Формально его компетенция состояла из двух видов дел:

- текущие дела по министерскому управлению (дела, выходящие за рамки компетенции отдельного министра, а также требующие участия государства или различных ведомств);
- дела, присвоенные Комитету министров законом.

В целом деятельность Комитета разделялась на три направления:

- важные межведомственные вопросы государственного управления;
- «одиозные» вопросы, которые формально находились в пределах ведения одного министерства, но за которые министры не хотели брать на себя персональную ответственность и стремились переложить ее на коллегия;
- «мелочные» вопросы, список которых сформировался достаточно случайным образом.

Как правило, Комитет министров занимался лишь предварительным обсуждением вопросов. Его заключение, принятое единогласно или большинством голосов, вносилось в журнал, который представлялся на утверждение императору.

В рассматриваемый в дневнике Перетца период Комитет министров возглавляли: Петр Александрович Валуев (1879–1881) и Михаил Христофорович Рейтерн (1881–1886).

Совет министров

Совет министров был учрежден 12 (24) ноября 1861 г. как совещательный орган по общегосударственным делам. Неофициально он стал функционировать еще в октябре 1857 г.

Совет министров учреждался для «исключительного рассмотрения в высочайшем присутствии Его Величества» дел, требующих «общего соображения», т. е. относящихся к нескольким отраслям управления

одновременно. Председателем Совета был император Александр II.

В состав Совета министров входили министры и приравненные к ним главноуправляющие ведомств, председатель Государственного совета и председатель Комитета министров, а также, по особому назначению императора, другие высшие чиновники. Председателем был сам император, который мог вносить на рассмотрение Совета любые вопросы. Все дела докладывали министры по принадлежности, а делопроизводство возлагалось на управляющего делами Комитета министров; собственной канцелярии Совет министров не имел. При всех заседаниях присутствовал государственный секретарь для представления по законодательным вопросам сведений из дел Государственного совета. Заседания Совета министров не были регулярными и назначались каждый раз императором.

Рассмотрению в Совете подлежали: «виды и предположения к устройству и усовершенствованию разных частей, вверенных каждому министерству и главному управлению», «сведения о ходе работ по устройству и усовершенствованию...», первоначальные законодательные предположения с последующим внесением на рассмотрение Государственного совета; меры, требующие общего содействия разных ведомств, но не подлежащие рассмотрению в других высших государственных учреждениях; сведения о важнейших распоряжениях по каждому ведомству, требующих «общего соображения»; заключения комиссий, создаваемых императором для рассмотрения отчетов министерств и главных управлений.

С 1863 г. число поступавших в Совет дел резко уменьшилось, он собирался все реже, а после 11 (23) декабря 1882 г. заседания и вовсе прекратились.

Комментарии

1. Речь идет о великом князе Константине Николаевиче, брате императора Александра II.
2. Резиденция вел. кн. Константина Николаевича в Крыму, под Ялтой.
3. Мемория (от *лат.* *memoria* — память) (канц., устар.) — выписка, запись с кратким изложением сущности какого-нибудь дела.
4. Так в подлиннике.
5. Это первая запись дневника, вошедшая в издание 1927 г. А. А. Сергеев, подготовивший первое издание, описывает оригинал так: «Оригинал дневника бывшего государственного секретаря Е. А. Перетца, хранящийся ныне в Особом отделе Московского центрального архива Октябрьской революции [в настоящее время — Государственный архив Российской Федерации: ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 118. 286 л.], представляет собой изящную тетрадь в четвертку [то есть размером в четвертую часть писчего листа], в переплете из красного сафьяна, с золотым тиснением и обрезом. Текст дневника занимает 286 листов (нумеровано в Московском центральном архиве Октябрьской революции). Дневник не имеет заголовка или иной пометы и начинается прямо записью от 28 сентября 1880 г., а оканчивается записью 26 января 1883 г., точнее, копией письма вел. кн. Константина Николаевича от 20 января 1883 г. К сожалению, судьба более ранних и позднейших дневников Е. А. Перетца редакции неизвестна. Текст настоящего дневника печатается без каких-либо купюр, исправлены только немногочисленные орфографические ошибки и описки, а также введены пропущенные автором слова (печатаются в прямых скобках). Отрывок из печатаемого здесь дневника Е. А. Перетца под заглавием „Заседание Государственного Совета 8 марта 1881 г.“ был напечатан в январской книге „Былого“ за 1906 г. Этот отрывок представлял собой не точное воспроизведение записи Е. А. Перетца о заседании Совета министров 8 марта 1881 г., а сжатую ее переработку. В т. 8 „Красного архива“ запись Е. А. Перетца от 8 марта 1881 г. дана полностью с присоединением отрывка записей от 9 и 16 марта 1881 г. (имеется в виду журнал «Красный архив». 1925. № 1 (8). С. 132–150)».
6. Жена Александра II, императрица Мария Александровна, умерла 22 мая 1880 г.; 6 (18) июля того же года он женился

на кн. Екатерине Михайловне Долгоруковой (Долгорукой), от которой имел детей. Долгорукова после венчания получила титул светлейшей княгини Юрьевской.

В бумагах Зимнего дворца, хранящихся в Особом отделе Московского центрального архива Октябрьской революции, находится пакет, на котором сделана рукой Александра II надпись: «Хранить до востребования, а в случае моей смерти вручить государю императору. Ливадия, 9 ноября 1880 г.». В пакете хранятся два документа: 1) акт о женитьбе Александра II на Е. М. Долгоруковой и 2) письмо Александра II к сыну. Ввиду несомненной исторической ценности обоих документов печатаем их целиком.

А К Т

Тысяча восемьсот восьмидесятого года, июля шестого дня в три часа в Царско-Сельской дворцовой походной церкви Его Императорское Величество государь император Александр Николаевич, всея России, благоизволил вступить во второй законный брак с фрейлиною княжною Екатериною Михайловною Долгоруковой.

Мы, нижеподписавшиеся, быв личными свидетелями бракосочетания Его Императорского Величества, составили сей акт и утверждаем его собственноручною подписью. 6 июля 1880.

Генерал-адъютант граф *Александр Владимирович Адлерберг*.

Генерал-адъютант граф *Эдуард Трофимович Баранов*.

Генерал-адъютант *Александр Михайлович Рылеев*.

Таинство брака совершил Большого собора Зимнего дворца протоиерей *Ксенофонт Яковлевич Никольский*.

Ливадия, 9/21 ноября 1880 г.

Любезный Саша

В случае моей смерти поручаю тебе жену мою и детей наших... Дружба, которую ты не переставал им оказывать, с первого дня твоего знакомства с ними, и которая была для нас истинною отрадой, служит для меня лучшим ручательством, что ты их не оставишь и будешь их покровителем и добрым советником.

Пока жена моя будет жива, дети наши должны оставаться в полной ее зависимости, если же Богу угодно будет отозвать ее к себе прежде совершеннолетия детей, желаю, чтобы опекуном к ним был назначен ген[ерал]-адъютант мой, Рылеев, и еще другое лицо, по его выбору и с твоего согласия.

Жена моя не получила никакого наследства, и потому все ей принадлежащее, как недвижимое, так и движимое иму-

щество, есть благоприобретенное; поэтому родственники ее не имеют никакого права претендовать на ее наследство, и она может располагать всем по своему усмотрению. Для большей осторожности она завещала все мне и между нами было условлено, что если бы я имел несчастье ее пережить, то все движимое имущество будет разделено поровну между всеми нашими детьми и мною же им передано после их совершеннолетия или замужества дочерей. Недвижимое же ее имущество должно перейти к единственному нашему сыну, к Георгию. Оно состоит из дома в С.-Петербурге, на Английской набережной, выходящего тоже на Галерную, под № 47 и 48, из дач в Царском Селе и Петергофе и из двух дач в Крыму, близ Ялты, под именем: Бьюк-Сарай и Кучук-Сарай. Если Богу угодно будет даровать нам еще другого сына, то дачи сии должны быть разделены между ними, но дом в Петербурге остается принадлежностью старшего.

Жене моей принадлежит капитал, который внесен, пока брак наш не будет объявлен официально, на мое имя в госуд[арственный] банк, причем я дал ей свидетельство, что капитал этот принадлежит ей. При ее жизни она может располагать им по ее усмотрению, а в случае ее смерти он должен быть разделен поровну, между всеми нашими детьми, оставаясь в госуд[арственном] банке, и приращаться процентами и теми взносами, которыми мне можно будет его увеличить. До совершеннолетия детей или замужества дочери опека вправе употреблять из процентов то, что потребуется на их содержание. Но и после их совершеннолетия или замужества дочерей они могут пользоваться только одними процентами, не касаясь разделенного между ними капитала, который должен оставаться в банке, разве только для покупки действительно прибыльного имения.

Все вещи, подаренные мне женою, должны быть после моей смерти возвращены ей. Желаю, чтобы в таком случае ей предоставлено было пользоваться комнатами, для нее и для детей, отделанными в Зимнем дворце, разве она сама пожелает переехать в свой дом. Во всяком случае, все вещи, в них находящиеся, должны считаться ее собственностью. Брильянтовые ее вещи в случае ее смерти должны быть поровну разделены между всеми детьми и считаться фидейкомиссом. Вот последние мои желания, которые, я уверен, будут приведены тобою добросовестно в исполнение. Да благословит тебя за это Бог!

Не забывай и молись за упокоение души тебя столь искренно и нежно любящего Па.

Александр.

7. Высочайшим указом Сенату 6 августа 1880 г. Верховная распорядительная комиссия и знаменитое III отделение Собств.

- Е. И. В. канцелярии были упразднены, а дела их переданы в Министерство внутренних дел. Тем же указом Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел.
8. Великий князь Александр Александрович, наследник престола.
 9. В самом начале деятельности Верховной распорядительной комиссии главный начальник ее Лорис-Меликов предложил, в целях борьбы с «крамолой»: 1) объединение действий судебных и административных органов, 2) ускорение производства дознаний и дел о государственных преступлениях, 3) изменение системы определения политической неблагонадежности и др. Указами 3 и 4 марта 1880 г. главному начальнику Верховной распорядительной комиссии были временно подчинены III отделение и корпус жандармов.
 10. «Ливадия» — царская яхта особой конструкции, придуманной ближайшим сотрудником генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича А. А. Поповым, построившим ряд военных судов для береговой обороны весьма неудовлетворительных мореходных качеств. Эти суда были иронически прозваны «поповками».
 11. 11 августа 1880 г. Лорис-Меликов вошел с всеподданнейшим докладом о назначении сенаторских ревизий в нескольких губерниях. «Ревизии эти, — говорилось в докладе, — были бы крайне полезны не только для ведомства Министерства внутренних дел, но, без сомнения, и для других ведомств, которые могли бы также дополнить этим путем сведения свои по многим весьма важным предметам». Александр II утвердил доклад, согласно которому сенаторами-ревизорами были назначены: Ковалевский, Мордвинов, Половцов, Шамшин. Для них была выработана инструкция о расследовании ряда вопросов по министерствам внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, народного просвещения и путей сообщений.
 12. 9 декабря (26 ноября) 1769 г. Екатериной II был учрежден орден Св. Великомученика Победоносца и Чудотворца Георгия. С тех пор этот день праздновался как день кавалеров георгиевского ордена. Восстановлен в 2007 г.
 13. Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.
 14. Лорис-Меликов 28 января 1881 г. представил Александру II всеподданнейшую записку, в которой он, высказавшись против введения в России народного представительства по западноевропейскому образцу, предлагал организовать для завершения реформ и стоящих на очереди вопросов в центральных управлениях временные подготовительные комиссии по образцу редакционных комиссий 1859 г., с тем чтобы работы комиссий были подвергаемы рассмотрению в Общей комиссии с участием представителей земства и городов. Проект Лорис-Меликова, после рассмотрения его особым сове-

- щением (Валуев, наследник, вел. кн. Константин Николаевич, Урусов, Абаза и др.), был утвержден царем. 1 марта утром Александр II утвердил проект правительственного сообщения о созыве Общей комиссии, приказав обсудить этот проект, до напечатания, 4 марта в Совете министров.
15. Победоносцев и Баранов играли очень большую роль в создании Добровольного флота. См. об этом многочисленные подробности в: *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева к Александру III / предисл. М. Н. Покровского; Центрархив. Т. 1–2. М.: Новая Москва, 1925–1926. Т. 1.
 16. Так в подлиннике.
 17. Об отношении Победоносцева к Лорис-Меликову см.: *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 315–316 и др.
 18. Пересказ записи Е. А. Перетца от 8 марта 1881 г. был напечатан в «Былом» (1906, кн. 1) под неправильным заголовком «Заседание Государственного совета 8 марта 1881 г. (из дневника одного государственного деятеля)».
 19. *États généraux (фр.)* — Генеральные штаты, высшее сословно-представительное учреждение Франции в 1302–1789 гг. Не собирались с 1614 по 1789 г. Были собраны Людовиком XVI в условиях острого кризиса в стране 5 мая 1789 г.
 20. «Процесс ста девяноста трех» — судебное дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в Особом присутствии Правительствующего сената с 18 (30) октября 1877 по 23 января (4 февраля) 1878 года. К суду были привлечены участники «хождения в народ», которые были арестованы за революционную пропаганду с 1873 по 1877 г.
 21. Мраморный дворец в 1832 г. был отдан на жительство вел. кн. Константину Николаевичу, а в 1849 г. Николай I приказал именовать этот дворец Константиновским, как здание, предоставленное в потомственное владение великому князю.
 22. Подчищенное, подскобленное место.
 23. 21 апреля 1881 г. в Гатчине прошло заседание Комитета министров под председательством Александра III. Лорис-Меликов, Милютин и Абаза говорили о введении представительного начала в России. Вел. кн. Владимир Александрович упорно возражал. Александр III писал в этот день Победоносцеву: «Мой брат Владимир правильно смотрит на вещи и совершенно, как я, не допускает выборного начала». Победоносцев отвечал Александру III, что нужно «обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия». Это заявление Александр III и сделал в манифесте 29 апреля 1881 г.
 24. Штунда — христианское движение протестантской направленности, близкое к баптизму.
 25. 29 апреля 1881 г. был опубликован манифест, составленный Победоносцевым втайне от Лорис-Меликова и других мини-

- стров. В этом манифесте Александр III заявлял о своей вере в «силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений». См.: *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 331–333.
26. Так в подлиннике.
 27. 15 апреля 1881 г. в Елисаветграде произошел еврейский погром, который охватил семь южных губерний и продолжался около трех недель.
 28. Речь идет о старшем сыне вел. кн. Константина Николаевича, Николае Константиновиче, о котором сохранилось мало сведений. В 1870-х гг. он был, по слухам, уличен в краже бриллиантов с какой-то иконы своей матери, после чего был признан сумасшедшим и над ним назначили опеку. Он жил под надзором особо приставленных к нему лиц в Крыму, Оренбурге и Ташкенте. О краже его см. статью «Благодушное правительство и его лакеи» в Лавровском сборнике «Вперед» (1874. Т. III. С. 91–95); см. также «Красный архив» (Т. III. С. 89, 323).
 29. В 1862–1863 гг. вел. кн. Константин Николаевич был наместником Царства Польского, где он неудачно пытался вести примирительную политику, одинаково не удовлетворявшую ни поляков (представитель левого течения польской общественности Ярошинский неудачно стрелял в него), ни русских реакционеров.
 30. То есть он не владел этой секретной информацией.
 31. Ливен и Крыжановский.
 32. Так в подлиннике.
 33. *Fleur d'orange* (*фр.*), дословно — цветок апельсина. Здесь — настойка из цветов померанцевого дерева, так называемая померанцевая вода.
 34. 12 января 1882 г., на праздновании годовщины взятия Геок-Тепе, М. Д. Скобелев произнес речь с протестом против угнетения зарубежного славянства, имевшую резкую политическую окраску и вызвавшую сильное раздражение в Германии и Австрии. Когда Скобелев вскоре после этой речи прибыл в Париж, проживавшие там студенты-сербы поднесли ему благодарственный адрес, на который он отвечал новой речью, краткой, но весьма задорного антинемецкого характера. Речь эта вызвала вновь шум в заграничной прессе, и русское правительство вынуждено было вызвать Скобелева в Россию до окончания срока его отпуска.
 35. В то время величина в 60 млн руб. составляла около 9% государственного бюджета.
 36. Так в подлиннике.
 37. См.: *Дневник Е. А. Перетца (1880–1883)*. М.-Л.: Гос. изд., 1927. С. III–X.

38. Николай Абрамович Перетц, брат Е. А. Перетца, был не директором Технологического института, а инспектором классов в 1851–57 годах. В современной терминологии — заместитель директора по учебным вопросам.
39. *Валуев П. А. Дневник 1877–1884 / ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского, П. Е. Щеголева. Пг.: Былое, 1919; Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III. М.: Новая Москва, 1925. Опубликованные в наше время дневники великого князя Константина Николаевича относятся к более раннему периоду. См.: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861; Дневник великого князя Константина Николаевича, 1858–1861. М.: Терра, 1993.*
40. Период бонапартистской диктатуры Наполеона III, с 1852 по 1870 г.
41. При подготовке этого издания удалось найти еще одну часть дневника, начинающуюся с января 1880 года.
42. Фраза, обычно приписываемая П. А. Столыпину. На самом деле в своем первом думском выступлении 8 июня 1906 г. Столыпин говорил лишь о «порядке, необходимом для развития самых широких реформ». С этого времени формула «Сначала порядок, потом реформы» начинает применяться в либеральной печати для характеристики программы правительства, напр.: «Содержание ее [программы Столыпина] сводится вкратце к следующему: сперва должен быть восстановлен порядок, а затем даны будут реформы» («Новая» декларация // Речь. 1906. 12 июля). В декларациях правительства часто повторялось слово «успокоение», которое постепенно заняло в этой формуле место «порядка».
43. Это утверждение Преснякова достаточно спорно.
44. Из письма И. С. Аксакова И. С. Тургеневу от 26 октября 1859 г.
45. Имеется в виду издание: *Победоносцев К. П. Письма Победоносцева к Александру III.*
46. Печатается по: *Берманьский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Кн. 9. Ноябрь. С. 225–233.*
47. По-видимому, Валуев датирует начало волнений в Польше с манифестации, прошедшей 15 февраля 1861 г., во время которой при столкновении войск с толпой были убиты пятеро человек. Восстание в Польше началось 10 января 1863 г. и продолжалось до 19 апреля 1864 г.
48. Речь идет об Александре Платоновиче Платонове (1806–1894), который предложил установить общее народное представительство «посредством соединения в одну Государственную земскую думу выборных людей от всех частей Государства». См.: *Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 41.*

49. То есть «на тот случай».
50. Печатается по: Берманский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Кн. 9. Ноябрь. С. 233–235.
51. Категория дееспособности (*фр.*) Возможно, бюрократ Валуев иронизирует, намекая на то, что только назначенные правительством представители будут дееспособными. Но тем самым он обесценивает свою же идею выборного народного представительства.
52. Этот и следующий документ печатаются по тексту, хранящемуся в: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Архив Корнилова Ф. П. Ф. 379. Ед. хр. 636.
53. Там же.
54. Печатается по тексту, хранящемуся в: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Архив Головнина А. П. Ф. 208. Ед. хр. 275а.
55. Так в подлиннике.
56. Так в подлиннике.
57. Печатается по: Милютин Д. А. Дневник. 1879–1881 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2010.
58. Имеются в виду А. Желябов и М. Тригони.
59. Это мнение Милютина ошибочно.
60. Командование русских войск, стараясь завоевать симпатии местного населения, поручило организацию снабжения армии продовольствием некому торговому товариществу, деятельность которого оказалась неэффективной.
61. Печатается по изданию: Валуев П. А. Дневник 1877–1884 / ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского, П. Е. Щеголева. Пг.: Былое, 1919.
62. Так в подлиннике.
63. Имеется в виду французская газета Le Figaro.
64. От *embarras* (*фр.*) — «смущение».
65. Нет полной уверенности, кто имеется в виду. Можно было бы предположить, что это великий князь Михаил Николаевич, брат Александра II. Вместе с тем, слова «особенно любезен» не очень подходят для великого князя. В воспоминаниях Кони говорится, что Michel 1 — это Лорис-Меликов. Эта версия достоверна.
66. М. Т. Лорис-Меликов.
67. Жена Лота обратилась в соляной столб (Быт. 19:16).
68. По-видимому, имеется в виду, что Маков принимал непосредственное участие в деле воссоединения униатов в Царстве Польском (1875).
69. Речь идет о расследовании злоупотреблений при раздаче земель в Оренбургской и Уфимской губерниях в 1972 году. Валуев, будучи министром государственных имуществ, не был заподозрен в личной корысти, но нес ответственность за деятельность подчиненных.

70. Печатается по изданию: *Кони А. Ф.* Граф М. Т. Лорис-Меликов // *Кони А. Ф. Собр. соч.*: в 8 т. М.: Наука, 1968. Т. 5. С. 184–216.
71. Имеется в виду покушение на Александра II, подготовленное организацией «Народная воля» и осуществленное Степаном Халтуриным. Он устроился во дворец плотником и смог пронести в подвал 30 кг динамита. Взрыв произошел в 18 часов 22 минуты 5 (17) февраля 1880 года.
72. При содействии А. Желябова и С. Перовской в Петербургском университете был создан Центральный кружок студентов социально-революционной партии. По инициативе Центрального кружка на университетском акте 8 февраля 1881 года произошла демонстрация против министра народного просвещения А. А. Сабурова.
73. Николай Саввич Абаза (1837–1901) — российский государственный деятель, был тамбовским вице-губернатором, рязанским и херсонским губернатором.
74. Опубликованное письмо Александра III Лорис-Меликову короткое, оно не могло занимать 4 страницы. Либо это неточность Лорис-Меликова, либо было еще одно письмо, которое до сих пор не найдено.
75. Из стихотворения А. В. Кольцова «Песня» (1839).
76. По-видимому, речь идет о книге: *Кишмишев С. О.* Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. / Соч. Ген.-штаба ген.-майора С. О. Кишмишева. СПб.: Воен. тип., 1884.
77. Николай Андреевич Белоголовый (1834–1895) — врач, общественный деятель, автор мемуаров. См.: *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. М.: Типо-лит. К. Ф. Александрова, 1897. Находился в дружеских отношениях с Лорис-Меликовым.
78. Переделанная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Под небом голубым страны своей родной». У Пушкина было:
«Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я».

Список литературы

- Александр Евгеньевич Пресняков: письма и дневники, 1889–1927. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.
- Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897.
- Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М.: Типо-лит. К. Ф. Александрова, 1897.
- Бердников Л. Острый Перетц // Лехаим. 2008. № 4. См.: <http://www.lechaim.ru/ARCHIV/192/BERDNIKOV.htm>.
- Берлин П. Банкир Перетц // Новый восход. 1913. № 1. Стлб. 45–48.
- Берманьский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник права. 1905. Кн. 9. Ноябрь.
- Брачев В. С. А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб.: Астерион, 2011.
- Валуев П. А. Дневник: 1877–1884 / ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского, П. Е. Щеголева. Пг.: Былое, 1919.
- Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // З. Гиппиус. Живые лица. Воспоминания. Т. 2. Тбилиси: Мерани, 1991.
- Головин К. Мои воспоминания. Т. 2. (1881–1894 гг.). СПб.: Типо-литография т-ва «Свет», 1910.
- Государственная канцелярия 1810–1910 / составлено в Государственной канцелярии. СПб., 1910.
- Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1–2. М.: Наука, 1966.
- Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1883) / предисл. А. Е. Преснякова; подг. А. А. Сергеева. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х годах // Вопросы истории. 2000. № 6.
- Елисеев Н. Л. Будущее прошлого // Пригород. 2016. № 12. См.: http://www.vprigorode.ru/magazine/12_2016/budushchye_proshlogo
- Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М.: МГУ, 1964.
- Из автобиографии Веры Фигнер // Былое. 1917. Октябрь.
- Изгоев А. С. П. А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности // Изгоев А. С. Рожденное в революционной смуте. М.: Дело, 2017.
- Импортированные институты в странах с переходной экономикой. М.: ИЭПП, 2003.

- Итенберг Б. С., Твардовская В. А.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники. М.: Центрполиграф, 2004.
- Каганович Б. С.* А. Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм // *Sahiers du Monde russe*. 2001. No. 42/1.
- Канкрин Е. Ф. // Википедия. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Канкрин,_Егор_Францевич.
- Катков М. Н.* Наша конституция // *Московские ведомости*. 1882. 11 мая.
- Кишмишев С. О.* Война в Турецкой Армении 1877–1878 гг. / Соч. Ген.-штаба ген.-майора С. О. Кишмишева. СПб.: Воен. тип., 1884.
- Кони А. Ф.* Граф М. Т. Лорис-Меликов // *Кони А. Ф. Собр. соч.*: в 8 т. М.: Наука, 1968. Т. 5.
- Милютин Д. А.* Дневник. 1879–1881 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2010.
- Михайловский М. Г.* Государственные секретари. Государственный совет Российской империи. Е. А. Перетц // *Вестник Совета Федерации*. 2008. № 2.
- Переписка Александра III с гр. Лорис-Меликовым (1880–1881 гг.) // Красный архив. 1925. Т. 1 (8).
- Перетц Абрам // *Еврейская энциклопедия*. Т. 12. Репринтное воспроизведение издания Общества для научных еврейских изданий и Издательства Брокгауз-Ефрон. М.: ТЕРРА — TERRA, 1991.
- Перетц В. Н., Перетц Л. Н.* Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Биографический очерк. Документы. Л.: АН СССР, 1926.
- Письма Победоносцева к Александру III / предисл. М. Н. Покровского; Центархив. Т. 1–2. М.: Новая Москва, 1925–1926.
- Попечительное общество о доме трудолюбия для детей-подростков // *Энциклопедия благотворительности*. Санкт-Петербург. См.: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2830272796>.
- Скальковский К. А.* Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890.
- Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1973.
- Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов // *Сперанский М. М. О коренных законах государства*. М.: Эксмо, 2015.
- Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3 т. Т. II. Деятельный век. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Фигнер В. Н.* Софья Перовская (1854–1881) // *Былое*. 1918. № 4–5.
- Шаров А. А.* Из истории отечественной археографии XX века. А. А. Сергеев и А. А. Шилов: новые материалы к научным биографиям ученых // *Родная история*. См.: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/arxeografiya/iz-istorii-otechestvennoie-arxeografii-xx-veka.-a.-a.-sergeev-i-a.-a.-shilov-novie-materiali-k-nauchnim-biografiyam-uchenix.html>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Шолов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2002.

Laferte V. Alexandre II: détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Paris: [Bâle; Genève; Lyon, H. Georg], 1882.

Именной указатель

- Абаза, Александр Аггеевич, член Государственного совета, министр финансов (1880–1881) 36, 46, 47, 106, 108, 110–113, 115, 118, 121–123, 141, 151, 157, 162, 175, 185–186, 190, 195, 197, 199–201, 203, 205–206, 263, 331–332, 341, 346, 359–360, 380, 391, 393, 400–404, 406–409, 416, 420, 423, 427, 429, 431, 435–439, 454, 482–483, 485
- Адлерберг, Александр Владимирович, граф, министр двора и уделов (1870–1881) 18–19, 94, 102, 131–133, 248–251, 417, 427, 434, 480
- Акинфиева, Надежда Сергеевна, жена герцога Николая Максимилиановича Лихтенбергского, князя Романовского; высочайшим указом 30 января 1879 г. ей был дарован титул графини Богарнэ 174
- Аксаков, Иван Сергеевич (1832–1886), публицист-славянофил; издатель газеты «Русь» 361
- Александр I (1777–1825), император всероссийский (1801–1825) 166, 264, 474
- Александр II (1818–1881), император всероссийский (1855–1881) 8–10, 15, 18, 20, 24–25, 27–32, 35, 39–40, 42, 47–48, 54, 247, 351, 358–359, 381, 385, 387, 393–394, 418, 446, 455, 471, 475, 478–480, 482–483, 485–486
- Александр III (1845–1894), император всероссийский (1881–1894) 7, 20, 28, 31–33, 35–37, 39–41, 44, 53, 142, 149, 352, 354–355, 357, 359–362, 377, 385–386, 418, 443, 455, 483–486
- Александра Иосифовна, жена великого князя Константина Николаевича, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская 214, 233, 281, 284
- Александра Федоровна, жена императора Николая I (1778–1860) 243
- Алексей Александрович, великий князь, контр-адмирал Свиты Е. И. В. 223
- Альба, герцог, наместник короля Филиппа II в Нидерландах (1567–1573) 272
- Алышевский, Владимир Ясонович (Иасонович, Иосифович) (1845–1909), действительный статский советник, лейб-медик, доктор медицины; член военно-медицинского ученого комитета 422
- Альбединский, Петр Павлович, генерал-адъютант, варшавский генерал-губернатор 120, 414
- Аракчеев, Алексей Андреевич, граф, фаворит Александра I 264–265, 289, 296, 452

- Арцимович, Виктор Андреевич, сенатор; видный деятель крестьянской реформы 1860-х гг. 119–120, 467
- Ахшарумов, бывший военный прокурор 464
- Бажанов, Василий Борисович, протопресвитер 134, 378
- Баранов, Николай Михайлович, капитан I ранга; генерал-лейтенант; с 1 марта 1881 г. — петербургский градоначальник; один из организаторов Добровольного флота, в создании которого принимал участие Победоносцев 101, 139, 168, 177, 179–182, 186–187, 231–232, 247–248, 331, 396, 435, 439, 483
- Баранов, Эдуард Трофимович, граф, генерал-адъютант, председатель департамента экономики Государственного совета 109–110, 144, 212–213, 216, 226, 228, 231, 233, 264, 282, 324–325, 330, 331, 391, 434, 480
- Баранцев 19
- Баранцов, Александр Алексеевич (1810–1882) — граф, генерал от артиллерии, начальник Главного артиллерийского управления 413–415
- Барятинский, Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе 192
- Баттенберг, Александр (1857–1893), первый князь Болгарии из германской династии Баттенбергов, генерал-лейтенант российской армии 465
- Батюшков, Константин Николаевич (1787–1855), русский поэт 21
- Бахтин, Николай Иванович (1796–1869), государственный секретарь (1843–1853); инициатор идеи уничтожения откупов; член Главного комитета об устройстве сельского состояния 347
- Белоголовый, Николай Андреевич 470, 472, 487
- Берманьский, К. Л. 27
- Бисмарк, Оттон-Эдуард-Леопольд (1815–1898), князь, имперский канцлер Германии 208, 248
- Бирон, Эрнст Иоганн, фаворит русской императрицы Анны Иоанновны, регент Российской империи в октябре-ноябре 1740 г. 452
- Блинов, купец-солепромышленник 116
- Блок, Александр Александрович, русский поэт 10, 37
- Блудов, Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф, председатель департамента законов Государственного совета 326, 328
- Боденштедт, Фридрих, немецкий писатель, переводчик и поэт 470
- Бреверн, Егор Иванович, член Комиссии для составления судебных уставов, член Государственного совета 269
- Бреверн-Делагарди, Мария Александровна, графиня, урожденная Воейкова, бывшая фрейлина великой княгини Александры Иосифовны 246
- Брун, Федор Антонович, министр статс-секретарь Великого княжества Финляндского 250, 492
- Бунге, Николай Христианович (1823–1895), экономист; с мая 1881 г. по 1886 г. министр финансов 20, 46, 106, 211, 213, 300, 305, 307, 310, 411, 439

- Бутков, Владимир Петрович, государственный секретарь (1853–1865); виднейший участник судебной реформы 1860-х гг. 274, 280, 347
- Валуев, Петр Александрович (1814–1890), граф, председатель Комитета министров 26–28, 30–31, 33–34, 46, 49, 53–54, 58–59, 63, 65–66, 70, 72, 74–76, 95, 105, 128–130, 132, 135, 138–140, 144–145, 147, 149, 165, 167, 186–187, 193–195, 200, 206, 234, 251–252, 257–258, 284, 352–355, 358, 363, 373, 380, 389–392, 400–401, 419, 444, 477, 483, 485–486
- Ванновский, Петр Семенович (1822–1904), генерал, военный министр (1881–1898) и министр народного просвещения (1901–1902) Российской империи 215, 300, 414–415, 418
- Велепольский, Александр, граф, маркиз Гонзаго-Мышковский (1803–1877), начальник гражданского управления Царства Польского 241
- Велио, Иван Осипович, барон, директор Департамента полиции 331, 333–334, 424
- Вельяминов, Алексей Александрович (1785–1838), генерал-лейтенант, командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области (1831–1838) 452
- Вильгельм (1797–1887), король прусский, германский император 150, 248, 455
- Витте, Сергей Юльевич (1849–1915), граф (1905), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–06), председатель Совета министров (1905–1906) 47
- Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1837–1916), граф, заведующий охраной Александра III; министр двора и уделов (1881–1897) 192, 200, 248, 281
- Владимир Александрович, великий князь, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа 143, 166, 168, 183, 195, 199, 268, 360, 380, 395, 400, 403, 406, 483
- Вяземский, Петр Андреевич (1792–1878), русский поэт, литературный критик, публицист, государственный деятель 21
- Галаган, Григорий Павлович, прилуцкий уездный предводитель дворянства, учредитель коллегии имени Павла Галагана в Киеве 276–279, 281, 284, 291
- Гамбетта, Леон-Мишель (1838–1882), французский политический деятель, республиканец, президент палаты депутатов, чьи противники доказывали, что он добивается изменения выборной системы, чтобы стать диктатором 155
- Гедесонов, Иван Михайлович (1816–1907), генерал-лейтенант, помощник главного попечителя Человеколюбивого общества (1876–1887) 273
- Гейден, Петр Александрович (1840–1907), граф, тайный советник (1890), видный российский судебный общественный и политический деятель, член I Государственной думы 19, 410, 413, 417
- Гельфман, Геся Мировна, член партии «Народная воля», принимала участие в подготовке цареубийства 1 марта 1881 г. 182, 397, 399

- Генкель фон Доннерсмарк, бывший губернатор Меца 470
- Георгиевский, Александр Иванович (1830–1911), редактор журнала Министерства народного просвещения (1866–1881), член Совета министра народного просвещения 303
- Геродот Галикарнасский, древнегреческий историк 7, 36
- Гильденштуббе, Александр Иванович, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета 313
- Гиппиус, Зинаида Николаевна, русская поэтесса и писательница, одна из видных представительниц Серебряного века 44
- Гирс, Николай Карлович, товарищ министра (с 1882 г. министр) иностранных дел 143–144, 234, 263, 404, 409–410, 416, 418, 465
- Гнедич, Николай Иванович, русский поэт, наиболее известен как переводчик на русский язык «Илиады» Гомера 21
- Гойнинген-Гюне, Александр Федорович, барон 121
- Голицын, Николай Владимирович, князь (1874–1942) 29
- Головин, Константин Федорович, русский беллетрист и общественный деятель, публицист, драматург 41
- Головин, Александр Васильевич, руководитель «Морского сборника», министр народного просвещения (1861–1866); член Государственного совета 63, 111, 119, 122, 125, 174, 176, 213, 224–226, 235–240, 242–244, 246, 268, 281, 319, 325–326, 420, 467, 471, 486
- Голубев, Иван Яковлевич, обер-прокурор кассационного департамента Сената 340, 493
- Горчаков, Александр Михайлович, светлейший князь, министр иностранных дел (1856–1882) 128–129, 234, 240, 419
- Готовцев, Дмитрий Валерианович, товарищ министра внутренних дел, сенатор 292, 305
- Градовский, Александр Дмитриевич (1841–1889), русский профессор права и публицист 446, 469
- Гревениц, Софья Александровна, жена Е. А. Перетца 16
- Грейг, Самуил Алексеевич (1827–1887), генерал-адъютант, министр финансов (1878–1880) 75, 103, 105–106, 115, 119, 123, 207, 213, 310, 423
- Грибоедов, Александр Сергеевич (1795–1829), русский дипломат, поэт, драматург, пианист и композитор; статский советник 9, 21
- Гриневицкий, Игнатий Иоахимович, член партии «Народная воля», участник цареубийства 1 марта 1881 г. 10
- Грот, Константин Карлович, статс-секретарь, член Государственного совета, с 1882 г. главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по учреждениям императрицы Марии 110, 118, 125, 202, 249–250, 269, 285, 312, 314–315, 447, 457
- Гуляев, Эраст Евгеньевич, адъютант великого князя Константина Константиновича 235–236
- Гурко, Иосиф Владимирович, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1879–1880 гг. петербургский временный генерал-губернатор; в январе 1882 г. назначен временным одесским генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа 256, 453

Гюне, см. *Гойнинген-Гюне*.

Делянов, Иван Давыдович, член Государственного совета, в 1861–1882 гг. директор Публичной библиотеки в Петербурге, в 1882–1897 гг. министр народного просвещения 103, 129, 192, 269, 272, 301–303, 317, 338, 452

Де Сомбр, Каролина (1790–1853), вторая жена Абрама Перетца 12
Дрентельн, Александр Романович, генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (1878–1880); в 1881 г. был назначен командующим войсками Киевского военного округа 58–59, 66–67, 74, 76, 172, 415, 421

Долгорукова, Екатерина Михайловна, светлейшая княгиня Юрьевская, с которой Александр II обвенчался 6 июля 1880 г. 102, 127, 133, 135, 387, 480

Долгоруков, Владимир Андреевич, князь, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор 120–121, 421, 456

Долгоруков, Сергей Алексеевич, князь, помощник управляющего Канцелярией Е. И. В. по принятию прошений 286–287, 301, 303

Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович (1820–1893), князь, начал службу на Кавказе; член Государственного совета; с 1880 г. временный харьковский генерал-губернатор; в 1882–1890 гг. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа 297

Духинов, петербургский торговец 108

Евгения Максимилиановна, жена принца Петра Александровича Ольденбургского

Евреинов, Григорий Александрович, обер-прокурор 1-го департамента Сената и товарищ министра путей сообщения 342

Желеховский, Владислав Антонович, товарищ обер-прокурора уголовного департамента Сената, позже сенатор по тому же департаменту 171

Желябов, Андрей Иванович, член Исполнительного комитета «Народной воли», организатор цареубийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1881 г. 8, 130, 182, 397–398, 486–487

Жомини, Александр Генрихович, барон, статс-секретарь, товарищ министра иностранных дел 143

Жуковский, Василий Андреевич, поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии 21

Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович, член Государственного совета, автор обширного труда «Граф П. Д. Киселев и его время» 125, 126, 254

Зайончковский Петр Андреевич, советский историк, источниковед, археограф и библиограф 27–28, 41, 51, 53

Замятнин, Дмитрий Николаевич (1805–1881), министр юстиции в 1862–1867 гг., видный деятель судебной реформы 1860-х гг.; член Государственного совета 115, 272

Засулич, Вера Ивановна, 12 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Тrepова, приказавше-

- го наказать розгами А. П. Боголюбова (Емельянова), осужденного на 15 лет каторжных работ за участие в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. Судом присяжных была оправдана. В 1883 г. вступила в группу «Освобождение труда» 172–173
- Зуров, Александр Елпидифорович, генерал от кавалерии, гродненский губернатор (1868–1870) и петербургский градоначальник (1878–1880) 453
- Игнатъев, Николай Павлович, граф (1832–1908), с 25 марта 1881 г. министр государственных имуществ, с мая 1881 г. по май 1882 г. министр внутренних дел 41, 128, 180, 185–186, 190–191, 195, 201, 203–205, 207, 209, 211–217, 219–220, 222–223, 231, 234, 248, 254–259, 267, 268, 270, 277–279, 281, 285–305, 307–310, 315–319, 321, 323, 361–362, 395, 398, 400, 402, 407–409, 412, 419, 437–439, 456
- Исаков, Николай Васильевич, генерал от инфантерии (1878), главный начальник военно-учебных заведений России (1863–1881) 413, 415
- Итенберг Борис Самуилович, (1921–2016) — советский и российский историк; доктор исторических наук, профессор 29
- Канкрин, Егор Францевич (Георг Людвиг) (1774–1845) — русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения 11–12
- Каншина 186
- Капнист, Павел Алексеевич, граф, попечитель Московского учебного округа 302
- Каракозов, Дмитрий Владимирович, неудачно покушался на Александра II 4 апреля 1866 г. 150, 170–171
- Катков, Михаил Никифорович (1818–1887), редактор реакционных «Московских ведомостей» в 1851–1856 и 1863–1887 гг., издатель «Русского вестника» (с 1856 г.) 41, 198, 205, 284–290, 292, 294, 297, 301, 303, 318, 406, 409, 439, 470
- Кауфман 413, 415
- Каханов, Михаил Семенович, управляющий делами Комитета министров (1872–1880), с августа 1880 г. товарищ министра внутренних дел, с 12 апреля 1881 г. член Государственного совета 63, 140, 187–189, 254, 258, 360, 450
- Кессель (в тексте Кестнер, Кеслер), Константин Иванович, товарищ прокурора Петербургского окружного суда 172
- Кибальчич, Николай Иванович, член Исполнительного комитета «Народной воли», участник царевубийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1881 г. 172
- Киреев, Александр Алексеевич, бывший адъютант великого князя Константина Николаевича; славянофил, много писал по вопросу о папстве и взаимоотношениях церковью 191
- Киселев, Павел Дмитриевич, граф, министр государственных имуществ (1837–1856) 125–126
- Кистер, Карл Карлович, барон, управляющий контролем и кассой Императорского двора 18–19, 188, 248

- Клейнмихель, Мария Эдуардовна, графиня 316, 320
- Ковалевский, Михаил Евграфович, сенатор, ревизовал в 1880 г. Уфимскую и Оренбургскую губернии по делу о расхищении башкирских земель; в 1881 г. был назначен членом Государственного совета и заседал по департаменту законов 234, 259, 269, 331–332
- Кондоиди, Г. В., тамбовский губернский предводитель дворянства 106
- Кони, Анатолий Федорович, председатель петербургского окружного суда; с 1891 г. сенатор уголовного кассационного департамента; видный судебный и общественный деятель 53, 173, 486–487
- Константин Николаевич, великий князь, генерал-адмирал, управляющий Морским министерством, с 1865 г. председатель Государственного совета; 13 июля 1881 г. уволен от всех должностей в отставку 19–20, 36, 58, 63, 71, 75, 131, 143, 165, 168, 178, 183–184, 186–187, 195, 200, 206, 211, 228, 230–231, 240–241, 243, 267, 298, 314, 319, 354, 380, 412, 439, 474, 476, 484
- Корнилов, Федор Петрович (1809–1895), член Государственного совета 274–275, 375–376, 486
- Корф, Модест Андреевич (1800–1872), граф, был государственным секретарем в 1834–1843 гг.; в 1849–1861 гг. директор петербургской Публичной библиотеки; в 1864 г. был назначен председателем департамента законов Государственного совета 347
- Коцебу, Павел Евстафьевич, граф, бывший одесский и варшавский генерал-губернатор 257
- Кочубей, Виктор Павлович, князь (1768–1834), в 1827 г. был назначен председателем Государственного совета и Комитета министров 276, 326
- Краббе, Николай Карлович (1814–1876), адмирал, управляющий Морским министерством в 1860–1874 гг. 180, 281, 283
- Краевский, Андрей Александрович, издатель умеренно-либеральной газеты «Голос», бывший издатель «Отечественных записок» и «Санкт-Петербургских ведомостей» 280
- Краевский, Евгений Андреевич, работал в основанной его отцом газете «Голос», где вел иностранный отдел и иногда писал воскресные фельетоны 279–280
- Краузе, М. 21
- Крыжановский, Николай Андреевич, генерал-адъютант, оренбургский генерал-губернатор с 1865 г. по 30 марта 1881 г., когда был уволен без прошения после сенаторской ревизии, вскрывшей обстоятельства происходившего при нем расхищения башкирских земель в Уфимской и Оренбургской губерниях 484
- Крылов, Иван Андреевич, русский публицист, поэт, баснописец, издатель сатирико-просветительских журналов 21
- Ксенофонт Яковлевич Никольский, протоиерей Большого собора Зимнего дворца 480
- Кузнецова, Анна Васильевна, балерина, с которой состоял в связи великий князь Константин Николаевич 243, 320

- Кутайсов, Иван Павлович (1799–1834), граф (1799), камердинер и любимец Павла I 11
- Ламанский, Евгений Иванович, крупный знаток финансовых вопросов, управляющий Государственным банком в 1866–1881 гг. 219
- Леон Рено, префект Парижа при Тьере 470
- Леонтьев, Константин Николаевич (1831–1891), мыслитель религиозно-консервативного направления, писатель, публицист 44
- Ливен (1839–1913), Андрей Александрович, светлейший князь, управляющий Министерством государственных имуществ 75, 115, 144, 164–165, 180–181, 186–187, 252, 284, 380, 394, 414, 433–434, 453, 484
- Литке, Федор Петрович (1797–1882), адмирал, президент Академии наук, воспитатель великого князя Константина Николаевича, основатель Географического общества 16, 175, 191
- Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, князь (1824–1896), дипломат, действительный тайный советник; генеалог 15
- Лопухин, Петр Васильевич (1753–1827), был при Александре I министром юстиции (1803–1810), председатель Государственного совета и Комитета министров 326
- Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, граф, генерал-адъютант, главный начальник Верховной распорядительной комиссии (14 февраля — 6 августа 1880 г.), министр внутренних дел (6 августа 1880 г. — 29 апреля 1881 г.) 8, 29, 30–37, 41, 47, 49, 53, 97, 102–103, 106, 108–109, 113–114, 117, 125, 130–132, 143–147, 151, 153–154, 162–163, 165–168, 190, 195–196, 198, 254, 267, 296, 310–311, 317, 321, 334, 338, 346, 354, 356–361, 380, 390–392, 395–396, 400–401, 405–411, 416–417, 421–431, 434–439, 442–451, 461, 465, 471–472, 482–483, 486–487
- Лорис-Меликова, жена М. Т. Лорис-Меликова 193, 429
- Любимов, Николай Алексеевич, профессор физики в Московском университете; сотрудник реакционных «Русского вестника» и «Московских ведомостей» 301–303
- Любошинский, Марк Николаевич, участник работ по составлению судебных уставов 1860-х гг., с 1881 г. член Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел 63, 117, 120, 126, 127, 213, 322, 331, 332
- Людовик XVI (1754–1793), король Франции (1774–1792) 35, 483
- Малевич, конвойный казак, убитый при покушении на Александра II 1 марта 1880 г. 141
- Маков, Лев Саввич, статс-секретарь, министр внутренних дел (1878–1880); при назначении Лорис-Меликова министром внутренних дел был назначен министром почт и телеграфов; сделал карьеру под покровительством П. А. Валуева 59, 66–68, 72, 74–75, 95, 97, 110, 119, 128–129, 144, 151–152, 167, 171, 175–177, 380, 393–394, 421, 423, 432, 434, 486
- Мальцев, Сергей Иванович (1810–1893), генерал-майор, крупный помещик-заводчик Калужской губернии 119

- Мансуров, Николай Павлович, статс-секретарь, управляющий делами Совета министров 143–144, 335, 424, 439–440
- Манассеин, Николай Авксентьевич (1834–1895), директор департамента Министерства юстиции, в 1880 г. был назначен сенатором, в 1885–1894 гг. министр юстиции 285
- Мария Александровна (1824–1880), российская императрица, супруга Александра II, умерла 22 мая 1880 г. 22, 136, 273, 421, 479
- Мария Федоровна (1847–1928), российская императрица, супруга Александра III 303, 312, 315, 351
- Марков, Павел Алексеевич, товарищ главноуправляющего учреждениями императрицы Марии, с 1883 г. товарищ министра юстиции 337–338, 340–341
- Маркус, Владимир Михайлович, статс-секретарь, сенатор 282
- Мезенцов, Николай Владимирович, генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (1876–1878 г.); убит 4 августа 1878 г. Кравчинским 96
- Меликов, Леван Иванович (1817–1892), генерал-адъютант, помощник главнокомандующего войсками на Кавказе в 1880–1882 гг. 313
- Меншиков Александр Данилович, сподвижник и фаворит Петра I 452
- Мережковский, Дмитрий Сергеевич, русский писатель, поэт, литературный критик, переводчик 44
- Мещерская, Мария Михайловна, княгиня, урожденная княжна Долгорукова (1850–1907); в первом браке за князем Э. Н. Мещерским (убит на войне 1877 г.), во втором — за графом Г. Г. Бергом 102
- Милюков, Павел Николаевич, историк, с 1905 г. лидер Конституционно-демократической партии 9
- Милютин, Дмитрий Алексеевич, граф, генерал-адъютант, военный министр (1861–1881) 24, 34, 37, 49, 53, 102, 125, 126, 138, 144, 149, 150, 187, 190, 202, 206, 209, 215, 238, 380, 387, 437, 439, 443, 453, 456, 486
- Михайлов, Тимофей Михайлович, член партии «Народная воля», участник цареубийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1881 г. 181, 397, 399
- Михаил Николаевич, великий князь, наместник на Кавказе, в 1881–1905 гг. председатель Государственного совета 38, 105, 134, 140, 143, 166, 190–191, 226–227, 238, 243–244, 252, 260–261, 264, 266–271, 281–282, 294, 296, 311, 314, 317–319, 324–325, 327, 329–330, 334, 379, 388, 391, 395, 410–411, 431, 433, 474
- Михаил Павлович, великий князь 210
- Мицкевич, Адам Бернард, польский поэт, публицист, деятель польского национального движения 21
- Мордвинов, Семен Александрович, сенатор 482
- Муравьев, Михаил Николаевич (1796–1866), граф, министр государственных имуществ (1857–1862), усмиритель польского восстания 1863 г.; в апреле 1866 г. был назначен председателем верховной комиссии по делу Каракозова 138, 174–175

- Муравьев, Николай Валерианович, в 1881 г. исполнял обязанности прокурора при особом присутствии Сената по делу о цареубийстве 1 марта; в 1894 г. был назначен министром юстиции 182
- Набоков, Дмитрий Николаевич (1827–1904), министр юстиции (1878–1885), член Государственного совета 119, 144, 163, 182, 195, 205, 223, 285, 322, 338, 342–343, 380, 390–391, 402, 405, 407, 427, 429, 437–438
- Нелидова, Елена Николаевна, урожденная Анненкова; в Петербурге при Александре II вела салон 421
- Нессельроде, Дмитрий Карлович, дипломат 316
- Николаи, Александр Павлович, барон, член Государственного совета; 24 марта 1881 г. был назначен министром народного просвещения 180–181, 195–196, 223, 270, 285, 301–303, 322, 325–327, 330, 332, 400, 402, 407, 437
- Николай Александрович, великий князь, цесаревич, старший сын Александра II, умер в 1865 г. 168, 378
- Николай Константинович, великий князь, был объявлен сумасшедшим, жил под особой опекой в Крыму, в Оренбурге, в Ташкенте 183, 240, 484
- Николай Максимилианович, герцог Лихтенбергский, князь Романовский (1843–1890), генерал от кавалерии, один из учредителей Общества добровольного флота 174
- Николай Николаевич-старший (1821–1891), великий князь, член Государственного совета, генерал-фельдмаршал 143
- Николай I (1796–1855), император всероссийский (1825–1855) 126, 210, 223, 225, 239–240, 247, 274, 278, 297, 354, 362, 483
- Николай II (1868–1918), император всероссийский (1894–1917) 24, 44, 168, 378
- Непокойчицкий, Артур Адамович (1813–1881), генерал, участник Кавказских походов, Крымской войны и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 15
- Обручев, Николай Николаевич, генерал от инфантерии, профессор академии Генерального штаба, в 1881 г. был назначен начальником Главного штаба 215
- Оленин, Алексей Николаевич (1763–1843), президент Академии художеств и первый директор Публичной библиотеки 21
- Ольга Николаевна, великая княгиня, королева Вюртембергская 136
- Ольга Федоровна, жена великого князя Михаила Николаевича 261–263, 270, 273
- Ольденбургский, принц, см. *Петр Георгиевич*.
- Орлов, Алексей Федорович, князь, в 1856 г. был назначен председателем Государственного совета и Комитета министров; в 1857 г. ему было поручено председательствовать, в отсутствие императора, в Комитете по крестьянскому делу; к освобождению крестьян относился враждебно 137, 274
- Островский, Александр Николаевич (1823–1886), русский драматург 284, 293

- Островский, Михаил Николаевич, с 1878 г. член Государственного совета, присутствующий в департаменте государственной экономики; в 1881–1893 гг. министр государственных имуществ 190, 201, 203–204, 207, 257, 270, 297, 317, 320, 409, 412, 439
- Павел Александрович, великий князь (1860–1919) 317–318
- Пален, Константин Иванович, граф, в 1867–1878 гг. министр юстиции 119, 138, 172–173, 420
- Перетц, Абрам Израилевич (1771–1833), отец Е. А. Перетца, был известным общественным деятелем, откупщиком, подрядчиком и поставщиком армии и флота 10
- Перетц, Сара, первая жена Абрама Израилевича 10–11
- Перетц, Григорий 11
- Перовская, Софья Львовна (1853–1881), член Исполнительного комитета «Народной воли», принимала руководящее участие в покушении 1 марта 1880 г.; казнена 3 апреля 1881 г. 182, 397
- Петр Георгиевич, принц Ольденбургский, генерал-адъютант, попечитель училища правоведения, главноуправляющий IV отделением Собственной Е. И. В. канцелярии; в 1842 г. был назначен председателем департамента гражданских и духовных дел 97, 115, 120, 134, 163–164, 166, 206, 209, 272, 303, 312, 315, 379, 409, 420, 437
- Пешуров, Алексей Алексеевич, вице-адмирал, управляющий Морским министерством (1880–1882) 144, 223
- Платонов, Александр Платонович (1806–1894), царскосельский предводитель дворянства, который предложил ввести широкое народное представительство 368, 369, 485
- Платонов, Сергей Федорович, русский историк 50
- Победоносцев, Константин Петрович (1827–1907), член Государственного совета, обер-прокурор Синода 31–33, 36–37, 39, 41, 44, 101, 125, 129–130, 139, 141–142, 144, 154, 155, 157, 168–169, 175, 181–182, 188, 192, 195–200, 202–209, 211, 231–232, 248, 267, 270, 279–281, 285–286, 292, 297, 301, 303–304, 310, 316–318, 322, 328–329, 344, 352, 359–361, 380, 389, 393, 394–396, 401–405, 407, 409, 412, 420, 424, 426, 431–432, 434–437, 439, 445, 462, 476, 483, 484–485
- Полежаев, петербургский купец 108
- Половцов, Александр Александрович, сенатор, в 1880–1881 гг. ревизовал Киевскую и Черниговскую губернии; с 1883 г. государственный секретарь; с 1892 г. член Государственного совета 20, 38–39, 120, 340–344, 346–348, 362, 482
- Потапов, Александр Львович (1818–1886), генерал-адъютант, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии в 1874–1876 гг. 314
- Потёмкин, Григорий Александрович (1739–1791), светлейший князь, создатель Черноморского военного флота и его первый главноначальствующий, генерал-фельдмаршал 10
- Попов, Андрей Александрович (1821–1898), адмирал, виднейший сотрудник великого князя Константина Николаевича; «поповками» называли военные суда его конструкции (в том числе и императорскую яхту «Ливадия»), оказавшиеся очень

- неудовлетворительными по своим мореходным качествам 101, 105–106, 179, 482
- Посыет, Константин Николаевич, генерал-адъютант, адмирал, министр путей сообщения (1874–1888) 22, 144, 162, 380, 393, 433
- Пресняков, Александр Евгеньевич (1870–1929), российский историк 49, 52, 53, 485
- Пушкин, Александр Сергеевич, русский поэт, драматург и прозаик 21
- Пятковский, Александр Яковлевич, редактор-издатель журнала «Наблюдатель», сотрудничал в «Современнике», «Деле» и «Отечественных записках»; с 1872 по 1882 г. издавал с В. А. Евтушевским журнал «Народная школа» 279–280
- Раден, Эдита Федоровна, баронесса, бывшая фрейлина великой княгини Елены Павловны 312
- Рейтерн, Михаил Христофорович, граф, член Государственного совета, в 1862–1878 гг. министр финансов, в 1881–1886 гг. председатель Комитета министров 63, 103–104, 108, 119, 123, 190, 201–202, 213, 258, 274, 282, 295, 297, 309–310, 317
- Рембелинский, Николай Михайлович, статс-секретарь Государственного совета, управляющий отделением дел государственного секретаря 130, 226, 339, 341, 344, 345
- Репин, Илья Ефимович, русский художник 17
- Рихтер, Оттон Борисович, генерал-адъютант, с 1881 г. командующий Императорской главной квартирой 303
- Ротшильд, Натаниэль, сын Лионеля Ротшильда, бывшего в течение 20 лет финансовым агентом русского правительства 305
- Робеспьер, Максимилиан, один из лидеров Великой французской революции 35
- Рылеев, Александр Михайлович, генерал-адъютант, воспитатель детей Александра II и Е. М. Долгоруковой-Юрьевской 95, 480
- Рысаков, Николай Иванович, участник царевбийства 1 марта 1881 г.; казнен 3 апреля 1880 г. 9–10, 181, 397
- Рязанов, Давид Борисович (1870–1938) — деятель российского революционного движения, историк, архивист 51
- Сабуров, Андрей Алекс. (1837–1916), управляющий Министерством народного просвещения (с апреля 1880 г. по март 1881 г.) 128, 144, 163, 180–181, 186, 338, 380, 394, 433, 435, 452, 453, 487
- Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович, русский писатель, журналист, редактор журнала «Отечественные записки», рязанский и тверской вице-губернатор 469
- Самарин, Юрий Федорович (1819–1876), видный славянофил, участник редакционных комиссий 138
- Сверчков, Николай Егорович (1817–1898), батальный и жанровый живописец 103
- Святополк-Мирский, Дмитрий Иванович (1825–1899), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, в 1875 г. был назначен помощником наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича; в 1880 г. назначен членом Государственного совета 102, 256

- Селиверстов, Николай Дмитриевич, товарищ шефа жандармов в 1878 г.; убит эмигрантом Подлевским в 1890 г. в Париже 96
- Семевский, Михаил Иванович (1837–1892), общественный деятель и писатель, издавал с 1870 г. «Русскую старину» 279–280
- Сергеев, Александр Александрович (1886–1935), историк-археолог 49
- Скальковский, Константин Аполлонович, русский горный инженер, автор воспоминаний 11, 443
- Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал-адъютант, генерал от инфантерии 46, 297–298, 300, 305, 484
- Сольская, Мария Александровна, жена Д. М. Сольского 234
- Сольский, Дмитрий Мартынович, государственный контролер (1878–1889), член Государственного совета; бывший государственный секретарь 15–16, 23, 47, 52, 59, 63–64, 77, 94, 97, 101, 109–110, 112–115, 119, 124, 127–129, 132, 135, 140, 144, 159, 162, 170–172, 181, 190–191, 206, 213, 216, 224, 234, 268, 270–271, 273, 275, 277, 280, 282, 287, 298–299, 304, 307–309, 317, 319, 329, 331–332, 335, 342, 347, 359, 380, 394, 420, 427, 429, 433
- Сперанский, Михаил Михайлович, государственный деятель-реформатор эпохи Александра I, после опалы был назначен генерал-губернатором Сибири 7, 326
- Старицкий, Егор Павлович (1825–1899), в 1879 г. был назначен членом Государственного совета; выдающийся судебный деятель эпохи 1860-х гг. 282–233, 322, 330, 332, 334–335
- Стендаль (псевдоним; настоящее имя Бейль, Мари), французский писатель 42
- Столыпин, Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель; министр внутренних дел (1906–1911), премьер-министр (1906–1911) 485
- Стояновский, Николай Иванович (1820–1900), видный участник реформ 1860-х гг., член Государственного совета (с 1875) 269, 331–332
- Строганов, Сергей Григорьевич, граф, главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей 33, 36, 120, 143–144, 146–147, 167, 380, 392–394, 431, 433–434
- Суворов, Александр Аркадьевич, князь, генерал-адъютант, член Государственного совета 297
- Танеев, Сергей Александрович (1821–1889), управляющий I отделением Собственной Е. И. В. канцелярии (с 1866), член Государственного совета (с 1879) 453
- Твардовская, Валентина Александровна, доктор исторических наук, с 1959 г. работает в Институте российской истории РАН 29
- Тенгоборский, Людвиг Валерианович (1793–1857), директор дипломатической канцелярии наместника Царства Польского; с 1848 г. член Государственного совета 242
- Тимашев, Александр Егорович, бывший министр внутренних дел (1868–1878), член Государственного совета 16, 129, 138, 170–171, 201, 325–327, 330, 333, 420

- Толстой, Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, по настоянию Лорис-Меликова в апреле 1880 г. был уволен от должностей министра народного просвещения (1866–1880) и обер-прокурора Синода; министр внутренних дел с 1882 г. (в 1850-х гг. служил в Морском министерстве) 39, 192, 301, 317–321, 323, 326, 328–329, 334–335, 344–347, 362, 445, 452, 476
- Толстой, Лев Николаевич, русский писатель 46
- Толь, Сергей Александрович, граф, помощник статс-секретаря Государственного совета 320
- Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), граф, генерал-адъютант (1855), инженер-генерал (1869), военный инженер 443
- Трепов, Федор Федорович, петербургский градоначальник; 24 января 1878 г. на него было совершено покушение В. И. Засулич 173
- Трубецкой, Сергей Никитич, князь, адъютант великого князя Михаила Николаевича 261
- Тургенев, Иван Сергеевич, русский писатель (1818–1883) 284, 293, 485
- Ульянов, Владимир Ильич (Ленин), российский революционер, крупный теоретик марксизма, советский политический и государственный деятель 45
- Урусов, Сергей Николаевич, князь, статс-секретарь, председатель департамента законов Государственного совета (1872–1882), главноуправляющий II отделением Собственной Е. И. В. канцелярии 15, 27, 58–59, 67, 74–76, 119, 125, 128, 132, 135, 142, 144, 162, 166–167, 250, 252, 267–268, 270, 271, 273–274, 282, 316, 322, 325, 331–333, 337, 391, 394, 400, 420, 427, 429, 433, 437, 483
- Ухтомский, Эспер Алексеевич, адъютант великого князя Константина Николаевича 242
- Фадеев, Ростислав Андреевич, российский военный историк, публицист, генерал-майор 422
- Фигнер, Вера Николаевна, российская революционерка, член Исполнительного комитета «Народной воли», позднее эсерка 9
- Филипп II (1527–1598), король Испании, Неаполя, Сицилии, Нидерландов 272
- Фрахтенштейн, врач Лорис-Меликова 465
- Фриш, Эдуард Васильевич (1833–1907), сенатор, впоследствии председатель Государственного совета 331, 333–334, 337–343
- Фрейтаг, Роберт Карлович (1802–1851), генерал-лейтенант 452
- Фукс, Эдуард Яковлевич, сенатор 182, 397
- Халтурин Степан Николаевич (1856–1882), русский рабочий, революционер, осуществивший террористический акт в Зимнем дворце (1880) 29
- Цвейг Стефан, писатель 7
- Цейтлин, Йеошуа (1742–1821), специалист по Талмуду, крупный купец и управляющий светлейшего князя Г. А. Потёмкина 10
- Черкасский, Владимир Александрович (1824–1878), князь, виднейший деятель крестьянской реформы 1860-х гг. 138, 419
- Чертков, Михаил Иванович, генерал-адъютант, генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа 120

- Числова, Екатерина Гавриловна (1846–1889), балерина 267
- Шамшин, Иван Иванович, член Верховной распорядительной комиссии, один из сенаторов-ревизоров, отправленных для ревизии в некоторые губернии по инициативе Лорис-Меликова 47, 97–99, 194, 258–259, 337–338, 340–341, 482
- Швейниц, Лотарь фон, прусский генерал и дипломат, германский посол при русском дворе с 1876 по 1893 г. 235
- Шернваль-Валлен, Эмилий Карлович, барон, министр-секретарь по делам Финляндии 22, 250
- Шестаков, Иван Алексеевич (1820–1888), в 1855 г. был назначен адъютантом великого князя Константина Николаевича; в 1882 г. назначен управляющим Морским министерством 239, 281–283, 300, 328
- Шмидт, Никита Кондратьевич, начальник III отделения в 1878–1880 гг. 453
- Штиглиц, Николай — брат Людвиг Штиглица, известного придворного банкира, барона, мецената 11
- Шувалов, Петр Андреевич, граф, генерал-адъютант, член Государственного совета, бывший шеф жандармов, бывший посол в Лондоне (1874–1879) 57, 126–127, 138, 178, 192, 208–209, 258–263, 269–271, 278, 291, 297, 317–318, 321–323, 331–332, 346, 395, 412
- Шумахер, Александр Данилович, сенатор 331, 333–334
- Щербатов, Александр Алексеевич, князь, московский городской голова в 1860-х гг. 61, 276
- Щербинин, Михаил Павлович (1807–1881), сенатор, писатель-историк 121
- Эзов 467
- Яблочков, Павел Николаевич (1847–1894), известный русский электротехник, живший в 1875–1876 гг. в Париже 242

Научное издание

ЕГОР АБРАМОВИЧ ПЕРЕТЦ

ДНЕВНИК

(1880–1883)

Под научной редакцией А. А. Белых

Главный редактор В. В. Анашвили
Заведующая редакцией Ю. В. Бандурина
Выпускающий редактор Е. В. Попова
Редактор К. Г. Заманская
Обложка, дизайн и верстка С. Д. Зиновьев

Подписано в печать 03.11.2017. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 31,5. Тираж 1000 экз. Изд. № 399. Заказ №

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru
Интернет-магазин
www.delo.ranepa.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО
РАНХиГС

Москва, пр-т Вернадского, 82

Тел.: (495) 433-25-02

delo@ranepa.ru

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ

ЕГОР ТИМУРОВИЧ ГАЙДАР. Собрание сочинений:
в 15 т. Т. 11-15.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАУ. Государство
и экономика. Опыт экономических реформ.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАУ. Экономика
и власть. Опыт посткоммунистической трансфор-
мации.

*В СЕРИИ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»*

АЛЕКСАНДР ИЗГОВЕВ. Рожденное в революционной
смуте.

АЛЕКСЕЙ ГОЛОВACHEV. История железнодорожного
дела в России.

АЛЕКСАНДР ГЕРШЕНКРОН. Экономическая отсталость
в исторической перспективе.

АЛЕКСАНДР ФУРСЕНКО. Династия Рокфеллеров.
Нефтяные войны (конец XIX — начало XX века).

В СЕРИИ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК»

А. МАС-КОЛЕЛЛ, М. Д. УИНСТОН, ДЖ. Р. ГРИН.
Микроэкономическая теория: в 2 кн.

Жан Тироль. Теория корпоративных финансов:
в 2 кн.

Фумио Хайяши. Эконометрика.

Питер Кеннеди. Путеводитель по эконометрике:
в 2 кн.

Уильям Г. Грин. Эконометрический анализ: в 2 кн.

Морис Обстфельд, Кеннет Рогофф. Основы
международной макроэкономики.

Джеймс Сток, Марк Уотсон. Введение в эконо-
метрику.

Майкл Уикенс. Макроэкономическая теория:
подход динамического общего равновесия.

Карл Уолш. Монетарная теория и монетарная поли-
тика.

Э. Колин Кэмерон, Правин К. Триведи. Микро-
эконометрика: методы и их применения: в 2 кн.

О. Бланшар, С. Фишер. Лекции по макроэкономике.

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ»

Бенуа Петерс. Деррида.

Ховард Айленд, Майкл У. Дженнингс. Вальтер
Беньямин: критическая жизнь.

В СЕРИИ «ОЧЕНЬ КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ»

Кен Бинмор. Теория игр.

Эйн-Я Гура, Майкл Машлер. Экскурс в теорию игр.
Нетипичные математические сюжеты.

Дэвид Дж. Хэнд. Статистика.

Майкл Аллингем. Теория выбора.

Авинаш Диксит. Микроэкономика.

Парта Дасгупта. Экономика.

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

Хайдеггер. «Черные тетради» и Россия. Сборник статей.

Александр Павлов. Бесславные ублюдки, бешеные
псы. Вселенная Квентина Тарантино.

Александр Генис. Конь в кармане: лирическая
культурология.

Борис Парамонов, Иван Толстой. Бедлам как
Вифлеем. Беседы любителей русского слова.

Стив Фуллер. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии.

Ицхак Гильбоа. Как принять наилучшее решение? Теория принятия решений на практике.

Кеннет Померанц. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики.

Пьер Бурдьё. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992).

Нильс Лунинг Прак. Язык архитектуры.

Митчелл Дин. Правительность: власть и правление в современных обществах.

Ян де Фрис. Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйства с 1650 года до наших дней.

Джон Урри. Офшоры.

Стейн Ринген. Народ дьяволов: демократические лидеры и проблема повиновения.

Энтони Гидденс. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?

Ричард Лахман. Что такое историческая социология?

Доминик Перлер. Теории интенциональности в Средние века.

Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI вв.

Малкольм Булл. Анти-Ницше.

Юрген Каубе. Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох.

Рюдигер Сафрански. Ницше: биография его мысли.

Георгий Старостин. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским.

Максим Кронгауз. Слово за слово: о русском языке и не только.

Александр Мещеряков. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения.

Осмысление природы в японской культуре. Сборник статей.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

Майкл Манн. Источники социальной власти: в 4 т.

Квентин Скиннер. Истоки политической мысли

Нового времени: в 2 т.

Ричард Лахман. Государства и власть.

Джон Урри. Что такое будущее?

В СЕРИИ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ УЧЕБНИК»

Стивен Д. Уильямсон. Макроэкономика.

Р. Дэвидсон, Дж. Г. Мак-Киннон. Теория и методы эконометрики.

Дарон Асемоглу. Введение в теорию современного экономического роста.

Стивен Ландсбург. Теория цен и ее применение.

Жерар Дебре. Теория ценности: аксиоматический анализ экономического равновесия.

Чарльз Джонс, Дитрих Воллат. Введение в теорию экономического роста.

В СЕРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ»

Рэй Монк. Людвиг Витгенштейн: долг гения.

Рюдигер Сафрански. Гёте: жизнь как искусство.

В СЕРИИ «МИНИСТРЫ ФИНАНСОВ РОССИИ»

Егор Канкрин. Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство.

ГДЕ КУПИТЬ

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА

www.delo.ranepa.ru

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

Москва

Академия, специализированные магазины деловой книги,
в РАНХиГС, Москва, просп. Вернадского, д. 82,

(499) 270-29-78

Москва, Тверская ул., д. 8, (495) 629-64-83

Библио-Глобус, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1,

(495) 781-19-00

Московский Дом книги, ул. Новый Арбат, д. 8,

(495) 789-35-91

Молодая гвардия, ул. Большая Полянка, д. 28,

(495) 780-33-70

Фаланстер, Малый Гнездниковский пер., д. 12/27, стр. 3

(вход в арке), (495) 629-88-21, (495) 504-47-95,

falenster@mail.ru

Сеть *Читай-город (Новый Книжный)*, (495) 937-85-81,

(499) 177-22-11

Циолковский, Пятницкий пер., д. 8, (495) 951-19-02

БукВышка, университетский книжный магазин

(НИУ ВШЭ), ул. Мясницкая, д. 20, (495) 628-29-60

Гнозис, Турчанинов пер., д. 4, (495) 255-77-57

Фаланстер на Винзаводе, 4-й Сыромятнический пер., д. 1,

стр. 6, (495) 926-30-42

Книжный клуб 36'6, ул. Бакунинская, д. 71, стр. 10,

(495) 926-45-44

Аргумент, Ленинские горы, МГУ, д. 1, сектор «Б»,

(495) 939-42-95

Науку — всем, выставочный зал, Нахимовский проспект,

д. 56, (499) 724-25-45

Дом педагогической книги, ул. Большая Дмитровка, д. 7/5,

стр. 1, (495) 629-54-35

Дом книги на Соколе, Ленинградский просп., д. 78,

(499) 155-38-82

Гоголь books, в «Гоголь-центре», ул. Казакова, д. 8,

(925) 468-02-30

Ходасевич, ул. Покровка, д. 6, (965) 179-34-98

Гиперион, книжный клуб и магазин, Хохловский пер.,
д. 7-9, (916) 613-42-86

Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский Дом книги, Невский проспект, д. 28
(«Дом Зингера»), (812) 448-23-55

Подписные издания, Литейный проспект, д. 57,
(812) 273-50-53

Порядок слов, наб. реки Фонтанки, д. 15, (812) 310-50-36
Все свободны, ул. Мойка, д. 28, (911) 977-40-47

СЕТЕВЫЕ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

в Москве, Санкт-Петербурге и других городах
(о наличии книг в вашем городе можно узнать
на сайте магазина):

«Буквоед» <http://www.bookvoed.ru>

«Книжный Лабиринт» <http://www.labirint-bookstore.ru>

«Новый книжный» <http://www.nk1.ru>

«Читай-город» <http://www.chitai-gorod.ru>

ДОСТАВКА ПО ВСЕМУ МИРУ

Интернет-магазин *OZON.ru*

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ

OZON.ru <http://www.ozon.ru>

Лабиринт <http://www.labirint.ru>

Бэффо! <http://www.boffobooks.ru>

BOOKS.ru <http://www.books.ru>

Бизнес-книга <http://bizbook.ru>

Книга.ru <http://www.kniga.ru>

Read.ru <http://read.ru>

LibroRoom <http://libroroom.ru>

Спринтер <http://www.sprinter.ru>

ISBN: 978-5-7749-1207-0

9 785774 912070